

СВ-902.6
М34

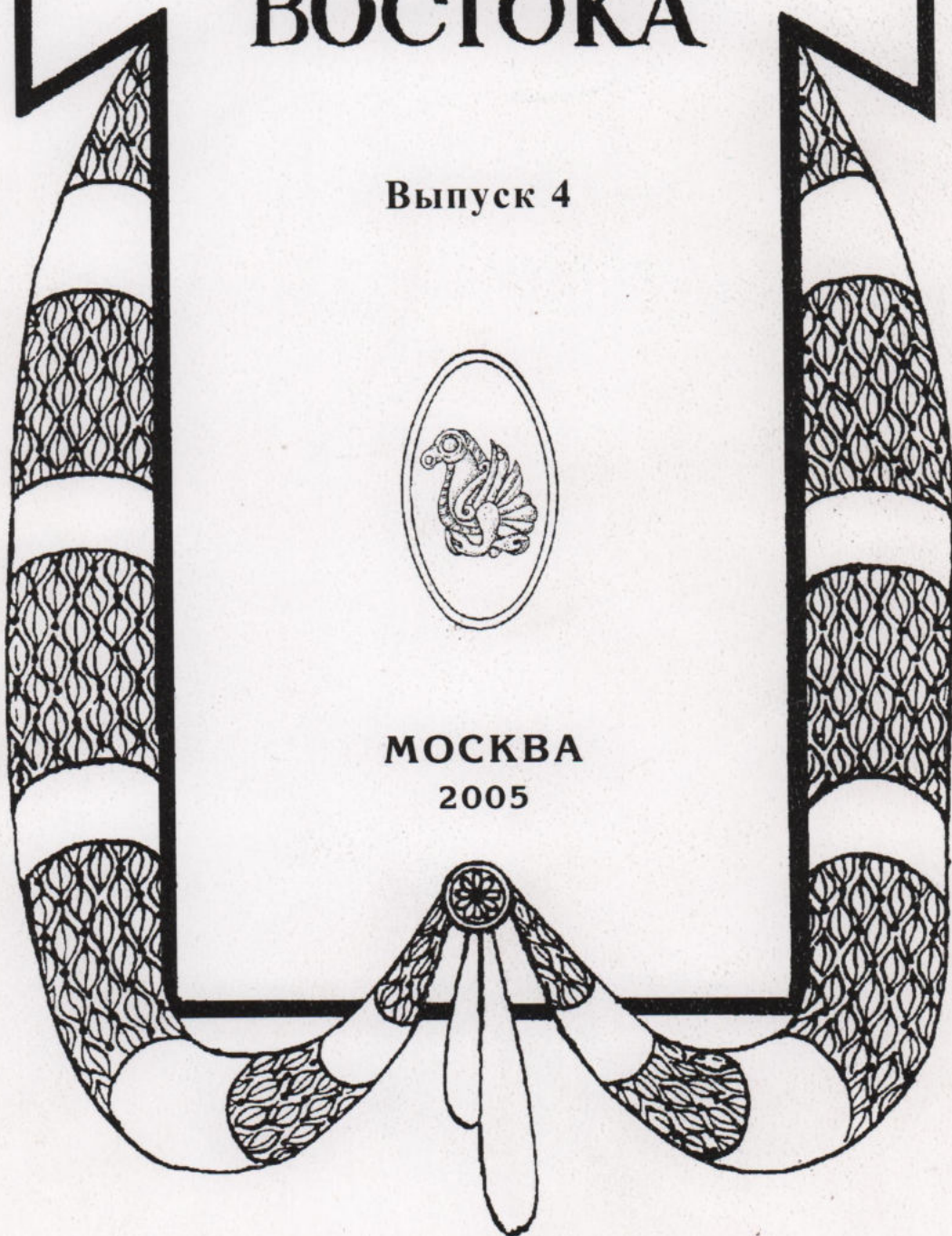

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

Выпуск 4

МОСКВА
2005

СВ-902.6
М34

Государственный музей Востока
Москва

МАТЕРИАЛЫ
ЭКСПОЗИЦИИ

Выпуск 4

Государственный музей Востока
Москва
1988

Москва
1988

STATE MUSEUM OF ORIENTAL ART

госмузей

MATERIAL CULTURE OF EAST

Volume 4

Moscow
2005

С6-902.6
М34

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ВОСТОКА

Городище Камыртепе в эпоху Кушан

автор-составитель-сборщик: О.И.Сидорова
Президент Института археологии и этнографии
Академии наук Республики Узбекистан
Музея Востока и Музея Узбекистана

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА

Выпуск 4

Государственный
музей искусства
народов Востока
№ 56668

Москва
2005

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

Научный редактор

к.и.н. Л.М.Носкова

Рецензент

д.и.н. С.Я.Берзина

Художественное оформление:

Н.С.Сурвилло

Е.А.Куркина

М 34 **Материальная культура Востока** / Сборник статей. — Вып. 4. — М.: Государственный музей Востока, 2005. — 208 с.: ил.

Сборник представляет собой продолжающееся издание, отражающее результаты исследовательской работы Отдела истории материальной культуры и древнего искусства народов Востока и некоторых других научных сотрудников Государственного музея Востока.

Городище Кампыртепе в эпоху Кушан

Предварительные итоги археологических исследований сектора Средней Азии Государственного музея Востока на юге Узбекистана

Городище Кампыртепе находится в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, в 30 км к западу от г. Термеза. Этот один из самых интересных памятников Бактрии расположен на самом краю первой надпойменной лессовой террасы, на правом берегу Амударьи, протекающей в настоящее время в одном километре к югу от городища. Памятник, получивший шифр Б-11, был открыт Э.В.Ртвеладзе в 1972 году во время археологической рекогносцировки в долине Амударьи (Ртвеладзе, 1974. С. 74).

Стационарные археологические раскопки, научное руководство которыми осуществляет академик АН Республики Узбекистан Э.В.Ртвеладзе, были начаты на памятнике в 1979 г. и с небольшими перерывами продолжают до настоящего времени. В ходе этих работ по верхнему уровню была выявлена планировка сохранившейся части цитадели, частично раскопаны участки жилой застройки в восточной и северо-западной частях «нижнего города», и полностью расчищена по всему периметру оборонительная стена. За пределами укрепленного поселения, с северо-западной и западной сторон, были раскопаны своеобразные наземные сооружения – погребальные наусы или миниатюрные храмы, известные как «дома для духов предков». С восточной стороны было вскрыто узкое прямоугольное здание – зороастрийская ката, также выполнявшее функции науса и дахмы. Памятник такого рода на территории Средней Азии открыт и исследован впервые (Ртвеладзе, 2000. С. 3; Ртвеладзе, 2001. С. 65-95).

В 1999 году, учитывая исключительную важность городища Кампыртепе для понимания многих проблем истории и культуры Бактрии, Отдел истории искусства НИИ искусствознания Академии художеств Рес-

публики Узбекистан принял решение об организации самостоятельной экспедиции. Она получила название «Тохаристанская экспедиция», и ее целью стало не только исследование городища Кампыртепе, которое в настоящее время является основным объектом исследований, но и углубленное изучение юго-западной части Сурхандарьинской области, в том числе археологических памятников, расположенных в горной системе Кугитанга. С 2000 г. в археологических работах на Кампыртепе принимает участие археологический отряд Государственного музея Востока.

В процессе исследований установлено, что Кампыртепе первоначально являлось крепостью, построенной в селевкидское или раннее греко-бактрийское время (не позднее середины III в. до н.э.) как военное поселение – катойкия, охранявшее одну из древнейших переправ на Оксе (Амударье). Отсюда шла прямая дорога в столичный город Бактры, до которого от Кампыртепе немногим более 60 км. Роль крепости сохранилась за Кампыртепе и в более позднее, кушанское время (I в. до н.э. – II в. н.э.). В средневековых источниках это место упоминается как переправа «Бурдагуй», существовавшая задолго до Термеза. В основе этого топонима лежит греческое слово «пандахейон» от «пандоки» – гостиница (Ртвеладзе, 2000а. С. 16-17). На заключительном этапе своего существования, в период интенсивного развития и максимального расширения площади, Кампыртепе (Пандахейон) превращается в четырехчастное поселение. Оно включало, как считает Э.В.Ртвеладзе, цитадель на месте ранней крепости, которая к этому времени, по всей видимости, утрачивает свое первоначальное назначение, и «нижний город», плотно застроенный жилыми зданиями, окруженный общей крепостной

стеной и рвом (рис. 1). За пределами этой стены выявлены два культово-погребальных комплекса, о которых уже упоминалось выше. В пойме Амударьи, к востоку от укрепленной части, сразу же за рвом располагалась торгово-ремесленная пристань. По всей видимости, отсюда начинался подъем на цитадель и в «нижний город» (Ртвеладзе, 2001а. С. 10-11).

В 2000 году в юго-восточной части пригородной зоны была раскопана гончарная мастерская эллинистического времени, включавшая в себя керамический обжигательный горн, рабочую площадку перед ним и полуземлянку (Болелов, 2001. С. 15-31). В этом же году начаты работы на территории «нижнего города» Кампыртепе (Болелов, Мкртычев, 2002. С. 504-506).

В 2001 году начато планомерное вскрытие юго-восточного участка сохранившейся части цитадели или «верхнего города», с целью выявления стратиграфии культурных слоев, накопившихся за все время существования памятника. В ходе исследования периодизация памятника, предложенная ранее, в основном подтвердилась.

Мощность культурных напластований на этом участке более 7 м, а толщина культурного слоя III-II вв. до н.э. составляет почти 5 м. По стратиграфическим данным выявлены два периода существования юго-восточного участка цитадели в это время – раннеэллинистический и позднеэллинистический. К первому относится полуземлянка, вырубленная в материковом грунте; ко второму – здание, построенное уже после того, как полуземлянка была забутована и поверх забутовки накопились мусорные слои, образовавшиеся в результате интенсивного обживания.

Каждому из этих периодов соответствует характерный керамический комплекс: наиболее ранний получен из культурного слоя на полу полуземлянки; более поздний – из мусорных слоев, перекрывающих слой забутовки полуземлянки.

В ходе работ установлено, что сохранившаяся часть цитадели, во всяком случае, восточная ее часть, была значительно ниже той, что смыта рекой. Понижение древнего рельефа с юга на север составляет более 2 м на протяжении более 4 м (по линии зачистки). Аналогичная ситуация зафиксирована и к западу от зачистки при вскрытии помещений последнего периода

жизни цитадели, где перепад высот еще больше. Таким образом, можно предполагать, что наиболее высокая часть эллинистического города располагалась в южной его части, ныне смытой рекой. Склон холма был подрубен еще в древности. Зафиксированы три террасы. На самой верхней из них были возведены стены здания позднеэллинистического периода.

Впоследствии культурные слои эллинистического периода частично забутовываются и на образовавшемся фундаменте, не всегда достаточно прочном, строятся помещения I в. до н.э. – I в. н.э., последнего периода существования цитадели. Полностью вскрыты несколько помещений (юго-восточный жилой блок), которые ранее считались жилыми (Курбанов, 2000. С. 46. Рис. 1-6). В ходе работ 2001–2002 гг. удалось установить, что если эти помещения и были жилыми, то только на ранних этапах своего существования. Впоследствии, по всей видимости не позднее середины I в. н.э., почти все они превращаются в хранилища – в пределах всего помещения или в большей его части устанавливаются хумы, а пространство между сосудами заполняется пахотой. На основании этого факта можно сделать заключение, что помещения в юго-восточной части цитадели перестают функционировать как жилые и используются как складские.

В этот же период с западной стороны сохранившейся части цитадели, наряду со складскими помещениями, существуют и жилые. Здесь же раскопаны помещения культового характера (Русанов, 2000. С. 21; Восковский, 2002. С. 9-18).

Приведенные факты дают основание поставить вопрос о функциональном назначении этой части памятника в кушанское время. Археологические данные, полученные в последние годы, не позволяют считать ее цитаделью в полном смысле этого слова. Никаких построек, относящихся к указанному периоду, которые были бы связаны с основными функциями цитадели, по определению Г.А.Пугаченковой – административной и оборонительной (Пугаченкова, 1966. С. 257), здесь не обнаружено. Вполне вероятно, что какие-то крупные здания административного характера находились в южной, смытой Амударьей, части цитадели, однако в настоящее время мы можем об этом только догадываться.

Ров вокруг нее был частично засыпан мусором и превращен в улицу (Курбанов, 2000. С. 66), а северный фас оборонительной стены I в. до н.э. – I в. н.э., по всей видимости, разобран (Русанов, 2000. С. 22).

По меткому выражению Г.А.Пугаченковой, «основной пульс городской жизни в кушанское время бьется не в цитадели, а на территории самого города» (Пугаченкова, 1966. С. 257). Следует заметить, что территория к востоку и северу от цитадели частично обживалась и в более раннее время. Слой с керамикой III-II вв. до н.э., мощностью не более 20-30 см, зафиксированы в северной части «нижнего города», полуземлянка этого же времени обнаружена при раскопках квартала в восточной части городища.

Пять полевых сезонов (2000-2004 гг.) археологические работы на территории «нижнего города» Кампыртепе велись в северной его части, на участке жилой застройки, где раскопки ранее не проводились.

Сплошная застройка территории вокруг «верхнего города» началась, по всей видимости, не ранее рубежа н.э. Во всяком случае, наиболее ранними монетами, найденными здесь, являются монеты Сотер Мегаса (Вима Такто) (Аюпова, Горин, 2001. С. 129-133). Первоначально возводится оборонительная стена, к которой сразу же пристраиваются башни, затем застраивается пространство внутри крепостных стен (Ртвеладзе, 2001а. С. 10). Время интенсивного обживания северной части «нижнего города», когда была застроена вся его территория, не вызывает сомнения. В культурных слоях на полах и в заполнении помещений найдены только монеты Вимы Кадфиза и Канишки. В одном случае монета Вимы Кадфиза была найдена в мусорных слоях, подстилающих стену одного из помещений (Горин, 2002. С. 71). Именно к периоду правления этих двух великих кушанских царей – вторая половина I в. н.э. – первая половина II в. н.э. (Sims-Williams, Cribb, 1994/1995. P. 106; Cribb, 1999. P. 188; Ртвеладзе, 2002. С. 140-143), относятся раскопанные жилые комплексы.

Несмотря на неправильную форму внешнего контура, что обусловлено сложным рельефом местности, внутренняя планировка «нижнего города» Кампыртепе была регулярной. Застройка территории внутри крепостных стен производилась с учетом системы

обороны. Она спланирована таким образом, что кварталные переулки в северной части городища были параллельны главной улице и выходили на «военную» улицу прямо к башням. В восточной части они шли перпендикулярно главной улице и соединяли ее с «военной». Ширина жилых массивов между переулками на раскопанном участке была одинаковой – 19 м. Подобная система внутригородских коммуникаций, как представляется, была эффективной при обороне города, обеспечивая быстрое передвижение отрядов среди жилой застройки (рис. 1).

Деление жилой территории «нижнего города» Кампыртепе главной улицей на две части, также как и деление этих частей на секторы, отмечено и на других памятниках Бактрии первых веков н.э. (Кей-Кобадшах, Кухна-кала, Халчаян). Этот же принцип положен в основу планировочной схемы городища Ай-Ханум, которое является классическим примером колониального греческого города, эталонным памятником восточного эллинизма (Бернар, 1986. С. 250-251; Кошеленко, Сердитых, 1987. С. 55-56; Пичикян, 1991. С. 204-206).

Г.А.Пугаченкова, вслед за рядом исследователей, связывала это явление в градостроительной практике Средней Азии с эллинистической традицией (Пугаченкова, 1966. С. 254). По мнению Б.А.Литвинского, «на Востоке, привнесенная во времена Александра Великого и его приемников система регулярной планировки широко распространилась, в частности именно потому, что она перекликалась с местными градостроительными принципами и традициями», что подтверждается древнеиндийскими письменными источниками (Литвинский, 1981. С. 121-123). Этой же точки зрения придерживается Е.Е.Неразик, которая сопоставляет планировку городища Топрак-кала с такими древневосточными городами, как Борсиппа и Хорсабад, где также была одна центральная улица и правильная сетка жилых кварталов (Неразик, 1981. С. 136-137).

О знакомстве среднеазиатских зодчих с регулярной городской планировкой еще до походов Александра Великого свидетельствует недостроенный город конца V – начала IV в. до н.э. – Калалы-гыр I в левобережном Хорезме. Его прямоугольные очертания, наличие четырех ворот и предвратных сооружений посередине каждой

из стен, между которыми, очевидно, должны были проходить две основные улицы, делящие площадь внутри крепостных стен на четыре массива, позволяют говорить о том, что уже на начальном этапе строительства города предусматривалась регулярная планировка (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963. С. 143-148; Рапопорт, Неразник, Левина, 2000. С. 30-34).

Заранее спланированные крупные города, отвечающие рекомендациям и правилам, изложенным в древнеиндийских источниках (подробно об этом см.: Литвинский, Седов, 1983. С. 121-128) в Северной Бактрии неизвестны. Вероятно, по этому принципу возводились небольшие городки, появившиеся здесь в кушанское время (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 67). К таким населенным пунктам можно отнести Кампыртепе кушанского времени. В отличие от других памятников, поселение вокруг ранней крепости возникло здесь не стихийно, а строилось по плану, с использованием принципов регулярно-сетчатой планировки. Возможно, это было обусловлено особым статусом памятника как крепости у переправы, вся планировочная структура которой была подчинена основной задаче – обороне.

Еще до раскопок, на основании визуального анализа сохранившегося микрорельефа, вся территория «нижнего города» была разделена на жилые блоки-кварталы, которые обозначались латинскими буквами ВI. Считалось, что они ограничиваются радиальными переулками, соединяющими улицу, окружавшую центральную часть Кампыртепе, с «военной» улицей, проходящей вдоль крепостной стены по периметру городища (Русанов, 2000. С. 22-23). Раскопки последних лет дают основание утверждать, что структура жилого квартала на Кампыртепе была принципиально другой.

За время работ на территории «нижнего города» удалось выяснить, что участки территории крепости, обозначившиеся ранее как ВI, являются массивами небольших зданий, построенных вплотную друг к другу. Эти жилые массивы четко разделяются на две группы построек (восточную и западную), разделенные между собой глухими стенами. Таким образом, в массиве плотной застройки ВI выделяются две обособленные части, являвшиеся, в свою очередь, частями разных жилых кварталов.

В ходе работ (2000-2004 гг.) на участках, обозначенных ранее как ВI-10 и ВI-9, полностью раскопаны жилой квартал «А», включающий в себя восточную и центральную части ВI-10, большая часть квартала «Б» – западная часть ВI-10 и восточная часть ВI-9, а также несколько помещений квартала «В» в западной части ВI-9 (рис. 1, 2).

На планировочной схеме квартала «А» выделяется северный двор, которым заканчивается внутриквартальный переулок (рис. 2). Можно предполагать, что здесь находились квартальные ворота, которыми можно было перекрыть улицу в случае опасности. Следы таких ворот в виде вертикальных гнезд для дверной коробки зафиксированы на выходе из «военной» улицы в переулок квартала «В» (рис. 2).

Часть массива ВI-10, примыкающего с востока к кварталу «А», по своей структуре существенно отличалась от остальных и представляла собой открытое пространство, занимающее две террасы с перепадом уровней чуть более 2 м – нижний и верхний дворы. Край верхней террасы был укреплен подпорной стеной. Западную же часть нижнего двора занимали четыре помещения, расположенные в ряд вдоль восточных стен квартала «А» (рис. 2).

Функциональное назначение раскопанных помещений, в силу объективных причин (здесь прошла большая промоина, уничтожившая остаток построек и культурные слои), определить довольно сложно. Уверенно можно говорить лишь о том, что эти помещения не сообщались между собой и у всех были проходы, обращенные на восток, в сторону нижнего двора и главной улицы, пересекающей «нижний город» с юга на север.

Не исключено, что эти помещения выходили прямо во двор, открывавшийся на главную улицу. По крайней мере, три небольших помещения можно интерпретировать как торговые лавки. В двух из них зафиксированы остатки стационарно установленных хумов: по четыре в каждом. В одном из них, самом северном (пом. XVI), найден целый набор сосудов для питья – не менее 10 чаш и кубков, в другом (пом. XIX) – почти полностью сохранившийся бронзовый киаф.

О том, что эти помещения выходили во двор, косвенно могут свидетельствовать следующие факты:

– во-первых, напротив выхода из пом. XIX, на уровне пола in situ зафиксировано несколько обожженных плиток на глиняном растворе. Это дает основания предполагать, что к востоку от этого помещения была, возможно открытая, площадка, вымощенная обожженными плитками;

– во-вторых, к востоку от пом. XVI, как кажется, открыт северо-западный угол нижнего двора, в который выходили проходы помещений (рис. 2, «нижний двор»).

Наконец, промоина в этом месте, скорее всего, образовалась не случайно. Вероятно, здесь изначально была низина, не занятая постройками, что и вызвало образование оврага (промоины).

Как уже упоминалось выше, к югу от ВI-10 проходил ров, окружавший цитадель, который в кушанское время был засыпан мусором и превращен в улицу, отделявшую цитадель от жилых кварталов северо-западной части «нижнего города». Она пересекала городище с запада на восток и должна была соединяться с главной улицей к юго-востоку от квартала «А» (рис. 1). Учитывая это, весьма заманчиво предположить, что в месте пересечения основных улиц была торговая площадь («базар»), по периметру которой располагались небольшие торговые лавки. Такие «базары» раскопаны, например, в раннесредневековом Пенджикенте (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 38; Распопова, 1973. С. 130-144. Табл. 18; Распопова, 1990. С. 77. Рис. 18). Сюда же, на площадь, выходили и открытые дворы. Одним из них был двор в северо-восточной части, другим – обширный двор (чуть менее 150 м²) к востоку от магистральной улицы, расположенный прямо напротив юго-восточного угла ВI-10 и открытый на запад (рис. 1). Таким образом, размеры кампыртепинской «базарной площади», располагавшейся в центре городища, почти 400 м². Немаловажным кажется и тот факт, что площадь практически напрямую, через главную улицу города была связана с пристанью, находившейся за пределами укрепленной части городища (Ртвеладзе, 2001а. С. 11. Рис. 2).

Это предположение представляется достаточно обоснованным.

По данным эпиграфики и письменных источников, в городах северной Индии кушанской эпохи торговые лавки размещались по обеим сторонам главной улицы и на площа-

дах (Литвинский, Седов, 1983. С. 121 и сл.). Кроме того, планировка Кампыртепе обнаруживает некоторые параллели с эллинистическими городами Малой Азии и Северного Причерноморья, где центром города являлась площадь (агора), кроме всего прочего являвшаяся центром проведения розничной и оптовой торговли (Античные государства..., 1984. С. 198-199). В качестве примера можно привести небольшой греческий город в Малой Азии – Приену, который окончательно сформировался в течении III-II вв. до н.э. и по своим размерам вполне сопоставим с Кампыртепе. Город состоял из акрополя на вершине скалы и «нижнего города» с регулярной планировкой, в центре которого была агора, располагавшаяся на перекрестке главных улиц и занимавшая площадь двух жилых кварталов (Wiegand, Schrader, 1904).

В городах античного Рима торговые и ремесленные лавки (таберны), были сосредоточены вокруг форума, первоначально выполнявшего функции рынка общины (Лапустин, 1995. С. 266-267). Необходимо отметить, что античная традиция в планировочной структуре городов получила дальнейшее развитие не только в эпоху раннего средневековья, например, на территории Византии, но и позднее, в средневековых городах Ближнего Востока (Большаков, 1982. С. 172; Большаков, 1984. С. 109 и сл.).

Основным элементом планировочной структуры жилой части Кампыртепе кушанского времени был квартал, состоящий из двух почти равных частей по обе стороны переулка.

Квартал «А» состоял из десяти жилых блоков-секций: пять – в западной части и пять – в восточной части квартала. Также пять жилых секций было и в раскопанной полностью восточной части квартала «Б», и не менее пяти было в не раскопанной до конца западной части этого квартала. Все эти секции следует, по всей видимости, считать небольшими жилыми домами, построенными вплотную друг к другу.

Жилые секции между собой напрямую не сообщались, но все они имели выходы в переулок. В большинстве случаев входы в дома располагались друг против друга. Таким образом, переулок являлся центральной связующей доминантой и объединял между собой две части жилого квартала – восточную и западную.

Аналогичная планировка жилого квартала открыта на городище Топрак-кала (Неразик, 1981. С. 140). Некоторые элементы подобной структуры, может быть выраженные не столь ярко, отмечаются на участке жилой застройки Емшитепе в северном Афганистане, где внутри предполагаемых кварталов выявлены небольшие переулки и дворы. Примечательно, что на этом памятнике раскопана часть улицы, на одной из сторон которой открыто несколько помещений, возможно, бывших небольшими торговыми лавочками, состоявшими из одного-двух небольших помещений (Кругликова, 1973. С. 109. Рис. 40). Схожую, но не идентичную структуру имели участки жилой застройки, вскрытые на Дильберджине (Кругликова, 2001. Рис. 21, 27, 31 и сл.).

Значительный по объему материал по истории древнего города Центральной Азии получен во время раскопок городских центров на территории северной Индии.

Таксила первых веков н.э., благодаря обширным раскопкам Дж.Маршалла и А.Гхоша, предстает перед нами как образец центрально-азиатского города с регулярно-сетчатой планировкой, где блоки жилой застройки шириной 36,5 м или чуть больше, располагались между переулками, отходящими под прямым углом от центральной улицы. Вместе с тем, эти кварталы не являлись взаимосвязанным единым организмом. Например, квартал G' был разделен глухой стеной на две части – северную и южную. Каждая состояла из отдельных, относительно изолированных домовладений с выходами в переулок. В некоторых кварталах были небольшие улочки, проходившие через всю его территорию, которые можно рассматривать как внутриквартальные переулки. Вдоль центральной улицы раскопаны ряды двух-трехкомнатных торговых лавочек и небольших мастерских, не связанные напрямую с жилыми домами (Marshall, 1951. Pl. 10).

Несколько другой облик имели жилые кварталы городов Месопотамии первых веков н.э. Они также включали в себя несколько крупных домовладений, являвшихся самостоятельными структурными элементами. В то же время, в отличие от Таксилы, Топрак-калы и Кампыртепе, здесь не было четкого деления квартала на две части. Все жилые дома были связаны между собой посредством небольших переул-

ков и дворов. Квартал был практически изолирован от остальной части города глухими стенами и торговыми лавочками, которые имели выход только на улицу и не были связаны с жилыми помещениями (Manasseh, 1933. P. 1-7).

В Иране в эпоху раннего средневековья (III–V вв.) основным планировочным компонентом города был квартал. Он, в свою очередь, делился на «ряды», которые представляли собой замкнутые элементы городской структуры. Изолированность «рядов» друг от друга доходила до того, что жители одного «ряда» считались по отношению к жителям другого «ряда» чужими. Так, например, они не имели права открывать лавки, вести торговлю, заниматься ремеслом в другом «ряду» того же города без разрешения коренных жителей данного «ряда» (Солодухо, 1963. С. 156). Видимо, в этом случае «ряды» вполне сопоставимы со среднеазиатским «кварталом», по большей части в социальном понимании этого термина.

В исследованиях, посвященных древнему среднеазиатскому городу, уже не раз отмечалось сходство между структурой жилого квартала первых веков н.э. и кварталами-гузарами Средней Азии эпохи позднего средневековья и нового времени (Неразик, 1981. С. 140; Литвинский, 1979; Литвинский, Седов, 1983. С. 124-125). В Отраре XVI–XVII веков кварталом являлся участок улицы с выходящими на нее домами. Со стороны центральных улиц и внутри жилых массивов квартала, как правило, были окружены глухими стенами. Дома имели индивидуальный выход на внутриквартальную улицу (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982. С. 122). В позднесредневековых городах Средней Азии границы кварталов в социальном значении этого термина были очень невыразительными и проходили в виде неправильной ломаной линии по задним стенам домовладений (Сухарева, 1976. С. 326).

Точно такая же система выявлена в результате раскопок Кампыртепе. Совпадает не только принцип планировки, но и детали: входы из переулков в домовладения противоположных частей квартала чаще всего располагались друг против друга, а переулок квартала «А», начинавшийся на главной улице, заканчивался небольшим двором (рис. 2). Таким образом, можно

констатировать, что выявленная на Кампыртепе структура жилого квартала существовала на территории Средней Азии почти без изменений на протяжении, по крайней мере, двух тысяч лет.

Каждый блок-секция, из которых состояли жилые кварталы, включал в себя от двух до пяти помещений, соединенных проходами. Почти в каждой жилой секции зафиксирован один пристенный очаг, сложенный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. В некоторых жилых блоках обнаружены стационарно установленные на уровне пола хумы. Они могли использоваться для хранения воды и припасов.

Обращает на себя внимание тот факт, что пока не выявлено ни одного хозяйственного помещения, напрямую связанного с отдельной жилой секцией, впрочем так же как и не найдено пока ни одного очага в жилых помещениях, на котором могла бы готовиться пища. То, что в помещениях пищу не готовили, подтверждается фактом наличия минимального количества кухонной посуды, сформированной из жаростойкой глины – всего 4% от общего количества керамики в комплексе (Болелов, 2002. С. 42). Характер заполнения помещений свидетельствует о том, что их обитатели хозяйственной и производственной деятельностью не занимались. Почти на всю сохранившуюся глубину помещения были заполнены кирпичным завалом различной плотности и слоями глинисто-песчаных натеков. Лишь на уровне пола фиксируется культурный слой мощностью 10-20 см в виде рыхлой супеси с небольшим количеством органики. Можно говорить с уверенностью лишь о том, что жители Кампыртепе интенсивно растирали зерно – практически в каждой секции найдено не менее 3-5 зернотерок.

В то же время в раскопанных кварталах можно выделить блоки помещений, которые выполняли хозяйственные функции. В квартале «А» такой хозяйственный блок находился в северо-восточной части и состоял из двух помещений (рис. 2; пом. 4а и 5а; рис. 3, а), одно из них – пом. 4а, было, по всей видимости, открытым двором. Об этом свидетельствует, прежде всего, характер заполнения этого помещения – многочисленные, горизонтально залегающие прослойки рыхлого грунта с высоким содержанием золы и органики. В помещении

зафиксировано несколько уровней полов, соответствующих различным этапам его функционирования. На каждом уровне обнаружено по два явно кухонных очага, а также два или три тандыра. Очаги на всех этапах существования помещения располагались в западной его части, а тандыры – в восточной. Отсутствие каких-либо следов кирпичного завала позволяет видеть здесь помещение, которое было открытым или, возможно, перекрытым легким навесом. К востоку от этого помещения-двора располагалось еще одно помещение (5а), соединявшееся с первым проходом. Здесь зафиксирован пристенный очаг-камин, а южная его часть на расстоянии 1 м от южной стены была отделена тонкой перегородкой из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Надо полагать, это был заком. На заключительной фазе существования комплекса стена между этими двумя помещениями срубается и они становятся единым открытым двором.

В квартале «Б» хозяйственный блок располагался также в северо-восточной части и также состоял из двух помещений, соединенных проходом (рис. 2; пом. 4б и 5б; рис. 3, б). В одном из них, пом. 4б, рассчитано несколько тандыров. На раннем этапе существования помещения один тандыр находился у северной стены, а в восточной его части, также у стены, был напольный очаг округлых очертаний, выраженный сильно прокаленной поверхностью пола. На позднем этапе, также у северной стены, здесь было сооружено два тандыра, но очага уже не было. В соседнем помещении 5б, у западной стены, был устроен очаг-камин. В юго-восточном углу обнаружена овальная в плане, по всей видимости, зерновая яма, рядом с которой *in situ* найдены две зернотерки.

Еще один хозяйственный блок, но значительно меньших размеров, располагался в центральной части квартала «Б». Он состоял фактически из одного помещения площадью чуть более 8 м² и небольшого вестибюля перед ним, в котором был установлен тандыр (рис. 2; пом. 8б и 9б; рис. 3, в).

Обращает на себя внимание тот факт, что эти хозяйственные блоки так или иначе были связаны с выпечкой хлеба. Конструкция тандыров традиционна для Средней Азии – это поставленные вверх дном хумы, обложенные почти на всю высоту

стоящими на ребре сырцовыми кирпичами, обмазанными глиной (Якубов, 1982. С. 118). По всей видимости, эти хозяйственные блоки можно трактовать как квартальные пекарни.

Однако, как показывают раскопки на Кампыртепе, в тандырах не только пекли хлеб. Около одного из них (пом. 4б), в хозяйственном блоке квартала «Б», найдено 37 необожженных усеченно-пирамидальных ткацких грузил, которые были сложены в кучку. Нет сомнения, что они были приготовлены для обжига в этом же тандыре. Таким образом, можно предположить, что он эпизодически использовался в производственных целях, в частности для обжига мелких поделок из глины.

Жилые блоки различны по площади и планировочной схеме. В настоящее время по количеству помещений предварительно можно выделить две наиболее многочисленные группы: двухкомнатные и трехкомнатные жилые секции.

Общая площадь двухкомнатных жилых блоков составляет 40-42 м², при этом полезная площадь помещений не превышала 20 м². Исключением является один из них в северо-западной части квартала «А» – пом. 16а и 17а (рис. 2); его общая площадь (62 м²; полезная площадь – 27,4 м²) почти в полтора раза превышает все остальные. Все дома планировались по единому принципу. Помещения, соединенные проходом, располагались друг за другом по продольной оси. На той же оси находился и вход в жилой блок из переулка. Различия состояли лишь в расположении прохода между помещениями относительно входа в домовладение. В одних жилых блоках они располагались на одной оси обычно вдоль стены (рис. 3, н); в других же проходы расположены по диагонали (рис. 3, м). В тех домовладениях, где обнаружены очаги, они находились в передней комнате, справа от входа.

Общая площадь трехкомнатных жилых секций чуть более 60 м², полезная – 23-26 м². Планировочные схемы этих построек более разнообразны. Предварительно можно выделить несколько типов.

1. Два помещения, связанные проходом, располагавшиеся друг за другом по продольной оси, к которым сбоку пристраивается еще одно помещение. Так, в квартале

«А» к первоначально существовавшему двухкомнатному блоку (пом. 1а и 2а) с юга было пристроено узкое и длинное помещение-вестибюль (рис. 2, пом. 3а; рис. 3, л).

2. Три смежных помещения расположены на продольной оси. Переднее помещение – очень узкое, коридоробразное, можно считать вестибюлем. В нем же находился очаг. Вход в секцию также был на продольной оси по центру (рис. 3, з). Видимо, как вариант этого типа построек следует рассматривать жилой блок, раскопанный в центральной части квартала «Б» (рис. 2, пом. 20б, 21б, 22б; рис. 3, д). В этой постройке роль вестибюля выполнял небольшой коридор, идущий вдоль северной стены, откуда можно было сразу попасть в центральное помещение, а из него уже во все остальные.

3. Два помещения располагались по обе стороны вестибюля (рис. 2, пом. 15б-17б; рис. 3, к). В отличие от всех остальных вход в дом был не на продольной, а на поперечной оси постройки. Жилой блок был построен на двух террасах, поэтому в вестибюле была лестница, по которой поднимались на верхний уровень. Напротив нее находился проход, ведущий в помещение нижнего уровня. Пристенный очаг был в помещении верхнего уровня, здесь же обнаружены следы от нескольких хумов.

Особняком стоят домовладения, состоявшие из четырех и более помещений.

Одно из них, расположенное в центральной части квартала «А» (рис. 2, пом. 21а-25а; рис. 3, ж), занимало площадь 84 м² и включало в себя четыре помещения и Г-образный вестибюль. В этом жилом блоке четко выделяется комната с очагом-камином, занимавшая центральное положение в планировочной схеме. Кроме того, на заднем плане располагалось сравнительно большое помещение, в котором обнаружены два стационарно установленных хума. К югу от этого домовладения расположен жилой блок, занимавший еще большую площадь – 90 м². Однако о характере планировки этой постройки в настоящее время ничего не известно, так как большая ее часть уничтожена промоиной (рис. 2).

Сравнительно крупное, по масштабам Кампыртепе, домовладение компактной планировки площадью более 80 м² раскопано в центральной части квартала «Б»

(рис. 2, пом. 10б-13б). Оно состояло из четырех помещений, первоначально соединенных проходами. Кроме того, в двух помещениях – 12б и 13б – были проходы на юг, где, надо полагать, был небольшой открытый дворик на краю террасы, укрепленной подпорными стенками. В этом случае пом. 14б, а также помещение к востоку от него, видимо, можно трактовать как небольшие айваны, располагавшиеся над жилыми помещениями нижнего яруса.

Таким образом, в настоящее время на Кампыртепе выявлены небольшие здания, объединенные в кварталы, которые и составляли большую часть жилой застройки памятника. Исключением является лишь обособленный квартал в восточной части крепости (рис. 1), где раскопано предположительно культовое здание (Шейко, Никитенко, 2001. С. 41).

Г.А.Пугаченкова, на основании анализа планировочных схем, выделяла два типа жилых домов северной Бактрии, которые были соотнесены ею с имущественным и сословным положением их владельцев: жилища рядовых горожан и жилые дома городской верхушки (Пугаченкова, 1976. С. 38-39; Пугаченкова, 1976а. С. 151-157).

Раскопки последних лет, в первую очередь на Кампыртепе, позволяют говорить еще об одном типе жилого дома, который является основным и, надо полагать, самым распространенным элементом сплошной жилой застройки бактрийских городов и крупных укрепленных поселений кушанского периода. Это небольшие блоки-секции, включающие несколько помещений, обычно не более пяти, связанные между собой проходами и имеющие общий вход.

Такие здания раскопаны также на Емшитепе в северном Афганистане (Кругликова, 1973. С. 109. Рис. 39).

На Яванском городище в последний период «застройку составляли отдельные связанные между собой группы помещений (по 3-5 в каждой группе), близко расположенные друг к другу, разделенные узкой улочкой или тупиковым переулком (Литвинский, 1973а. С. 14-15).

Из небольших относительно изолированных жилых секций состоят крупные дома на позднекушанском поселении Аккуртан. Следует заметить, что здесь выделяется отдельно стоящее многокомнатное

здание в северной части поселения, которое по своей планировочной схеме вполне сопоставимо с жилыми домами первого типа по классификации Г.А.Пугаченковой (Пидаев, 1978. С. 51. Рис. 16). На городищах кушанского и посткушанского времени небольшие жилые секции являются составной частью городских кварталов наряду с крупными, многокомнатными домовладениями, принадлежавшими представителям зажиточного слоя населения, то есть привилегированной части коллективов типа «ВУТ» (Marshall, 1951. Pl. 10; Неразик, 1981. С. 140).

Схожая планировка небольших жилых зданий отмечается и в других областях Средней Азии. Так, например, небольшое укрепленное поселение, возникшее в Хорезме в первых веках н.э. после запуска культового центра Кой-крылган-кала, полностью состояло из относительно изолированных жилых блоков, большая часть которых включала в себя два-три помещения. Планировка некоторых из них, особенно это касается трехкомнатных секций, полностью аналогична кампыртепинским 2-го типа – небольшое узкое помещение-вестибюль и расположенные за ним два жилых помещения, соединенные проходом (Толстов, 1962. Рис. 60; Кой-крылган-кала, 1967. С. 101. Рис. 35.).

На крупном ремесленном поселении Джинтепе в Маргиане, где была раскопана часть «жилищно-производственного квартала» парфянского времени, расположенного в непосредственной близости от центральных холмов поселения, основным составляющим элементом планировочной схемы являются небольшие дома, состоявшие из двух-пяти помещений. Всего на территории поселения раскопано три отдельных домохозяйства, обращенных входами в обширный двор, обнесенный глинобитной стеной. Помимо жилых помещений, здесь раскопаны и культовые – домашнее святилище с алтарной нишей. Кроме всего прочего к этим домохозяйствам относились два горна для обжига керамики (Кошеленко, 1966. С. 79-81).

Главной ячейкой планировочной структуры одного из жилых комплексов на сельском поселении Гарри-Кяриз (холм № 7) являются небольшие однокомнатные или двухкомнатные секции, которые были от-

носителем изолированы друг от друга и объединялись общим двором (Пилипко, 1975. С. 102-107). Следует заметить, что планировка этого поселения в определенной степени напоминает план одного из жилых блоков (А) раннего городища Таксилы – Бхир Мунд (Marshall, 1951. Pl. 2).

В Беграме, где раскопаны участки «нижнего города», выявлены здания, состоящие из трех-четырех помещений, входящие в систему регулярной застройки квартала (Girschman, 1946. P. 31. Pl. 14).

Почти та же структура жилых массивов отмечена на поселениях Боспора первых веков н.э. Они состояли из небольших, отделенных друг от друга жилых секций, включавших от одного до четырех помещений. Каждая из этих секций имела отдельный выход в переулок или на улицу (Кругликова, 1963. С. 79-81. Рис. 2; Античные государства..., 1984. Табл. XXXVII).

Двух-трех-комнатные жилые секции как правило трактуются как место проживания небольшой парной семьи. Она входила в состав большой семьи, отождествляемой с ВУТ, известной по документам из дворца Топрак-калы (Толстов, 1962. С. 215-220; Неразик, 1976. С. 213-216; Лившиц, 1984. С. 265-269). По мнению большинства исследователей, жилищами таких больших семей были крупные жилищно-хозяйственные комплексы, основной структурной ячейкой которых были все те же небольшие жилые блоки (Пилипко, 1975. С. 102-107; Пйдаев, 1978. С. 101).

В структуре квартала Кампыртепе пока не выявлено сравнительно крупного жилого блока, который можно было бы сравнить с большими квартальными домовладениями Топрак-калы, Таксилы или Зартепе кушанского и посткушанского времени (Завьялов, Осипов, 1976. С. 51-53). Вряд ли таковыми являлись упоминавшиеся выше наиболее крупные домовладения.

Принято считать, что количество членов малой семьи не превышало 4-6 человек (Массон В.М., 1976. С. 105; Распопова, 1990. С. 176). По мнению Е.Е.Неразика, в средневековом Хорезме в домах площадью меньше 100 м² могла проживать семья из четырех человек (Неразик, 1976. С. 234). В.И.Распопова считает, что в самых малых жилищах раннесредневекового Пенджикента, не имевших второго этажа, проживало не более трех человек (Распопова, 1990. С. 178).

В жилых блоках Кампыртепе не выявлено хозяйственных помещений, поэтому всю площадь постройки условно можно считать жилой. Принимая во внимание указанные выше расчеты, можно предположить, что в двухкомнатных блоках малой площади проживали семьи из 3-4-х человек; в более крупных двухкомнатных, трехкомнатных и четырехкомнатных домах площадью около 60 м² и более – семьи из 4-6 человек. В полностью раскопанном жилым квартале «А» выявлено три малых двухкомнатных блока, в которых соответственно проживало 9-12 человек. В остальных семи более крупных жилищах по подсчетам могло разместиться максимум 42 человека. Таким образом, общее количество жителей квартала могло составлять от 51 до 54 человек. Учитывая общую площадь квартала (600 м²), на каждого его жителя приходилось 11,1-11,7 м². Можно с уверенностью предположить, что приблизительно столько же людей проживало и в соседнем квартале «Б».

Пока у нас нет однозначного ответа на вопрос, входили ли малые семьи Кампыртепе в состав домовых патриархальной общины или являлись полностью обособленными парными семьями, ведущими раздельное хозяйство.

Пока еще отсутствуют данные, позволяющие судить о характере ведения хозяйства населения Кампыртепе в период его наиболее интенсивного развития (I-II вв.). На территории городища пока достоверно не выявлено ни одного специального помещения, непосредственно связанного с ремеслом. В одном случае найдены отходы камнерезного производства, косвенно свидетельствующие о работе здесь мастерской, где изготовлялись каменные архитектурные детали (Ртвеладзе, 2000. С. 12-13). Лишь в пригородной зоне Кампыртепе обнаружены остатки гончарной мастерской I-го в. н.э., которая работала временно, в течение определенного сезона (Болелов, 2001. С. 24). С уверенностью можно говорить лишь о домашних промыслах, в частности о ткачестве, о чем свидетельствуют многочисленные находки ткацких усеченно-пирамидальных грузил, которые изготавливали на месте.

Анализ планировочной структуры и интерьера раскопанных помещений дает основание полагать, что все жители относились к

одному социальному слою и находились приблизительно на одном, весьма невысоком, социально-экономическом уровне.

Единственным аргументом в пользу того, что между жителями данного жилого комплекса существовала какая-то связь, является наличие «квартальных пекарен». Учитывая это обстоятельство, правомерно предположить, что квартал был местом компактного проживания небольшой общины. Однако характер связей между членами этой общины в настоящее время по археологическим данным установить невозможно.

Если допустить, что жители квартала были связаны родственными узами, то перед нами место проживания небогатой домоводной большесемейной общины на стадии ее окончательного распада. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие здесь сравнительно крупного домовладения – жилища, принадлежавшего главе дома, *pater familias*, являвшегося непременным атрибутом жилого массива, где проживала неразделенная патриархальная семья.

Нельзя исключать и того, что в раскопанной части жилого квартала проживала соседская община – сообщество людей, объединившихся по территориальному или профессиональному признаку. Последнее предположение кажется наиболее вероятным, учитывая специфику Кампыртепе, являвшегося, в первую очередь, крепостью, защищавшей одну из важнейших переправ через Амударью и, возможно, важным пунктом, перевалочной базой в системе транзитной торговли между областями Древнего Востока. Принимая во внимание это обстоятельство, можно предполагать, что часть, если не все, население крепости обеспечивало ее охрану и нормальное функционирование переправы. Другими словами, это были служилые, «государевы люди», не ведущие собственного хозяйства и проживающие здесь со своими семьями, объединенными в соседскую общину. По-видимому, этим объясняется отсутствие остатков производства и следов масштабной хозяйственной деятельности в жилой зоне Кампыртепе. Если это предположение верно, то жилища, раскопанные в северной части памятника, можно сопоставить с домами, раско-

панными в нескольких кварталах на городище Тейшебаани (Урарту), где каждое жилище состояло из трех помещений, одно из которых было главным. Отсутствие помещений для скота и хранения запасов привело исследователей к выводу, что в этих домах обитали люди, не имевшие собственного хозяйства и жившие на государственном довольствии, вероятно воины, охранявшие цитадель (Мартirosян, 1961. С. 108). В связи с этим обращает на себя внимание упоминание в одном из урартских текстов о том, что в составе персонала царского хозяйства города Русахили (резиденция урартских царей в VII в. до н.э.) было 300 воинов племенного ополчения (Дьяконов, 1963. С. 56). Можно вспомнить также, что на Ай-Ханум, рядом с восточной стеной акрополя, при помощи зондажа обнаружены очень скромные жилища, местоположение которых, также как и небольшие размеры, указывают, видимо на то, что они предназначались для солдат гарнизона в качестве жилья. Здесь выявлено три расположенные рядом комнаты общей площадью 15-20 м². Аэрофотосъемка указывает на присутствие к востоку от улицы, пересекающей «верхний город» с севера на юг, небольших строений, но не обнаруживает ничего похожего на большие жилища «нижнего города» (Бернар, 1986. С. 251; Лекюйо, 1987. С. 66). Эти параллели кажутся не случайными и позволяют поставить вопрос о существовании в социальной структуре бактрийского общества кушанского периода довольно многочисленной категории государственных служащих низшего ранга, частично или полностью находящихся на государственном обеспечении.

Крепость Кампыртепе была построена, по видимому, при первых Селевкидах как военный пост, охраняющий важный стратегический пункт – переправу через Амударью. Она, возможно, входила в систему крепостей, воздвигнутых на всей территории Селевкидской империи в точках, имевших важное стратегическое или политическое значение (Бикерман, 1985. С. 52-54). Можно предполагать, что основную часть ее населения составляли служащие гарнизона, обеспечивающие охрану и нормальное функционирование переправы. В этом случае представляется сомнительным, что Кам-

пыртепе было катойкией в социально-экономическом понимании этого термина, то есть сельским военным поселением, наиболее распространенным типом греческих колоний Селевкидской империи (Фрай, 2002. С. 187). Надо полагать, что крепостью этот населенный пункт оставался во все периоды своего существования.

В кушанское время, когда площадь и население крепости увеличивается, наряду с охранными функциями возрастает значение Кампыртепе как важного пункта транзитной торговли. Этим обстоятельством можно объяснить превращение большей части цитадели в огромный склад. Регулярная планировка «нижнего города» Кампыртепе

вполне соответствует канонам градостроительства кушанской Бактрии. Но в настоящее время у нас нет данных, дающих основание считать этот населенный пункт административным или экономическим центром района. Как уже упоминалось выше, на Кампыртепе не найдено следов высокоразвитого ремесленного производства; кроме того, здесь отсутствует сельскохозяйственная округа. Таким образом, Кампыртепе нельзя считать городом в социально-экономическом смысле этого слова. Видимо, это была крупная крепость, хорошо укрепленное поселение, выполнявшее определенные функции, прежде всего экономические, в системе Кушанской империи.

Библиография

- Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара // Жилище народов Средней Азии Казахстана. М., 1982.
- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
- Аюпова Ф., Горин А. Подражание монетам Гелиокла и монеты Сотер Мемеса из Кампыртепе // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 2. Ташкент, 2001.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города центральной Азии // Проблемы античной культуры. М., 1986.
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
- Болелов С.Б. Гончарная мастерская III-II вв. до н.э. на Кампыртепе // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 2. Ташкент, 2001.
- Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепе (раскопки 2000-2001 годов) // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2002.
- Болелов С.Б., Мкртычев Т.К. Раскопки на Кампыртепе (Республика Узбекистан) // АО – 2001 года. М., 2002.
- Большаков О.Г. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.
- Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока (VII – середина XIII вв.). М., 1984.
- Восковский А. Стратиграфическое изучение помещения 1 цитадели Кампыртепе // Археологическое исследование Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2002.
- Горин А. Монеты Вими Кадфиза с городища Кампыртепе // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2002.
- Дьяконов И.М. Некоторые данные о социальном устройстве Урарту // Проблемы социально-экономической истории Древнего Мира. М., 1963.
- Завьялов В.А., Осипов В.И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Кой-крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. // ТХАЭЭ. 1967. Т. V.
- Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.
- Кругликова И.Т. Города Боспора в III в. н.э. // Античный город. М., 1963.
- Кругликова И.Т. Городище Емши-депе в северном Афганистане // КСИА. 1973. № 136.
- Курбанов С. Археологические исследования цитадели Кампыртепе // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 1. Ташкент, 2000.
- Лапустин Б.С. Топография торгово-ремесленной деятельности в характеристике города и его эволюции (античный Рим и Италия) // Город как социально-культурное явление исторического процесса. М., 1995.
- Леккойо Г. Айханум. Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.
- Лившиц В.А. Документы // Топрак-кала. Дворец. ТХАЭЭ. 1984. Т. XIV.
- Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (некоторые итоги и проблемы) // АРТ. Вып. X (1970). М., 1973а.

- Литвинский Б.А. Кушанский город Средней Азии и Индии // НАА. 1979. № 3.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепан-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Мартиросян А.А. Город Тейшебаини. Ереван, 1961.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. М., 1976.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме // ТХАЭЭ. 1976. Т. IX.
- Неразик Е.Е. Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала // Городище Топрак-кала. ТХАЭЭ. 1981. Т. XII.
- Пидаев Ш.П. Поселения кушанского времени северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Пилико В.Н. Парфянское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.
- Пушаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пушаченкова Г.А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии) // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Пушаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры северного Афганистана // Северная Бактрия. Материалы САЭЭ. Вып. 1. М., 1976а.
- Пушаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории культуры. Ташкент, 1990.
- Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.
- Распопова В.И. Отчет о раскопках XIV объекта городища древнего Пенджикента в 1970 году // АРТ. Вып. X (1970). Душанбе, 1973.
- Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Л., 1990.
- Ртвеладзе Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования Кампыртепе: цель и некоторые итоги // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 1. Ташкент, 2000.
- Ртвеладзе Э.В. Кампыртепе – структура и периодизация // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 1. Ташкент, 2000а.
- Ртвеладзе Э.В. Погребально-культурные сооружения Кампыртепе // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 2. Ташкент, 2001.
- Ртвеладзе Э.В. К итогам археологических исследований Кампыртепе в 2000 году // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 2. Ташкент, 2001а.
- Ртвеладзе Э.В. Древние и средневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2002.
- Русанов Д. Градостроительная культура Кампыртепе эпохи кушан // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 1. Ташкент, 2000.
- Солодухо Ю.А. Город и городское самоуправление в Сасанидском Ираке в III–V вв. // Проблемы социально-экономической истории Древнего Мира. М., 1963.
- Сухорева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М. 1976.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002.
- Шейко К.А., Никитенко Г.Н. К изучению квартала-блока №5 на Кампыртепе // Археологические исследования Кампыртепе. Материалы ТЭ. Вып. 2. Ташкент, 2001.
- Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Cribb J. The early Kushan Kings: new Evident for Chronologi. Evidence from Rabatak Inscription of Kanishka I // Coins, Art and Chronology. Wien, 1999.
- Girschman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans // MDFAA. Tome XII. Le Caire, 1946.
- Marshall J. Taxila. Vol. 1-3. Cambridge, 1951.
- Manasseh N. Architectural features of Blok 'B' // Second preliminary report upon the excavations at Tell Umar, Iraq. Ann Arbor, 1933.
- Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian Inscription of Kanishka // Silk Road Art and Archaeology. IV. Kamakura, 1994/1995.
- Wiegand Th. und Schrader. Priene. Berlin, 1904. (Цит. по: Долгоруков В.С. Эллинистическая агора // СА. 1969. № 2).

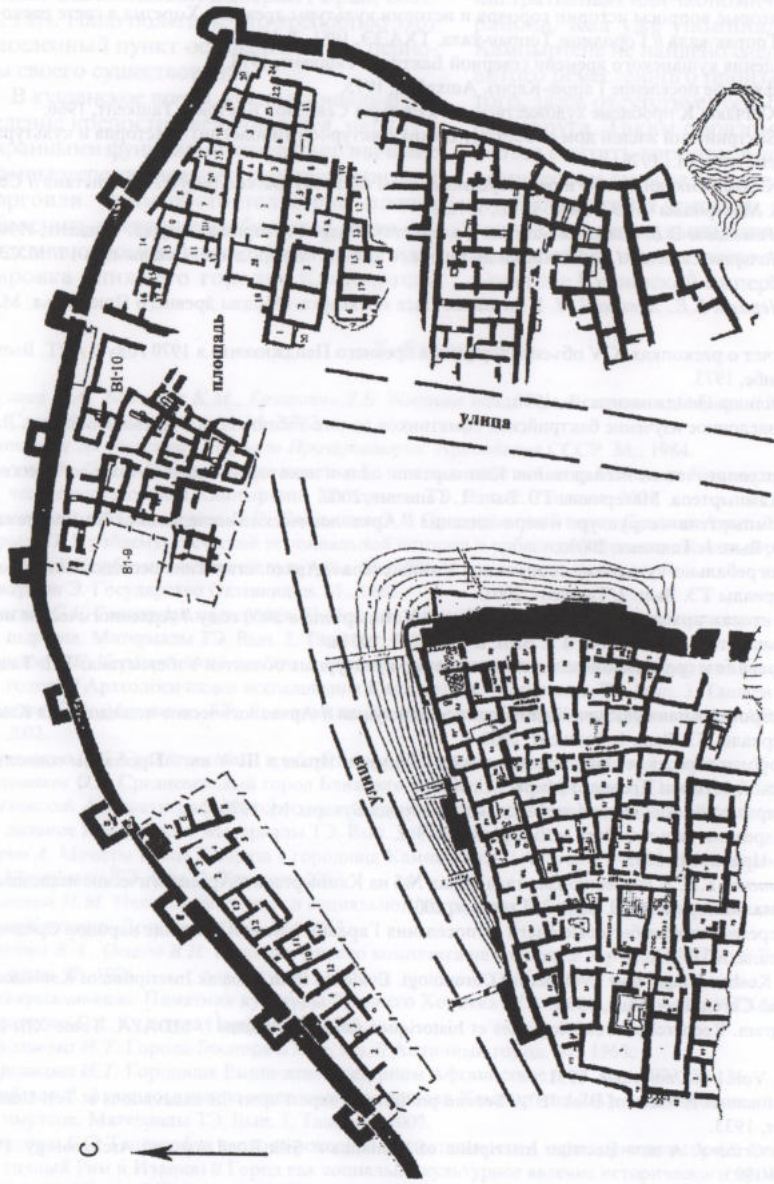

Рис. 1. Кампыргене. План-схема

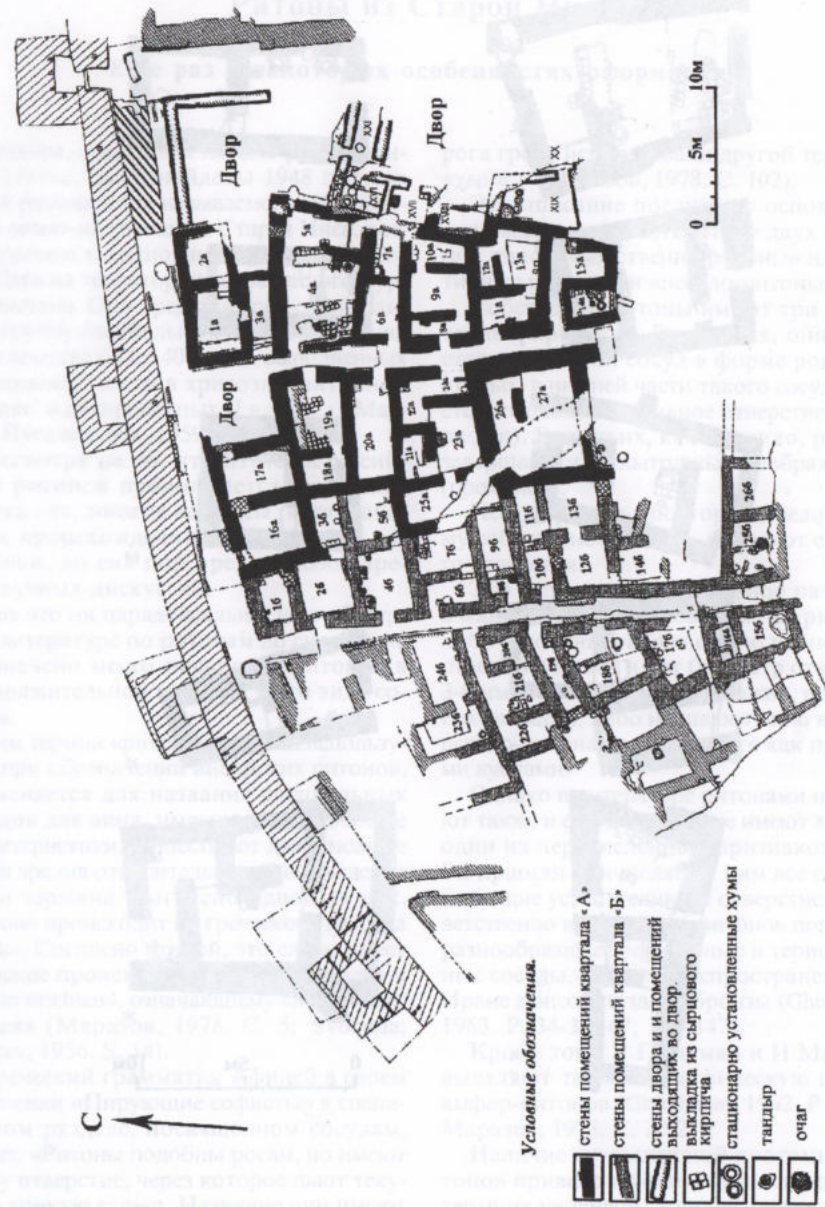

Рис. 2. План жилых кварталов в северной части «нижнего города» Кампыргене

Ритоны из Старой Нисы

Еще раз о некоторых особенностях оформления

Ритоны, о которых пойдет речь в данной статье, были найдены 1948 году во время раскопок так называемого «Квадратного дома» на городище Старая Ниса, расположенном у подножия горной цепи Копет-Дага на территории современного Туркменистана. Они представляют собой единую группу специальных сосудов для вина (в количестве более 40 штук), выполненных из слоновой кости в хризолофантинной технике* и датированных II в. до н.э. (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 26).

Несмотря на то, что изучение нисийских ритонов продолжается уже более сорока лет, многие вопросы, касающиеся их происхождения, назначения и датировки, до сих пор представляют арену научных дискуссий.

Как это ни парадоксально, но в обширной литературе по ритонам до сих пор не обозначено место нисийских ритонов в продолжительной истории этого вида сосудов.

Сам термин «ритон», который используется при обозначении нисийских ритонов, применяется для названия специальных сосудов для вина, имеющих свои особые характеристики. Существуют две основные точки зрения относительно происхождения этого термина. Согласно одной из них, «ритон» происходит от греческого глагола «течь». Согласно второй, это слово имеет иранское происхождение. Оно восходит к корню «richten», означающему «лить, изливаться» (Маразов, 1978. С. 5; Svoboda, Cončev, 1956. S. 14).

Греческий грамматик Афиней в своем сочинении «Пирующие софисты» в специальном разделе, посвященном сосудам, пишет: «Ритоны подобны рогам, но имеют внизу отверстие, через которое пьют текущую тонкую струю. Название они имеют от "течения"». Для обозначения обычного

рога греки использовали другой термин – «хера» (Маразов, 1978. С. 102).

Это описание послужило основанием для выделения в литературе двух основных типов: «собственно ритоны» или «истинные ритоны» и «псевдо-ритоны».

Собственно ритоны имеют три характерных признака. Во-первых, они представляют собой сосуд в форме рога. Во-вторых, в нижней части такого сосуда имеется специальное сливное отверстие (иногда два). В-третьих, как правило, ритоны завершаются скульптурным изображением (протомой).

Псевдо-ритоны, повторяя в целом форму собственно ритонов, не имеют сливного отверстия.

Это определяет и основное различие в манере их использования: из ритонов либо пьют, направляя струю из нижнего отверстия прямо в рот (диаметр отверстия 3-4 мм, остановить поток можно, прикрыв его пальцем), либо наливают вино в чашу; псевдо-ритонами пользуются как простыми кубками.

Однако в литературе ритонами называют также и сосуды, которые имеют хотя бы один из перечисленных признаков. Так, Р.Гиршман причисляет к ним все сосуды, имеющие устье и сливное отверстие. Соответственно в категорию ритонов попадают разнообразнейшие зооморфные и териоморфные сосуды, широко распространенные в Иране в эпоху поздней бронзы (Ghirshman, 1963. P. 34-35, 47, 345-347).

Кроме того, Р.Гиршман и И.Маразов выделяют также специфическую группу амфор-ритонов (Ghirshman, 1962. P. 79-80; Маразов, 1978. С. 20-21).

Наличие скульптурной протомы у ритонов привело к распространению этого термина на сосуды в виде головы животного, не имеющие в нижней части слив-

Рис. 3. Планы жилых домов кушанского времени Кампыртепе

* По вопросам технологии изготовления ритонов из Старой Нисы см.: Mkrtyčev T., Treiner U., 2000.

ного отверстия. Неправоммерность использования этого термина для фигурных сосудов отмечали Э.Порада и А.А.Передольская (Porada, 1965. P. 118; Передольская, 1967. С. 70).

Если типология ритонов в целом определена, то по вопросу о месте их происхождения до сих пор ведется дискуссия. Так, А.Адриани считал их родиной Египет, тогда как М.Ростовцев, Е.Херцфельд и М.Бахрами высказывались за сирийское или иранское происхождение этого типа сосудов (Svoboda, Cončev, 1956. P. 102).

Вместе с тем очевидно, что использование рога в качестве сосуда для питья восходит к глубокой древности и имеет очень широкий географический ареал. Соответственно, и процесс трансформации рога в ритон (т.е. появление в нижней части рога сливного отверстия) мог происходить конвергентно на разных территориях. В этой связи наиболее правильным выглядит предложение М.Максимовой «полностью отрешиться от идеи происхождения рогов-ритонов из одного какого-либо центра и признать их независимое развитие на разных территориях» (Максимова, 1956. С. 218).

Древнейший известный образец собственно ритона, датирующийся 1400-1300 гг. до н.э., был найден в Гиляне. Вслед за древними иранцами сосуды такой формы начинают использовать ассирийцы, хетты и урарты. Особую популярность они приобретают в эпоху Ахеменидов. Очевидно, золотые ритоны с протомами в виде львов (львогрифонов) были знаками высокого социального уровня владельцев и возможно использовались на пирах в качестве царской посуды (Ancient Near Eastern Art, 1984. Fig. 14; Ghirshman, 1962. Fig. 24), особенно если учесть, что лев был одним из царских символов правившей в Иране династии Ахеменидов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что в подражание имперской моде ритоны были распространены и среди других слоев общества. Однако они делались из более дешевых материалов – бронзы, глины.

Помимо львов на протомас ахеменидских ритонов изображались кони, быки, олени, козлы. Вопросы, связанные с интерпретацией репертуара образов протом этого периода, требуют дальнейшего изучения (Ancient Art from Shumei Family Collection,

1996. № 34, 35; In Pursuite of the Absolute, 1996. № 206).

Следует отметить, что находки керамических ритонов в составе инвентаря культового комплекса Калале-гър 2 (Хорезм) свидетельствуют об использовании ритонов в различных ритуалах, связанных с плодородием.

В Греции сосуды типа ритонов получили широкое распространение после греко-персидских войн 480 г. до н.э. Судя по дошедшим до нас образцам, они были популярны (как и в ахеменидское время) среди всех социальных слоев – от высшего общества, где в ходу были золотые и серебряные ритоны, до среднего класса (бронзовые) и простых людей, которые использовали керамические имитации металлических образцов.

Образы на протомас (быки, олени, львы и пантеры), а также изображения на фризах указывают на связь ритонов в греческом обществе с дионисийским культом (Sotheby's, 1994. № 120, 121; Christie's, 1998. № 262; Ancient Art from Shumei Family Collection, 1996. № 61. P. 130). Согласно мифологии, одним из воплощений Диониса была виноградная лоза. Соответственно, виноградное вино рассматривалась как кровь божества, либо как кровь жертвы, посвященной божеству. С вином были связаны специальные праздники, посвященные Дионису (анфестерии).

О значении вина в ритуалах и повседневной жизни греков написано немало. Известно, что одной из самых популярных форм общения греков был регламентированный вид пира-застолья – «симпосий». Симпосии имели свои строго установленные правила, которых в целом старались придерживаться. По сообщениям источников, на симпосиях широко использовались ритоны, которые назывались по изображенному на протоме животному – «осел», «баран», «бык». Трагик Астидам (IV в. до н.э.) упоминает два золотых ритона – «один грифон, другой Пегас» (Виноградов, 1997. С. 78).

В своих застольях практичные греки отдавали предпочтение псевдо-ритонам, игравшим роль кубков, которым они добавляли различного вида ручки. Также они ввели новшество в виде изготовления ритонов с характерными для киликов ножками. Таким образом, наполненный вином псевдо-ритон мог быть поставлен на стол,

в отличие от собственно ритона, который в этом случае должен был держать или пьющий, или слуга.

Новый этап в истории ритонов на Востоке связан с эпохой эллинизма. Походы Александра на Восток послужили началом формирования новой синкретической культуры, получившей название эллинистической. Среди разнообразных памятников искусства эллинистического времени, отличающихся смешением греческих черт и местных азиатских традиций, ритоны наглядно демонстрируют механизм формирования эллинистического искусства. Как правило, это были сосуды с туловом в форме рога, выступающим карнизом у верхнего устья и скульптурной протомой, украшающей нижнюю часть на месте сливного отверстия. В большинстве своем они были сделаны из серебра и в отдельных местах покрыты позолотой. Анализируя образы на протомас, которые украшали эти сосуды в эллинистическое время, исследователи считают, что они указывают на связь ритонов с дионисийским культом. Этой точки зрения придерживается и автор настоящей статьи. Наиболее часто встречаются протомы с изображениями пантеры, льва и быка (Ancient Near Eastern Art, 1984. Fig. 13. P. 16; Asian Art in the Arthur M. Sackler Gallery, 1987. № 16, 17, 18; Boardman, 1994. P. 90. Fig. 4.20). Как известно, все эти образы служили различными воплощениями Диониса, которого по праву называют «богом бесконечных превращений». Согласно Филострату, «...для тех, кто желает представить Диониса – на картине ли, в статуе ли, – он являет себя в тысяче внешних признаков, и если кто схватит и сумеет из них передать хоть самую малую часть, тот уже представит нам готовый образ бога. Например, вот грозди плюща; они являются венком и тем дают узнать Диониса, пускай вся работа сделана плохо; и рог на висках выдает нам Диониса в этой фигуре; пантера, которая незаметно появляется из-за длинной одежды Диониса, опять-таки служит символом бога» (Филострат, 1935. Ариадна, 15,2). Все сказанное достаточно определенно указывает на то, что нисийские ритоны, скорее всего, были дорогой пиршественной посудой, которая использовалась во время застолий. Скорее всего, эти застолья проходили не в пределах храмовых территорий, и соответствен-

но, перед нами не культовые атрибуты. В тоже время, так же очевидно, что застолья эти имели четкую регламентацию, и были связаны с дионисийским культом, широко распространенным в пределах эллинизированного Востока.

Система оформления

Детальный анализ системы оформления ритонов Нисы в целом, а также отдельных их элементов, позволил выявить новые характеристики эллинистического искусства Среднего Востока и особое место этой группы сосудов в истории развития формы.

Стилистический и иконографический анализ всех доступных автору для исследования экземпляров дает основание говорить о существовании единого художественного решения для всего комплекса нисийских ритонов (исключение составляет ритон, костяной фриз которого закреплен на бронзовой основе). В этой связи мы предполагаем, что эскизы ритонов делал один художник. Разница в моделировке рельефных фриз, которая предшествующими исследователями (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 157) объяснялась как влияние восточного искусства (менее детализированные рельефы якобы демонстрировали восточное влияние), на самом деле свидетельствует о том, что в изготовлении этих фриз принимало участие как минимум шесть резчиков разного профессионального уровня – от очень хороших до посредственных.

Поиск исходного прототипа системы оформления нисийских ритонов, которым руководствовался художник, делавший эскизы, ставит ряд вопросов.

Как нами уже отмечалось, форма сосудов – слегка вытянутый рог – не была продиктована материалом (слоновый бивень), а соответствовала наиболее распространенной форме ритонов эллинистического времени (Mkrtyčev, Treiner, 2000. P. 55-67). Неслучайно поэтому в зарубежной литературе для целого ряда металлических ритонов, заканчивающихся скульптурными протомас, не имеющих точной датировки и места изготовления, нисийские ритоны используются как ближайшие аналогии (Glories of the past, 1990. P. 190. № 137).

Между тем, рельефный фриз, венчающий ствол нисийских ритонов, не встреча-

ется на металлических аналогах в это время. Отдаленным прототипом можно считать кубки с коротким широким горлом, выполненные в виде головы животного (head-cup). Обычно на этих сосудах, которые также причисляют к ритонам, горло оформлено круговой сюжетной композицией. На металлических сосудах этого типа она выполнена в технике рельефа (Svoboda, Cončev, 1956. Taf. II), на керамических – в виде живописного фриза (Hoffmann, 1967. Pl. IV, XXXIX) или смешанного рельефно-живописного фриза (Hoffmann, 1967. Pl. II).

Предположение, что именно такая система оформления псевдоритонов послужила образцом для художника, делавшего эскизы нисийских ритонов, кажется весьма вероятным.

Предшествующие исследователи уже обращали внимание на особенности оформления нисийских ритонов в целом. Вертикальная форма, использование таких элементов декора как листья аканфа, ионический киматий, дали основание сравнить систему оформления нисийских ритонов с ордерной системой в греческой архитектуре. Кроме того, по мнению М.Е.Массона и Г.А.Пугаченковой, фигуры на фризах ритонов повторяют монументальную скульптуру в архитектурных сооружениях. Каждая фигура на фризах, например, с «олимпийскими богами размещена раздельно, на гладком фоне, как бы в расчете на фронтальное обозрение. Они воспринимаются как своеобразный “интерьер наизнанку”, где архитектурное пространство храма оформлено комплексом скульптур, предназначенных для осмотра при круговом обходе. Подобным образом воспринимались, например, монументальные глиняные статуи в Квадратном и Круглом залах» (Пугаченкова, 1967. С. 66).

Но подметив архитектурный облик в системе оформления нисийских ритонов, М.Е.Массон и Г.А.Пугаченкова не учли факт существования в классической Греции и в Малой Азии эпохи эллинизма монументальных круглых алтарей, украшенных по периметру изображениями олимпийских богов (LIMC, Dodekathēoi 24, 25. P. 513-514), что позволяет отказаться от идеи изображения «вывернутого» интерьера на рельефах нисийских ритонов.

Вместе с тем, проведенный автором анализ различных типов сосудов эллини-

стического времени выявил серию керамических изделий, имеющих систему оформления, достаточно близкую нисийским ритонам. Это большие урны (т.н. Centuripe vase), найденные в греческих погребениях на Сицилии (Richter, 1930. P. 187-204; Master pieces of Greek Art. № 86).

По своей форме «сентурипские вазы» близки кратерам без ручек на высокой ножке. Как правило, большинство известных нам примеров закрывались куполообразной крышкой с украшением сверху (Richter, 1930. P. 187). Сентурипские вазы имеют отогнутый венчик, под которым проходит фриз из налепных головок людей и львов, под ними – рельефный пояс ионического киматия. Ниже на тулове располагается выполненный темперой полихромный расписной фриз, подобный росписям в гробницах. Роспись зачастую включает изображение Диониса, но не носит ярко выраженного дионисийского характера (Richter, 1930. P. 199-200). Придонная часть имеет коническую форму и украшена рельефным штампованным изображением аканфов и остролиств. Сентурипские вазы датируются от IV до I в. до н.э. (Richter, 1930. P. 201). По мнению Т.Вебстера, вазы решены подобно архитектурному сооружению. Головки на карнизах ваз автор сравнивает с рельефным решением карниза на монументальных зданиях (Webster, 1966. P. 31. Pl. 23). Если учесть их погребальное назначение, то это вполне естественно.

Вместе с тем, контейнерами для хранения праха они, видимо, не служили, поскольку в них ничего найдено не было. Росписью покрыта в основном только фасадная сторона вазы, видимо, они предназначались для установки в нишах святилищ (Richter, 1930. P. 200).

У нас нет веских оснований утверждать, что именно сентурипские вазы послужили прототипом для оформления нисийских ритонов. Вместе с тем, они наглядно показывают существование в эллинистическое время практики перенесения системы архитектурного декора на сосуды.

Кроме того, в работе художника над эскизами нисийских ритонов можно отметить еще одно новшество. Очевидно, используя принцип имитации архитектурного декора, автор эскизов демонстрирует дальнейший отход от традиционного восприятия архитектурных форм. Это связано

с тем, что вертикальное положение ритон принимает только в момент использования. Соответственно, в данном случае система оформления ритонов имеет большую степень условности, чем у сосудов, для которых естественным было стоячее положение.

Необходимо подчеркнуть, что ярко выраженный карниз у ритонов Нисы сам по себе не является прямым указанием на архитектурный мотив. Как уже говорилось, наличие у металлических ритонов отогнутого наружу верхнего края, который образует своеобразный загиб-карниз, встречается достаточно часто.

Сближающим с архитектурой элементом здесь выступает находящийся под ним фриз горельефных головок. Архитектурным аналогом может служить, например, Новый дидимейон (295-46 г. до н.э.), антаблемент которого имел фриз, сочетавший изображение головы Медузы с ветками аканфа (Кобылина, 1965. С. 196). Впрочем, некоторые ритоны карниза не имеют.

Для подробного анализа оформления нисийских ритонов мы рассматриваем иконографию каждой из частей, из которых складывается ритон в целом: протом, патрубков, стволов, фризов и карнизов. В настоящей статье мы коснемся иконографии образов на некоторых протомах.

Для украшения протом дошедших до нас экземпляров нисийских ритонов художник, делавший эскизы, выбрал следующие образы: крылатый львогрифон, кентавр, женщина с амфорой, крылатый слон, кентавр с женщиной на плече, человеко-бык, зебу-бык.*

Львогрифон. Наибольшее количество ритонов имеют протомы в виде крылатого львогрифона – всего 24 экземпляра (№ 5, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 16/40, 21, 22, 23, 24, 25, 27/34, 28, 33, 37, 38, 43, 47, 57, 65, 71, 77).

Львогрифон на протомах ритонов из Старой Нисы представляет собой полиморфное существо с головой, туловищем и лапами льва, S-образными, отогнутыми назад рогами и крыльями, прорастающими от лопаток. Голова льва изображена в основном анфас, иногда слегка повернута влево. У льва заостренные уши, ярко выраженные надбровные дуги; широко раскрытая пасть, в которой иногда сохрани-

лись клыки и высунутый язык. Большие глаза переданы либо целиком резьбой, либо были инкрустированы, о чем свидетельствуют сохранившиеся гнезда. Как правило, между ушами расположены два S-образных рога, в трех случаях рог один; а львогрифон на ритоне 38, вероятно, рогов не имел (на его голове отверстие для крепления рогов не зафиксировано). Поверхность рогов имеет три варианта отделки: гладкая, с насечками, витая.

Передние лапы льва вытянуты вперед, животное изображено в позе прыжка. Хорошо смоделированы фаланги пальцев (4 или 5) и когти.

Грива и шерсть переданы резьбой. На отдельных протомах (№ 8, 10, 16/40, 43, 47, 77) завитки шерсти просматриваются на шее, груди, затылке, у основания ушей, на спине. На одной фигуре (№ 47) сохранилось изображение шерсти в виде бахромы по нижней поверхности лап.

Крылья львогрифонов состоят из двух частей: нижнего щитка и внешнего ряда перьев. Внешний ряд включает 7-10 крупных резных перьев, задающих форму крыла. Верхние 4-5 перьев длинные и загнуты к голове фигуры. Нижний щиток имеет два варианта исполнения: несколько (обычно 4-5) рядов мелких перышек, переданных резьбой, или ячейки для инкрустации (№ 24, 28, 47, 57, 65, 77), в которых места сохранились вставки.

На одной из протом (№ 16/40) сохранились следы красной краски в области ушей – видимо, как и в греческой скульптуре, для создания образа использовались средства не только резьбы, но и живописи.

Образ львогрифона встречается повсеместно в целом ряде древневосточных цивилизаций с глубокой древности. Его вариации известны уже со II тыс. до н.э. в египетском, крито-микенском и ассирийском искусстве. Семантике и иконографии этого образа посвящена обширная литература (см., например: Bisi, 1964. P. 15-35; Bisi, 1965. P. 20-38; Deplacé, 1980. P. 6-7; Goldman, 1960; Khazai, 1978. P. 1-25). Ближайшие аналогии львогрифонам на нисийских ритонах встречаются на многочисленных памятниках ахеменидского искусства VI–V вв. до н.э. – от изделий малых форм до монументального декора

* Образу кентавра на нисийских ритонах посвящена отдельная статья – Трейнер, 2002. С. 65-71.

(глазурованные рельефы царского дворца Ахеменидов в Сузах V в. до н.э., ювелирные изделия из Амударьинского клада) (Amiet, 1966. III, 360).

Аналогичные львогрифоны украшали, в том числе, и ахеменидские ритоны. Они обычно изображались с выброшенными вперед лапами, раскрытой пастью, S-образными рогами (Schätze des Orients, 1999. P. 61. № 24). Следует отметить, что среди находок на Тахти-Сангине имеется протом от ритона из слоновой кости в виде льва, которую датируют V–IV вв. до н.э. Выброшенные вперед лапы повторяют обычную позу львогрифонов на протомах ахеменидских ритонов. Сохранность фрагмента позволяет утверждать, что данный лев не имел рогов и крыльев (Древности Таджикистана, 1985. С. 72. № 186).

Появление образа крылатого львогрифона в эллинистическое время может быть объяснено и как сохранение изобразительной традиции, и как сознательное обращение к семантике древнего образа в новых условиях.

Несмотря на то, что почти сто лет разделяет примерное время создания ритонов из Нисы и падение Ахеменидской державы, теоретически ахеменидские ритоны с протомой крылатого львогрифона могли сохраниться и стать образцом для эскиза одного из вариантов нисийских ритонов. Однако это представляется маловероятным. Вместе с тем, иконографический анализ образа львогрифона на протомах нисийских ритонов позволил предположить другой возможный источник данного образа, а также механизм его заимствования. В качестве прототипа с высокой вероятностью могли быть использованы изображения львогрифонов в ахеменидской и малоазийской глиптике. Так, известны целые серии скарабеоидов, датирующихся рубежом V – первой половиной IV в. до н.э., на которых изображен рогатый львогрифон либо в момент шествия, либо в геральдической позе (Никулина, 1994. Рис. 293, 295, 296, 448).

Можно предположить, что образцы подобных гемм были известны и на окраинах Ахеменидского государства. В частности, на юге Узбекистана (в районе городища Будрач) была найдена ахеменидская гемма, на которой изображен крылатый и рогатый львогрифон в момент стремительного дви-

жения с выброшенными вперед лапами (Брыкина, 1994. С. 32).

Таким образом, можно предположить, что в качестве прототипа художник мог использовать ахеменидскую гемму с изображением львогрифона, хождение которой в эллинистическое время весьма вероятно. Известно, что резные камни всегда являлись предметом роскоши, они ценились, их бережно хранили (Гарн, 1949. С. 233).

Почему же художник выбрал образ крылатого львогрифона для протом на нисийских ритонах?

Анализ известного материала показывает, что среди изображений хищников, украсивших протомы эллинистических ритонов, наибольшей популярностью пользовался образ пантеры (Melikian-Shirvani, 1996. Fig. 8, 9). Обычно, этот образ связывается с дионисийским культом (пантера как верховное животное Диониса). Вероятно, что помещение на ритоне в качестве протомы изображения пантеры демонстрировало соответствие функционального назначения ритонов (сосудов для вина) и их оформления (связанное с Дионисом).

Вместе с тем наряду с пантерой на протомах эллинистических ритонов встречается и образ льва (Melikian-Shirvani, 1996. Fig. 5, 6). Известно, что образ льва также имел прямое отношение к Дионису. Согласно Аполлодору, захваченный в плен разбойниками Дионис превращается во льва (Apolod. III, 5,3). В более поздней традиции лев выступает и как верховное животное бога. Так, на сирийском (?) блюде III–IV вв. н.э. Дионис восседает на шествующем льве (Carter, 1995. Fig. 3, 4).

Учитывая широкое распространение в эпоху эллинизма ритонов с протомами пантер и львов, трудно предположить, что художник, делавший эскизы к нисийским ритонам, не знал разницы в значении между ними и львогрифонами. Поэтому, скорее всего, в нашем случае использование образа ахеменидского крылатого львогрифона имеет другой смысл, который и пытался передать автор эскизов. Гораздо более вероятно, что этот образ можно рассматривать, с одной стороны, как архаизм (обращение художника к ахеменидским истокам), а с другой – как нарочитый «казианизм», демонстрирующий восточную компоненту в формировании эллинистического искусства.

Человеко-бык. Образ, встречающийся на шести экземплярах (№ 1, 2, 12/19, 13, 20, 78). Он представляет собой полиморфное существо с телом быка и головой человека, на которой имеются короткие бычьи рога. Кроме того, на двух ритонах (№ 2, 12/19), данный образ наделен крыльями.

Особенностью человеко-быков на нисийских ритонах, которая уже не раз отмечалась, является наличие горба, характерного для быков зebu.

Быки zebu происходят из Индостана, где были одомашнены еще в глубокой древности. При раскопках Мохенджодаро найдены резные печати с изображением основных типов крупного рогатого скота: древнейшего безгорбого быка (*Bos primigenius*) и zebu (*Bos indicus*). От смешения этих двух типов произошли многочисленные породы zebu, распространенные в Передней Азии. Можно считать установленным, что в древности существовало по крайней мере два вида zebu: собственно индийский с короткими рогами и переднеазиатский с большими, горизонтально поставленными рогами (Zeuner, 1963. P. 286).

Среди эллинистических ритонов известно еще как минимум два, протомы которых выполнены в виде zebu-видных быков (ритон из коллекции Артура Саклера и Толедского музея) (Boardman, 1994. Pl. 4.20; Melikian-Shirvani, 1996. Fig. 3). Можно предположить, что, благодаря определенному символическому значению, связанному с плодородием и производительными силами, в эллинистическое время zebu-видные быки стали достаточно популярным образом. Судя по частоте встречаемости этого образа в сасанидском искусстве (прежде всего, глиптике) это значение сохранилось в иранском мире и в более позднее время.

Вместе с тем, хочется отметить, что в отличие от быков на металлических ритонах, у которых большие горизонтальные рога, у человеко-быков на нисийских ритонах маленькие прямые рожки. В этой связи встает вопрос, что если zebu-видность не является характерной чертой индийской иконографии, то можно ли считать маленькие рога признаком индийского источника этого образа?

Интересно, что на всех протомах горб у человеко-быка изображается по-разному как по величине и форме, так и по месту расположения (на загривке или на спине). Трудно предположить, что существовало

несколько эскизов одного образа человеко-быка, на которых варьировалось изображение горба. Скорее всего, при изготовлении скульптурного образа человеко-быков резчики делали горбы, ориентируясь более на свое представление об этой детали, чем на эскиз или реальный образ, что и привело к небольшим, но важным отличиям.

Первые исследователи интерпретировали образ человеко-быка как Гопатшаха, хорошо известного в искусстве древнего Ирана. Вместе с тем, авторы отметили, что на нисийских ритонах он претерпел трансформацию – вместо бородатого мужа Гопатшаха изображается юношей. По мнению Г.А.Пугаченковой и М.Е.Массона появление этого образа на протомах связано с тем, что Гопатшах в древности отождествлялся с охранителем вод (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 227). Л.И.Ремпель полагал, что в данном образе нашел воплощение другой авестийский персонаж – Дрваспа (Ремпель, 1987. Илл. 21. С. 52).

Между тем, следует отметить, что, несмотря на то, что в зороастрийских источниках Дрваспа фигурирует как женское божество, покровительствующее скоту (Воусе, 1975. P. 82), ее иконография парфянского времени нам неизвестна. Более того, на кушанских монетах имеется изображение мужского божества с ногами лошади(?), сопровождаемое бактрийской надписью Дрваспа (Воусе, 1975. P. 82).

В тоже время образ человеко-быка был широко известен и в греческом искусстве. Он являлся одним из воплощений речного бога Ахелоя, особенно известного в Малой Азии (Менандр. «Ахелой, речной бог, мог превращаться во что угодно. Сражаясь с Геркулесом за то, чтобы жениться на Деянире, он превратился в быка»). Ахелой был тесно связан с дионисийским культом, поскольку, по мифу, «...некто по имени Керас смешал в Италии вино с водой реки Ахелоя...» (Гигин, 2000. С. 291).

Несмотря на отсутствие прямых указаний на возможную интерпретацию образа человеко-быка на нисийских ритонах, постановка данного образа в общий репертуар протом позволяет сделать предположение, что перед нами вариант образа Ахелоя.

Семантика образа Ахелоя тесно связана с водной стихией, он является одной из ипостасей Силена Марсия как божества

водной стихии. Ахелой в образе Силена был хорошо известен в греческой среде на Востоке, в частности в Греко-Бактрии. Об этом говорит дважды повторяющийся рельеф с одинаковым изображением борьбы Геракла с Силеном (Ахелоем) на рукояти скифоса, найденный в храме Окса (Пичи-кян, 1991. С. 172-173).

Кроме того, Ахелой был также богом плодородия и животворных вод, которому обязан своим происхождением рог изобилия. Как известно, рог появился в результате поражения Ахелоя в борьбе за руку Деяниры. Не исключена возможность, что существовала символическая связь между ритонами и рогом изобилия, которая базировалась на внешнем сходстве.

Таким образом, считать человеко-быка «воплощением Гопатшаха в парфянском искусстве» нет прямых оснований. Между тем, если заниматься поисками общей темы, объединяющей некоторые из изображений, то надо обратить внимание на то, что и кентавры, и Ахелой тоже имеют определенную общность в греческой традиции. И те, и другие связаны с Силеном, как персонажем дионисийского культа. Кентавр Несс и Ахелой связаны с Гераклом, как посягнувшие на его возлюбленную Деяниру и принявшие от него смерть. Культ Геракла в это время был весьма широко распространен на Востоке (Пугаченкова, 1987. С. 66-78).

Следовательно, можно предположить, что выбор образа человеко-быка для протона нисийских ритонов, в наибольшей степени был продиктован обращением автора эскизов к греческой составляющей эллинистического искусства.

На двух ритонах протомы выполнены в виде женщины, держащей в руках перевернутую амфору (№ 32, 11).

Женщина имеет характерную прическу в виде валика, собранного вокруг головы, и узла на затылке.

Обращает на себя внимание одеяние, которое состоит из неширокой перевязи, пересекающей на груди и на спине крест на крест. Перекрестие на спине выполнено в виде «гераклова узла». Скорее всего, эта перевязь придерживает прозрачное одеяние, моделировка которого не просматривается на женской фигуре. На предплечьях узкие двойные браслеты со вставками.

В руках у женщины перевернутая амфора, которую она держит в наклонном положении у пояса. Амфора небольшая, двуручная, с округленным туловом и недлинной горловиной. В горлышке амфоры – нижнее отверстие для сцеживания напитка из ритона.

Нижняя часть туловища женщины, переходящая в патрубок, украшена акантовыми листьями. Следует отметить, что если все патрубки нисийских ритонов орнаментированы акантовыми листьями и остролистами, то подобное украшение нижней части протомы, как у женщины с перевернутой амфорой, больше не встречается. Следовательно, можно с высокой степенью вероятности предположить, что эта иконографическая деталь при изготовлении эскиза имела смысловую нагрузку.

Анализируя данный образ, такие исследователи, как М.Е.Массон и Г.А.Пугаченкова с одной стороны и Г.А.Кошеленко с другой, сделали следующие выводы.

Г.А.Кошеленко полагает, что это «единственный чисто греческий» образ (Кошеленко, 1977. С. 134).

М.Е.Массон и Г.А.Пугаченкова, исходя из того, что на фризах нисийских ритонов встречаются два варианта обнаженной женской фигуры – вакханки и Афродиты, – предполагают, что протомы изображают «Афродиту в ее раннепарфянской местной ипостаси» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 229). Не приводя никаких аналогий, они видят прототип этого изображения в античном сюжете «Афродита в цветке».

С другой стороны, исследователи отмечают, что тип прически у женщины на протоме «не имеет аналогий ни в греческой, ни в среднеазиатской модах» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 223). Кроме того, они считают негреческим стиль амфоры, которую женщина держит в руках (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 211). В целом же, по их мнению, протомы изображают Афродиту, совершающую возлияние, что связано с ритуальной практикой, для которой были предназначены ритоны (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 230).

Свою версию интерпретации данного образа предложила Т.В.Сергеева, которая отставала гандхарское происхождение нисийских ритонов. Она полагает, что это чисто индийский персонаж – киннара (Сергеева, 1972. С. 72).

Изучая символику ритонов в иранском мире, А.Меликян-Ширвани предложил интерпретировать изображение женщины с амфорой на этих протоме как «Дочь вина», довольно широко известную в средневековой иранской поэзии (Melikian-Chirvani, 1996. P. 104-105).

Проведенный автором анализ литературы показал, что в классическом греческом искусстве в чистом виде подобный персонаж неизвестен.

Поиски возможных аналогий данному образу женщины с перевернутой амфорой выявили некоторые аналогии отдельных деталей изображения. Подобная прическа встречается у женщины-сфинкса на протоме серебряного ритона из Русенского клада (Фракия), который датируется 360 г. до н.э. И.Маразов, видит прямой аналог этой прически на тетрадрахмах из Сиракуз, отчеканенной в 410 г. до н.э.; тот же тип прически отмечен им и у женщины-сфинкса на ручке ритона из Панатюрштского клада III в. до н.э. (Маразов, 1978. Рис. 59-60, 94-95).

Вероятно, что, несмотря на уникальность такой прически, можно говорить о существовании традиции подобного убора волос на Среднем Востоке и в раннеэллинистическое (прически в изображении женщин на нисийских ритонах – на протоме и фризах) и в позднеэллинистическое время (прически у женщин на украшениях из Тиллятепе) (Baktrisches Gold, 1985. Taf. 88-97. S. 250-251).

Обращаясь к еще одной характеристике данной протомы – аканфовой листве, из которой прорастает тело женщины, можно предложить еще одну версию интерпретации этой фигуры. В эллинистической иконографии ритонов и тритонесс часто встречается прием вырастания верхней части тела из аканфовой листвы. Таким образом, в частности, изображены фигурки на парных золотых браслетах из т.н. «группы Карпенизи» (Уильямс, Огден, 1995. С. 82-83. № 37).

Крылатый слон. Говоря о протоме с изображением крылатого слона, М.Е.Массон и Г.А.Пугаченкова делают акцент именно на крылатости этого персонажа. «Даже Индия, изощренная в создании различных полиморфных божеств, не придумала такой странной комбинации, как стремительный полет массивного животного» (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 222). Здесь в первую очередь хотелось бы отметить, что все персонажи, за исключением женщины с амфорой и двух человеко-быков, имеют крылья. И, возможно, они явились той деталью, которая объединила все эти вещи в единый сервиз, дополнила их общность. Полиморфные существа, создаваемые древними мастерами, имели зачастую гораздо более фантастичный вид, чем слон с крыльями (Barnett, 1971. Fig. 20-21).

В целом, анализ некоторых образов, использованных для оформления нисийских ритонов, прямо указывает на синкретический характер творчества художника, выполнявшего к ним эскизы. С одной стороны, он, несомненно, пытался передать некоторые черты дионисийской символики, присущей греческим ритонам (образы кентавров и человеко-быка). Скорее всего, образ женщины с амфорой также принадлежит греческой традиции, но пока выявить его конкретное значение трудно. С другой стороны, мастер явно апеллировал к былому величию Ахеменидов (крылатый львогрифон). С третьей стороны, фантазия художника имела некоторую подпитку со стороны Индии (крылатый слон).

Все это еще раз характеризует искусство эпохи эллинизма как гармоничный сплав различных художественных традиций, позволяя определить место ритонов из Старой Нисы в ряду сосудов этого типа как одну высших точек по многим параметрам – технологическим и иконографическим, а также в системе организации декоративных мотивов в единый образ.

Библиография

- Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
Брыкина Г.А. Гемма с городища Бударч // Тезисы конференции Института Искусствознания Узбекистана. Ташкент, 1994.
Виноградов Ю.Г. Филологический комментарий (к статье: Ксенофонтowa И.В., Зайцева Н.Г. Серебряный ритон с протомой Пегаса из IV Уляпского кургана) // ВДИ. 1997. № 2.
Гвич. Мифы. СПб., 2000.

- Древности Таджикистана. М., 1985.
- Кобылина М.М. Милет. М., 1965.
- Кошеленко Г.А. Родина парфян. М., 1977.
- Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. XXV.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // ТЮТАКЭ. Т. IV. Ашхабад, 1959.
- Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. М., 1994.
- Перебольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.
- Пичакин И.Р. Культура Бактрии. М., 1991.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М., 1967.
- Пугаченкова Г.А. Геракл в Бактрии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
- Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987.
- Сергеева Т.В. К вопросу о месте изготовления ритонов, найденных на городище Старая Ниса // Сообщения ГМИНВ. V. М., 1972.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Трейнер У.И. Образы кентавров на протомах нисийских ритонов // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Филострат. Картины. М., 1936.
- Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V-IV века до н.э. СПб., 1995.
- Amiet P. Elam. Paris, 1966.
- Ancient Art from Shumei Family Collection. New York, 1996.
- Ancient Near Eastern Art // The Metropolitan Museum of Art Bulletin, Spring, 1984.
- Asian Art in the Arthur M. Sackler Gallery. Washington, 1987.
- Baktrisches Gold. Leningrad, 1985.
- Barnett R. Assirien palace relief. London, 1971.
- Bisi A.M. Grifone nell'arte dell'antico Iran e del popoli delle steppe // Rivista degli studi orientali. V. XXXIX. Roma. 1964.
- Bisi A.M. Il grifone storicе di un motive iconografica nell'antico oriente Mediterraneo // Studi semitike. Università di Roma. 1965.
- Boardman J. The Diffusion of the Classical Art in Antiquity. Washington, 1994.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. 1. Leiden/Koln, 1975.
- Carter M. A Note on Metalwork from the Hellenistic East // BAI. Vol. 9. 1995.
- Christie's. Antiquities. December 18. New York, 1998.
- Deplace Ch. Le grifon de archaisme a l'epoque imperiale. Etude iconographique et essai d'interpretation symbolique // Etudes de philologie, d'archeologie et d'histoire anciennes publiees par l'Institut Historique Belge de Rome. T. XX. Bruxelles-Rome, 1980.
- Ghirshman R. Notes iraniennes. XI. Le rithon en Iran // Artibus Asiae. Vol. XXV.1. Ascona, 1962.
- Ghirshman R. Iran. Proto-iraniens, Medes, Achemenides. Paris, 1963.
- Glories of the past. New York, 1990.
- Goldman B. The development of the Lion-Griffin // AJA. 1960.
- Hoffmann H. Tarentine Rhyta. Mainz, 1967.
- In Pursuite of the Absolute. Art of the Ancient World. From the George Ortiz Collection. Berne, 1996.
- Khazai Kh. L'evolution et la signification du grifon dans l'iconographie iranienne // Iranica antiqua. V. XIII. Leyden, 1978.
- LIMC. III(1). Zurich-Munchen, 1986.
- Маразов И. Ритоните в древна Тракия. София, 1978.
- Master pieces of Greek Art. By Schoder, S.J. Milan, 6.г.
- Melikian-Shirvani A.S. The Iranian Wine Horn from Pre-Achaemenid Antiquity to the Safavid Age // BAI. Vol. 10. 1996.
- Mkrtychev T., Treiner U. The manufacturing technique of the rhytons from Old Nisa // PARTHICA. 2. Pisa-Roma, 2000.
- Porada E. Ancient Iran. London, 1965.
- Richter G.M.A. Polychrome vases from Centuripe in the Metropolitan Museum // Metropolitan Museum Studies. Vol. II. Part 2. May 1930.
- Schätze des Orients. Meisterwerke aus dem Miho Museum. Wien, 1999.
- Sotheby's. Antiquities and Islamic Art. December 14. New York, 1994.
- Svoboda B., Cončev D. Neue Denkmäler Antice Toreutic. Praha, 1956.
- Webster T.B.L. The Art of Greece: The Age of Hellenism. New York, 1966.
- Zeuner F.E. The History of Domesticated Animals. London, 1963.

Раннесредневековый квартал городища Дурмен в Самаркандском Согде*

Западнее Самарканда на территории Пастдаргомского района в долине Дурмен-сая располагаются многочисленные разновременные археологические памятники, среди которых наиболее крупным является городище Дурмен (около 28 га).

С 1986 по 1991 год сотрудниками Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ проводились разведки Пастдаргомского района и исследования на городище Дурмен (Исбискет), где было заложено девять раскопов общей площадью 1000 м² (Шишкина, Наймарк, 1987. С. 287-289; Шишкина, 2003. С. 167). Одной из основных задач стало комплексное археолого-геоморфологическое изучение исторического ландшафта. По картографическим материалам и аэрофотоснимкам досконально изучалась топография городища Дурмен и его округа (Галиева, 2003. С. 55-56).

Панорама запечатленного на аэрофотоснимках городища позволяет увидеть, как подпрямоугольной формы раннесредневековый город разместился на территории древнего. На аэрофотоснимках удалось зафиксировать топографию четырех раннесредневековых кварталов, расположенных на возвышенности у западной крепостной стены, вытянувшихся к ней перпендикулярно и отделенных друг от друга улицами (рис. 1). В течение трех полевых сезонов: 1986, 1987, 1991 гг., нами изучались один из этих кварталов и структура фаса западной оборонительной стены. К сожалению, раскопки остались незавершенными, однако, несмотря на это, результаты работ дали дополнительную информацию о раннесредневековой архитектуре жилых и общественных зданий, а также строительной технике городов в ближайших окрестностях Афрасиаба.

На площади 814 м² (раскоп 8) было раскопано два хозяйства одного дома (помещения 1-12), отдельные комнаты (помеще-

ния 15, 16) соседних жилых комплексов; часть здания, примыкающего к крепостной стене (помещения 13, 14) и отрезок улицы (ширина 2,1 м; раскопана на протяжении 13,2 м), проходившей с южной стороны квартала (рис. 2-4).

Следуя из центра города, улица упиралась в крепостную стену, образуя тупик. Раннесредневековая поверхность с высокими, зольными линзами, разновременной керамикой, костями животных была перекрыта мощным завалом разрушенных пахсовых стен. В тупике у крепостной стены удалось проследить шесть уровней (22 см высотой) грунтового полотна дороги.

В ходе исследований жилого комплекса в истории домовладения было выделено два строительных периода.

В первый строительный период строение представляло собой единый комплекс разных по назначению комнат. Главный вход с широкими воротами находился на юго-востоке, дополнительный – с северной стороны. Внутреннее пространство дома делилось на относительно параллельные комнаты, составляющие два блока: южный (помещения 1-4, 10, 11) и северный (помещения 5-9, 12), причем помещение 5 объединяло обе половины дома.

Южный блок состоял из крытого двора, изолированного подсобного помещения, глубокого входного айвана, образующего анфиладу с двумя следующими за ним комнатами и небольшой кухней, общей для обеих половин дома, при этом одна из комнат (пом. 2) может рассматриваться как вестибюль, другая (пом. 1) – проходная – как гостиная (мехмонхона).

В северном жилом блоке, в отличие от анфиладной планировки южного, комнаты были расположены по сторонам помещения 8, являвшегося вестибюлем с очагом и суфой. Остальные помещения, видимо, были жилыми.

* Работа проводилась при поддержке РГНФ, в рамках проекта № 01-01-00203а.

Помещение 10 представляло собой подпрямоугольный в плане двор размером 5×3,3×4,2 м с выходом на улицу с южной стороны. Возможно, двор был перекрыт навесом, так как вдоль восточной стены были обнаружены три неглубокие ямки (диаметр 24 см, 28 см, 23 см; глубина 35 см), которые могли быть гнездами для опорных столбов. Две другие, таких же размеров и глубины, находились на противоположной западной стороне у прохода в помещение 3. Двор имел глинобитный серый с высолами пол, который в виде небольшого пандуса опускался от порога помещения 3 вниз к восточной стене. У западной стены был выявлен плохо сохранившийся подковообразный очаг (высота 25 см, ширина 60 см). Одна из сторон стенки очага прокалена до красно-коричневого состояния.

С северной стороны двора находился проход в помещение 11, а с западной – в помещение 3.

Помещение 11 небольшого размера (2,3×2,1 м), возможно, хозяйственного назначения, представляло собой в плане неправильный прямоугольник, вытянутый по оси север-юг, и имел проход во двор (ширина 1,25 м). Южная стена сложена из сырцовых кирпичей (31×19×8 см), остальные были паховыми. Неплотный с угольками пол имел неровную поверхность. В северной части вырыта яма, которая в дальнейшем была засыпана.

Помещение 3 представляло собой довольно глубокий айван прямоугольной формы (3,5×3,23 м), который открывал анфиладу комнат южного жилого блока. Широкий проход (2,3 м) имел небольшой порог, приподнятый за счет кладки из двух рядов сырцовых кирпичей. Массивные западная и южная стены помещения (шириной 1,05 и 1,35 м) сложены из пахсы.

Глинобитный пол с утоптанными наслоениями, с зеленоватыми зольными прослойками, с прокаленными красными и черными пятнами, понижался на восток в сторону двора. Вдоль северной и западной стен располагалась суфа (ширина 1 м, высота 0,3 м). На её восточный край опиралась кладка щеки дверного проема.

В Пенджикенте в раннесредневековых жилищах айваны оформляли выходы на улицу, в дурментепинском же доме айван выходил во двор. В.И.Распопова в своих

исследованиях пришла к выводу, что в Согде в античное время айван выходил во двор, а в раннем средневековье – на улицу (Распопова, 1990. С. 195). Вариант размещения, аналогичного нашему, когда глубокий айван обращен во двор, в архитектуре раннесредневекового Пенджикента не встречается.

Из помещения 3 можно было пройти в небольшую проходную комнату 2.

Помещение 2 подпрямоугольное в плане (2,7×2 м), расположенное в центре анфилады, очевидно, использовалось как вестибюль. Все стены помещения, за исключением западной, были построены из пахсы и оштукатурены. Частично сохранились остатки штукатурки толщиной от 1,5 до 8 см. Дверной проем в помещение 3 имел порог (ширина 35 см, высота 5 см), выложенный фрагментами сырцовых кирпичей и покрытый плотным слоем (6 см) обмазки пола. Пол глинобитный, желтого цвета с белыми вкраплениями солевых отложений. Юго-западный угол этого помещения занимала широкая суфа (1,5×1×0,18 м), сложенная из кусков пахсы.

Помещение 1 имело прямоугольную планировку (5,3×3,6 м) и являлось угловым в анфиладе. Пол глинобитный с отслаивающимися обмазками. Вследствие того, что его уровень глубже, чем в предыдущих помещениях (на 20 см), проход из соседней комнаты (помещение 2) имел порог с высоким уступом. У северной стены размещалась небольшая суфа (длина 1,18 м, ширина 0,64 м). В восточной части комнаты находилось ташнау (диаметр 0,25 м), которое удалось раскопать только на глубину 0,65 м. Вблизи его расчищены неглубокие лунки диаметром 20, 13 и 10 см. Одна из них с прокаленными стенками была заполнена угольками сторешшего дерева.

В юго-западном углу комнаты к южной стене пристроена кладка (ширина 1,5 м, высота 0,4 м) в виде пандуса, который, сужаясь (до 1,25 м), опускался от западной стены до 16 см над уровнем пола. Можно допустить, что выявленный спуск ни что иное, как пандус, ведущий наверх, возможно, на крышу. Пандусный подъем на второй этаж встречается в помещениях усадеб вблизи Пенджикента. По мнению исследователей, именно пандус указывает на наличие в зданиях второго этажа (Маршак, Распопова, 2003. С. 31).

Помещение 4 небольшое прямоугольное, размером 2×2,4 м расположено на западном крае домовладения. Это помещение на протяжении двух строительных периодов, видимо, являлось кухней. Только в первом строительном периоде оно было проходным, во втором – изолированным. На первом этапе оно сообщалось с помещениями 1 и 5. У северной стены открыт двухкамерный очаг шириной 30 см, высотой 17 см, ширина перегородки между очагами 4 см. Пол из желтоватого суглинка с черными пятнами золы. В южной стене имелся проход в помещение 1, в восточной – в помещение 5.

Помещение 5 подпрямоугольной формы (5,5×3,2 м), было проходным и соединяло три помещения – 1, 4, 8, связывая северный и южный жилые блоки.

Вдоль северной стены размещалась суфа (длина 3,5 м, ширина 0,5 м, высота 0,25 м). В центре комнаты находился очаг в виде лунки, углубленной в полу (диаметр 14 см, глубина 12 см). Заполнение лунки зольное; как ее стенки, так и поверхность вокруг очага в диаметре около 40 см красно-коричневого цвета с большими черными прокаленными пятнами. На полу встречаются спрессованные линзы зольников. Удалось выявить четыре жилых уровня пола, два из них относятся к первому строительному периоду. Пол плотный с отслаивающимися обмазками толщиной в 2 см, которые хорошо сохранились на пороге дверного проема в помещение 1. В северной части наблюдается плавное повышение поверхности к проходу в помещение 8.

У дверного проема в южной стене лежал втоптаный в пол железный трехгранный, пирамидальный наконечник стрелы.

Помещение 8 подквадратное в плане (4,25×4,1 м), в северном жилом блоке выполняло функции вестибюля, сообщаясь в первом строительном периоде с помещениями 5-7. В северной части помещения 8 располагался вход в дом со стороны хозяйственного дворика в тупике переулка (помещение 12). В этот период у северной стены размещалась суфа (ширина 0,5 м, сохранившаяся высота 0,25 м), а в юго-западном углу, у прохода в помещение 5, находилась квадратная выстилка (87×90 см) из фрагментов жженого кирпича. Поверхность кладки и прилегающие стены прокалены до красно-коричневого

цвета. У выстилки прокаленный слой достигал 4 см. Горелые слои и отсутствие очажной конструкции позволяют с уверенностью полагать, что это место использовали для обогрева помещения переносной жаровней. Было выявлено три уровня пола, нижний слой лучше сохранился в западной части. На юго-западных стенах отмечены фрагменты штукатурки и обмазка выкружки нижнего пола.

В южной стене имелся неширокий дверной проем, ведущий в изолированный комплекс из двух смежных комнат (помещения 6 и 9).

Помещение 6 сложной коленчатой планировки (4,2×3,7 м), соединенное широким проходом (ширина 2,60 м) с помещением 9. Пол глинобитный, серый с высолами, имел небольшой наклон к востоку. Суфа в северо-западном углу (длина 1,26 м, ширина 0,74 м, высота 0,43 м) находилась непосредственно у входа в помещение. Борт ее был выложен сырцовыми кирпичами темно-коричневого цвета (?×22-28×9 см), внутри она заполнена боем сырцового кирпича. Суфу могли использовать не только для сидения, но и как ступеньку.

Помещение 9 вытянутое по оси запад-восток, прямоугольное в плане (4,8×3,6 м), сохранилось плохо. Особенно пострадала северная паховая стена, поврежденная поздней ямой. Плохая сохранность слоя не позволили до конца разобраться в происходивших здесь перестройках.

Основную площадь помещения занимала большая П-образная суфа, выявленная по периметру стен (кроме северной). Размеры суфы: ширина 1,4 м, длина у западной стены 3,8 м, длина у южной стены 5 м.

Помещение 7 подтрапезицивидное в плане (3,3×4,3 м), слегка зауженное в западной части. В юго-восточном углу небольшая ниша. Стены сложены из пахсы, причем с юга и юго-запада отличаются значительной толщиной, которая здесь достигает 2,3 м. Внутри комнаты у южной стены находилась суфа, которая в юго-западном углу соединялась с широкой платформой (1,4 м). В южном конце платформы встроены подковообразный очаг шириной 28 см, высотой 9 см. Во всем в доме это единственный вариант расположения очага в платформе-суфе. Как нам представляется, платформа была универсальной конструкцией и могла использоваться как подстав-

ка под утварь вблизи очага и как суфа для отдыха.

В раннесредневековых домах. Тогда встречаются суфы с очагами, например: в усадьбе 14 под Пенджикентом (Маршак, Распопова, 2002. С. 27).

Помещение 12 возможно, являлось частью двора перед входом в жилой комплекс с северной стороны с выходом в пролегающий между домами переулочек. В ходе раскопок был исследован северо-восточный участок, где были выявлены раннесредневековые и средневековые слои, указывающие на то, что это пространство могло использоваться в качестве двора. С восточной стороны он ограничен стеной соседнего дома (помещение 15), а на юге – северной стеной исследуемого жилого комплекса. Был раскопан южный участок двора (3,4×2,5 м), что позволило зафиксировать плохо сохранившийся внешний фас северной стены, а также выявить фрагменты обмазки нижнего раннесредневекового пола.

Во втором строительном периоде дом делится на 2 домовладения. В помещении 5 на уровне четвертого пола закладываются дверные проемы, ведущие в помещения 1 и 4, что приводит к разделу дома на два самостоятельных домовладения – северное и южное – с отдельными входами.

В южном жилом комплексе (помещения 1-4, 10, 11) в этот период серьезных перестроек не происходит, производится лишь небольшой ремонт. Вход по-прежнему остается на юго-востоке, где широкий проход ведет в дворовую часть хозяйства.

Во дворе (помещение 10) рыхлый комковатый слой с угольками, золой и кусками сырцовых кирпичей отделяет пол второго строительного периода от первого. Он отличается от нижнего уровня голубоватым цветом и более плотной поверхностью с включениями мелких камешков и белыми вкраплениями солевых отложений. Пол нарушен поздней ямой (диаметр 78 см; раскопана на глубину 40 см), заполненной комковатым грунтом с зеленовато-серыми и светло-коричневыми слоями.

В помещении 11 к северной стене пристраивается суфа (высота 0,35 м, ширина 0,55 м). Ее расположение и найденный здесь археологический материал дают основание считать, что суфа, в основном, использовалась как полка. Дверной проем завален упавшими стенами. Пол плотный,

голубоватого цвета с мелкими камешками, потревожен тремя поздними ямами, в которых присутствует глазурованная керамика X–XI вв.

В помещении 3 у северной стены ремонтируется суфа. Ее площадка выравнивается сырцовыми кирпичами (36×24×9 см), которые крепко прижаты друг к другу и деформированы. С аналогичными кладками нам приходилось сталкиваться и на других участках дома. Предполагаем, что иногда в строительстве использовались влажные кирпичи. Поверхность серого с угольками, золой и высолами пола закрывали рыхлые коричневые слоющиеся тонкие слои (10 см), образовавшиеся в результате постоянного хождения.

В помещении 2 паховые стены облицовываются кирпичной кладкой (35×24-25×10 см). Северная стена достраивается серо-голубыми сырцовыми кирпичами (43×22×16, 44×23×24, ?×27×9 см). Это помещение сильно пострадало от пожара. У южной стены штукатурка прогорела местами от 3-4 до 8 см. На суфе сохранились черные и красные пятна от рухнувшей при пожаре крыши. Пол и суфа были покрыты угольками сучьев (диаметром 2-5 см), тленом камышового настила и балками перекрытий (диаметр 5-8 см).

В помещении 1 дверной проем в помещение 5 закладывается сырцовыми кирпичами (толщина стенки-заклада 0,25 м) и оформляется в виде ниши с уступами (ширина 0,7 м, глубина 0,12 м). Как и в соседней комнате, здесь фиксируются следы сильного пожара. Красная прокаленная (толщиной 2-3 см) поверхность стен сохранилась на высоту 23, 47 и 59 см. На глинобитном желтоватом полу с черным слоем золы и битой керамикой лежала прогоревшая кровля. В слое завала с многочисленной керамикой и костями животных сохранился фрагмент обрушившейся кирпичной кладки (42×24×16, 3×22×12 см).

В северо-восточном углу обнаружена овальная зернотерка.

В помещении 4 закладывается дверной проем в помещение 5. Стены достраиваются и ремонтируются сырцовым кирпичом серого и коричневого цвета (46×24×?, 44×23×?, 33×20×? см, швы 8-10 см). У порога дверного проема в южной стене расчищена лунка диаметром 9 см, глубиной 7 см. Здесь же находился серого цвета каменный пестик длиной 24 см и диаметром

8 см. Пол второго периода серо-коричневый с зольными линзами. У восточной стены в 6 см над полом расчищены две сторевшие балки длиной 57 и 22 см и диаметром 10 и 6 см. В слое над полом обнаружена зернотерка диаметром 34 см и высотой 8 см. Среди керамического материала встречаются фрагменты жаровен, тагора и хумов. В комплексе преобладают осколки разнотипных кухонных котлов. Это позволяет предполагать, что и на этом этапе данное помещение использовалось в качестве кухни.

Северный жилой комплекс (помещения 5-9) в результате выделения его в самостоятельное домовладение, с отдельным входом с северной стороны (помещение 12), подвергается значительной перестройке.

В помещении 5 производится капитальный ремонт (3 и 4 уровень пола) и пробивается проход в соседнюю комнату (помещение 6). Стены облицовываются голубовато-зеленым и голубовато-серым сырцовым кирпичом (30×25×10, 32×42×11 см) с частичным использованием желтовато-коричневого сырцового кирпича на северной и восточной стороне. Расчищенные кладки нерегулярные, с широкими швами (до 8 см). У южной стены облицовка сохранилась на высоту 0,64 м на протяжении 2,1 м. На шероховатой поверхности кладки фиксируются следы раствора. На западной стене сохранились два слоя штукатурки (9 и 10 см). У восточного торца прохода в помещение 8 на высоте 0,85 м расчищена полукруглая ниша глубиной 0,37 м. Дверной проем (ширина 0,86 м) в помещение 6 вырублен не до самого пола, а оставленная площадка высотой 0,24 м выровнена и оформлена в виде ступеньки, в северо-западный угол которой вмонтирован пяточный камень. Производится ремонт суфы (ширина 0,56 м, высота 0,25 м), при этом она подрубается с обоих концов. На подошве зафиксирована обмазка третьего и четвертого уровней пола. С востока от суфы пол прорезан подпрямоугольной ямкой, заполненной землей с древесным тленом.

Полы второго периода плотные с отслаивающимися обмазками (5 и 7 см). Верхний горизонтальный уровень, покрытый рыхлым комковатым коричневым грунтом со сторевшими балками, прутьями и обломками керамики, соответствует периоду упадка хозяйства. Запустение и окончательная гибель

дома отмечены слоем желтого цвета надувного лесса и разрушением стен.

В керамическом комплексе преобладают фрагменты кухонных котлов.

В помещении 6 у южной стены сооружается вторая суфа (ширина 0,5 м, сохранившаяся высота 0,19 м). Суфа у северной стены, по всей видимости, в обоих строительных периодах использовалась и как ступенька порога перед входом в помещение 8, а затем в помещение 8а. Верхний уровень пола (толщина 7 см) плотный из коричневой глины, этим же раствором был обмазан внешний край южной суфы. Поверхность пола с небольшими перепадами имеет восточный наклон, слегка повышаясь к проходу в помещение 9. На слои второго периода упали разрушенные стены. Завалы стен скатывались с востока на северо-запад.

Перепланировка восточного крыла во втором периоде привела к изоляции жилого комплекса из трех помещений (6, 8а, 9) с единственным выходом в помещение 5.

В помещении 8 сооружается глухая стена, разделившая некогда широкий «вестибюль» на узкий коридор (4,8×1,2 м) и комнату (помещение 8а).

В юго-западном углу у прохода в помещение 5 продолжают использовать квадратную выстилку из фрагментов жженого кирпича для обогрева помещения переносной жаровней.

В помещении 8а (3×1,9 м), образовавшемся в результате перестройки «вестибюля», единственный проход вел в помещение 6. Западная стена, служившая перегородкой, сохранилась на высоту 0,3 м и представляла собой плотный слой едва фиксируемой кирпичной кладки с рваным краем. Пол был вскрыт до дверного проема. В западной части помещения при расчистке удалось обнаружить отрезок канавки шириной в 16 см, которая прорезала пол первого строительного периода. Борты канавки выложены керамикой, галькой и булыжником, а дно заполнено плотным слоющимся гумусом. Верхние края укреплены кусками глины-гуваля, полуженными на плотный глинобитный пол. На нем в беспорядке лежали два ручных жернова, четыре пестика, три терочника и гранитные булыжники. Судя по материалу, помещение имело хозяйственное назначение: здесь, очевидно, мололи и терли зерно, что-то толкли, выполняли какие-то другие рабо-

ты, а использованная при этом жидкость по сточной канавке выводилась из дома.

В помещении 7 проводились лишь ремонтные работы. Западная и южная стены обтесывались и облицовывались сырцовыми кирпичами (?×27×7 см). Верхний пол покрыт лессовыми отслаивающимися слоями и был поврежден в период запустения дома.

Двор (помещение 12) с разделом дома на два самостоятельных хозяйства перестает играть второстепенную роль. У подошвы фасада северной стены сохранилось дно разбитого тандыра (диаметр 72 см), вкопанного ниже первого пола. Вокруг тандыра пол прокален, а грунт над полом с угольками и прожженными красными кусками земли. Поздний пол отделен от раннего слоем рыхлого грунта с примесью угольков, золы и обломками сырца и частично разрушен поздними ямами X–XI вв.

Необходимость изучения взаимосвязи жилого квартала с крепостной стеной, потребовала продолжения раскопок на участке, с запада вплотную прилегающего к ее внутренней стороне, а с востока – к раскопанному жилому комплексу. В результате была раскопана часть здания (помещения 13 и 14) (рис. 3), характер застройки и размеры которого существенно отличались от описанного выше домовладения. В ходе работ удалось установить, что здание перестраивалось в течение трех строительных периодов (рис. 5).

Первый строительный период (рис. 5, 1,2) связан с началом функционирования здания, пристроенного к крепостной стене. В этот период в помещении 13 зафиксировано два этапа перестроек.

На первом этапе это была значительных размеров (8×6 м) комната с дверным проемом в западном углу северной стены. Вдоль северной стены располагалась суфа (длина 5,2 м, ширина 1,4 м). На втором этапе к ней с востока пристраивают вторую суфу в плане усеченно-конической формы (1×0,8×3,3 м), южный торец которой упирался в хум, вкопанный в юго-восточный угол помещения. Борт суфы не сохранился.

К первому периоду относятся два уровня пола: самый нижний – глинобитный с белыми вкраплениями высолов, выявлен на глубине 1,47 м от дневной поверхнос-

ти, верхний, вскрытый не по всей площади помещения, пролегал выше первого на 13 см. Заполнение между полами рыхлое, комковатое, с угольками, золой и кусками сырцового кирпича.

Второй строительный период (рис. 5, 3) связан с перепланировкой помещения 13. Дверной проем закладывается серо-голубым сырцовым кирпичем. Под заклад уходит пол первого строительного периода. В западной же части из серо-коричневого сырцового кирпича (50×28×12, 48×27×11, 50×27×11 см) возводится узкая стена-переборка (ширина 0,28 м, длина 4,2 м). Около ее южного торца, очевидно, находился опорный столб. Его база в виде кладки кубической формы (50×50 см) сложена из желтого сырцового кирпича с примесью песка (43×24×12, 35×24×11, 35×21×10 см). Стена-переборка разделила помещение на две части (помещения 13 и 14), соединенные в южной части проходом (ширина 0,86 м). Несмотря на то, что помещение 13 изменяется в размерах (5,5×5,2 м), оно по-прежнему остается большой комнатой. Вдоль стены-переборки строится третья суфа (ширина 0,95 м, высота 0,45 м), в результате чего на данном этапе вся конструкция приобретает П-образную форму. Поверхность суфы покрывают лессовым раствором желтого цвета с большой примесью самана и тщательно заглаживают. Ее юго-восточный угол, скругленный и зауженный (на 20 см), обновляют слоем штукатурки, а хум с отбитым венчиком обмазывают толстым слоем глины (15–20 см). У южной стены помещения рядом с хумом была расчищена ямка (диаметр 30 см, глубина 28 см), заполненная коричневым комковатым грунтом с мелкими фрагментами керамики; возможно, она была гнездом опорного столба. У юго-западного угла суфы лежал фрагмент сосуда со смятым носиком-сливом.

Глинобитный с обмазками пол второго периода в помещении 13 плавно поднимается с востока на запад и у южной стены в виде пандуса подступает к порогу прохода. У хума уровень пола повышается на 17 см. Как на хуме, так и на полу сохранились следы замазки и затирки, а на месте стыка выкружка. Пол первого и второго строительных периодов разделяет слой засыпки из крупнозернистого серого песка. В заполнении над третьим полом были обнаружены фрагмен-

ты керамической посуды с преобладанием кухонной керамики.

О гибели помещений 13 и 14 при пожаре во втором строительном периоде свидетельствует сильно обгоревшая обмазка на стенах и прокаленная красная с черными пятнами сажи поверхность суфы у северной стены.

Третий строительный период (рис. 5, 4) от второго отделяет слой запустения толщиной 22–30 см. В результате пожара, повидимому, тонкая стена-переборка обрушивается, после чего ее полностью разбирают и помещение вновь приобретает прежние размеры. Стены восстанавливают серо-коричневыми сырцовыми кирпичами с примесью крупнозернистого песка. В северной и западной части они облицовываются кладкой из чередующихся рядов кирпичей (50×37×10, 56×?×14 см), положенных тычком и ложком, и заштукатуриваются (толщина 4 см). В замесе раствора штукатурки присутствуют примеси песка и самана. Швы между кирпичами варьируют от 2 до 3,5 см.

Под мощным кирпичным завалом была выявлена площадка (4,65×5,7 м), выложенная из положенных плашмя сырцовых кирпичей (50×28×12, 50×27×11, 48×27×10 см), примыкающая к восточной стене и занимающая большую часть помещения. Ее западный ровный борт был тщательно заштукатурен, поверхность перекрыта двумя тонкими темными слоями. Вдоль западной и южной стены были расчищены проходы (ширина 2,1 м и 0,7 м), которые находились над суфами второго строительного периода. Вероятно, аналогичный проход был и у южной стены. Глинобитный пол, расчищенный с западной стороны, подступал к краю площадки.

Как для третьего, так и для второго строительного периода вход в помещение обнаружить не удалось. В северо-восточном углу на стене отсутствовала облицовка. Допускаем, что здесь мог находиться проход. Однако для данного предположения не хватает должных аргументов и проблема остается нерешенной. Вполне вероятно, для входа в здание использовали лестницу, как бывало в домах VII–VIII вв. в Пенджикенте (Распопова, 1990. С. 135). Скорее всего, изоляция помещений во второй строительный период была связана с разделом здания на самостоятельные постройки.

Здание у крепостной стены погибает вместе с городом. В помещении рухнули стены. В мощном завале, упавшем с востока на запад, среди кусков пахсы и сырца был обнаружен фрагмент кирпичной кладки.

Таким образом, раскопанная часть здания у оборонительной стены отличается от дома квартала не только планировкой и монументальностью стен, но и характером использования. В плане и архитектуре здания первого, второго и третьего строительного периода проявляются элементы общественного здания. В то же время, в плане строительства жилого дома предусматривались соответствующие обязательные элементы городского дома: закрытый входной двор с айваном, вестибюль, мехмонхона, жилые и хозяйственные помещения. В его планировке присутствует некоторая асимметрия составляющих его помещений – двух хозяйственных помещений (4 и 11) по краям южной анфилады, а равновесие определяют просторные помещения 5 и 8, расположенные по центральной меридиональной оси дома.

Строительная техника и стройматериалы. По среднеазиатской традиции, основным строительным материалом были пахса и сырцовый кирпич. Из паховых блоков возводились фундаменты и несущие стены домов. Нередко встречаются комбинированные кладки с одним или несколькими рядами сырцовых кирпичей между рядами паховых блоков или 22–40 см слоем пахсы. Археологические исследования в Согде, Чаче, Уструшане, Тохаристане и других среднеазиатских регионах показали, что в VI–VIII вв. в строительстве повсеместно применяли комбинированную кладку из пахсы и сырцовых кирпичей (Ахунбаев, 1990. С. 14–15; Древний и средневековый город..., 1990. С. 10–13; Распопова, 1990. С. 135–140; Соловьев, 2004. С. 81–82; Шишкина, 1961. С. 192–204; Якубов, 1988. С. 97). Комбинированная кладка придавала особую прочность зданию. Кирпичи предохраняли стену от разрушения, а небольшой слой пахсы, как эффективный строительный прием, не только увеличивал механическую прочность стен, но и помогал значительно экономить кирпичи. В Пенджикенте с середины VII в. по середине VIII в. в строительстве использовали несколько вариантов комбинированных кладок, в

большинстве случаев слой пахсы колебался от 20 до 40 см (Распопова, 1990. С. 135). Кроме того, исследователи пришли к выводу, что подобный строительный прием способствовал антисейсмичной устойчивости архитектурных конструкций (Воронина, 1959. С. 105; Ахунбабаев, 1990. С. 14-15).

В домовладениях жилого квартала для вспомогательных стен, ремонтных кладок, в кладках дверных проемов, пристройках, облицовках использовались сырцовые кирпичи желтовато-коричневого, зеленовато-серого или серо-голубого цвета размерами: 35×24×10, 39×22×12, 34×23×9, 43×22×16, 44×23×14, 41×24×16 см. Кирпичи таких размеров встречаются в домах жилой застройки VII – начала VIII в. в Пайкенде (Раскопки в Пайкенде..., 2003. С. 31-39). Самым популярным способом кладки у дурментепинских строителей были чередующиеся ряды кирпичей «тычок-ложок».

В здании у крепостной стены во второй строительный период при ремонтных работах использовали сырцовые кирпичи: 43×24×12, 35×20×9, 35×21×10, 35×24×11 см. На последнем этапе пахсовые стены доставались и облицовывались коричневыми сырцовыми кирпичами других размеров: 50×28×12, 48×27×10, 50×27×11, 50×37×10, 50×26×10 см.

На Афрасиабе аналогичных размеров кирпичи использовались при строительстве с середины VII в. до конца VIII столетия (Ахунбабаев, 1990. С. 20). В Пенджикенте и пригородных усадьбах стены помещений VII – начала VIII в. сложены из сырцовых кирпичей, размеры которых также соответствуют дурментепинским (Маршак, Распопова, 2000. С. 19-26). В Чаче раннесредневековые здания VII–VIII в. возводились из сырцовых кирпичей размерами: 46-48×24-25×10, 47-48×24×10-11, 46×24×10-12 см (Древний и средневековый город..., 1990. С. 16-32, 63-69, 109-112).

Внутренняя поверхность стен выравнивалась и покрывалась штукатуркой слоем от 5 до 10 см, встречаются стены с тремя обмазками ремонтной штукатурки. В глиняный раствор добавляли примесь самана и песок.

Стены раскопанных домов сохранились на высоту от 0,5 до 1,1 м, их толщина варьируется от 0,8 м до 2,1 м. Стены здания у крепостной стены отличаются большей монументальностью (толщина 2,1 м). Пахса и сырцовые кирпичи использовались в

строительстве суф. Отмечено три варианта кладок: пахсовые, комбинированные и борта из кирпичей с заполнением битой пахсой. Поверхность суф выравнивали, заглаживали и штукатурили. Щели дверных проемов также штукатурили.

Пороги в дверных проемах или проходах оформлены фрагментами сырцовых кирпичей (помещения 3, 5, 14), обмазанных глиной, в виде уступа (помещение 2) или ступеньки (помещение 5). Встречаются пороги с вмонтированным в угол пяточным камнем двери.

Полы в комнатах глинобитные с обмазками от одного до четырех уровней.

Крыши домов, из тонких веток деревьев и камыша, поддерживали деревянные балки 6-10 см в диаметре. Столбовые конструкции вкапывались в пол или ставились на базы, сооруженные из сырцовых кирпичей.

Керамический материал, найденный в жилом комплексе, происходит только с уровня второго строительного периода и отличается разнообразием. Это фрагменты и целые формы столовых, кухонных и тарных сосудов.

Из помещения 5 происходит хороший комплекс керамики, в том числе и нескольких сосудов целых форм (рис. 6, 1-11, 13-18). У дверного проема был обнаружен одноручный узкогорлый кувшинчик с массивным округлым венчиком и следами подрезов в нижней части тулова (рис. 6, 16). Вблизи южной стены на полу в зольной линзе был найден небольшой широкогорлый светло-коричневый горшочек на плоском неустойчивом дне. Придонная часть подрезана крупными фасетками. Плечики тулова украшены полосой елочного орнамента (рис. 6, 17). В этом же помещении найден раздавленный одноручный кувшин с округлым туловом, высоким широким горлом и высоким носиком-рожком, крепящимся к венчику. Вокруг носика тулово украшено углубленными полуovalами. Суд покрыт красным пачкающим ангобом, потеки которого сохранились на внутренней и внешней поверхности (рис. 6, 18). Идентичный кувшин VII–VIII вв. происходит из науса у городища Ак-Бешим (Кызласов, 1959. С. 230-231). В VII–VIII столетиях аналогичные сосуды были популярны в Согде, в Уструшане, Чаче, Семиречье (Буряков, 1956. С. 126; Негматов, 1999.

С. 322-323. Табл. 78, 79; Шишкина, 1961. С. 210). По мнению специалистов, этот тип водоносных кувшинов с трубчатым носиком-раструбом, прижатым к венчику, появляется в Согде с середины VII в. (Распопова, Шишкина, 1999. С. 72-73).

В помещении 1 найден небольшой тонкостенный серого-зеленого цвета широкогорлый котелок-поильник с туловом грушевидной формой, округлым венчиком и плоским маленьким дном. На плечико тулова крепится вылепленный носик. Тулово котелка покрыто плотным темно-серым ангобом со слабым металлическим обжигом. В нижней трети тулова видна подрезка ножом (рис. 6, 21). Аналогичный горшочек известен в керамических комплексах Пенджикента VII в. (Распопова, Шишкина, 1999. С. 269. Табл. 25, №2).

В помещении 2 у порога среди керамики были найдены фрагменты одноручной кружки усеченно-конической формы с округлым тонким венчиком и рельефным бортиком. На стенках тулова каннелюры, вырезанные острым предметом (рис. 6, 20). Б.Я.Маршак пришел к выводу, что с V–VI в. гончары Согда начинают использовать орнамент, подражающий металлу, один из его типов – глубокие резные каннелюры (Маршак, 1965. С. 206). В Пенджикенте с конца VII по 70-е годы VIII века происходит постепенное изменение керамики. В комплексе столовой посуды преобладают кружки. Появляются кружки орнаментированные рельефами (Маршак, Распопова, Шкода, 1999. Рис. 50).

В юго-восточном углу помещения 3 была обнаружена кружка с конически расходящимися стенками тулова и прямым заостренным краем венчика. У нее массивное, грубо вылепленное, слегка скошенное дно со следами лепки и среза ниткой. Две рельефные бороздки украшают верхнюю и нижнюю часть корпуса. Непропорционально большая ручка перетягивает кружку на бок (рис. 6, 22).

В серо-коричневом с золой и угольками слое над полом, среди фрагментов венчиков кувшинчиков и кувшинов, чаш и хумов обнаружены три пряслица – два округлых (рис. 6, 12) и одно биконическое, орнаментированное тисненными кругами и процарапанными линиями.

В здании у крепостной стены керамика не была найдена, лишь в завале был обнаружен

кувшинчик с массивным венчиком, узким горлом, следами подрезов в придонной части и небольшим плоским срезанным дном. На плечико тулова посажен небольшой трубчатый носик. Основание носика украшено насечками (рис. 6, 19). Подобные сосуды встречаются в согдийских материалах VII в. Кроме того, среди материала завала найдены фрагменты смятого носика-слива широкогорлого сосуда, датирующегося по согдийским материалам VI – первой половиной VII в. (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 56-58, 51-54).

Итак, как показали наши исследования, здание у западной крепостной стены в конце VI – начале VII в. н.э. уже функционировало. И несколько позже, возможно в первой половине VII в., с востока к нему пристраивается один из домов раннесредневекового жилого квартала. С севера-востока от домовладения располагались два дома (2, 3), а через улицу зафиксирован еще один дом (4).

В первом строительном периоде общая площадь домовладения составляла больше 160 м². Это был 10-комнатный дом с двумя дворами. Согдийская городская застройка VII – первой четверти VIII в. наиболее полно изучена в Пенджикенте. В жилых массивах соседствовали двухэтажные дома богатых и бедных горожан. Площадь домов, составляя три группы, варьируется от 16,4 м² до домовладений более 800 м² (Распопова, 1990. С. 132-134, 175-180).

Несмотря на то, что архитектура дурментепинского дома значительно отличается от пенджикентского, однако в нём предусмотрены стандартные элементы среднеазиатского раннесредневекового городского дома: двор с айваном, вестибюль, мехмонхона, жилые и хозяйственные помещения. Учитывая площадь домовладения, можно предположить, что в первом строительном периоде дом принадлежал достаточно зажиточному горожанину. Во втором строительном периоде с разделом дома изменяется и его статус. В домовладениях соответственно сокращается жилая площадь, меняется характер использования некоторых помещений, вследствие чего оба домовладения переходят в категорию рядовых жилищ.

Археологические и исторические источники свидетельствуют о значительной роли

жилых кварталов в общественной, административной и социальной жизни в раннем средневековье в городах Средней Азии (Распопова, 1990. С. 176). Исторические параллели мы находим в исследованиях О.А.Сухаревой позднесредневековой Бухары. В городе «при всей неоднородности жителей квартала, взаимной несвязанности их отношениями производственными и профессиональными – они были объединены в общину. Это соединяло все семьи квартала личными связями, общими интересами, участием в общих делах» (Сухарева, 1976. С. 19). Жителей кварталов тесно связывали общие обязанности по их благоустройству (забота о водоснабжении, очистка и постройка хаузов), соблюдению религиозных и традиционных праздничных обычаев. На Афрасиабе в средневековых кварталах для благоустройства улицы каждой семье выделялся отрезок с четкими границами. Для фиксации участки выкладывались различными по цвету каменными плитами. (К сожалению в иллюстрациях это не отражено). В свою очередь все члены квартальной общины получали права на пользование территорией квартала и общественными зданиями. Для всех городов Средней Азии большое значение в жизни кварталов играла мечеть. Именно в мечетях после молитв жители квартала получали возможность постоянного общения для решения бытовых, административных и общественных квартальных проблем (Сухарева, 1976. С. 21).

Кроме мечетей в городах и далеких горных селениях были общественные дома типа «алоу-хона» («дом огня»). По мнению О.А.Сухаревой, их роль, как центра обще-

ственной жизни коренится в древних традициях, соединяющих место культа с общинным домом (Сухарева, 1976. С. 19). Нам представляется, что в VII – первой четверти VIII в. здание у крепостной стены городища Дурмен могло быть таким домом, где собирались для молитвы, общения и решения семейных и общинных проблем жители близлежащих жилых кварталов. Аргументами для данного предположения являются: топография, архитектурные различия с жилым домом, монументальность здания, большая вместимость помещения, стремление к удлинению протяженности суф в процессе перестроек, быть может связанное с увеличением членов общины. А изменения интерьера в третьем строительном периоде, когда вместо суф по периметру стен возводятся большая суфа-эстрада, не повлияли на общественный характер здания. Аналогичный вариант общинного дома на городище встречается, но уже в средневековой сельской застройке Дурмена (см. статью Н.Ю.Вишневской).

В конце VII – начале VIII в. Согд подвергается грабительским набегам арабов, гибнут города и селения. В 712 году арабы покоряют Самарканд. Очевидно, в первой четверти VIII в. был захвачен и Исбискет (городище Дурмен). Жилой квартал погиб в пожаре, а здание у крепостной стены постепенно разрушилось.

В IX–XI вв. на городище возникает небольшое поселение. Судя по раскопаным нами средневековым ямам, на месте раннесредневекового квартала располагались постройки. Позднее на месте квартала производили захоронения.

Библиография

- Ахунбабаев Х.Г. Дворец Ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1990.
 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
 Буряков Ю.Ф. Городище Минг-Урюк в Ташкенте // Тр. САГУ. Ташкент, 1956.
 Воронина В.Л. Раннесредневековый город Средней Азии // СА. 1959. № 1.
 Галиева З.С. Археологический мониторинг Пастдаргомского района Самаркандской области // Центральная Азия. Источники, История, Культура. Тез. докл. конф. М., 2003.
 Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Под ред. Ю.Ф. Бурякова. Ташкент, 1990.
 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. II. М., 1959.
 Маришак Б.И. Керамика Согда V–VII вв., как историко-культурный памятник // Дис. к. ист. наук. Л., 1965.
 Маришак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1999 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. II. СПб., 2000.
 Маришак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 2001 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. IV. СПб., 2002.

Маришак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1998 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. I. СПб., 1999.

Негматов Н.Н. Уструшана // Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.

Раскопки в Пайкенде в 2002 году // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. IV. СПб., 2003.

Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Л., 1990.

Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.

Соловьев В.С. Раскопки второго домовладения // Материалы ТЭ. Вып. 4. Елец, 2004.

Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.

Шишкина Г.В. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 2. 1961.

Шишкина Г.В. Сооружение у стен Исбискета // Центральная Азия. Источники, История, Культура. Тез. докл. конф. М., 2003.

Шишкина Г.В. Наймарк А.И. Историческая топография Дурмен-тепе // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. конф. Суздаль, 1987.

Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.

Рис. 1. Городище Дурмен: 1 – топографический план 1986–1987 гг.; 2 – план-схема территории городища и части пригорода по результатам дешифровки аэрофотоснимков; 3 – аэрофото городища Дурмен

Рис. 2. Городище Дурмен. Вид раскопа 8

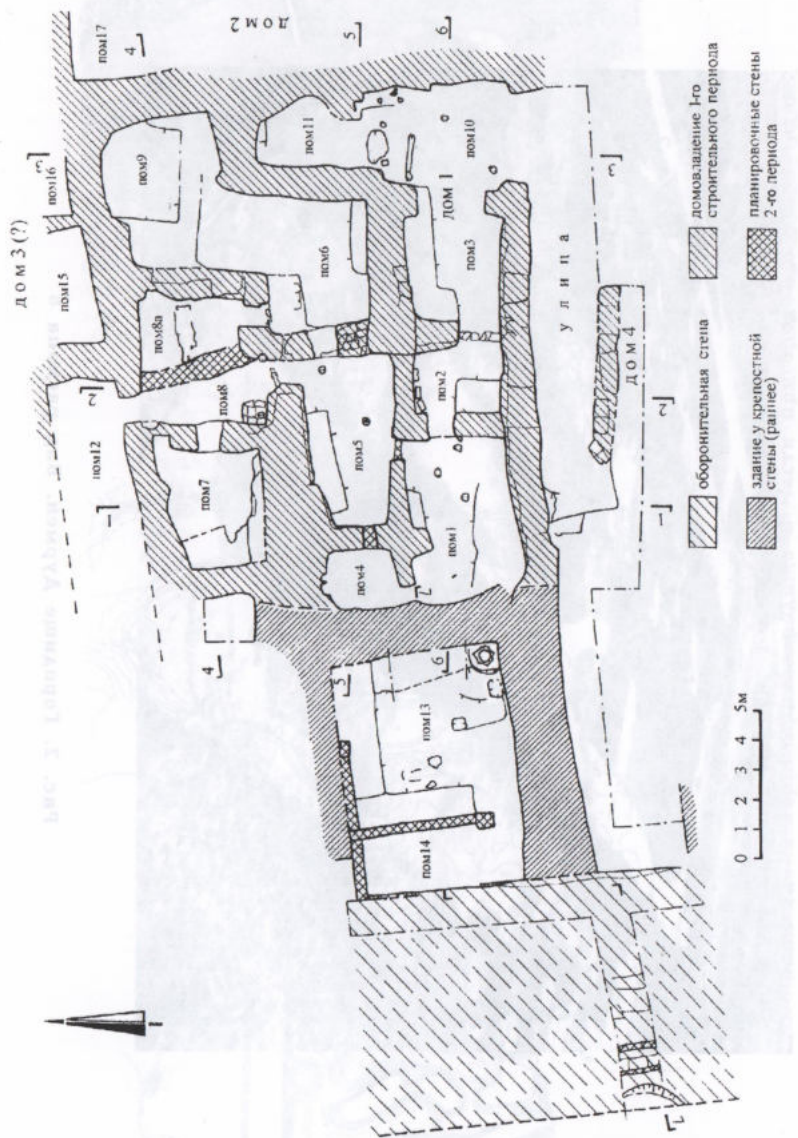

Рис. 3. Городище Дурмен. Раскоп 3. План

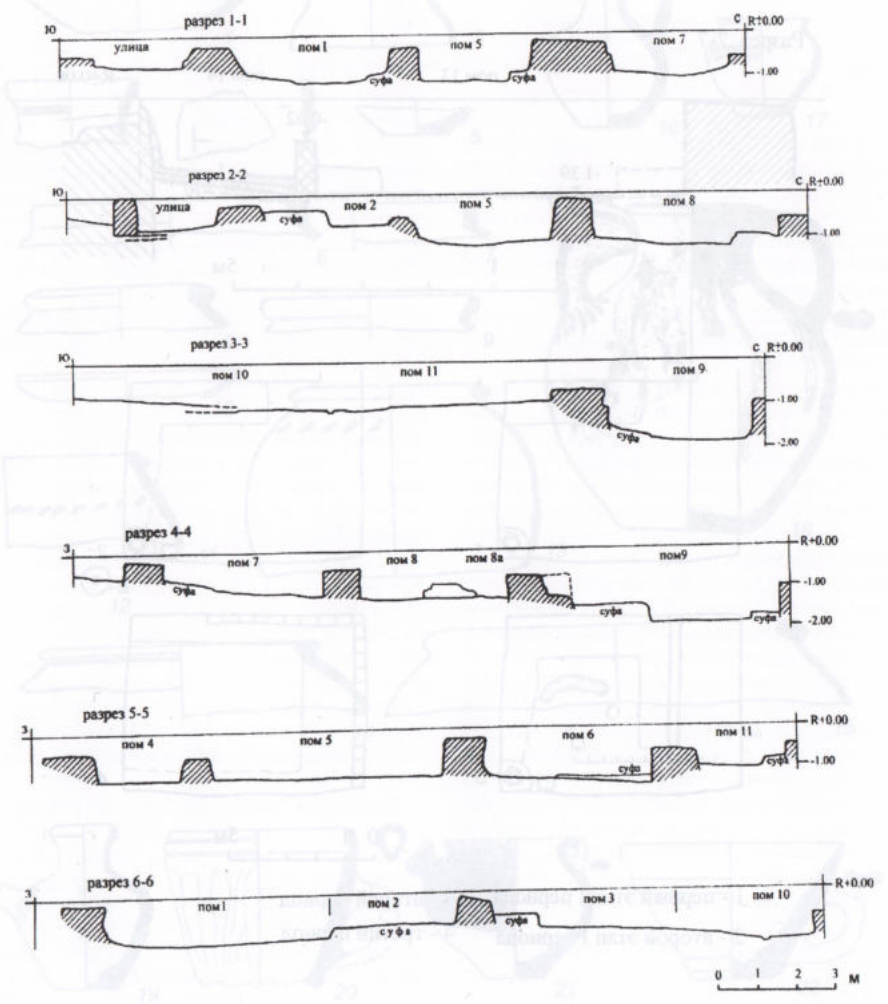
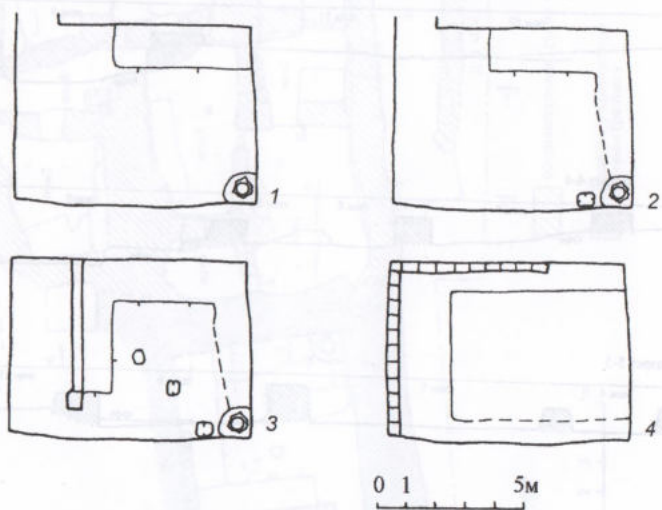
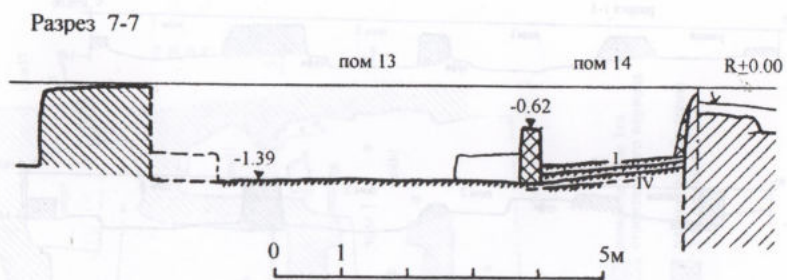

Рис. 4. Городище Дурмен. Раскоп 8. Разрез

- 1 - первый этап I периода 3 - второй период
 2 - второй этап I периода 4 - третий период

Рис. 5. Городище Дурмен. Раскоп 8.
 Разрезы и планы помещений 13 и 14

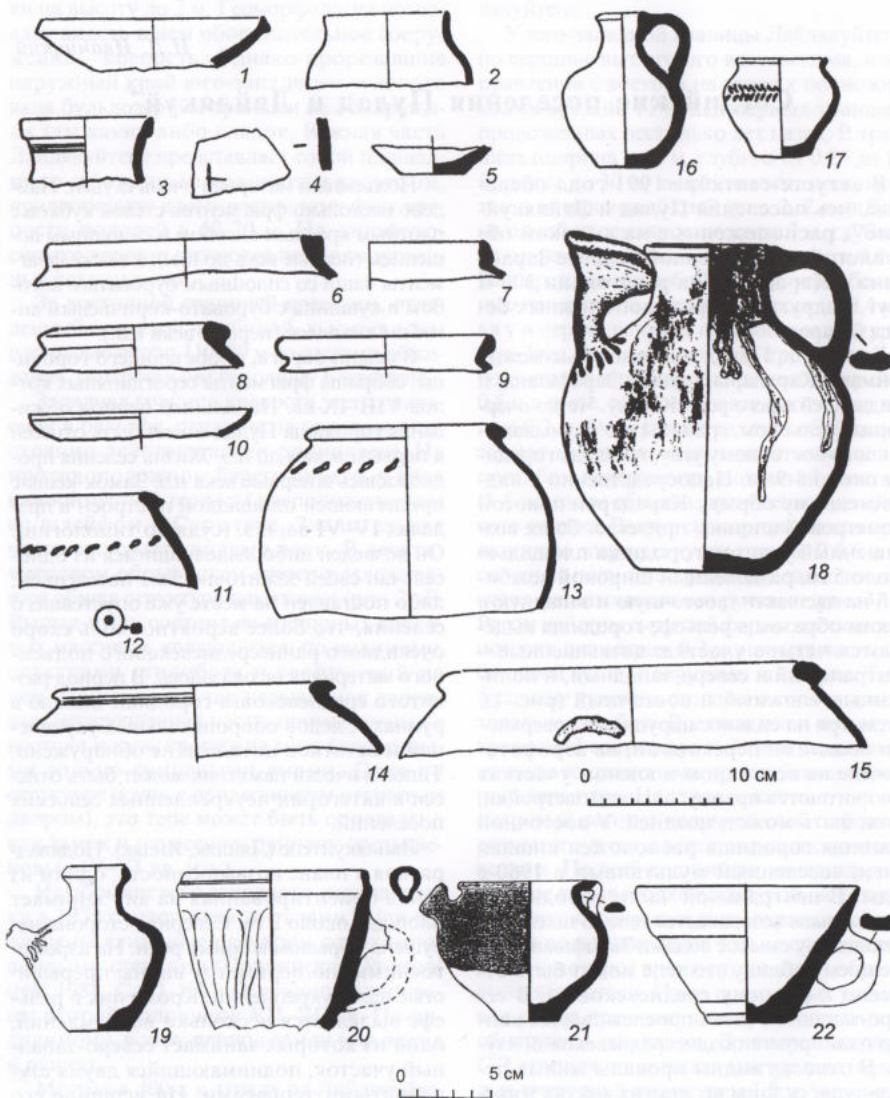

Рис. 6. Комплекс керамики из раскопа 8:
 1-11, 13-18 - помещение 5, пол 3; 21 - помещение 1;
 20 - помещение 2; 22 - помещение 3;
 12 - помещение 4; 19 - помещения 13, 14

Согдийские поселения Пулад и Ляйлякуй

В августе-сентябре 1991 года обследовались поселения Пулад и Ляйлякуй-тепе*, расположенные на высокой обрывистой надпойменной террасе Зарафшана – Карадарьи на расстоянии 300 м друг от друга, на противоположных берегах Карасу.

Городище Пулад занимает мыс между поймами Карадарьи (рукава Зарафшана) и впадающей в него реки Карасу. Четко очерченные рельефом, границы его размываются к юго-восточному углу, площадь городища около 8-9 га. Непосредственно к надпойменному обрыву Карадарьи полосой стометровой ширины прилегает более возвышенный участок городища площадью около 5 га, разделенный широкой ложбиной на две части (восточную и западную). Таким образом в рельефе городища выделяются четыре участка: возвышенные – центральный и северо-западный, и пониженные – южный и восточный (рис. 1). Несмотря на сильное нарушение поверхности поздними перекопами, на аэрофотоснимке на восточном и южном участках ясно читаются прямоугольники застройки, хотя, быть может, поздней. У восточной границы городища расположен кишлак Янги, заселенный мультанями в 1960-е годы. В центральной части городища у края обрыва возвышается тепе со шлейфом, наполовину смытое водами Зарафшана. По внешнему облику это тепе может быть отнесено к раннему средневековью. В северо-западной части прослеживается контур планировки позднесредневековой хаули. В откосах видны провалы жилых пещер-туля, склоны во многих местах изрыты современными землянками. Судя по всему, микрогеография городища изменена поздним обживанием, вероятно, уже XIX-го столетия.

* Работа проводилась при поддержке РГНФ, в рамках проекта № 01-01-00203а. Дешифровка аэрофотоснимков выполнена З.С.Галиевой и О.Н.Иневаткиной.

** Городища обследовались Г.А.Вафаевым при участии автора в связи с составлением свода археологических памятников.

Подъемный материал очень скуден. Найдено несколько фрагментов стенок кубков с плотным красным ангобом и сплошным лащением (первые века до н.э.), а также фрагменты чаши со сплошным буроватым ангобом и кувшина с буровато-коричневым ангобом внаплеск (первые века н.э.).

В осыпи оврага, прорезающего городище, собраны фрагменты сероглиняных котлов VIII–IX вв. Начальный период обживания городища Пулад может быть отнесен к первым векам до н.э. Жизнь селения продолжалась в первые века н.э. Замок-кешк с прилегающей площадкой построен в пределах IV–VI вв. н.э. (судя по типологии). Он возведен либо выделившимся из односельчан своей зажиточностью поселенцем, либо поставлен на месте уже опустевшего селения, что более вероятно, коль скоро очевидного раннесредневекового подъемного материала не оказалось. В период развитого средневековья городище лежало в руинах. Следов оборонительных укреплений и остатков цитадели не обнаружено. Типологически памятник может быть отнесен к категории неукрепленных сельских поселений.

Ляйлякуй-тепе (Ляйляк, Яйляк). Подквадратная в плане возвышенность, одним из углов ориентированная на юг, занимает площадь около 2 га. Северная сторона нарушена обрывом в пойму реки. На аэрофотоснимке по периметру видны прерывистые валы укреплений. Кроме них в рельефе выделяется несколько всхолмлений, одно из которых занимает северо-западный участок, поднимающийся двумя ступенчатыми террасами. На вершине его квадрат – каре оплывших стен площадью 20×20 м с подъемом на восточной стороне. Пространство внутри каре плавно понижается от краев. В обрыве северного

фаса каре прослеживаются пахсовые кладки на высоту до 2 м. Геоморфология позволяет видеть в нем оборонительное сооружение – крепость. Однако прорезавшие наружный край юго-западного углового вала бульдозерные траншеи не обнаружили там каких-либо кладок. Южная часть Ляйлякуй-тепе представляет собой площадку со сглаженным холмистым рельефом, прилегающую к юго-восточному фасу крепости полосой в 60-70 м. На аэрофотоснимке хорошо читаются подпрямоугольные всхолмления.

За восточной границей крепости, отделенный широкой ложбиной, высятся холм площадью около 110×80 м со следами обживания, синхронными городищу Багрытепе.

Западная граница крепости, четко читаемая в рельефе, ограничена оврагом с постоянно действующими родниками. На противоположном берегу оврага, у края надпойменной террасы расположено тепе со шлейфом – Сарытепе. Значительная часть его смыта водами реки. В десятиметровом обрывистом срезе прослеживается общая структура памятника (рис. 2, 1). Вышка-кешк состоит из сплошных пахсовых массивов, являющихся, по-видимому, остатками стилобата и сооружений на нем. Пониженная, так называемая дворовая, неукрепленная часть, примыкающая с востока и юга, прорезана многочисленными зольно-гумусными ямами. Судя по структуре (кешк с прилегающим открытым двором), это тепе может быть определено как замок и отнесено к раннему средневековью (V–VI вв. н.э.).

Из обрывистого западного склона кешка в 1979 г. местными жителями были извлечены глиняные оссуарии со штампованными стенками (Павчинская, Ростовцев, 1988. С. 91-101). Оссуарии датированы второй половиной VII–VIII в. По-видимому, в этот период замок уже лежал в руинах.

Метрах в 400-х к западу от Ляйлякуй-тепе на берегу реки высятся остатки холма, именуемого местным населением Тупхона. Сохранилась часть, видимо, шлейфа на высоту 5-6 метров. Срезы осмотреть не удалось из-за недоступной высоты. На поверхности, по склону собрано небольшое количество керамики, хронологически распадающейся на две группы – древнюю и позднесредневековую. Древняя керамика

по облику синхронна нижним слоям Ляйлякуй-тепе.

У юго-западной границы Ляйлякуй-тепе, по вершине вытянутого всхолмления, в направлении с востока на запад к подножию холма врезано 11 бульдозерных траншей, проложенных несколько лет назад. В траншеях (ширина до 4 м, глубина от 0,25 до 1,9 м, длина до 30 м) выявлены землянки, врытые в материковый слой (рис. 2, 2,а-в). Длина одной из землянок по срезу 7 м, глубина от современной дневной поверхности 0,8 м. Пол представляет собой хорошо утрамбованную поверхность, повышающуюся на 0,4 м к югу и переходящую в горизонтальный уровень (рис. 2, 2,а). Почти в центре разреза, на полу стояло сооружение типа очага шириной 0,5 м в срезе, сохранившаяся высота над полом 0,2 м. Очаг представляет собой вырезанное в лессе возвышение с небольшим прогибом поверхности, покрытой толстым (3-4 см) слоем обмазки, прокаленной до красного оттенка. Вокруг сконцентрированы прокаленные докрасна куски грунта. В 0,6 м от стенки на полу лежал разбитый закопченный котел с шишковидными ручками (рис. 3, 7). Рядом найдены округлой формы плоская зернотерка диаметром 0,2 м, нижняя часть небольшой хумчи с округлым дном (рис. 3, 6), фрагмент кувшина столового типа под желтоватым ангобом. Все находки и пол перекрывает 15-сантиметровый слой слежавшейся пыли со слоистыми прослойками натечного характера. Над ним лежит почти полуметровый натечно-надувной слой с кусками размытого лесса и отдельными костями животных. По всей видимости, землянка длительное время стояла покинутой, не исключено, что перекрытие еще сохранялось, так как на полах накопился только слой пыли и лишь некоторое время спустя стали образовываться натечи. Из-за постоянных размывов холма древнюю дневную поверхность обнаружить не удалось. В четырех метрах к С-3 от землянки зачищен контур ямы округлых очертаний диаметром 1,8 м, заполненной зольным грунтом. В других траншеях по всей длине прослеживаются остатки землянок, зольных и очажных ям (рис. 3, 2,б,в).

С полов землянки удалось собрать ряд керамических форм. В том числе кубок (рис. 3, 1) с плавным переходом стенки к основанию. Верхняя часть внешней поверхности, высветленная при обжиге, залоще-

на горизонтальными частыми полосами, имеющими легкую желобчатость, что характерно для ранних опытов лощения. Аналогичная обработка поверхности наблюдается на многих столовых видах посуды в комплексах Сарате-2 конца IV – начала III в. до н.э. Форма кубка известна в VI–V вв. до н.э. На Афрасиабе, на первом этапе II периода подобные сосуды приобретают плавный профиль, хотя в других случаях коленчатый профиль продолжает сохраняться и на первых двух этапах Афрасиаб III (Шишкина, 1969. С. 235. Рис. 3, 17–22). У другого кубка имеется легкий перехват под скругленной закраиной (рис. 3, 2). Чаши диаметром от 19 до 34 см – полусферические и, судя по единственному фрагменту дна, плоскодонные (рис. 3, 5). Край устья скруглен, иногда снаружи легкая выемка (рис. 3, 3, 4). И чаши, и кубки не ангобируются.

В слое слежавшейся пыли на полу землянки найден котел грубой лепки с шишковидными ручками, стенки плавно переходят ко дну, очевидно, круглому (рис. 3, 7). Котел сформован ленточным способом. Аналогичные котлы известны на Афрасиабе на ранних этапах периода II (Кабанов, 1981. С. 42. Рис. 19, 29–30), в слоях Афрасиаб II и Афрасиаб III (Шишкина, 1969. Рис. 106, 110, 111). Там же лежали фрагменты хумчи, вытянутой из одного комка глины, но при этом дно формовалось в чаше. На месте перегиба стенок у края формовочной чаши идут аккуратные горизонтальные срезы (рис. 3, 6). В целом керамические формы из землянки укладываются в пределы конца IV – начала III в. до н.э.

В Ю-В внутреннем углу каре заложен шурф размером 3×4 м. Шурф удалось довести всего до начала второго яруса. Первый ярус состоял из рыхлой тонкодисперсной земли натечно-надувного характера. В начале второго яруса грунт стал более плотным, у восточной стенки шурфа наметился паховый массив и разрушенная внутренняя плоскость стены. Сразу же под дерном стали попадаться фрагменты керамики, в обилии встреченные по всей площади шурфа. Обращает внимание сильная засоленность керамического материала и его фрагментарность.

Столовая керамика представлена плоскодонными кубками с наклонным внутрь или слегка развернутым устьем (рис. 3, 9–14),

примечательно отсутствие какого-либо покрытия или же дополнительной обработки. Кубки на плоском дне встречаются в комплексах V–III вв. до н.э. и сохраняются вплоть до первых веков до н.э. (Шишкина, 1969. Рис. 3, 17–19).

Найдена чаша с отогнутым наружу венчиком клювовидного очертания (рис. 3, 8). Венчик, наружная и, видимо, внутренняя поверхности залощены. Датируется сосуд периодом Афрасиаб II (Шишкина, 1969. С. 233). Чаши такого типа появляются, видимо, еще в IV в. до н.э., но имеют более утяжеленные пропорции (Кабанов, 1981. С. 42. Рис. 17, 7–10).

Помимо описанных кубков и чаши, встречен фрагмент бокала-кубка на высокой ножке. Его наружная сторона покрыта густым, плотным кремовым ангобом и сплошным лощением. Особенности покрытия бокала известны в материалах поселения керамистов Сарате-2 (Сааттепе, Садтепе) на юго-западе от Афрасиаба, близ старого русла Даргома. Датировка охватывает период конца IV – начала III в. до н.э. Известные по раскопкам Афрасиаба раннеантичные кубки имеют другие характеристики (Шишкина, 1969. Рис. 3, 18, 19). С.К.Кабановым на Афрасиабе найдены бокалы аналогичные нашему, но без ангобирования (Кабанов, 1981. С. 31, 57. Рис. 13, 1, 2; 17, 1, 4; 18, 1, 2). Они могут быть датированы последней четвертью IV в. до н.э., поскольку они включены в комплекс с элементами эллинизации и отнесены к раннему этапу Афрасиаб II.

Широкогорлые кувшины представлены горловинами с массивными венчиками (рис. 3, 15, 16), а корчаги – венчиком с выступом для крышки (рис. 3, 17). И те, и другие имели плоские днища (рис. 3, 18, 19).

В большом числе представлены хумчи, хумы и широкогорлые (диаметр 70–80 см) открытые сосуды типа чана (рис. 4, 24–26). Венчики разной профилировки: отогнутые наружу (рис. 4, 1, 2, 9), Т-образные (рис. 5, 2, 7, 9), в виде утолщенного манжета (рис. 4, 10–23), иногда загнутые внутрь (рис. 4, 12, 22, 23); либо округлых (рис. 4, 10, 12–15, 18–20), либо подпрямоугольных (рис. 4, 16, 17, 21–23) очертаний. Один из венчиков усложнен выделенной закраиной и бороздкой (рис. 4, 11). Днища округлые и уплощенные, слегка выпуклые. Округлые днища лепились в формах. В два приема фор-

мовалось тулово, крепление которого к дну усиливалось пальцевыми вмятинами (рис. 4, 21, 30). Хумча с Т-образным венчиком может быть отнесена к концу III–II вв. до н.э. (Кабанов, 1981. Рис. 22, 4–8; Шишкина, 1969. Рис. 3, 100). Манжетовидные венчики хумов и хумчей, как и техника отдельной формовки частей сосудов, сохраняются вплоть до конца периода Афрасиаб III (Шишкина, 1969. С. 236). Хозяйственные кувшины с изломанным профилем венчика и выемкой для крышки представлены в нижних слоях городища Кой-крылган-кала (Кой-крылган-кала, 1967. С. 107. Табл. 2, 45), датированных IV–III вв. до н.э. Отсутствие среди керамики характерных красноощенных тонкостенных сосудов, известных для Афрасиаба II, объясняется принадлежностью комплекса к самому началу эллинистического периода, когда лощение и особенно ангобирование красножущимися глинами не получило широкого применения. Могли сказаться и периферийность поселения, а также и его статус. Впрочем, и тот, и другой факторы вряд ли сыграли существенную роль, если вспомнить комплекс прекрасно выполненной, «городского» облика керамики, найденный в глухой горной усадьбе Джунайты.

Анализ материала из верхних слоев шурфа позволяет датировать его периодом Афрасиаб II, то есть III–II вв. до н.э. То обстоятельство, что эта керамика найдена в оплывах стен каре, ее фрагментарность, видимо, дает право предположить, что фрагменты попали в строительную глину и таким образом характеризуют этап, предшествующий сооружению каре.

На поселении есть и керамика конца периода Афрасиаб II, и широко распространенная в период Афрасиаб III, т.е. первых веков до н.э., но обильного материала этого периода на поселении не встречено, что, возможно, указывает на затухание жизни на памятнике в это время.

На поверхности Ляйлякуйтепе собрано значительное количество столовой, тарной и кухонной керамики (рис. 5). Кубки (рис. 5, 6–8) покрыты красным ангобом, жидким (рис. 5, 6) или плотным. Один из фрагментов кубков с двухсторонним ангобом и сплошным лощением имеет отличительную особенность – ангоб нанесен с помощью кисти. Сосуд со сферической верхней

частью тулова (рис. 5, 9) снаружи обработан горизонтальными полосами лощения непосредственно по черепку. По форме и размерам он соответствует афрасиабскому кубку IV-го века до н.э. (Кабанов, 1981. Рис. 18, 5).

Чаши представлены формами разных размеров и профилировки (рис. 5, 1–4, 11, 12, 14). Черепок одной из чаш серого цвета, что достигалось обжигом без доступа кислорода – технология, получившая распространение в III–II вв. до н.э. Чаша с развернутым бортом с уступом внутри и сплошным лощением по черепку аналогична сосудам, известным на Афрасиабе, начиная с первого этапа II-го периода и до III в. до н.э. (Шишкина, 1974. С. 44, рис. 5, 11, 12). Некоторые из найденных фрагментов имели обточку придонной части до блеска (рис. 5, 12). Придонная часть одной из чаш грубо подправлена ножом (рис. 5, 14), ее внутренняя поверхность покрыта шелушащимся черным ангобом. У толстостенной миски (диаметр 30 см) с отогнутым устьем округлое дно, выполненное в чашевидной форме на песчаной подсыпке. Ребро на стыке стенок миски и края формовой чаши тщательно подрезано (рис. 5, 5). По технологическим особенностям изготовления миска примыкает к изделиям первой половины – середины I тыс. до н.э. Аналогичные сосуды, но с более выраженным изгибом стенок корпуса, известны на самаркандском поселении Лолазор (Бурякова, 1981. С. 14–15. Рис. 7, 3, 4, 7, 9). Лолазорское поселение Э.Ю.Бурякова датирует VII–V вв. до н.э., вместе с тем некоторые формы, в том числе и рассматриваемая нами, находят сходство в Яздепинском комплексе III (450–350 гг. до н.э.) (Массон, 1959. Табл. XII, 4, 5). Близкие формы в большом количестве встречены на Сарате-2, в обширном комплексе конца IV в. до н.э. Подобные типы мисок могли сохраняться в гончарном ассортименте и в эллинистический период. В одном экземпляре найден фрагмент неангобированного широкогорлого сосуда типа кратера (рис. 5, 10).

О вариантах форм кувшинов и корчаг приходится судить по профилю их венчиков. Отогнутые венчики с приотстранным бережком (рис. 5, 16), но меньших диаметров, чем ляйляктепинские, известны в комплексах IV в. до н.э. на Афрасиабе (Кабанов, 1981. Рис. 13, 7; 19, 19). Отогнутый

венчик с приостренным краем (рис. 5, 17) обычен для эллинистических комплексов. Утолщенные (припухлые) отогнутые венчики кувшинов (рис. 6, 19, 22) имеют близкие аналоги в переходном комплексе городища Дженатепе в Афганистане (Пидаев, 1984. С. 112. Рис. 1, 23-26). Венчик в виде горизонтального бортика с ложбинкой (рис. 5, 18) близок профилю горловины кувшинов греко-бактрийского комплекса Дженатепе II в. до н.э. Горловины с внутренним выступом стенки (рис. 5, 15, 20, 21, 23) присутствуют в нижних слоях Кой-крылган-калы (Кой-крылган-кала, 1967. Табл. II, 43, 45).

Профилировка ряда венчиков тарной посуды известна на Афрасиабе в переходных к периоду II комплексах (Филанович, 1969. С. 213. Рис. 2) и у хумчей из Дингильдже (Воробьева, 1973. Рис. 33-35).

Кухонная керамика представлена небольшим количеством фрагментов котлов, выполненных в ленточной технике или на матерчатом шаблоне, оставившем отпечатки ткани на внутренней поверхности сосуда. Техника матерчатого шаблона, возникшая в глубокой древности, продолжала сохраняться и в III-I вв. до н.э., причем не только в домашнем или сельском промыслах, но и в таком центре городского специализированного керамического производства, каким был Саратепе.

В рассмотренных нами образцах ляйляктепинской посуды, тяготеющих к древней технологии и формам, очевидны признаки эллинистического влияния в ранних его проявлениях.

О местном гончарном производстве убедительно свидетельствует черепок, использованный в качестве ложила, а также фрагменты керамики с признаками брака в виде пережога.

Подъемный материал (рис. 5), охватывающий период с конца IV в. до первых веков до н.э., характеризует время обживания Ляйляктепинского поселения. В дальнейшем вся территория памятника никогда не обживалась, но эпизодически использовались отдельные участки. Вплоть до позднесредневекового времени водоснабжение обеспечивалось родниковым питанием. В глубоком овраге, ограничивающем поселение с запада, в промоинах найдено небольшое количество

средневековой неглазурованной керамики. Она представлена чашеобразными крышками с ручкой в центре вогнутой стороны. Имеется некоторое количество неопределенной лепной керамики, выполненной из светлой глины, в шаблонах, с налегными ручками в виде полумесяца. Тесто грубое, с примесью кварцевого песка. Характерной особенностью этой группы следует признать то, что в шаблоне выполнялась только нижняя часть сосуда, а верх лепился вручную. По облику эта керамика может быть отнесена к котлам, но на ней совершенно отсутствуют следы копоты. Каких-либо аналогий этой керамике найти не удалось.

Для раннего периода показательны находки кусков оплавленного лесса зеленовато-серого цвета, принадлежавших стенкам топочной камеры, кусок прокаленного пода с продухом диаметром 10 см, керамическое ложило и фрагменты бракованной керамики. Эти факты свидетельствуют о существовании на поселении керамической мастерской в IV-III вв. до н.э.

Следовательно, даже столь небольшие поселения, каким являлся в древности Ляйлякuiteпе, имели собственное гончарное производство, уровень которого, по всей вероятности, не уступал теплотехническим достижениям того времени в Согде, известным по материалам Саратепе-2 под Самаркандом.

В результате хотя и довольно беглого обследования комплекса описанных памятников, намечилась история его сложения. На самом берегу, над поймой Карадарьи не позднее последней четверти IV в. до н.э. строится крепость (Ляйлякуй), возле которой выросло небольшое селение (южная площадка Ляйлякуитепе и Багрьтепе). Одновременно или немного позднее за речкой Карасу возникает обширное неукрепленное селение (Пулад). К рубежу нашей эры жизнь замирает, быть может, и не затухая совсем. В V в. н.э. (не исключено, что уже и в IV в. н.э.) по краю надпойменного обрыва возводятся владельческие замки — на городищах Пулад, Сарьтепе, Тупхона. Жизнь в их окрестностях продолжается и в VII-VIII вв. н.э., когда замки забрасываются и начинают использоваться для оссуарных захоронений. Отдельные участки городищ обживались время от времени вплоть до XIX в.

Библиография

- Буракова Э.Ю. Поселение Лолазор — предшественник города на Афрасиабе // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Воробьева М.Г. Дингильдже — усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. М., 1973.
- Кабанов С.К. Освоение западных районов города на ранних этапах его развития // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. — Ташкент, 1981.
- Кой-крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. // ТХАЭЭ. 1967. Т. V. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. Вып. № 73.
- Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссуарии из Сарьтепе // ИМКУ. 1988. Вып. 22.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 года) // Древняя Бактрия. М., 1984.
- Филанович М.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Шишкина Г.В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Шишкина Г.В. Керамика конца IV-II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.

Рис. 1. Сарьтепе. 1 — Сарьтепе, срез надпойменного обрыва; 2 — в-э — разрез землеройки

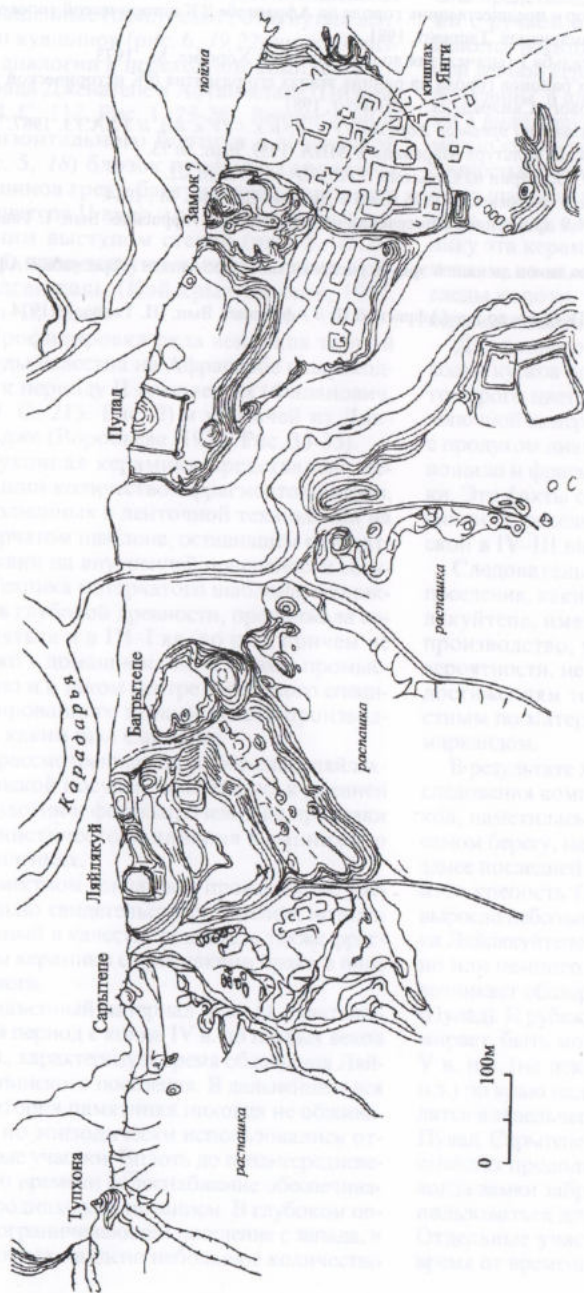

Рис. 1. Городища Пулад и Лийлякуй с окрестностями на левом берегу Карадарья. (Дешифровка аэрофотоснимка; крестиком обозначено место землянок)

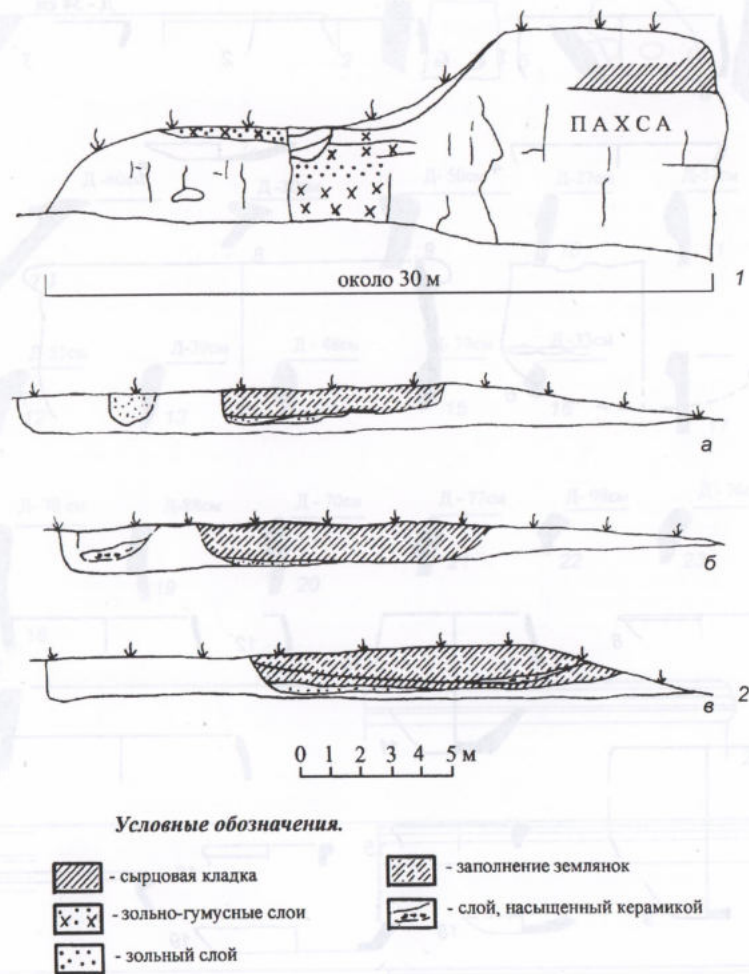

Рис. 2. Разрезы: 1 - Сарытепе, срез надпойменного обрыва; 2 - а-в - разрезы землянок

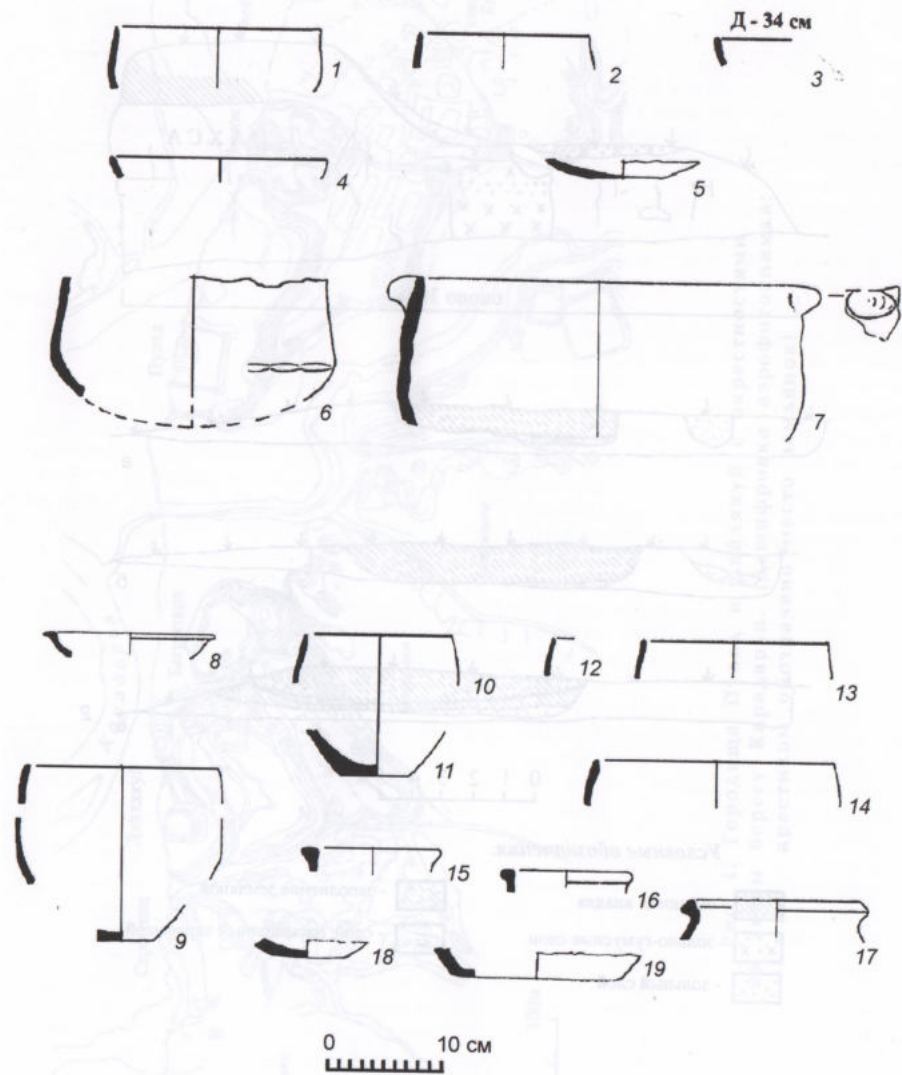

Рис. 3. Лайлякуйтепе: 1-7 – керамика с пола землянки с очагом;
8-19 – керамика из верхних слоев шурфа

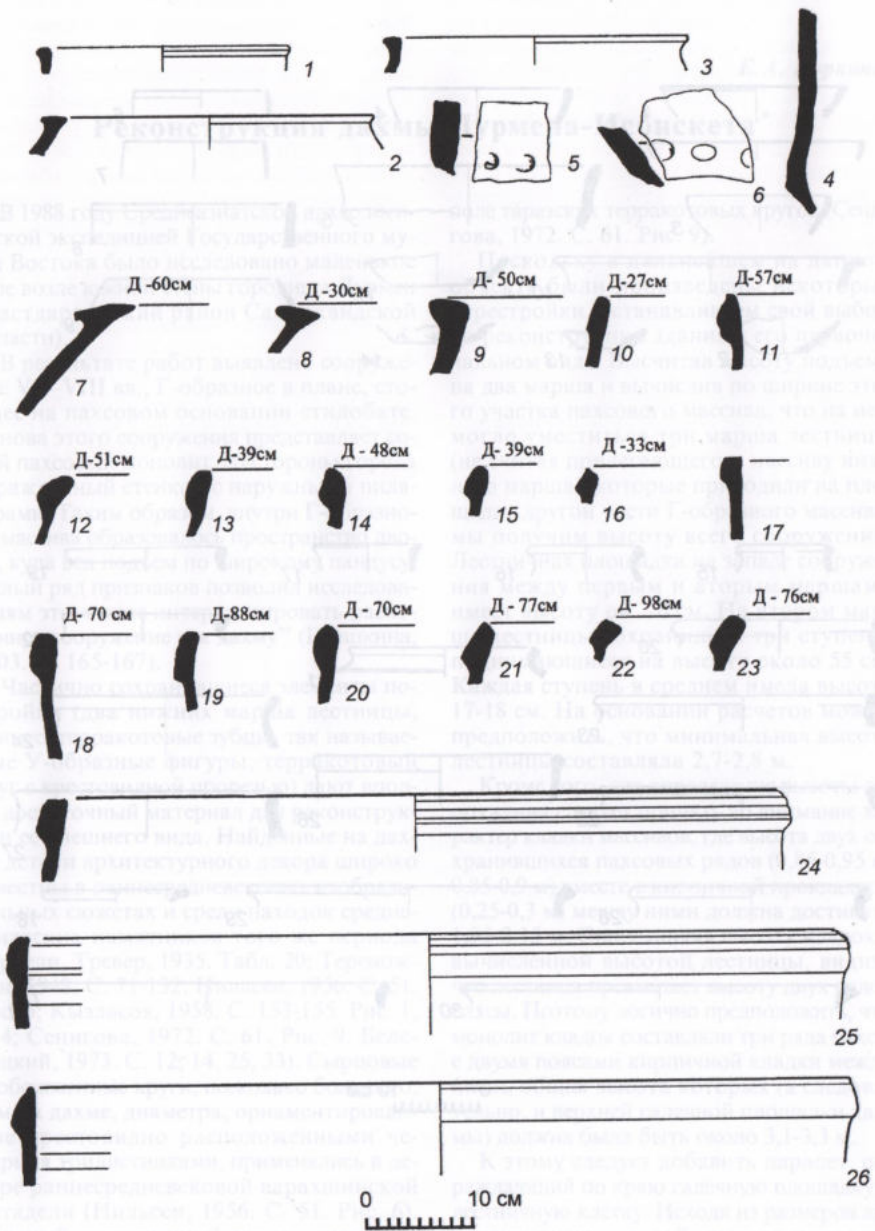

Рис. 4. Лайлякуйтепе. Керамика из шурфа

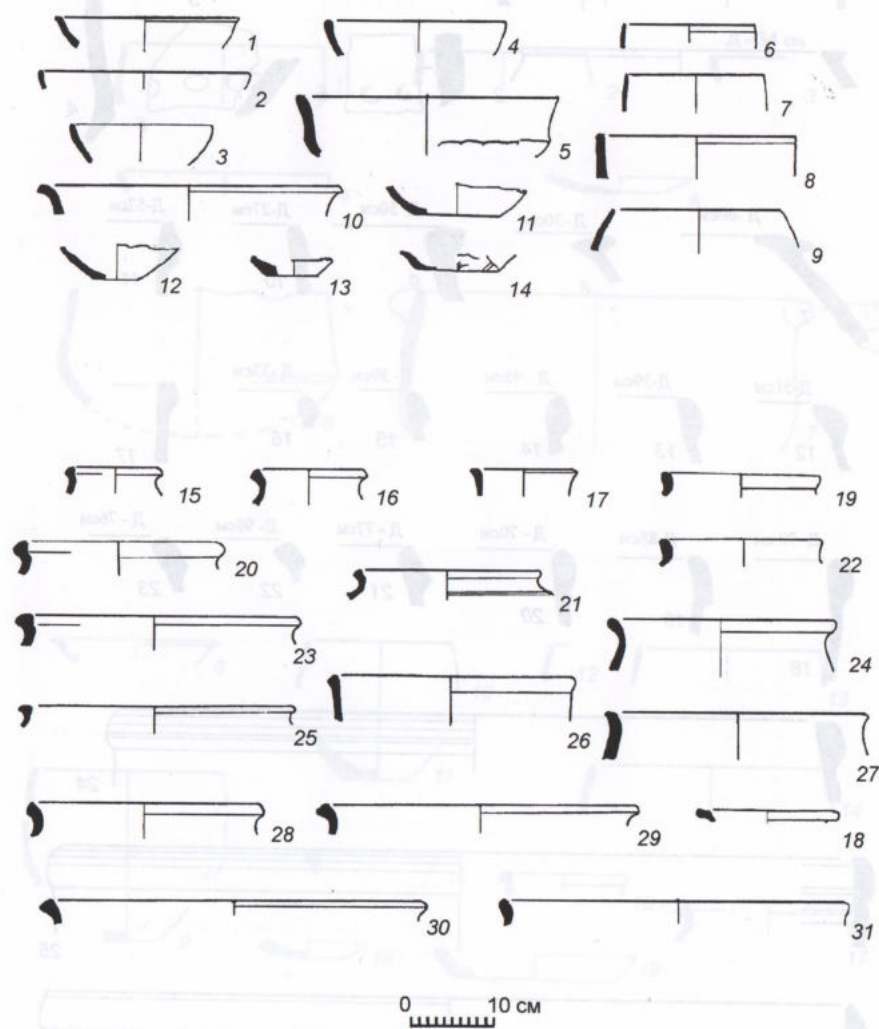

Рис. 5 Лайлякуйтепе. Подъемная керамика

Реконструкция дахмы Дурмена-Исбискета*

В 1988 году Среднеазиатской археологической экспедицией Государственного музея Востока было исследовано маленькое тепе возле южной стены городища Дурмен (Пастдаргомский район Самаркандской области).

В результате работ выявлено сооружение VII–VIII вв., Г-образное в плане, стоящее на паховом основании-стилобате. Основа этого сооружения представляет собой паховый монолит, со стороны города огражденный стенкой с наружными пилястрами. Таким образом, внутри Г-образного массива образовалось пространство двора, куда вел подъем по широкому пандусу. Целый ряд признаков позволил исследователям этого тепе интерпретировать раскопанное сооружение как дахму** (Шишкина, 2003. С. 165-167).

Частично сохранившиеся элементы постройки (два нижних марша лестницы, пандус, терракотовые зубцы, так называемые У-образные фигуры, терракотовый круг с крестовидной прорезью) дают вполне достаточный материал для реконструкции ее внешнего вида. Найденные на дахме детали архитектурного декора широко известны в раннесредневековых изобразительных сюжетах и среди находок среднеазиатских памятников того же периода (Орбели, Тревер, 1935. Табл. 20; Тереножкин, 1948. С. 71-132; Нильсен, 1956. С. 51. Рис. 6; Кызласов, 1958. С. 153-155. Рис. 1, 3, 4; Сенигова, 1972. С. 61. Рис. 9; Белицкий, 1973. С. 12, 14, 25, 33). Сырцовые необожженные круги, несколько большего, чем на дахме, диаметра, орнаментированные крестовидно расположенными четырьмя трилистниками, применялись в декоре раннесредневековой варахшинской цитадели (Нильсен, 1956. С. 51. Рис. 6). Сходный, усложненный дополнительными деталями крестовидный рисунок занимал

поле таразских терракотовых кругов (Сенигова, 1972. С. 61. Рис. 9).

Поскольку в дальнейшем на данном объекте были произведены некоторые перестройки, останавливаем свой выбор на реконструкции здания в его первоначальном виде. Вычисляем высоту подъема на два марша и вычислив по ширине этого участка пахового массива, что на нем могло уместиться три марша лестницы (не считая прилегающего к массиву нижнего марша), которые привели на площадку другой части Г-образного массива, мы получим высоту всего сооружения. Лестничная площадка на западе сооружения между первым и вторым маршами имеет высоту ок. 70 см. На втором марше лестницы сохранились три ступени, поднимающиеся на высоту около 55 см. Каждая ступень в среднем имела высоту 17-18 см. На основании расчетов можно предположить, что минимальная высота лестницы составляла 2,7-2,8 м.

Кроме того, для определения высоты сооружения следует принять во внимание характер кладки массивов, где высота двух сохранившихся паховых рядов (0,85-0,95 м; 0,85-0,9 м) вместе с кирпичной прокладкой (0,25-0,3 м) между ними должна достигать 1,95-2,15 м. Сопоставляя высоту кладок с вычисленной высотой лестницы, видим, что лестница превышает высоту двух рядов пахсы. Поэтому логично предположить, что монолит кладок составляли три ряда пахсы с двумя поясами кирпичной кладки между ними, общая высота которых (а следовательно, и верхней галечной площадки дахмы) должна была быть около 3,1-3,3 м.

К этому следует добавить парапет, ограждающий по краю галечную площадку и лестничную клетку. Исходя из размеров архитектурных деталей, высота парапета должна была составлять не менее 1,4 м.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, в рамках проекта № 01-01-00203а.

** Дахма – сооружение для выставления трупов по зороастрийскому обряду в целях очищения скелета от мягких тканей.

Высота подъема пандуса в западной части также не менее 0,8 м. На западном фасе зафиксирована высота платформы более одного метра. В таком случае общая высота дахмы была около 5,5 м или несколько больше. По наиболее сохранившейся нижней части фасада восточной стены можно вычислить угол наклона стен, который составляет примерно 3-4 градуса от вертикали. Наклон цоколя в западной части – 28 градусов от вертикали. Изобразительные сюжеты, особенно Аниковское блюдо (Орбели, Тревер, 1935. Табл. 20), позволяют восстановить внешний облик верхней части строения, завершившегося парепотом, увенчанным мерлонами и декорированным У-образными зубцами и кругами.

Нами сделана общая реконструкция дахмы: вид сверху с юго-западной стороны (рис. 3) и с юго-восточной стороны (рис. 2), а также реконструкция наиболее цельного восточного фасада (рис. 4) и плана (рис. 1). Реконструкция ограды по северному краю стилобата основана на соображении о необходимости соблюдения некоторой ритмичности в оформлении ее внешнего фаса-

да, предполагающей наличие не менее четырех пилястров, тогда как сохранились всего два из них. Из конструкций, входивших в состав дахмы после перестроек, легко восстанавливается перекрытие необычного для дахмы элемента – погребальной камеры с трупоположением в ней. В завале обрушившегося свода камеры сохранились целые отрезки кладки свода из трапециевидного кирпича (рис. 5, слева). Для перекрытия пролета камеры в 1,35 м над ложным сводом с нависанием 0,15 м потребовалась кладка отрезками из семи прилегающих трапециевидных кирпичей, поставленных на торец, с последующей обкладкой одним рядом кирпича, положенного на постель торцом на фасад (рис. 5, справа). Таким же образом, судя по содержанию завала, перекрывалась и ниша на южном фасе дахмы возле входа на лестницу (рис. 1-4).

Восстановленная на основе полученных при раскопках данных дахма предстает в облике, напоминающем, при всей своей миниатюрности, величественный нарядный замок.

Библиография

- Беленцкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
 Кызласов Л.Р. Остатки замка VI–VIII вв. на городище Ак-Бешим // СА. 1958. № 3.
 Нильсен В.А. Варахшская цитадель // ТИИА АН УзССР. Т. VIII. Ташкент, 1956.
 Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. М.-Л., 1935.
 Семигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
 Тернопольский А.И. Холм Ак-тепе близ Ташкента // ТИИА АН УзССР. 1948. Т. I.
 Шпикина Г.В. Сооружение у стен Ибискета // Центральная Азия. Источники. История. Культура. Тез. докл. конф., посвященной 80-летию Е.А.Давидович и Б.А.Литвинского. М., 2003.

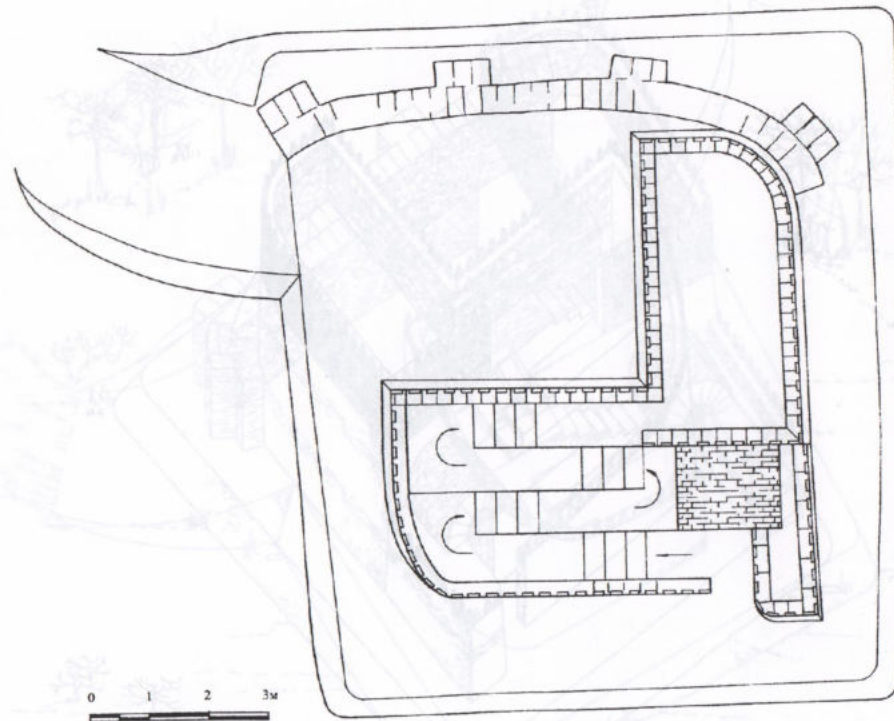

Рис. 1. Реконструкция плана дахмы первого строительного периода

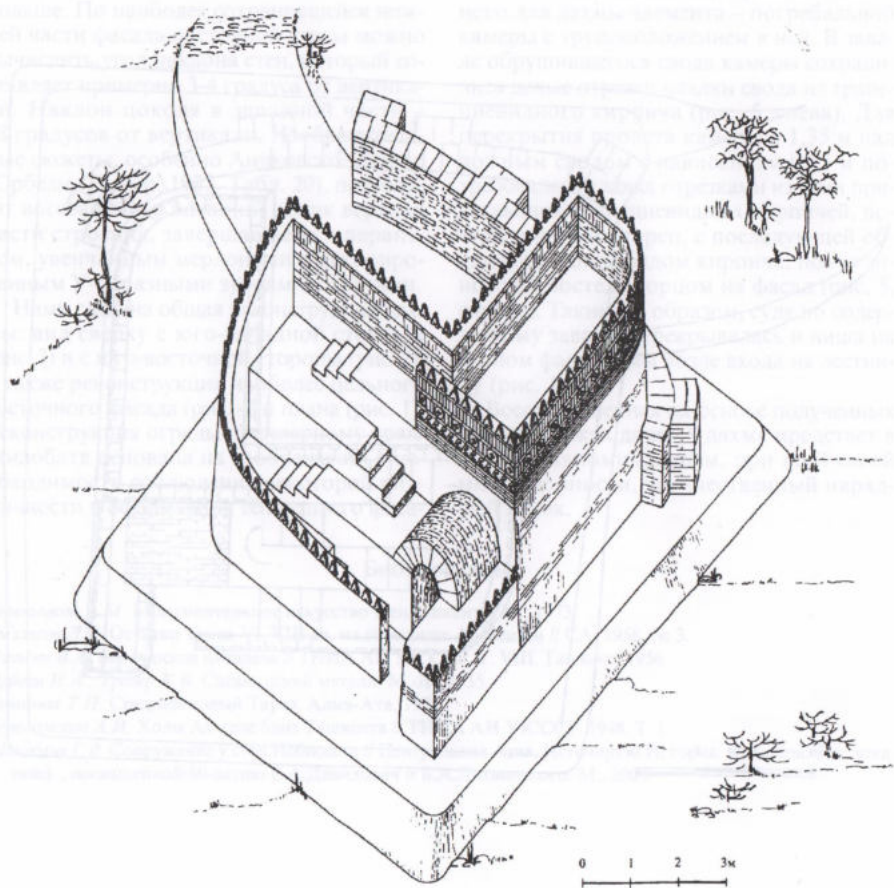

Рис. 2. Реконструкция дахмы. Вид сверху с юго-востока

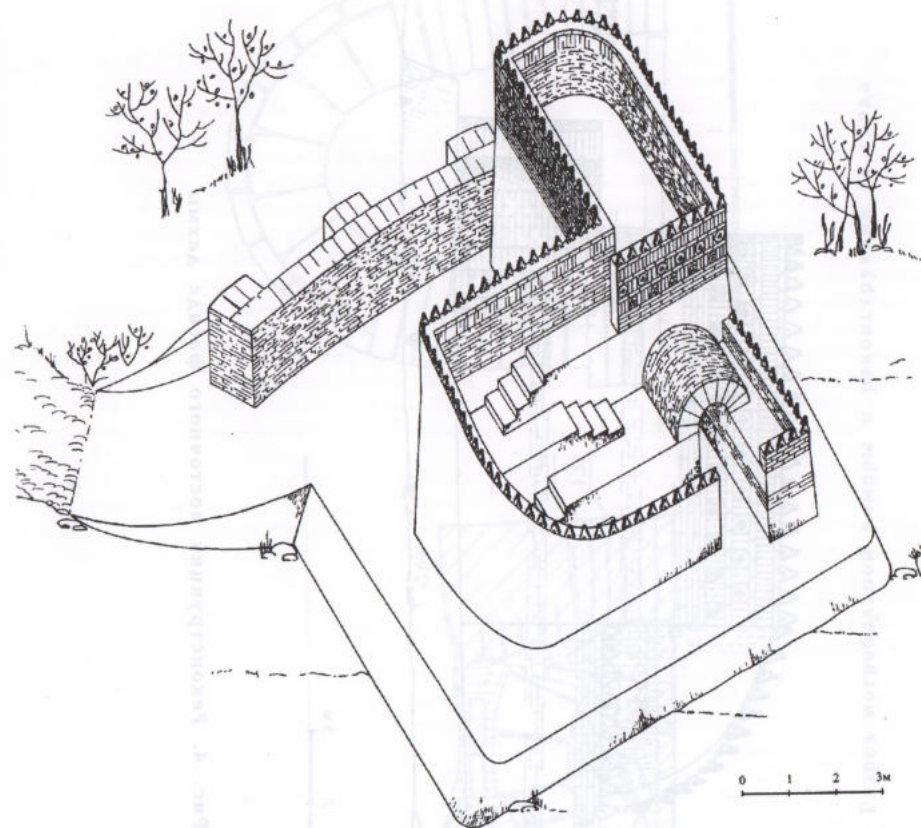

Рис. 3. Реконструкция дахмы. Вид сверху с юго-запада

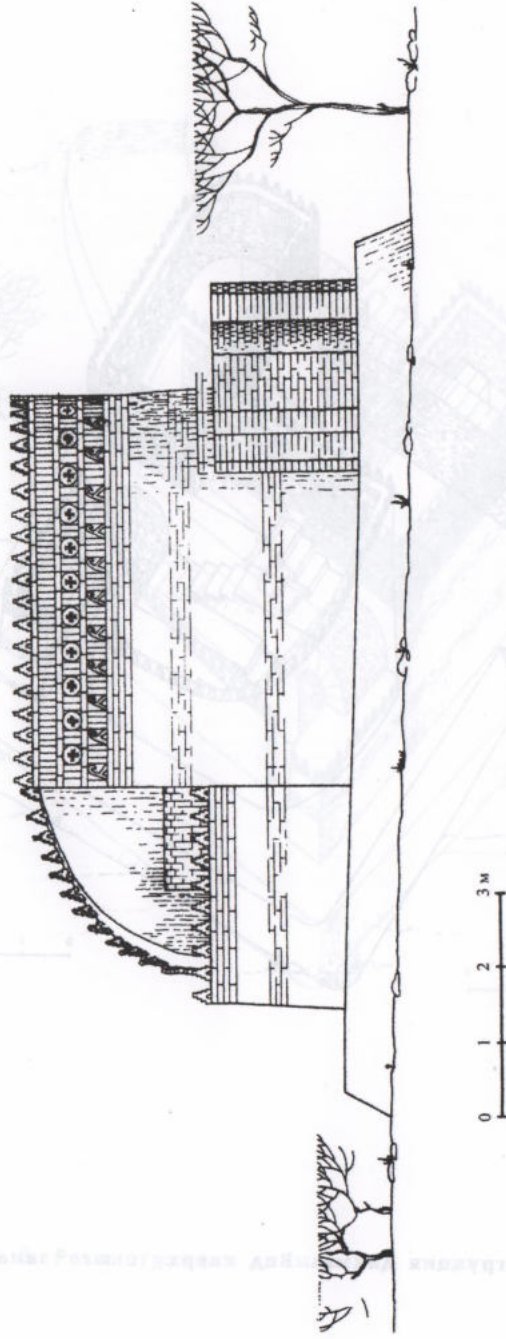

Рис. 4. Реконструкция восточного фасада Дахмы

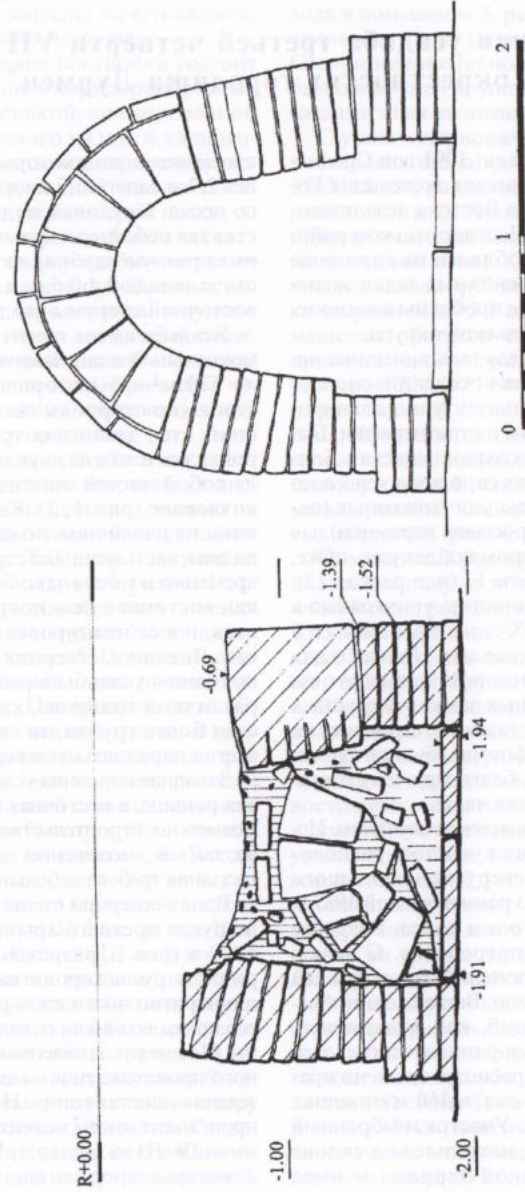

Рис. 5. Разрез погребальной камеры и реконструкция ее свода

Сельская усадьба третьей четверти VII века в окрестностях городища Дурмен*

С весны 1986 года по 1991 год Среднеазиатская археологическая экспедиция Государственного музея Востока вела планомерные раскопки в Пастдаргомском районе Самаркандской области на городище Дурмен. Одной из основных задач экспедиции стало изучение проблемы взаимоотношения города и сельской округи.

В связи с этим уделялось внимание исследованию сельских поселений: системе их расположения, архитектурно-планировочным особенностям и стратиграфии. Были обследованы все сохранившиеся в ближайших окрестностях городища тепе, а по возможности и следы уничтоженных (останцы, компактная россыпь керамики).

Памятник, о котором пойдет речь ниже, получил название тепе 12 (или раскоп 12). Само тепе было полностью уничтожено в семидесятые годы XX столетия, а место его сnivelировано и распахано. Но, как выяснилось в процессе раскопок, этот памятник в отличие от известных замков и крупных усадеб, которые, как правило, строились на искусственных платформах, был заглублен основанием в землю, благодаря чему сохранилась вся его нижняя часть.

Памятник был обнаружен случайно. Исследованию подвергся участок, расположенный в 50 м к северу от небольшого тепе, уничтоженного ранней весной 1987 г. и обследованного годом ранее. Тогда же было обнаружено погребение. С целью поиска новых захоронений заложили два шурфа и одну траншею. Всего было открыто восемь погребений, как выяснилось, впущенных в остатки раннесредневекового здания. Усадьба располагалась на правом берегу Дурмен-сая, в 360 м от кешка цитадели городища. Участок, выбранный под строительство, находился на склоне первой надпойменной террасы и имел форму плоского вала, идущего параллельно саю. Поверхность вала прикрыта тонким

слоем лесса, под которым на глубину более 2,7 м залежали наносные слои крупного песка. Котлован под постройку представлял собой врезку в этот вал и потому имел разную глубину от бывлой поверхности: с запада 0,4-0,6 м, в центре до 0,8 м, с восточной стороны сходил на нет.

Усадьба имела почти правильный прямоугольный план, занимала площадь около 570 м² и была ориентирована почти строго по сторонам света. Толщина внешних стен достигала трех метров. Постройка состояла из двух не связанных между собой частей, поставленных в общем котловане (рис. 1, 2). Каждая из них сложена из различной по составу пахсы. Западная часть усадьбы строилась вся одновременно и имела законченный вид, тогда как восточная неоднократно достраивалась, и в ее планировке нет такой четкости. Внешняя, северная стена восточной половины усадьбы в разных местах была различной толщины, кладка внутренних стен более грубая, за счет чего стены не всегда параллельны и вертикальны.

Западная половина усадьбы была построена раньше, а восточная пристроена к ней. Возможно, строительство велось в два сезона, так как, несомненно, постройка подобно-го здания требовала больших затрат времени.

Вдоль северной стены усадьбы пролегло русло древнего арыка шириной около 1,5-2 м (рис. 3, разрез 3-3). В поперечных разрезах русла хорошо видно, что арык неоднократно чистился, в результате чего по его краям возникли отвалы из илстой глины. На дне русла залежали прослойки наносного происхождения – мелкий песок и серозеленая илстая глина. Из арыка и отвалов происходит много мелких фрагментов керамики IV–III вв. до н.э. и VI–VII вв. н.э. Видимо, арык прорыли еще в эллинистическое время, а в раннем средневековье он был расчищен и использовался вновь.

При осмотре места будущих раскопок была найдена медная согдийская монета с квадратным отверстием. Еще одну монету передал местный житель; по его словам, она была обнаружена здесь же.

Западная половина постройки состоит из трех параллельных коридорообразных помещений, маленькой прямоугольной комнаты в углу одного из них и удлиненного входного помещения, перпендикулярного остальным (рис. 2). Эта часть постройки сложена из светло-серой пахсы со значительной примесью крупного песка.

Восточная половина усадьбы состоит из двух параллельных коридорообразных помещений и узкого коридорчика, ведущего к подножию лестницы на второй этаж. Строительным материалом для восточной половины послужила серо-коричневая чешуйчатая пахса, видимо, содержащая значительную примесь органики.

Внутренние стены усадьбы в ее первоначальном виде сложены вперевязку с внешними и поставлены непосредственно на дно котлована, глиняная обмазка полов примыкает к ним. Толщина внутренних стен достигает 1,35 м (рис. 5, разрез 1-1).

Во все три коридорообразных помещения западной половины усадьбы попадали из входного помещения 5. Поначалу комнаты 1 и 2 составляли одно помещение размером 12,5×3 м. Поверхность пола обмазана слоем серо-зеленой глины. В южном торце помещения расположены проходы в помещения 5 и 6, ширина проходов около 1,1 м. В западной стене на каком-то строительном этапе был прорублен проход шириной 2,5 м в помещение 3. Позже часть прохода заложили стеной из пахсы зеленоватого цвета, содержащей мелкие фрагменты керамики III–I вв. до н.э. Ширина прохода сузилась до 1,1 м. В южной половине помещения уровень первоначального пола понижался к проходам в помещения 5 и 6, неровность была сnivelирована новой обмазкой с саманом. В заполнении между полами строительный мусор. На уровне нового пола стена к северу от прохода в помещение 3 подмыта. Сохранилась ремонтная кладка, состоящая из трех вертикально поставленных кирпичей 64×40×10 см. По центральной оси помещения 2, напротив прохода в помещение 3, на поверхности верхнего пола есть сильно

прокаленный прямоугольный участок размером 75×90 см, возможно, след от жаровни. В западной стене помещения, у прохода в помещение 5, расчищена подпрямоугольная ниша размером 43×40×20 см. Стенки ниши сильно закопчены. В нише был обнаружен крупный фрагмент хума со следами огня на внешней поверхности.

С уровня первоначального пола была поставлена стена из сырцового кирпича 39×21×8 см, разделившая помещение на два (пом. 1 и 2). Проход шириной 1,1 м в северную часть помещения 1 был оставлен по западной стене. Стены помещения 1 покрыты слоем грубой саманной штукатурки толщиной до 5-7 см. В заполнении помещения обломки сырцовых кирпичей прямоугольной и трапециевидной формы, размер 22-15×11-9 см. Почти все кирпичи в верхней части завала имеют следы огня. В завале найдены фрагменты нескольких чаш, сосуда и фрагмент терракотовой фигурки. В заполнении помещения 2 мелкие, сильно замытые обломки сырцовых кирпичей (рис. 4, разрез Б-Б, Г-Г).

Помещение 3 размером 11,5×3,3 м находилось к западу от помещений 1 и 2. В его южной стене расположен проход шириной 2,15 м в помещение 5. С уровня пола проход был частично заложен стеной из пахсы с примесью крупного песка, сократившей ширину прохода до 1,1 м. Поверхность пола обмазана тонким слоем серо-зеленой глины. Уровень первоначального пола сохранился в проходе в помещение 5 и вдоль восточной стены помещения. На участке длиной 4,6 м восточная стена подмыта с уровня этого пола. Сохранилась ремонтная кладка высотой 0,5 м, толщиной 0,1 м, закрывавшая промоину. В северо-восточном углу расчищены две ниши, вырубленные в стенах на уровне первоначального пола. Размеры ниш 25×20×18 см и 20×18×15 см.

В помещении были произведены перестроечные работы: первоначальный пол был снят по всей площади, в результате чего помещение углубилось на 0,3 м. Вдоль восточной стены была оставлена суфа шириной до 0,4 м, поверхностью которой являлся уровень первоначального пола. Северная и западная стены оказались на песчаных останцах. В северной половине помещения поверхность нового пола обмазана слоем серо-зеленой глины с саманом. С уровня этого пола в 1,5 м от северной сте-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, в рамках проекта № 01-01-00203 а.

ны расчищены две столбовые ямки (рис. 4, разрез Е-Е).

В южной половине помещения поверхность нового пола была плохо выровнена. Ближе к центру пол находился на одном уровне с новым полом северной половины, а к стенам, к центру и к проходу в помещение 5 резко повышался до первоначального уровня. Возле западной стены сохранились нижние части двух квадратных столбовых ямок, которые, видимо, были вырыты с уровня первоначального пола.

Неровность пола в южной половине помещения была сnivelирована слоем серо-зеленой глины (рис. 4, разрез М-М). С поверхности этого пола, поперек помещения поставлена барьерная стенка из сырцового кирпича 40-35×18-1×? см, делившая помещение на две почти равные части. Проход шириной 1,5 м в северную половину был оставлен вдоль восточной стены. К барьерной стенке с северной стороны пристроена суфа шириной 1,7 м, сложенная из обломков сырцового кирпича ?×24×9 см. В разное время поверхность суфы была покрыта тремя слоями саманной штукатурки, верхний из которых пришелся вровень с поверхностью суфы у восточной стены. На суфе возле барьерной стенки был устроен очаг полукруглой формы глубиной до 18 см, к моменту расчистки заполненный золой. В южной половине помещения два новых возведенных уровня пола окончательно выровняли его поверхность до первоначального уровня (рис. 3, разрез Н-Н; 4, разрез М-М).

С уровня последнего пола к барьерной стенке перпендикулярно ей была пристроена еще одна стенка длиной 2 м и высотой 0,7 м, сложенная из сырцового кирпича 38-35×14×9 см. Отгороженный участок, видимо, использовался для хранения золы – она была обнаружена там в большом количестве. В золистом отвале найдены обломки грубой лепной жаровни овальной формы и небольшая полусферическая чаша, края которой сильно прокалены с внутренней стороны. Поверхность верхнего пола под золой также прокалена – видимо, ее ссыпали сюда еще горячей.

Впоследствии, когда помещение уже не использовалось, барьерная стенка была разобрана. От нее сохранилось лишь углубление в полу с отпечатками кирпичей.

При разрушении помещение заполнил плотный завал из прямоугольных и трапециевидных кирпичей. Сохранились целые блоки трапециевидных кирпичей, скрепленных раствором. Кирпичи в завале северной половины помещения имеют следы огня. Размеры кирпичей: 71×38-23×10-8 см, 64,5×43×11 см, 40×21×10 см.

Помещение 7 размером 12,7×3,6 м расположено к западу от помещения 3 (рис. 2; 4, разрез Д-Д; 5, разрез 8-8). Проход из помещения 5 шириной 2,15 м, как и в двух других удлиненных помещениях, находится в его южной стене. Поверхность пола покрыта тонким слоем серо-коричневой глины с желтыми включениями. В северо-западном углу помещения с уровня пола поставлена прямоугольная лестничная тумба 3×2,35 м, сложенная из обломков сырцовых кирпичей размером ?×23×9 см и рыхлой пахсы. С восточной стороны тумбы сохранились две первые ступени лестницы высотой 20 см и шириной 55-60 см (рис. 5, разрез 3-3). Стены тумбы покрыты слоем саманной штукатурки.

В полу расчищены 16 подквадратных столбовых ямок, расположенных по три в ряд поперек помещения, в двух случаях обнаружено по одной дополнительной ямке от более тонких столбов, видимо, ремонтных. Глубина ямок 20-25 см, ширина 10-15 см. На полу по всей площади помещения залегала гумусная прослойка толщиной 5-10 см, поверх которой была сделана подсыпка чистого лесса с примесью мелкой гальки. Поверхность верхнего пола никакой специальной обмазки не имела, а была плотно утрамбована. С уровня этого пола никакого столбового крепления уже не существовало. Назначение столбовых ямок остается до конца не выясненным. По тому, как часто стояли столбы видно, что они были рассчитаны на большую нагрузку. Столбы могли использоваться при строительстве как леса, на них мог быть устроен настил типа стеллажа или же опирался настил пола. В любом случае, видно, что нагрузка на столбы была равномерно распределена по всей площади помещения.

У западной стены на поверхности пола выявлено сильно прокаленное, округлое в плане пятно (рис. 2). В этом месте сделана специальная обмазка толщиной до 3 см и диаметром около 1 м. С уровня верхнего пола проход в южной стене частично зало-

жен стеной из серо-коричневой чешуйчатой пахсы, сузившей его до 1,2 м. У стены к востоку от прохода была сооружена суфа длиной 1,75 м и шириной 1 м, сложенная из сырцового кирпича размером 40×25×5 и 38×20×7,5 см. В центре западной стенки суфы устроен очажок прямоугольной формы 30×25 см, перед которым находилась ямка для золы. Стенки очага и края ямки сильно прокалены. В заполнении суфы обнаружены три фрагмента лепного оссуария с прочерченным линейным орнаментом и стреловидной прорезью. На поверхности суфы найдены обломки керамической чаши и плохо сохранившаяся медная монета.

В проходе в помещение 5 с уровня верхнего пола была расчищена поперечная ямка шириной 25 см и глубиной 20 см – след деревянного порога. Помещение заполнено чистым лессом наносного происхождения с сильно замытыми обломками сырцовых кирпичей.

Помещение 5 размером 3,6×10 м находилось к югу от помещений 1, 2, 3, 7 (рис. 2; 5, разрез 2-2). В его северной стене расположены три прохода, ведущие в это помещения. Поверхность первоначального пола обмазана слоем глины зеленого цвета с большой примесью гумуса.

Из этого помещения осуществлялся выход на улицу. С уровней двух разных полов помещение имело два разных выхода. Первоначально выход находился в юго-западном углу помещения, где в южной стене был проем шириной 1,1 м с глинобитным пандусом. С уровня того же пола пандус был заложен пахсой (рис. 5, разрез 8-8). Поверхность нового пола специальной обмазки не имела. По уровню он совпадал с верхними полами в помещениях 2, 3, 7. В заполнении между полами – натоптанные слои с чередующимися прослойками золы. С уровня нового пола к востоку от заложенного пандуса из хорошо промешанной пахсы серого цвета сооружен новый пандус овальной формы (рис. 5, разрез 6-6). На его поверхности натоптанные слои чередуются с ремонтными промазками.

К восточному торцу прохода в помещении 3 пристроена тамбурная стенка из обожженного кирпича 33×31×4 см, прикрывавшая вход в помещение 1-2. Стенка была частично разобрана, остались лишь два ряда кладки (рис. 5, разрез 2-2). Обмазка нового пола перекрывает ее остатки.

С уровня верхнего пола к западной стене помещения была пристроена глинобитная суфа шириной 0,25 м (рис. 5, разрез 2-2). Из заполнения небольшой щели между стеной помещения и суфой были извлечены фрагменты двух терракотовых фигурок животных.

Помещение заполнял плотный завал из обломков сырцовых кирпичей прямоугольной и трапециевидной формы, скрепленных раствором, а также крупных обломков пахсы, по составу аналогичной пахсе стен.

Помещение 6 находилось к югу от помещения 2, с которым оно связано проходом шириной 0,7 м. Размеры помещения 2,75×1,75 м (рис. 2; 5, разрез 2-2). В помещении расчищены два уровня полов, соответствующих полам южной половины помещения 2. В заполнении между полами большое количество золы, смешанной с лессом. Поверхность верхнего пола сильно обожжена. В центре помещения расчищена верхняя часть кувшина (рис. 7, 5) со стоявшей сверху керамической чашей. Внутри чаши находились зола и угольки. Вероятно, в том виде, как они были найдены, сосуды использовались в качестве переносной жаровни или курильницы.

В заполнении помещения чистый лесс наносного происхождения, в котором присутствуют отдельные мелкие обломки сырцовых кирпичей.

Восточная часть усадьбы первоначально состояла из одного помещения и небольшого двора, который, видимо, был огорожен паховой стеной и частично перекрыт навесом над суфой, расположенной в северо-западном углу. В южной части двора находилась лестница, по всей вероятности, имевшая два пролета, которая вела на второй этаж. Позже двор был превращен в помещение, сначала имевшее балочное перекрытие, а затем перекрытое сводом.

Помещение 4 непосредственно примыкало к западному блоку (рис. 2). Западной стеной помещения служила восточная стена западной половины усадьбы, к которой пристроены северная и южная стены восточного блока дома. Между ними хорошо прослеживается стык. В восточной стене помещения 4 расположен проход в помещение 8, ширина прохода 1,2 м. Поверхность пола обмазана слоем пепельно-серой глины с примесью мелкой гальки.

В центре помещения у западной стены в полу расчищена яма диаметром 0,8 м,

глубиной 0,25 м. Яма предназначалась для хума, пространство между его стенками и стенками ямы было заполнено пахсой.

Стены были покрыты толстым слоем саманной штукатурки, которая, упав со стен, большими пластами лежала у их подножия.

Заполнение помещения неоднородное, по нему хорошо прослеживается последовательность разрушения свода над помещением. На высоту 0,6-0,8 м от пола залегал слой чистого лесса наносного происхождения, в котором встречались отдельные обломки сырцовых кирпичей. Выше залегал слой натека толщиной до 0,6 м. Поверхность натека имеет сильный наклон с севера на юг. Над натеком залегал слой завала из обломков сырцовых кирпичей трапециевидной формы, скрепленных раствором (рис. 4, разрез И-И). Размеры кирпичей 40-50×35-40×22-11 см. В самом натеке и в завале над ним обнаружено большое количество кухонных отходов в виде золы, углей и костей животных. Там же найдены две медные согдийские монеты с квадратным отверстием и много керамики. Часть сосудов удалось полностью восстановить.

Помещение 8 находилось к востоку от помещения 4. В его южной стене расположен коридор шириной 0,85-0,9 м и длиной около 3 м. В конце коридора начиналась лестница, ступени которой сложены из сырцового кирпича размером 45×22×11 см. Лестница, видимо, имела 2-3 пролета, разворачивалась на запад и опиралась на массивную паховую тумбу (рис. 5, разрез 7-7).

Первоначально помещение представляло собой открытый двор длиной 13,5 м и шириной более 7 м. Сохранность стен и обмазок пола не позволили установить точную ширину двора. С трех сторон двор был закрыт стенами, осталось не выясненным, была ли стена с восточной стороны.

Проход в помещение 4, судя по пазам, имел массивную дверную раму. Сохранились отпечатки прямоугольного бруса размером 18×15 см. Поверхность пола во дворе соответствует полу в помещении 4. На полу лежит слой натека, свидетельствующий о том, что двор был открытым. Основания стен в некоторых местах подмыты. С поверхности натечного слоя в северо-западном углу двора сооружена глинобитная суфа размером 6,7×2,2 м, высотой 0,45-0,6 м. Для подъема на суфу с южной

стороны был устроен небольшой пандус (рис. 5, разрез 7-7). Суфу перекрывал навес, с южной стороны опиравшийся на три столба, углубления от которых сохранились в полу, с запада и с севера он мог быть закреплен в стене.

Над натечным слоем был возведен новый уровень пола, поверхность которого была обмазана слоем зеленоватой глины с саманом. С уровня этого пола была построена стена шириной 1,5 м, сложенная из серо-коричневой пахсы. Она уменьшила ширину помещения до 4,25 м. В стене находился проход шириной 1,75 м, ведущий в восточную сторону на улицу. Со строительством этой стены связана переделка двора в помещении. Над ним было сооружено балочное перекрытие, которое в центральной части могло опираться на столбы от навеса. Вплотную к новой стене, с уровня того же пола пристроены еще две стены, которые уменьшили ширину помещения уже до 2,2-2,3 м. Возможно тогда над помещением был возведен свод.

В разное время в помещении возникли еще два уровня полов с плотно утоптанной поверхностью, не имевшей специальной обмазки. С одного из них по обе стороны от прохода в помещении 4 оставлены небольшие глинобитные суфы высотой до 0,25 м. В суфах расчищены отпечатки столбов, которые могли быть рамой нового дверного крепления. С уровня верхнего пола в юго-восточном углу помещения поставлена глинобитная суфа высотой до 0,45 м. С северной стороны к суфе примыкает пилон шириной 1 м, сложенный из серо-коричневой пахсы.

В заполнении помещения чередуются слои чистого лесса наносного происхождения, натеков, завала из сильно замкнутых обломков сырцового кирпича трапециевидной формы (рис. 6, разрез Л-Л).

В результате полевых исследований открыта сохранившаяся часть нижнего этажа сельского пригородного дома. Наша усадьба являлась жилым зданием с подсобными и хозяйственными помещениями. Помещение первого этажа, плохо освещенные, мало приспособленные для жилья, использовались под склады и службы. Большинство очагов первого этажа были либо временными, либо кострищами, разведенными прямо на полу. Стационарные очаги в помещениях 3 и 7 использовались для хо-

зяйственных нужд и отопления. Для обогрева остальных помещений могли использоваться переносные жаровни.

Второй этаж не сохранился, но ясно, что парадные и жилые помещения находились именно там, наверху. Кухня, видимо, также находилась на втором этаже вместе с жилыми комнатами. О планировке второго этажа судить трудно. Перекрытия между этажами были сводчатыми, о чем свидетельствуют кирпичные завалы внутри помещений. Своды возводились коробовые, сложенные из сырцового кирпича трапециевидной формы. В западной половине усадьбы вход на второй этаж осуществлялся из помещения 8, а в восточной – из помещения 7, откуда наверх вели винтовые лестницы. Выход на улицу в западном блоке вел из помещения 5, где в разное время функционировали два разных выхода. Обращает на себя внимание факт переделки дверных проемов внутри здания, когда широкие проемы, видимо, с балочным перекрытием, заменяли на арки. С этим и было связано частичное закладывание проходов до ширины 1,1 м – стандартной для проходов с арочным завершением.

Представляет интерес также и тот факт, что кирпичи в завале помещения 1 и в северной части помещения 3 обожжены. Это могло произойти только в результате пожара в помещениях второго этажа. Но так как в других помещениях следы пожара не прослеживаются, то, надо думать, пожар был только в одном помещении. Судя по площади разброса обожженных обломков строительного материала, оно имело размеры не менее 6×8 м и могло быть парадным, что предполагало, как правило, использование дерева.

Постройка восточной половины усадьбы связана либо с расширением домовладения, либо с последовательностью этапов строительных работ. На раннем этапе обе половины усадьбы имели самостоятельные выходы на улицу. После того, как двор (помещение 8) был переделан в помещение, выход в восточной половине был заложен. Это свидетельствует о том, что по второму этажу обе части постройки свободно сообщались.

На последних этапах обживания здание постепенно забрасывалось. Судя по мусорному заполнению помещения 4, заброс на-

чался с восточной половины усадьбы. Видимо над этим помещением свод провалился не сразу, сначала в нем образовались дыры, через которые оно постепенно заполнялось землей и мусором. Затем возникает натечный слой, появившийся в результате размыва свода. Вероятно, когда восточная половина уже была заброшена, в западной части продолжали жить. В этом случае становится понятным происхождение кухонных отходов, которые могли быть сброшены со второго этажа, что подтверждается еще и тем, что в керамическом комплексе из заполнения помещения 4 преобладает столовая керамика.

Снаружи, у подножия северной стены здания, напротив помещения 4 найден завал, перекрытый слоем натека, полого поднимающегося к стене. В натеке и на его поверхности прослеживаются натопанные гумусные слои с отпечатками растений. Видимо, после небольших переделок завал использовали как пандус на второй этаж.

В результате раскопок усадьбы было установлено, что период ее обживания не был продолжительным. Четыре найденные монеты относятся к ранней группе согдийских монет с квадратным отверстием. На поверхности найдены монета с именем Вархумана и монета неизвестного ихшида. В слое заупустения помещения 4 найдены еще две монеты неизвестного ихшида. К сожалению, монету из помещения 7 вычистить не удалось.

Монеты неизвестного ихшида не получили пока твердой даты, поскольку его не удается напрямую сопоставить ни с одним из известных по письменным источникам ихшидов Согда. Однако типологически они близки к монетам Вархумана, что позволило О.И.Смирновой (Смирнова, 1981. С. 38-40), опираясь на стратиграфические наблюдения Б.И.Маршака (Маршак, 1965. С. 20), отнести их к середине VII в. Попытка Х.Ахунбабаева предложить более точную датировку монет этого типа, к сожалению, пока лишь не более чем интересная гипотеза (Ахунбабаев, 1988. С. 101-102).

Монета с именем Вархумана относится к третьему позднему типу по типологии О.И.Смирновой. Для нас, однако, важно, что эти монеты обращались в пределах VII в., если судить по данным кладов.

Под еще частично стоявшие своды помещения 4 заброшенной усадьбы было

впущено погребение, совершенное в яме с подбоем. Во рту одного из трех погребенных была найдена медная согдийская монета с квадратным отверстием. Типологически монеты с именем Шишпира самые ранние среди монет согдийских ихшидов и, безусловно, выпускались они до монет Вархумана. Судя по их отсутствию вкладах, видно, что к концу VII в. они полностью вышли из употребления (Беленицкий, Распопова, 1981. С. 10, 13). По тому, что найденная монета очень хорошей сохранности, в обращении она находилась недолго. Так как монеты более позднего времени не представлены, то можно предположить, что обживание усадьбы прекратилось не позднее третьей четверти VII в.

Керамический комплекс усадьбы имеет целостный облик. Многие формы керамики с нижних полов аналогичны материалам из слоя запустения в помещении 4. В комплексе представлены почти все типы столовой, кухонной и хозяйственной посуды.

В результате многолетних раскопок в Пенджикенте разработана подробная хронологическая шкала для керамики V–VII вв., поэтому первостепенное внимание уделяется именно пенджикентским параллелям. К сожалению из-за малого количества публикаций наши датировки имеют несколько обобщенный вид.

Чаши из исследованной усадьбы представлены двумя типами. Все они сделаны на гончарном круге из хорошо отмученной глины с мелкими выгорающими примесями. Поверхность хорошо заглажена, в ряде случаев снаружи нанесен слой жидкого светлого ангоба. У двух сосудов дно не выделено и лишь слегка уплощено, в остальных случаях оно срезано ножом или нитью.

Чаши первого типа (рис. 8, 1-3; 9, 1) имеют небольшие размеры: диаметр около 15 см, высота не более 6 см. Корпус, как правило, округлый; в одном случае «конический» утонченный край. Снаружи хорошо видна линия перепада обжигаковой температуры – результат обжига сосудов, поставленных стопками.

Чаши второго типа (рис. 8, 4-5; 9, 2) более крупные, диаметром около 19-23 см, высотой не более 7-9 см. Корпус имеет перегиб в верхней трети, иногда с выделенным ребром. Край, как правило, также утончен. В Пенджикенте подобные чаши

представлены в керамике верхнего слоя (Маршак, 1961. С. 179. Табл. 1. Рис. 3; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 56), аналогичная – найдена на Кафыр-кале (Шишкина, 1961. С. 192-223. Рис. 8, 1).

Кувшины представлены несколькими типами. Все они изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины с мелкими выгорающими примесями. В одном случае использовалась шамотная глина, по внешнему виду напоминающая жаростойкую. У трех сосудов горло формовалось отдельно от тулова. Внешняя поверхность кувшинов хорошо заглажена по сырой глине. Формовка происходила на подстилке из мелкорубленной травы или на песчаной подсыпке. На внешней поверхности двух фрагментов горловин сохранились остатки осыпающегося красного ангоба, а на тулове некоторых из них видны потеки красного же ангоба (рис. 9, 6).

Фрагменты трех небольших кувшинов, высота которых не более 20 см, отличаются от прочих светло-серым в изломе черепком. Другие кувшины изготовлены из розовато-красной в изломе глины. У части сосудов горло плавно переходит в тулово, место перехода не выделено. Ручки, как правило, уплощенной в сечении формы, в некоторых случаях имеется продольный желобок (рис. 9, 3, 9). На перегибе ручки одного из кувшинов сделан налеп в виде круглой лепешечки. Такие налепы на ручках встречаются в керамике верхнего слоя Пенджикента (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 56).

Фрагменты двух кувшинов по размерам и по характеру обработки поверхности темно-красным ангобом несколько отличаются от остальных сосудов этого вида. Их высота была не менее 35-40 см, диаметр горла 10-15 см. Оба они происходят с уровня нижнего пола помещения 5. В керамике верхнего слоя прямых аналогий им нет. Крупные кувшины, встречающиеся в конце VII – начале VIII в., всегда имеют выделенный слив. Как отмечает Б.И.Маршак, темно-красный ангоб, характерный для керамики до середины VII в., в керамике верхнего слоя почти совсем исчезает (Маршак, 1957. С. 91-101). Условно их можно отнести к периоду первой половины – середине VII в.

В заполнении помещения 4 найдены фрагменты семи одинаковых кувшинов, высотой

около 33-35 см. Два из них удалось полностью восстановить (рис. 9, 7). Венчик этих кувшинов отогнут перпендикулярно к горлу, край приподнят. Внутренний край образует площадку. В верхнюю часть тулова, в специальное отверстие вставлен носик, расширяющийся кверху и прикрепленный к венчику. Кувшины, найденные в Пенджикенте, несколько отличаются от наших (Бентович, 1953. С. 269-272. Рис. 6). Большинство исследователей датирует их в пределах VII века. Подобные кувшины с носиками имеют весьма широкие аналогии. В Фергане они найдены в Куве, на Чунтепе в Керкидонском оазисе (Горбунова, 1979. С. 67-71. Рис. 22), в Уструшане и Шахристане (Негматов, Хмельницкий, 1966. Табл. XIV. Рис. 22), в Чаче на Актепе (Тереножкин, 1948. С. 114) и на городище Минг-Урюк (Бураков, 1956. С. 126. Рис. 5). Наиболее близки им по форме кувшины из слоя с оссуариями на Кафыр-кале (Шишкина, 1961. Рис. 10, 14). За исключением двух фрагментов, все наши кувшины датируются в пределах второй половины VII в.

Кувшины с низким горлом в коллекции представлены только фрагментарно, ни одна форма полностью не реконструируется. Сосуды изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины с мелковыгорающими примесями. В ряде случаев внешняя поверхность покрыта тонким слоем белого ангоба. Диаметры горла от 5 до 15 см. Венчик, как правило, выделен. Профилировка венчиков очень разнообразна, встречаются венчики подтреугольной формы, венчики с тремя и двумя валиками снаружи под краем, массивные подчетыреугольные венчики и, наоборот, притонченные. Большинство этих форм существует длительное время. В коллекции из Пенджикента есть целые кувшины с аналогичными нашим венчиком и горлом (Маршак, 1964. С. 233. Рис. 23, 1, 2).

Широкогорлые сосуды представлены большим количеством форм. Все они изготовлены на гончарном круге из светлой в изломе глины. Поверхности всех сосудов хорошо заглажены (рис. 7, 4; 8, 6-7). Дно формовалось на песчаной подсыпке. У небольших сосудов придонная часть обтачивалась ножом.

Три фрагмента принадлежат сосудам с прижатым под венчиком сливом и небольшой ручкой (рис. 9, 8). Они происходят с полов помещений. Сосуды такой

формы распространены в раннем средневековье по всему Согду, есть они в керамике с Афрасиаба и Кафыр-калы (Шишкина, 1961. Рис. 9, 4), много их и в пенджикентской коллекции (Бентович, 1953. С. 137, 138. Табл. IX; Бентович, 1964. С. 269), где они характерны для нижнего слоя (VI – первой пол. VII в.), но продолжают бытовать и в более позднее время (Бентович, 1964. С. 269. Рис. 27).

У другой группы сосудов венчик по внутренней стороне имеет ложбинку для плотного прилегания крышки. Тулово в одном из случаев покрыто орнаментом из чередующихся прямых линий и «волны» (рис. 9, 4). Еще несколько мелких фрагментов стенок с таким же орнаментом были найдены на полах в разных помещениях. Внешняя поверхность одного из сосудов, который удалось почти полностью восстановить, покрыта потеками жидкого красного ангоба. Несколько фрагментов с потеками ангоба были обнаружены на нижних полах в помещениях 5 и 7 и в забутовке пандуса в помещении 5. Б.И.Маршак отмечает, что ложбинка для крышки и потеки жидкого ангоба являются общепризнаваемой чертой для сосудов нижнего слоя Пенджикента (Маршак, 1957. С. 92-93, 98-99). А.И.Тереножкин в отчете о раскопках на кухандизе также подчеркивает полное отсутствие красного ангоба на сосудах второй стадии (Тереножкин, 1950. С. 91). Эту группу сосудов можно датировать в пределах первой половины – середины VII в.

Несколько фрагментов принадлежат толстостенным сосудам, внешняя поверхность которых имеет зеленоватый оттенок. Стенки двух из них покрыты мелкими раковинами от сильного пережога. Дно одного и нижняя часть другого начали раскраиваться, видимо, под воздействием высокой температуры. Подобные сосуды могли использоваться для приготовления пищи или в производстве.

Небольшие призмистые сосуды высотой около 8-10 см представлены в коллекции тремя фрагментами и одной целой формой. Тулово этих сосудов уплощенно-шаровидной формы, венчик выделенный, прямой или подтреугольной формы. Подобные сосуды встречаются в керамике верхнего слоя Пенджикента (Бентович, 1964. С. 271. Рис. 7; С. 286. Рис. 25).

Большинство фрагментов кухонных котлов найдено на верхнем полу помещения 8 и в его заполнении. Они изготовлены из жаростойкой глины с примесью мелкой дресвы и шамота. Черепок в изломе коричнево-черного цвета. Фрагменты трех котлов изготовлены от руки, имеют хорошо заглаженную внешнюю поверхность. Стенки их сильно закопчены. Один котел, форма которого полностью восстановлена, найден в слое запустения в помещении 4. Его черепок, пепельно-серый в изломе, изготовлен, видимо, с применением гончарного круга. Высота котла 23 см, внешняя и внутренняя поверхности хорошо заглажены. На внутренней стороне венчика расположен выступ для крышки. По верхней части тулова орнамент в виде ложной веревочки и налепов двух видов: подковообразных, состоящих из отдельных лепешечек и кольцевидных. Над полосой орнамента слабо профилированный валик. Дно невиделенное, уплощенное.

Фрагмент другого котла имеет с внешней стороны под венчиком полочку, которая образована налепным валиком с косыми насечками. Верхняя часть тулова орнаментирована вертикально расположенными налепными валиками с косыми насечками. Между ними помещен кольцевидный налеп с отходящими от него «рогами», выполненными в виде двух налепов «веревочкой».

Фрагмент третьего крупного котла диаметром около 35 см с внутренней стороны венчика также имеет выступ для крышки. В верхней части тулова расположен горизонтальный налепный валик с пальцевыми вмятинами через равные промежутки. Валик орнаментирован треугольными насечками. Под валиком помещен подковообразный налеп П-образной формы.

Фрагменты четвертого котла высотой около 25-30 см позволяют почти полностью реконструировать его форму. Котел имеет яйцевидное тулово с очень крутыми, почти горизонтальными плечиками. Венчик прямой, сверху уплощенный. Дно плоское.

Подковообразные ручки котлов в большинстве случаев являются уже рудиментами, настолько мало они выделяются над поверхностью стенок. Как отмечает И.Б.Бентович, эти ручки – своеобразное украшение котлов, тем более что они, как правило, орнаментированы или вмятинами, или косы-

ми насечками (Бентович, 1953. С. 134; Бентович, 1964. С. 290. Рис. 30, 32). Котлы с подковообразными ручками известны в керамике Афрасиаба (Лебедева, 1990. С. 166. Рис. 2, 9); в Пенджикенте они всегда лепные, встречаются как в более ранних, так и в более поздних слоях (Тереножкин, 1950. С. 90-92. Табл. 41) и как форма существуют длительное время. В некоторых деталях наши котлы не имеют аналогий, например: налепной валик под венчиком, орнаментированный насечками, или налеп «с рогами». Видимо подобный тип орнамента присущ только керамике Дурмена.

Тагоры представлены в комплексе тремя типами. Все они изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Внешняя поверхность у двух из них покрыта слоем жидкого ангоба светло-коричневого цвета, стенки другой – темно-красным ангобом. Нижняя часть корпуса двух из них небрежно огранена ножом. Формовка происходила на подстилке из мелко рубленной травы.

Тагоры первого типа имеют характерный венчик со скошенной верхней поверхностью.

Второй тип тагоры – с массивным венчиком, нависающим внутрь. Венчик отделен от корпуса желобком. Верхняя поверхность корпуса орнаментирована наколами ножом.

Тагора третьего типа имеет четыре уплощенных ручки с продольной ложбиной в верхней части корпуса.

Сосуды типа тагоры – распространенная форма в раннем средневековье. В Пенджикенте они имеют более высокую форму и почти всегда лепные (Маршак, 1957. С. 92-93. Рис. 1, 2). Тагоры Кафыр-калы похожи на наши сосуды первого типа, но более приземистые. Форма красноангобированной тагоры третьего типа находит многочисленные параллели в керамике Согда начала V в.

Многочисленны находки венчиков, стенок и донных частей хумов на всех уровнях полов и в заполнениях. Целых хумов нет, но частично реконструировать их облик все-таки возможно. Их высота может быть определена от 1 до 1,3 м, максимальный диаметр тулова 0,7-0,8 м, диаметр устья 35-40 см, дно плоское. Все фрагменты по составу глины можно разделить на две части: первые изготовлены из хорошо промешанной и отмученной глины, имеющей

в изломе красно-коричневый оттенок; вторые изготовлены из грубой, плохо промытой глины с примесью дресвы и кусочков мела. Эта часть керамики имеет в изломе темно-коричневый, почти черный цвет. В нескольких случаях внешняя поверхность стенок обмазана слоем ганча толщиной 6-7 мм.

Среди венчиков можно выделить два основных типа: с выступающей верхней частью и ложбинкой по внутреннему краю и округлый, внутри сходящийся со стенкой хума под острым углом.

Из слоя запустения помещения 4 удалось собрать хумчу, форма которой полностью реконструируется (рис. 7, б). Она изготовлена из хорошо отмученной глины зеленовато-серого цвета. Внешняя поверхность тщательно заглажена по мокрой глине. Тулово изготовлено без применения гончарного круга, венчик подправлен на круге. В верхней части тулова орнамент в виде ломаной линии, сделанной отгисками кончика ножа. Подобная профилировка венчиков характерна для хумов с начала V в. (Маршак, 1970. Рис. 7) и до второй половины VII в. (Бентович, 1964. С. 26. рис. 1, 30).

Между полами в помещении 8 найден фрагмент дисковидной крышки, сделанной из грубой глины в изломе коричневого цвета. Формовалась крышка на подстилке из мелко рубленной травы. Поверхность крышки сильно закопчена. Судя по размерам, она соответствует крупному широкогорлому сосуду или хумче.

Приведенные хронологические сопоставления в основном подтвердили даты, полученные по монетам. Отдельные керамические формы, происходящие с полов помещений, могут быть отнесены к периоду около середины VII в. Некоторые формы, распространенные в керамике нижнего слоя Пенджикента, продолжают бытовать и позднее (Маршак, 1957. С. 98; Бентович, 1964. С. 265-299). Как уже говорилось, отмечено полное отсутствие красноангоба на керамике верхнего слоя (Тереножкин, 1950. С. 91).

Заключительный период обживания усадьбы приходился на 80-е годы VII в. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие кувшинов со смятым сливом, кружек и чаш со слюдяной посыпкой. Эти формы получили широкое распространение

уже в 90-х гг. VII в., что прослеживается по раскопкам на Талли-Барзу и в Пенджикенте (Григорьев, 1942. С. 98-99; Маршак, 1961. С. 179).

Мелкая пластика, обнаруженная в усадьбе, представлена тремя фрагментами: одной антропоморфной и двух зооморфных фигурок. Антропоморфная терракота, изображающая мужскую голову (рис. 8, 8), оттиснута в одностворчатой матрице и изготовлена из розовожгущейся, хорошо отмученной глины с примесью мелкого черного песка; оборотная сторона вдавлена, лицевая сторона покрыта слоем жидкого красного ангоба. Волосы переданы вертикальными валиками. Привлекает внимание дефект матрицы над правым глазом изображения. Прямых аналогий наша терракота не имеет. Прослеживаются некоторые параллели с раннесредневековыми терракотами, выполненными в эллинистической манере (Мешкерис, 1989. С. 15-61, 173-196).

Изображения животных даны в обобщенной манере. От одной фигурки сохранилась лишь часть крупа и ноги. Вторая изображает лошадь и сохранилась несколько лучше. Ноги лошади сильно утолщены, высокая шея слегка приплюснута в передней части, грива передана зашипами. На спине остались отпечатки двух налепов, передававших конструкции седла. Сохранилась часть налепа – ноги на крупе лошади и правой руки всадника на ее шее. Подобные слепленные от руки фигурки всадников являются одним из ведущих сюжетов раннесредневековой коропластики Согда (Заславская, 1956. С. 96-98; Пугаченкова, 1962. С. 161).

Замки с коридорно-гребенчатой планировкой нижних этажей появляются в Согде главным образом с VII в. (Семенов, 1981. С. 139). Дома с коридором, к которому примыкают однотипные помещения, а также дома с осевым коридором весьма характерны почти для всей территории Средней Азии. В Хорезме в раннем средневековье коридорно-гребенчатая планировка присуща многим зданиям (Толстов, 1948. С. 132; Неразик, 1966. С. 68-70; Неразик, 1976. С. 58-66, 179). Постройки с осевым коридором отмечены почти повсеместно: в Семиречье – на городище Сарыг (Бернштам, 1941. С. 56), в Бухарском оазисе – на Варакше (Шишкин, 1963. С. 85-97), в Шахристане (Негматов, Хмельницкий,

1966. С. 136-140; Пулатов, 1975) и Фергане (Брыкина, 1964. С. 116-125), в Северном Тохаристане (Шишкин, 1945. С. 98-131). Такие же здания и усадьбы известны в Самаркандском Согде: Молла-Эшкул под Иштыханом (Наймарк, 1988. С. 475. Рис. 3; Аннаев, 1988. С. 49-75. Рис. 19, 28), замки на Верхнем Зеравшане на горе Муг (Васильев, 1934. С. 18-33. Рис. 2, 4), Кум (Якубов, 1970. С. 172-184), Батуртепе (Мандельштам, 1956. С. 57-59). Подобную же планировку имеют загородные дома Пенджикента, например: дома 3 и 9. По мнению специалистов, в большинстве загородных построек имелся второй этаж. В одном случае подъем наверх осуществлялся по глинобитной ступенчатой лестнице, в остальных случаях по пандусу (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 43-47. Рис. 20). Авторы раскопок отмечают большое сходство загородных домов с домами рядовых граждан в шахристане (Большаков, Негматов, 1958. С. 155-192), где помещения первого этажа – хозяйственные, приспособленные под мастерские стеклодела, кузнеца, винодела, а помещения второго этажа, как и в шахристане, использовались для жилья.

О.Г.Большаков разделил дома пенджикентских жителей в зависимости от их площади на четыре категории: I – дворцы дехканской знати (700-800 м²), II – дома богачей (300-500 м²), III – дома зажиточных горожан (100-250 м²), IV – дома бедняков (60-100 м²). Он также рассчитал количество жителей в домах, исходя из 5-6 человек в семье. Получилось, что в домах первой категории одновременно проживало 25-30 человек, второй категории – 12 человек, третьей – 9 человек и четвертой – 6 человек (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 259-260). В.Л.Воронина пишет, что аристократическая семья Пенджикента занимала только в первом этаже до 20 комнат площадью до 900 м² (Воронина, 1964. С. 60-64; Нильсен, 1966. С. 240-261). Площадь загородных домов Пенджикента не превышала 70 м². Значит, хозяйственная площадь была около 55-60 м², такой же была жилая, так как площадь второго этажа, как отмечают авторы, вряд ли могла быть меньше площади первого (Большаков, Негматов, 1958. С. 155-192). Загородные дома были жилищем одной семьи небогатого ремесленника.

Полезная площадь первого этажа нашей усадьбы 222,5 м². Перекрытия над всеми помещениями первого этажа были сводчатыми. Основная нагрузка от стен второго этажа должна была лечь на внешние стены усадьбы. Лестницы, которые вели на второй этаж, скорее всего, также выходили в помещения, а не на крышу. Поэтому с некоторой долей вероятности можно предположить, что верхний этаж, даже при отличной от первого этажа планировке, имел приблизительно ту же полезную площадь. Тогда общая площадь всей усадьбы достигала 450 м². Высота всего здания, по аналогии с другими подобными постройками, могла достигать 10-12 м при высоте сводов первого этажа 5-7 м (Воронина, 1948. С. 135-157).

В сопоставлении с домами пенджикентских жителей наша усадьба соответствует богатым домам второй категории. Если сравнить ее с усадьбами и замками Самаркандского Согда, то она по своей площади соответствует усадьбе при Кафыр-кале и несколько превосходит замок на горе Муг. Наша усадьба с необходимыми службами являлась жилищем одной семьи.

Большинство исследователей соглашались в том, что здания с коридорно-гребенчатой планировкой являлись сооружениями оборонительного, сторожевого назначения или же были складами. К этому мнению приходят Т.И.Зеймаль и Н.Негматов, изучавшие замки Шахристана (Негматов, Зеймаль, 1961. С. 67-88). Этой же точки зрения придерживаются Е.Е.Неразик (Неразик, 1966. С. 68-69; Неразик, 1976. С. 179) и В.А.Нильсен (Нильсен, 1966. С. 240-261). Наша же усадьба, скорее всего, никаких специальных военных функций не выполняла и даже не имела стилобата. Толщина внешних стен объясняется только большой нагрузкой на них сводов и стен второго этажа. В случае военной угрозы жители усадьбы могли укрыться за стенами города, находившимися на расстоянии 200 м.

Оборонное и сторожевое назначение больше присуще замкам, расположенным особняком, в отдалении от крупных поселений и городов, когда необходимо сочетание оборонных функций с жилищем. Такие замки строились в труднодоступных местах, как, например, замок на горе Муг (Васильев, 1934. С. 18, 19.

Рис. 1) и другие замки в верховьях Зеравшана (Якубов, 1988. С. 25, 95-124).

В настоящий момент мы не располагаем достаточным материалом для достовер-

ного выяснения вопросов состава семьи и занятий хозяев дома; для их решения необходимо продолжение исследовательских полевых работ.

Библиография

- Аннаев Т.Дж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.
- Ахунбабаев Х. Новые находки согдийских монет из раскопок в центральной части городища Афрасиаб // ИМКУ. 1988. Вып. 22.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беленицкий А.М., Распопова В.И. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет // КСИА. 1981. Вып. 167.
- Бентович И.Б. Керамика Пенджикента // МИА. 1953. № 37.
- Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА. 1964. № 124.
- Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
- Большаков О.Г., Негматов Н.Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. 1958. № 66.
- Брыкина Г.А. Раскопки замка на Карабулаке в 1961-1962 гг. // КСИА. 1964. Вып. 108.
- Бураков Ю.Ф. Городище Минг-Урюк в Ташкенте // Тр.САГУ. Вып. 81, кн. 12. Ташкент, 1956.
- Васильев А.И. Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. Л., 1934.
- Воронина В.Л. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным раскопок 1940 г. // ТИИА АН УзССР. 1948. Т. 1.
- Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954-1959 гг.) // МИА. 1964. № 124.
- Горбунова Н.Г. О раннесредневековой керамике Ферганы // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979.
- Григорьев Г.В. Городище Талли-Барзу // ТОВЭ. 1942. Т. 2.
- Заславская Ф.А. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании Музея истории искусств УзССР // Труды Музея истории УзССР. Вып. 3. Ташкент, 1956.
- Лебедева Т.И. Керамика Афрасиаба // ИМКУ. 1990. Вып. 23.
- Мандельштам А.М. Раскопки на Батур-тепе в 1955 году // АРТ. 1956. Т. XXXVIII.
- Маришак Б.И. Керамика нижнего слоя Пенджикента // Изв. ООА АН ТаджССР. 1957. Вып. XIV.
- Маришак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. // ТГЭ. 1961. Т. V.
- Маришак Б.И. Отчет о работах на объекте за 1955-1960 гг. // МИА. 1964. № 124.
- Маришак Б.И. Керамика Согда V-VIII вв. как историко-культурный памятник. (К методике изучения керамического комплекса). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965.
- Маришак Б.И. Код для описания керамики Пенджикента V-VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
- Наймарк А.И. Раннесредневековый замок в кишлаке Мулла-Эшкул под Иштыханом // Древний и средневековый Восток. Ч. II. М., 1988.
- Негматов Н.Н., Зеймаль Т.И. Раскопки Тимирзак-тепе // Изв. ООА АН ТаджССР. 1961. Вып. I (24).
- Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) // Из истории жилища и семьи. – М., 1976.
- Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). – Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А. Короллестика древнего Мерва // ТЮТАКЭ. 1962. Т. XI.
- Пулатов У.П. Чильхуджра. – Душанбе, 1975.
- Семенов Г.Л. Согдийская замковая архитектура // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докл. конф. М., 1981.
- Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
- Тереножескин А.И. Холм Ак-тепе близ Ташкента // ТИИА АН УзССР. 1948. Т. 1.
- Тереножескин А.И. Раскопки в куhandизе Пенджикента // МИА. 1950. № 15.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Шишкин В.А. «Курган» и мечеть Чор-сутун в развалинах Старого Термеза // ТТАКЭ. 1945. Т. 1.
- Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.
- Шишкин Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУ. 1961. Вып. 2.
- Якубов Ю. О раскопках в Куме в 1970 году // АРТ. 1970. Вып. X.
- Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.

Рис. 1. Общий вид раскопа 12 (тепе 12) с юго-востока

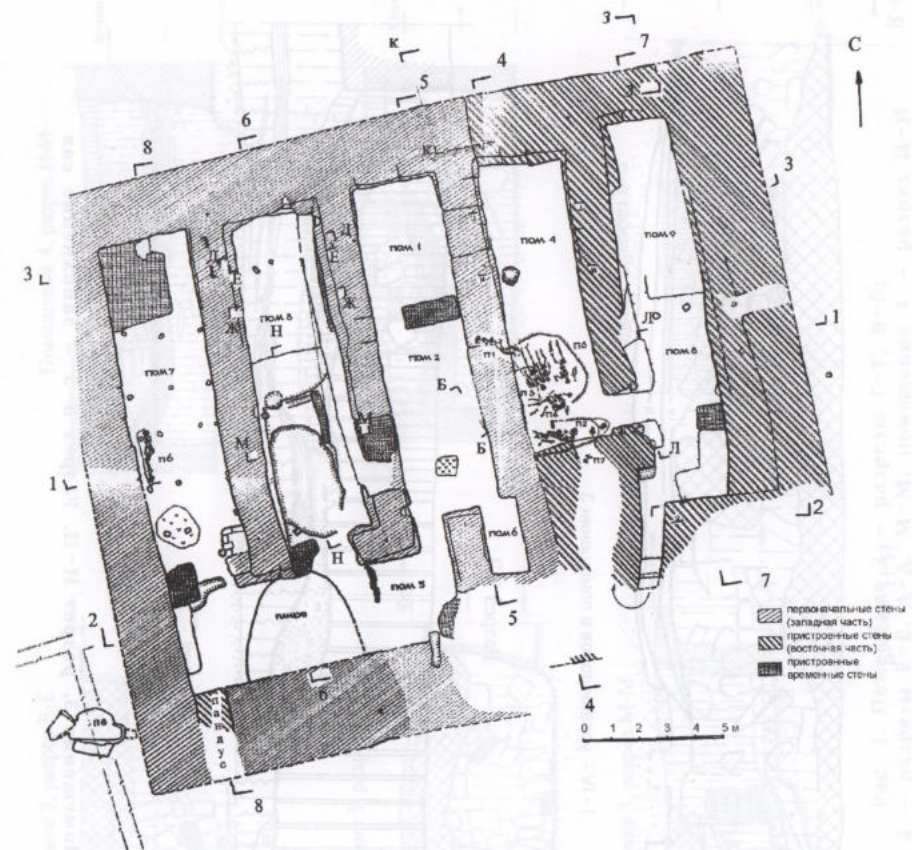
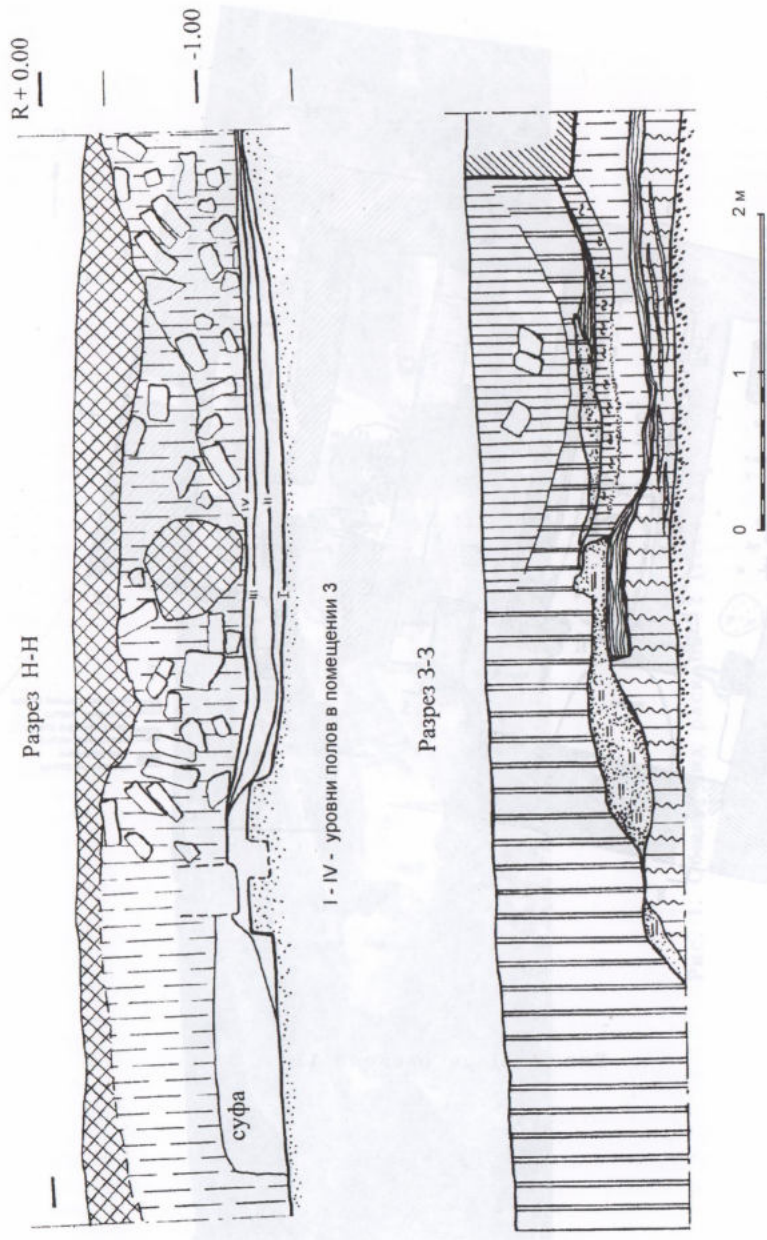

Рис. 2. План раскопа 12

I-IV - уровни полов в помещении 3

Рис. 3. Помещение 3, разрез Н-Н. Разрез 3-3 - заполнение сая

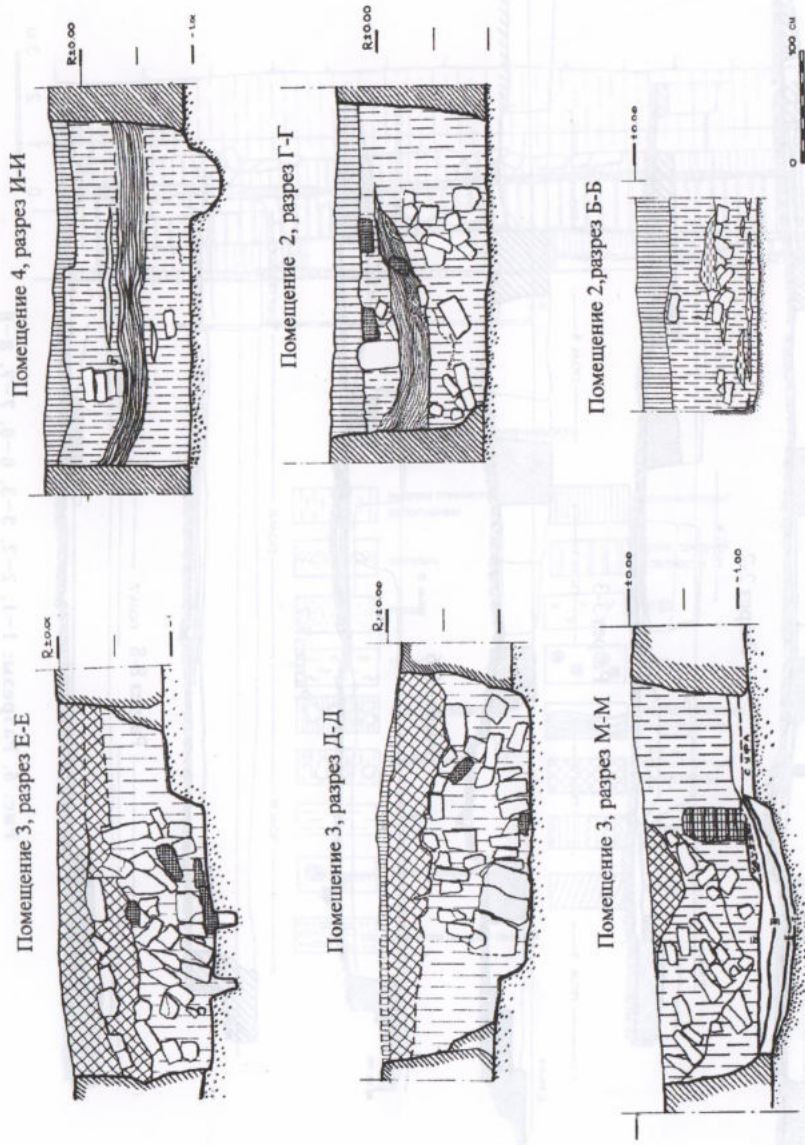

Рис. 4. Помещение 2 - разрезы Г-Г, Б-Б; помещение 3 - разрезы Е-Е, А-А, М-М; помещение 4 - разрез И-И

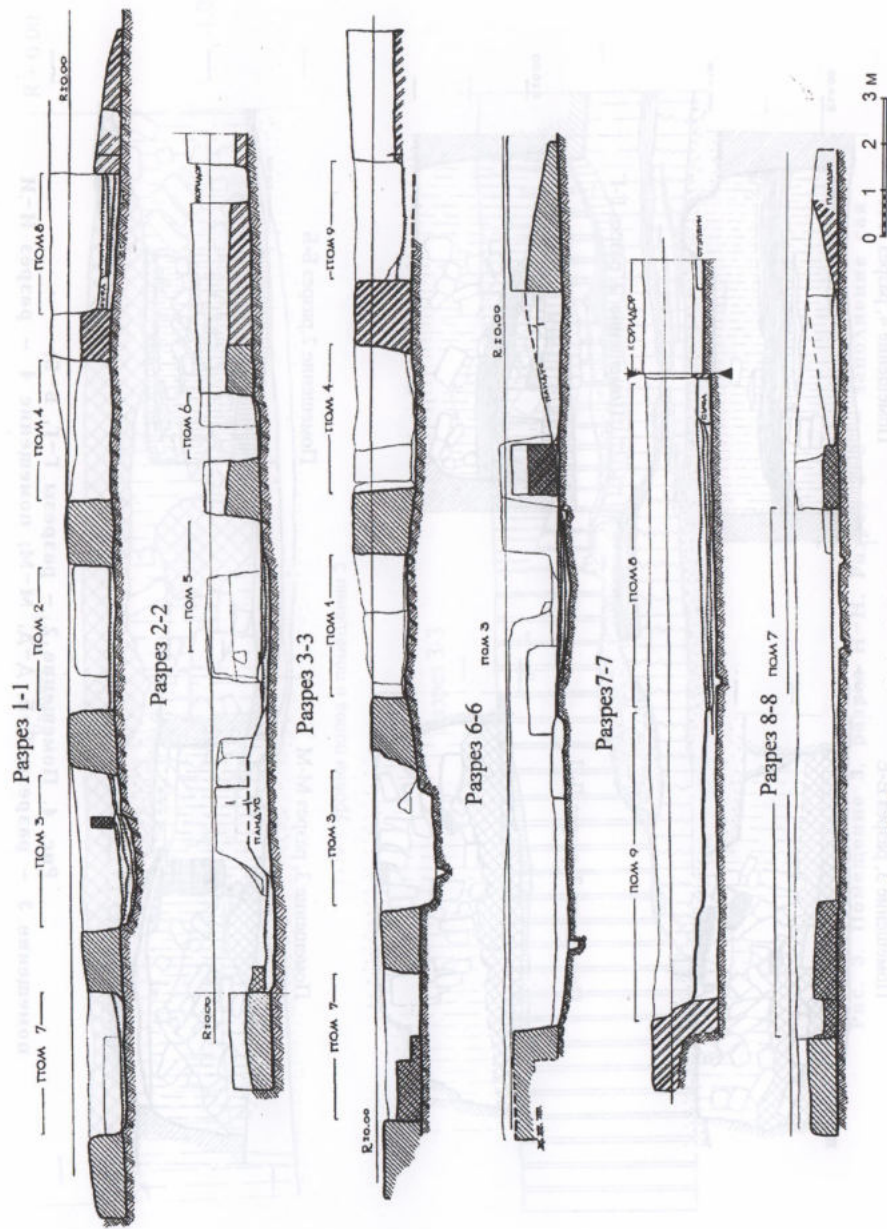
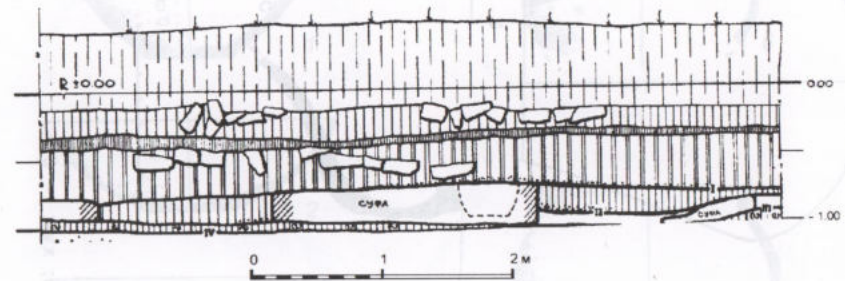

Рис. 5. Разрезы: 1-1, 2-2, 3-3, 6-6, 7-7, 8-8

Условные обозначения

	рыхлое глинистое заполнение		плотный грунт
	материк		грунт средней плотности
	песок		зола
	гумус		уголь
	плотный завал		навки, илистые слои водоема
	рыхлый завал		очень плотный завал пахсы
	глина		тонко-дисперсный лесс
	ямы, резервуары		стены
	илистая глина с песком		

Рис. 6. Помещение 8, разрез А-А

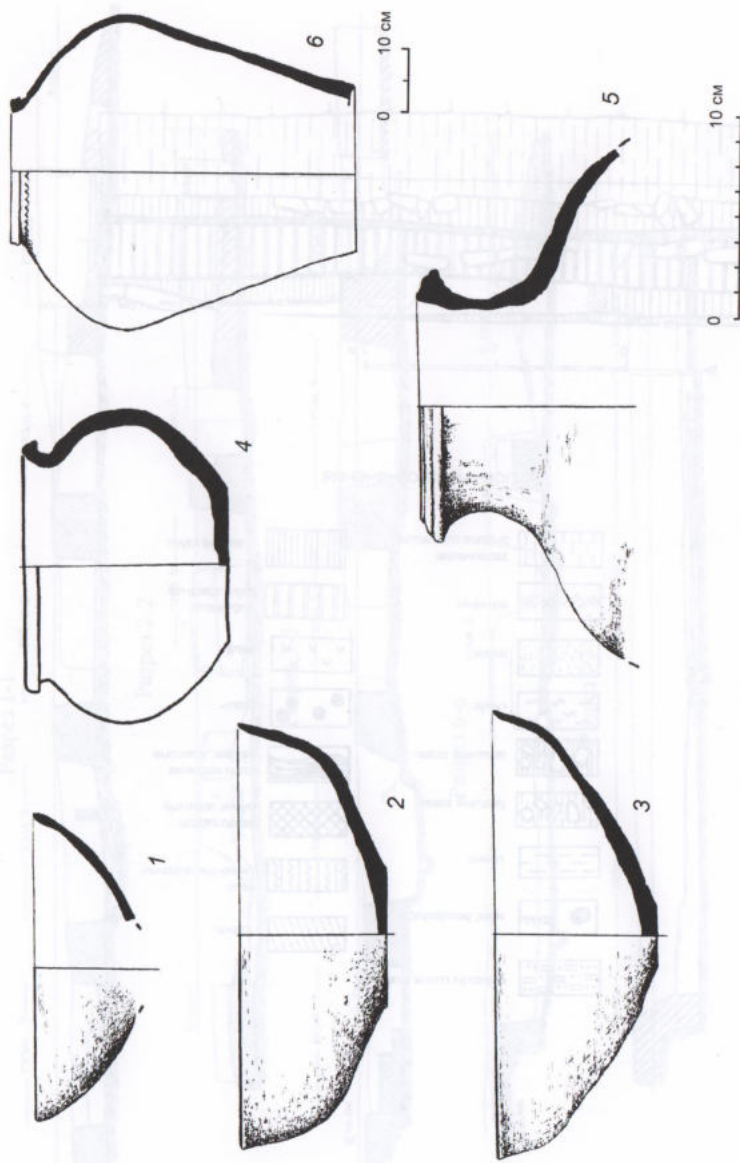

Рис. 7. Чаши - 1-3; корчага - 4; кувшин - 5; хум - 6

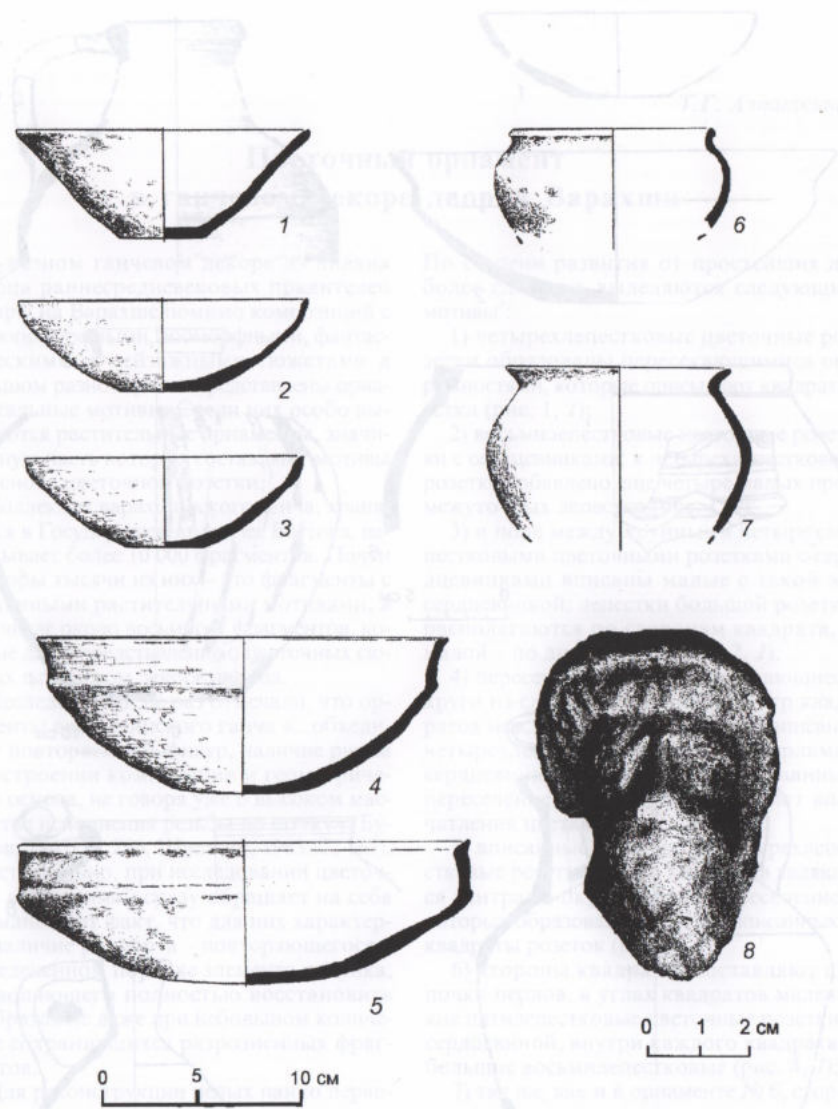

Рис. 8. Чаши - 1-5; широкогорлые сосуды - 6-7; терракота - 8

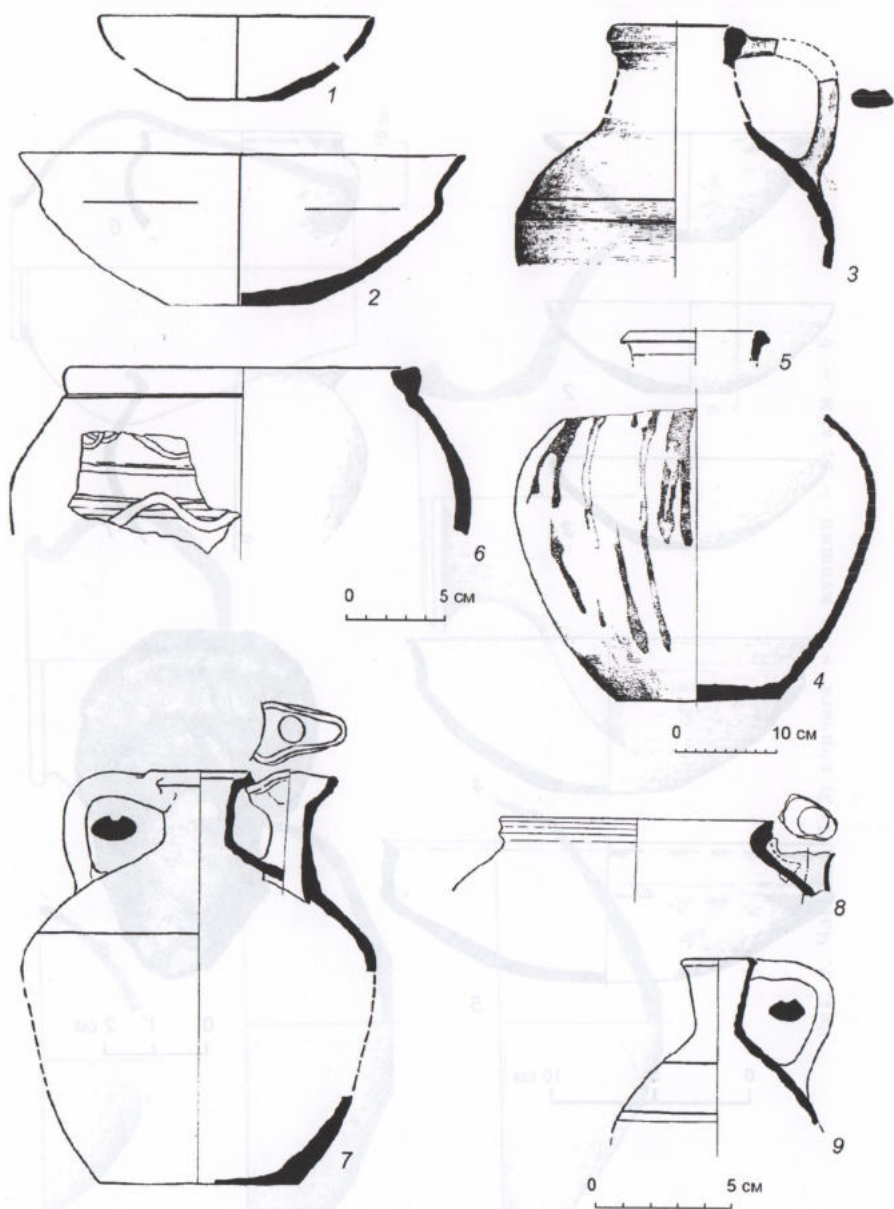

Рис. 9. Чаши - 1-2; кувшины - 3, 5, 6, 9; широкогорлая корчага - 4; кувшин со сливом - 7; корчага со сливом - 8

Цветочный орнамент в ганчевом декоре дворца Варахши

В резном ганчевом декоре из айвана дворца раннесредневековых правителей Бухары на Варахше помимо композиций с антропоморфными, зооморфными, фантастическими и пейзажными сюжетами в большом разнообразии представлены орнаментальные мотивы. Среди них особо выделяются растительные орнаменты, значительную часть которых составляют мотивы на основе цветочной розетки.

Коллекция варахшинского ганча, хранящаяся в Государственном музее Востока, насчитывает более 10 000 фрагментов. Почти полторы тысячи из них - это фрагменты с различными растительными мотивами, в том числе около восьмисот фрагментов, которые дают представление о цветочных сюжетах в ганчевом декоре дворца.

Исследователи не раз отмечали, что орнаменты варахшинского ганча «...объединяет повторяемость фигур, наличие ритма в построении композиции и геометрическая основа, не говоря уже о высоком мастерстве исполнения резьбы по штуку» (Булатов, 1947. С. 266; Шишкин, 1963. С. 167). Действительно, при исследовании цветочных композиций сразу обращает на себя внимание тот факт, что для них характерно наличие раппорта - повторяющегося в определенном порядке элемента рисунка, позволяющего полностью восстановить изображение даже при небольшом количестве сохранившихся разрозненных фрагментов.

Для реконструкции целых панно первостепенное значение играет определение схем построения: все цветочные орнаменты варахшинского ганча основаны на простой квадратной сетке. Судя по отпечаткам кирпичей на тыльной стороне фрагментов, а иногда и по наличию бордюров, квадраты сетки могли располагаться как по горизонтали, так и диагонально, углами вниз.

По степени развития от простейших до более сложных выделяются следующие мотивы:

1) четырехлепестковые цветочные розетки образованы пересекающимися окружностями, которые описывают квадраты сетки (рис. 1, 1);

2) восьмилепестковые цветочные розетки с сердцевинками: к четырехлепестковой розетке добавлено еще четыре малых промежуточных лепестка (рис. 1, 2);

3) в поле между крупными четырехлепестковыми цветочными розетками с сердцевинками вписаны малые с такой же сердцевинкой; лепестки большой розетки располагаются по сторонам квадрата, а малой - по диагоналям (рис. 2, 1);

4) пересекающиеся и переплетающиеся круги из сдвоенных линий; в центр квадратов между дугами окружностей вписаны четырехлепестковые розетки с перлами-сердцевинками; лепестки, образованные пересечением кругов, не оставляют впечатления цветка (рис. 2, 2);

5) вписанные в квадраты четырехлепестковые розетки; стыки квадратов являются центрами окружностей, пересечением которых образованы лепестки вписанных в квадраты розеток (рис. 3);

6) стороны квадратов составляют цепочки перлов, в углах квадратов маленькие пятилепестковые цветочные розетки с сердцевинкой, внутри каждого квадрата - большие восьмилепестковые (рис. 4, 1);

7) так же, как и в орнаменте № 6, стороны квадратов составляют цепочки перлов, в углах квадратов цветочные розетки с сердцевинкой, в этом случае четырехлепестковые; в полях - вписанные один в другой квадраты (рис. 4, 2);

8) на сетке в шахматном порядке: в одном квадрате - четырехлепестковая розетка, в другом - четырехлепестковая розетка меньших

* Реконструкция орнаментов и схем построения - Т.Г.Алпаткина, рисунки - О.А.Янина (1, 5-6) и П.В.Витковский (2-4, 7а).

размеров, причем сам квадрат с малой розеткой обведен двойной линией (рис. 5, 1);

9) квадраты, образованные сдвоенными линиями, переплетаются углами; заполнение квадратов сетки в шахматном порядке: в одном поле вписанные один в другой квадраты, в другом – шестилепестковые цветочные розетки (рис. 5, 2);

10) переплетающиеся углами квадраты, образованные лентами из сдвоенных линий; во внутренние поля вписаны в шахматном порядке четырехлепестковые цветы и розетки с четырех или шестью лепестками в виде сердечек (рис. 5, 3);

11) крупные восьмилепестковые цветочные розетки, соединяющиеся между собой продолженными лепестками, между которыми помещены четырех-, пяти- и шестилепестковые чашечки цветов (рис. 7).

Значительное количество фрагментов мотива, названного нами орнаментом № 1, было найдено в ходе раскопок экспедиции 1938-53 гг. под руководством В.А. Шишкина (Шишкин, 1947. С. 239; Шишкин, 1963. С. 178). В коллекции Музея Востока подобных фрагментов также насчитывается самое большое количество по сравнению с остальными цветочными сюжетами – около 280 (рис. 1, 1). На айване дворца этот орнамент покрывал, судя по всему, довольно значительные площади. Причем это были как ровные плоскости стен, так и выпуклые и вогнутые поверхности декоративных колонок и нишек. На ровных плоскостях орнамент либо мог быть представлен в виде самостоятельных панно, либо составлял фон больших сюжетных композиций.

Кроме самого орнамента № 1 выявлены также два его варианта: в одном из них в центр квадратов добавлены перлы, а во втором – кружочки с вырезанной сердцевинкой. Они названы вариантами 'а' (имеется 1 фрагмент) и 'б' (3 фрагмента).

Диаметр цветочных розеток составляет от 3,5 до 7,6 см.

Орнамент № 2 по раскопкам В.А. Шишкина неизвестен. В коллекции ГМВ имеется около 50 фрагментов этого орнамента (рис. 1, 2). Он занимал плоскостные панно и колонки. Сторона квадрата составляет от 4,8 до 9,5 см.

Орнамент № 3 известен (Шишкин, 1947. С. 14; Шишкин, 1963. С. 167) и представляет собой дальнейшее развитие описанно-

го выше цветочного мотива с чуть усложненной схемой построения: в центр полей квадратной сетки орнамента № 1 вписаны четырехлепестковые розетки. Орнамент прост, но чрезвычайно эффектен и также заполнял плоскостные панно, колонки и нишки на стенах айвана (рис. 2, 1). В музейной коллекции имеется около 80 фрагментов этого мотива. Сторона квадрата от 5,8 до 6,7 см.

Орнамент № 4 по раскопкам В.А. Шишкина неизвестен. В коллекции музея около 30 фрагментов этого орнамента (рис. 2, 2), он заполнял плоскостные панно. Диаметр окружностей 9-11 см.

Орнамент № 5 покрывал плоскостные панно и колонки (рис. 3). В музее хранится около 150 фрагментов, которые представляют два варианта резьбы:

1) более глубокая, с прорезанными вдоль лепестков цветочной розетки линиями и с выемками на плоскости сторон самого квадрата, как бы придающими дополнительный объем цветку;

2) менее рельефное исполнение, лепестки цельные и лишь слегка поднимаются над поверхностью квадрата. Сторона квадрата составляет от 3 до 9 см. Выделен вариант этого орнамента: углы квадратов, в которые вписаны цветочные розетки, оформлены маленькими выпуклыми квадратиками.

Проведенный нами сравнительный анализ орнаментов № 1-5 показал, что именно в такой последовательности шло усложнение схем их построения, тогда как В.А. Шишкин полагал, что орнамент № 5 развился непосредственно из орнамента № 1 (Шишкин, 1947. С. 239; Шишкин, 1963. С. 167).

Орнамент № 6 по раскопкам В.А. Шишкина неизвестен. В коллекции музея хранится 18 фрагментов от различных панно (рис. 4, 1). Диаметр малой цветочной розетки – 3,5-5,5 см, а большой – 7-10 см.

Орнамент № 7. Выделено два варианта этого орнамента: 'а' – в центре вписанный один в другой квадратов расположен квадрат с плоской верхушкой, а в варианте 'б' – с вырезанной. Вариант 'а' был реконструирован В.А. Шишкиным по находкам из его раскопок (Шишкин, 1947. С. 236-237. Рис. 9; Булатов, 1988. С. 267. Рис. 190). В музейной коллекции более 80 фрагментов обоих вариантов, они составляли плоскостные панно

(рис. 4, 2). Сторона квадратов сетки составляет 8-12 см.

Орнамент № 8 по раскопкам В.А. Шишкина неизвестен. В коллекции музея имеется только один фрагмент края панно, который тем не менее позволяет восстановить раппорт орнамента (рис. 5, 1). Сторона квадрата составляет 7 см.

Орнаменты № 9 и 10 наглядно демонстрируют развитие графической схемы предыдущего орнамента. Эти мотивы встречались в материалах из раскопок В.А. Шишкина (Шишкин, 1947. С. 239). Но по сравнению с ними у фрагментов из музея имеются различия, в частности, в количестве лепестков у цветочных розеток. Выделено около 10 фрагментов каждого из этих орнаментов (рис. 5, 2, 3). Наибольший размер стороны квадрата орнамента № 9 – 8,5 см, орнамента № 10 – 10 см.

Фрагменты орнамента № 11 были найдены В.А. Шишкиным в таком количестве, которое позволило ему отметить, что «этот мотив был особенно широко использован в декоре стен, представляя собой, как об этом можно судить по фрагменту ноги коня, орнаментальный фон, на котором развевалась какая-то большая скульптурная композиция» (Шишкин, 1947. С. 239). В коллекции музея этот мотив также представлен в большом числе (ок. 200) фрагментов от нескольких плоскостных настенных панно (рис. 7). Варианты орнамента № 11 различаются количеством лепестков (4, 5 или 6) у маленьких розеток между лучами центральной восьмилепестковой. Диаметр большой розетки составляет 12-13 см, малой – 4-5 см.

Кроме того, в коллекции Музея Востока имеются разрозненные единичные фрагменты панно с цветочными розетками, раппорты которых восстановить не удается, и несколько вариантов цветочных бордюров. Одни бордюры представляют собой пояс из розеток, на других розетки чередуются с различными орнаментальными элементами.

Для всех фрагментов из музейной коллекции характерны различия в технике резьбы. В.А. Шишкин при исследовании ганча также отметил, что «любой изобразительный мотив, любая деталь имеет все признаки ее индивидуальной обработки. Рисунок нигде не повторяется точно в той же форме и в тех же размерах, даже в таких орнаментальных мотивах, которые раз-

вертываются повторяющимся раппортом» (Шишкин, 1943. С. 14). В одних случаях – четкость в проработке деталей, в других – неуверенность, иногда небрежность, а также разница в количестве мелких деталей раппорта (например, лепестков цветка) при выполнении резьбы показывают, что в работах на айване дворца участвовало не менее трех-четырех мастеров-резчиков разной степени профессиональной подготовки и с различным опытом работы. По имеющимся в нашем распоряжении фрагментам невозможно определить наличие предварительной разметки поверхности стены по подготовленному слою ганча, но она могла иметь место, поскольку все элементы орнаментов, вне зависимости от размеров квадратов или диаметров окружностей, выдержаны в пределах квадратной сетки.

Значительная часть опубликованных В.А. Шишкиным фрагментов ганча с растительным орнаментом была найдена в завале одного из помещений варахшинского дворца, т.н. Южной анфилады. Музейная коллекция ганча происходит из древних отвалов на территории парадного айвана дворца. Сравнительный анализ цветочных мотивов на фрагментах из айвана и Южной анфилады показывает большое сходство сюжетов и техники резьбы, что позволяет говорить о работе одной группы мастеров. Хотя имеются и некоторые различия. Так, например, новых цветочных сюжетов в нашей коллекции немного, но к уже известным по публикациям мотивам можно добавить от одного до трех вариантов того же мотива на единой схеме построения. С другой стороны, при раскопках В.А. Шишкина были найдены фрагменты цветочных орнаментов, которых в музейной коллекции нет (Шишкин, 1947. Рис. 22, 44).

Главное, что отличает наш материал от опубликованного ранее, – это наличие фрагментов со следами окрашивания. В материале из раскопок В.А. Шишкина наличие красной краски, «строго локальными пятнами», замечено всего на двух-трех фрагментах из более чем 6000 (Шишкин, 1963. С. 167). В музейной коллекции фрагменты со следами красной и голубой краски представлены в значительно большем количестве. Так, следы окрашивания в красный цвет присутствуют на реконстру-

ированном панно с гранатовыми яблоками (Алпаткина, 2002. С. 92. Рис. 2-3; Жулина, 2002. С. 99-101). К настоящему времени остатки краски найдены еще на шестидесяти орнаментальных фрагментах (из более чем 10 тысяч), в том числе на десяти с цветочными мотивами. В голубой цвет были покрашены орнаменты № 1 (найден 2 фрагмента с краской), № 5 (2 фрагмента) и № 6 (3 фрагмента); в красный цвет – орнаменты № 3 (1 фрагмент), № 5 (1 фрагмент) и № 11 (2 фрагмента).

Ранее нами высказывалось предположение о том, что работы по украшению айвана ганчем проводились дважды, одновременно с проведением двух его капитальных ремонтов, причем в короткий промежуток времени (от 20 до 50 лет), и о том, что в Южной анфиладе были сложены фрагменты сбитого со стен первоначального декора (Алпаткина, 2002. С. 88). Проведенные в последнее время исследования цветочных и некоторых других орнаментальных мотивов, а также сравнительный анализ фрагментов из двух коллекций (собранных при раскопках В.А.Шишкина и второй, хранящейся в Музее Востока) показали, что скорее всего, работы по ганчу выполнялись одновременно. В этом случае различия в сюжетах и вариантах орнаментов можно объяснить различным расположением фрагментов на стенах айвана. Айван дворца Варахши делится трехпролетной аркадой на две неравные части. Сбитые в южной, меньшей части зала фрагменты могли быть перенесены в заброшенные к тому времени помещения Южной анфилады, которые располагались ближе; остальные были сложены в отвалы в помещениях к северу и западу от айвана. Что же касается краски, то можно предположить, что были окрашены все орнаменты, но она наносилась поверх очень тонкого слоя ганчевой штукатурки, которая с течением времени была смыта или осыпалась, т.к. древние ганчевые отвалы располагались близко к поверхности земли.

Разнообразие и высокая техника исполнения орнаментов в архитектурном декоре дворца Варахши демонстрируют большое мастерство резчиков по ганчу и говорят о вполне сложившихся художественных традициях. Выбор сюжетов указывает на тесную связь этих традиций с искусством парфянского и сасанидского времени. Од-

нако, как отмечал В.А.Шишкин, «...ни в Иране, ни в Месопотамии в алебастровом декоре мы не найдем такого обилия орнаментальных мотивов и такой тонкости в их выполнении, как это наблюдается на Варахше» (Шишкин, 1963. С. 210). И это замечание в первую очередь можно отнести к цветочным орнаментам.

Если для других орнаментальных сюжетов Варахши аналогии и прямые параллели имеются в ганчевом декоре сасанидских дворцов Киша (III в.) и Ктесифона (V-VI вв.) (Денике, 1939. С. 32-33. Рис. 17, 19; Ремпель, 1961. С. 88-89. Рис. 28-29; Kröger, 1978. P. 105. № 36; P. 107. № 40), то из одиннадцати цветочных мотивов мы находим аналогии только для орнаментов № 1, 3, 5, 6 и 7.

Декор в виде сетки из четырехлепестковых розеток (на Варахше это цветочный орнамент № 1) – один из самых древних. Этот орнамент и его варианты на простых квадратных сетках исследователи связывают с традициями сетчатых узоров более древних эпох, в частности, с ромбо-точечными орнаментами древнейших земледельческих культур (Ремпель, 1961. С. 107).

Он встречается на керамической посуде одного из поселений эпохи культуры Хараппа в долине р. Инд, датированного III тыс. до н.э. (Шавкунов, Гусева, 1988. С. 355). Впоследствии ареал этого орнамента и его вариантов заметно расширяется. Выделим его изображение на резной кости из Беграма и в резном камне из Шоторака I-II вв. (Afghanistan..., 1968. № 21, 24, 47), на штукатурном панно позднепарфянского времени из дворца Кух-и Ходжа и в росписях Пальмиры I-III вв. (Шлюмберже, 1985. С. 59, 62, 84-85. Рис. 46, 75-76), позднее в резном ганче XI в. жилых домов Седраты в Алжире (Всеобщая история архитектуры, 1969. С. 77. Рис. 1). На территории Средней Азии он встречается в росписях II-III вв. на Каратепе (Мкртычев, 2002. С. 207) и в Пенджикенте VII-VIII вв. (Живопись..., 1954. Табл. XXXVI).

На Варахше орнамент № 1 известен, кроме изображения в ганче, на фрагменте оконной ганчевой решетки во дворце, обнаруженной в осыпях мечети IX-X вв. (Ремпель, 1957. С. 10. Рис. 4), а также в живописи на южной стене Восточного зала дворца. Здесь представлена сцена, в которой персонаж рядом с царем сидит на

черном коврике с белым рисунком, представляющим собой вариант орнамента № 1 (Шишкин, 1963. С. 160. Табл. XIV).

Здесь же, в Восточном зале дворца Варахши, в композиции «Царь на троне», мы находим и вариант орнамента № 3 – на тканях, лежащих под ногами царя (Шишкин, 1963. С. 160. Табл. XIV). Другие его варианты, отличающиеся от варахшинского исполнением цветочных розеток, известны также в настенной живописи в различных помещениях Пенджикента, причем в росписи зала объекта VI – в качестве узора ковров (Живопись..., 1954. Табл. XXXVI). Этот же орнамент встречается в фигурной кладке жженого кирпича в мавзолее Саманидов в Бухаре (The Art of Central Asia, 1965. Илл. 42), на резных деревянных колоннах XV столетия в айване мечети Кок-гумбаз в Шахрисябзе (Прибыткова, 1971); за пределами Средней Азии – в декорации Большой мечети в Дамаске (2-я пол. VII – нач. VIII в.) (Noag, 1977. P. 23-24. Pl. 16).

Следует особо отметить повторение цветочных орнаментов № 1 и № 3 а) на изображениях тканей в живописи и б) в резном ганче Варахши и Пенджикента. Это лишний раз подтверждает выводы исследователей о том, что произведения текстильного производства, прославленные согдийские ткани, были одним из источников мотивов архитектурного декора (Шишкин, 1960. С. 22-25; Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 17). По меткому выражению Б.П.Денике, ткани – это «...важнейший источник орнаментики, как элемент легко переносимый, прочно и верно, бессознательным путем всую просачивающийся...» (Денике, 1923. С. 183).

Различные варианты орнамента № 5 есть на погребальном рельефе из Пальмиры (Шлюмберже, 1985. С. 79. Рис. 69) и в резном дереве из Беграма (Afghanistan..., 1968. № 23, 26-31), а позднее – в IX в. – в резьбе по дереву в Большой мечети Кайруана в Тунисе (Веймарн, 2002. Илл. 117), в X-XI вв. в резьбе по дереву в мазаре Чорку и во дворце Гардани Хисор в Таджикистане (Воронина, 1967. С. 178-179. Рис. 3ж, 5; Якубов, 1977. С. 367).

Самую близкую аналогию варахшинскому орнаменту № 6 мы нашли во дворце Каср аль-Хайр в Сирии (VIII в.). Орнаментальная композиция выполнена по той же

схеме построения с различиями в деталях (Schlumberger, 1939. Pl. XLI, J).

При всем разнообразии ганчевого декора Варахши здесь нет ничего подобного позднейшим сложным геометрическим построениям – гирихам, господствовавшим в архитектурной орнаментике начиная с X в. В.А.Шишкин отмечал, что они еще чужды искусству Варахши (Шишкин, 1963. С. 167). Поэтому нужно особо выделить среди цветочных мотивов варахшинского ганча орнамент № 11 (рис. 6), который Л.И.Ремпель отнес к орнаментам-предшественникам гирихов. Этот орнамент, а также узор из восьмиконечных звезд на фрагментах ткани из согдийского замка Муг указывают на зарождение мотива гирихов в архитектурном орнаменте Средней Азии уже в VIII веке (Ремпель, 1961. С. 110-111. Рис. 42, 3).

Остальные цветочные орнаменты, прямых аналогий которым не найдено, наглядно демонстрируют знакомство варахшинских мастеров с ганчевым декором памятников предшествующего времени и их умение создавать совершенно новые мотивы из известных элементов декора (цепочки из перлов, переплетающиеся ленты, вписанные один в другой квадраты и пр.).

Исследование цветочных орнаментов в ганче дворца Варахши показывает, что при выполнении сетки и в подборе элементов заполнения соблюдалась определенная система, основное правило которой Л.И.Ремпель сформулировал так: экономия в количестве элементов и богатство комбинаций в практическом их применении (Ремпель, 1961. С. 107). Рисунок больших плоскостей орнаментов, построенных на простейших квадратных и ромбических сетках с характерными раппортными рисунками с повторяющейся цветочной розеткой замечателен тем, что сравнительно незначительные изменения в деталях создают при одной и той же композиционной схеме как разный художественный эффект, так и разные, по существу, орнаменты.

Из всего многообразия мотивов ганча во дворце Варахши цветочная орнаментация особенно наглядно подтверждает высказывание Л.И.Ремпеля о том, что архитектурный орнамент Средней Азии VI-VIII в. завершал собой художественные традиции античного времени и одновременно закладывал основы искусства мусульманского средневековья (Ремпель, 1978. С. 15). Так, в VIII в. в ганче

Варахши появляется орнамент, обозначенный нами как № 11, со схемой построения, близкой к схемам геометрических орнаментов – гирихов, которые становятся главными в узорах декора начиная с IX в., подчиняя себе все растительные мотивы. Мы видим это в IX в. во дворцах и частных домах Самарры и в мечети Нугумбад в Афганистане; в конце IX–X в. в мечетях Джами в Найине (Иран) и Шир-Кабир (Туркменистан); в X в. на Афрасиабе, в X–XI вв. в мечети Данданакана (Туркменистан), во дворцах и жилых домах Хульбука и Сайёда в Таджикистане; в XI–XII вв. в мавзолее Султана Санджара в Мерве, во дворцах Лашкари-Базара (Афганистан) и Термеза.

Мотивы на основе цветочной розетки, как известные ранее, так и творчески переработанные в совершенно новые орнаменты мастерами, резавшими ганч во дворце Варахши, представлены здесь настолько широко и разнообразно, что это позволяет говорить об особом месте цветочного орнамента в общей композиционной схеме декора.

Отдельно стоящая скульптуры во дворце Варахши нет, она вся пристенная, выполнена в резном ганче айвана барельефом, а некоторые фигуры выступают из фона на три четверти, образуя горельеф. Несмотря на это, действие сюжета не выходит из плоскости стены, и скульптурные формы плавно переходят к орнаментальным узорам. Л.И.Ремпель отмечал, что «в изображении сложных сцен (охота в сказочном саду, крылатые кони, женщины-птицы) пристенная скульптура дает пример удивительной гармонии формы орнамента и скульптуры» (Ремпель, 1961. С. 76-77).

Такая гармония была бы невозможна без тщательного подбора мастерами рисунков орнамента. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что при разнообразии орнаментальных мотивов варахшинского ганча их все можно отнести к так называемым «ковровым» орнаментам, в которых по мере удаления от них зрителя все элементы сливаются в единый фон. Это, а также наличие красок и выбор цветов приводят нас к живописи: «...мир согдийской живописи состоит из двух подчеркнuto независимых друг от друга частей: совокупности взаимодействующих фигур и чуждого им фона... Эффект уходящего в бесконечность фона легко достигался, если он был ярко-синим или голубым, благодаря неизбежной ассо-

циации с небом. Однако согдийские мастера умели добиваться схожего эффекта и в краснофонных росписях» (Косолапов, Маршак, 1999. С. 17, 18).

Таким образом, композиция архитектурного убранства айвана дворца Варахши представляется двухчастной: выполненные высоким рельефом скульптурные элементы декора, в которых показаны растительный и животный мир, человек и мифические существа; и выполненный в низком рельефе орнамент, служивший для них фоном голубого или красного цвета. Причем введенные нами исследования цветочных орнаментов показали, что выбор той или другой краски для определенного мотива был далеко не случайным.

Так, среди скульптурных ганчевых композиций известны сюжеты со сценами охоты всадников на разных животных (Шишкин, 1963. Рис. 99-103; Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991. № 456). Вероятнее всего, именно к сцене охоты можно отнести описанный выше большой фрагмент с изображением ноги лошади. Его фон составляют цветочные розетки со следами красной краски. Подобное сочетание сюжета и цвета мы находим здесь же во дворце Варахши, в живописи Красного зала. Композиция на стенах зала, фон которой имеет охристо-красный цвет, составляют сцены сражения всадников на белых слонах с нападающими на них хищниками. Как отметил В.А.Шишкин, гамма тонов, с одной стороны, ограничена, но с другой – создает достаточно гармоничное и цельное впечатление (Шишкин, 1947. С. 256).

В живописи соседнего с Красным Восточного (Синего) зала под ногами у персонажей композиции с царем на троне изображены ткани, аналогии которым есть, как уже указывалось, в вариантах ганчевых орнаментов № 1 и 3. Живопись Восточного зала выполнена по серо-синему фону, а на указанных фрагментах найдена темно-голубая краска. Еще одно совпадение с росписью этого зала мы находим в резном ганче: с трона свешиваются ткани, рисунок которых представляет собой вариант орнамента № 2, в котором лепестки цветочной розетки заменили вырезные листочки (Шишкин, 1947. Рис. 35). В музейной коллекции выделено очень немного таких фрагментов, и следов краски на них не отмечено.

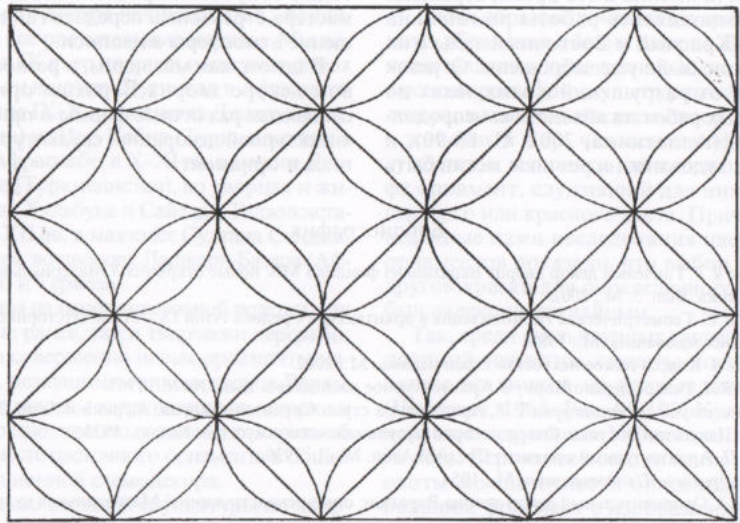
Археологически выявлено несколько периодов обживания и запустения дворцовых помещений; причем к середине VIII столетия (а именно в это время, вероятнее всего, выполнялись работы по ганчу на айване) Красный и Восточный залы с их живописью были уже заброшены. Отрезок времени от разрушений в этих залах до ремонтных работ на айване был непродолжителен (Алпаткина, 2002. С. 88-90), и мастера, художники и резчики, могли быть

знакомы с сюжетами живописи. Поэтому, как нам кажется, выбирая для резьбы по ганчу именно «ковровые» орнаменты, а также голубой и красный цвета краски, мастера стремились передать ганчем ощущение атмосферы живописи.

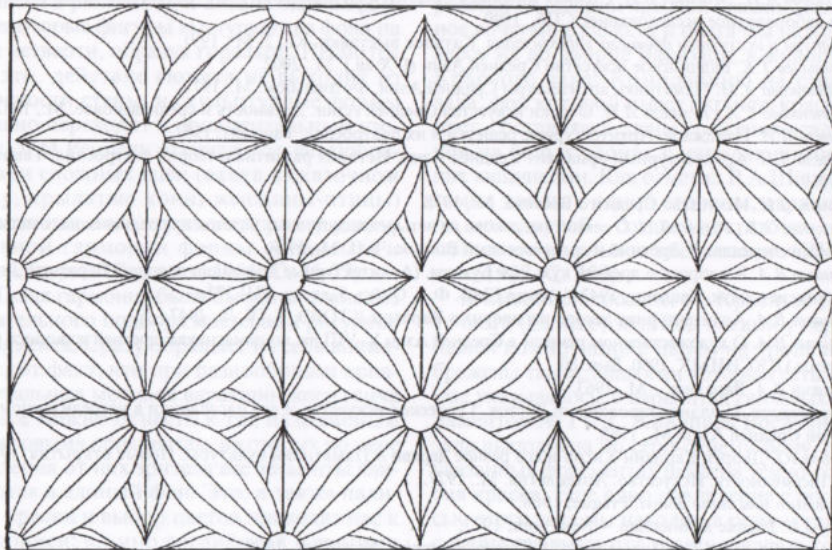
В целом, как мы видим, в резном ганчевом декоре дворца Варахши органично сливаются различные формы и приемы архитектурной декорации: скульптура, живопись и орнамент.

Библиография

- Алпаткина Т.Г. Ганчевый декор дворца Варахши из фондов ГМВ: новые открытия // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. (Историко-теоретическое исследование). М., 1988.
- Веймари Б.В. Классическое искусство стран ислама. М., 2002.
- Воронина В.Л. Резное дерево Чорку // Архитектурное наследие. Вып. 16. М., 1967.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 8. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. М., 1969.
- Денике Б. Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства. Казань, 1923.
- Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939.
- Живопись древнего Панджикента. М., 1954.
- Жулина Д.А. Орнаментальный декор дворца Варахши: опыт реконструкции // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. (Историко-художественное и лабораторное исследование). СПб., 1999.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М., 1991.
- Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.
- Прибыткова А.М. Памятники архитектуры Средней Азии. Фотоальбом. М., 1971.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982.
- Ремпель Л.И. Панджара. Архитектурные решетки и их построение. Ташкент, 1957.
- Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Средней Азии. История развития и теория построения. Ташкент, 1961.
- Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. М., 1978.
- Шавкунова Э.В., Гусева Л.Н. О семантике декора из четырехлепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах // Древний и средневековый Восток. Ч. II. М., 1988.
- Шишкин В.А. К вопросу о древней культуре Бухары. (Архитектурные декорации дворца в Варахше). Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1943 // Архив ГМВ. Ф. I, Опись 5, ед. хр. ГШ 272.
- Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахше // ТОВЭ. Т. IV. Л., 1947.
- Шишкин В.А. О художественном ремесле в Средней Азии V–VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль) // КСИИМК. 1960. Вып. 80.
- Шишкин В.А. Варахша. – М., 1963.
- Шлюмбергер Д. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Средней Азии. М., 1985.
- Якубов Ю. Дворец Гардани Хисор и его резное дерево // Памятники культуры. Новые открытия. 1976 г. Письменность. Искусство. Археология. М., 1977.
- Afghanistan and seine Kunst. Prague, 1968.
- Hoag J.D. Islamic architecture. – New York, 1977.
- Kröger J. Stucco // The Hunter Art of the sasanian empire. New York, 1978.
- Schlumberger D. Les fouilles de Qasr el-Heir el-Charbi (1936-38) // Syria. T. XX. 1939.
- The Art of Central Asia. London, 1965.

1

2

Рис. 1. Варахша, ганч. Цветочный орнамент: 1 - № 1; 2 - № 2

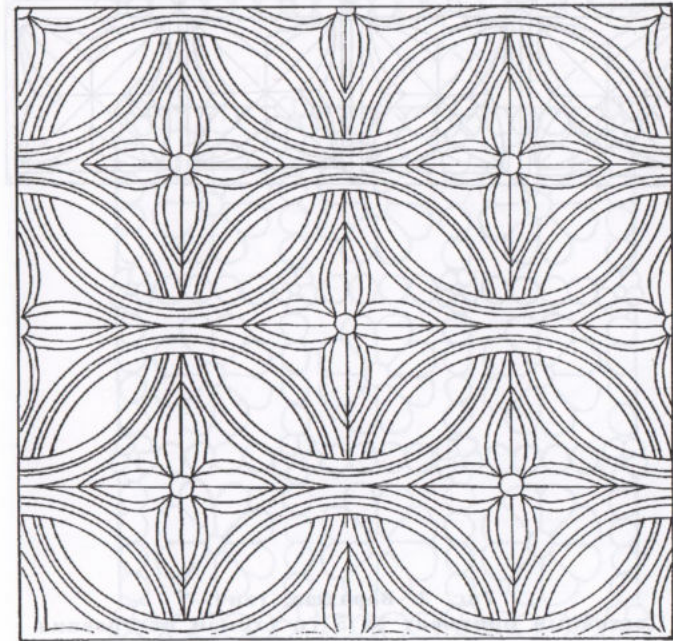
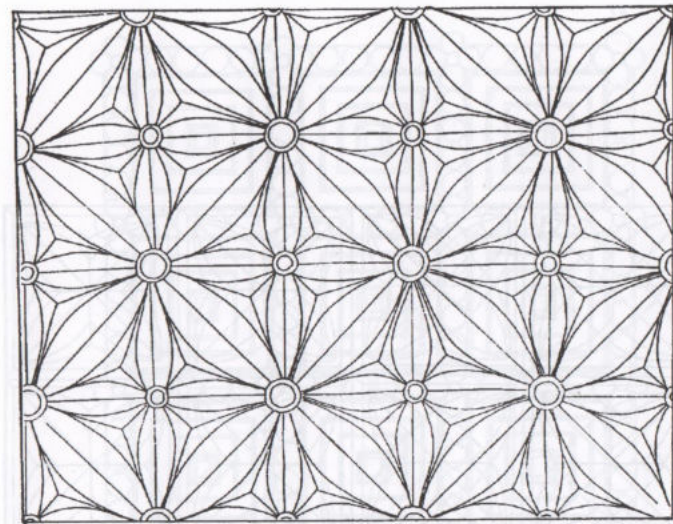

Рис. 2. Варахша, ганч. Цветочный орнамент: 1 - № 3; 2 - № 4

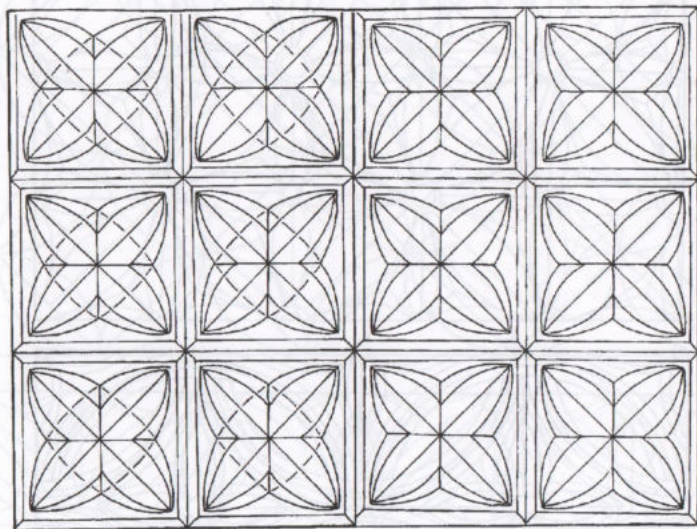

Рис. 3. Варахша, ганч.
Цветочный орнамент № 5 со схемой построения

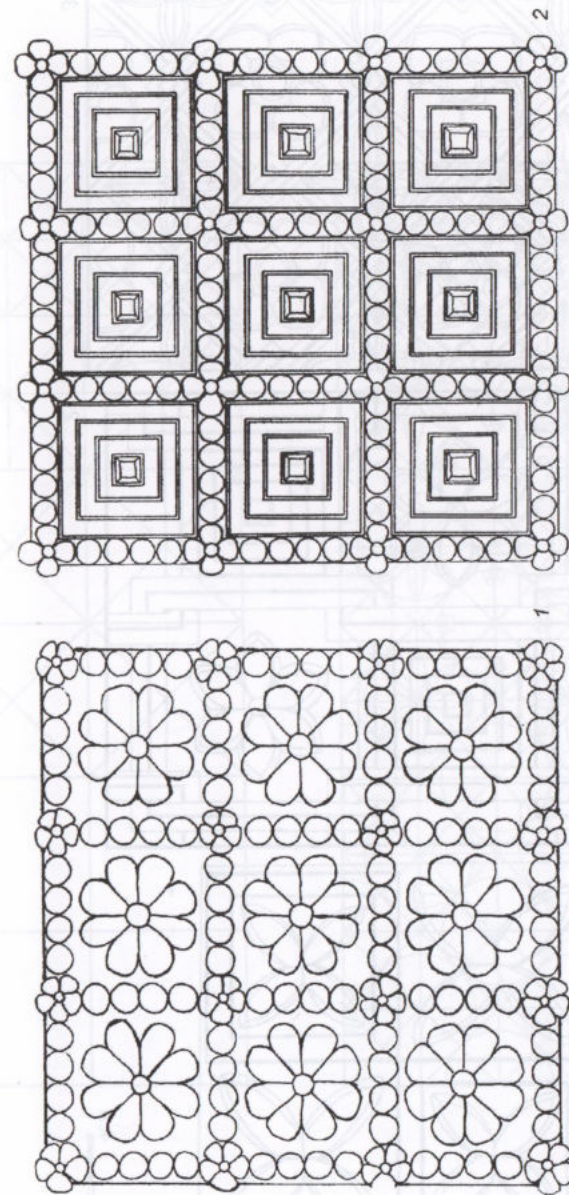

Рис. 4. Варахша, ганч. Цветочный орнамент: 1 - № 6; 2 - № 7 'а'

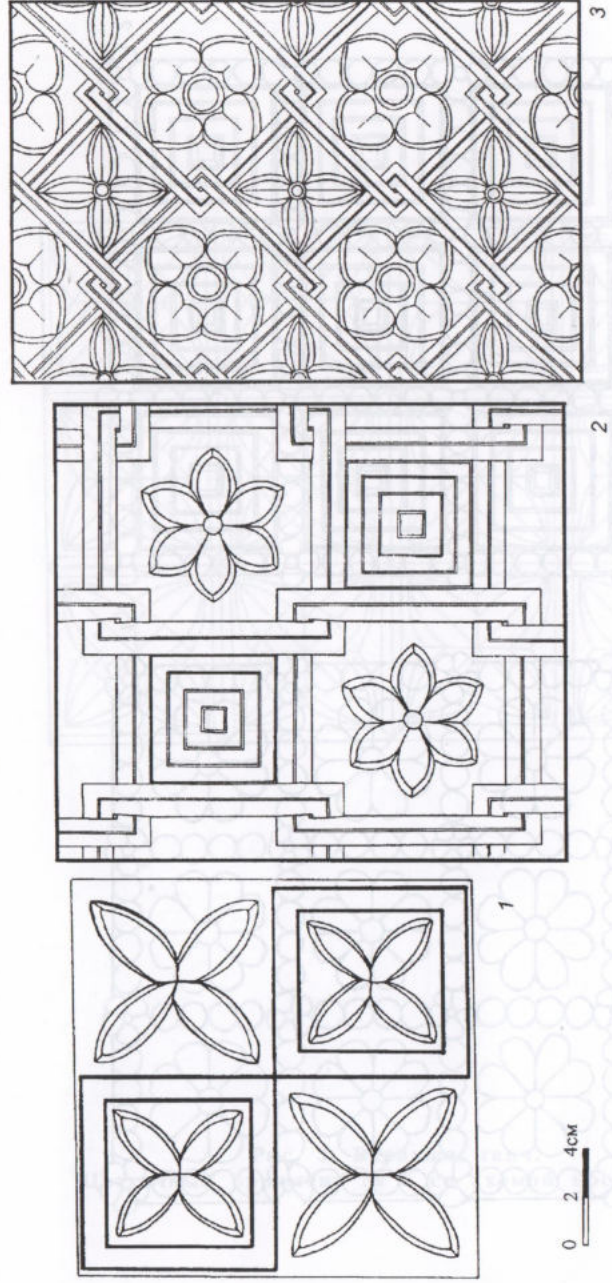

Рис. 5. Варакша, ганч. Цветочный орнамент: 1 - № 8; 2 - № 9; 3 - № 10

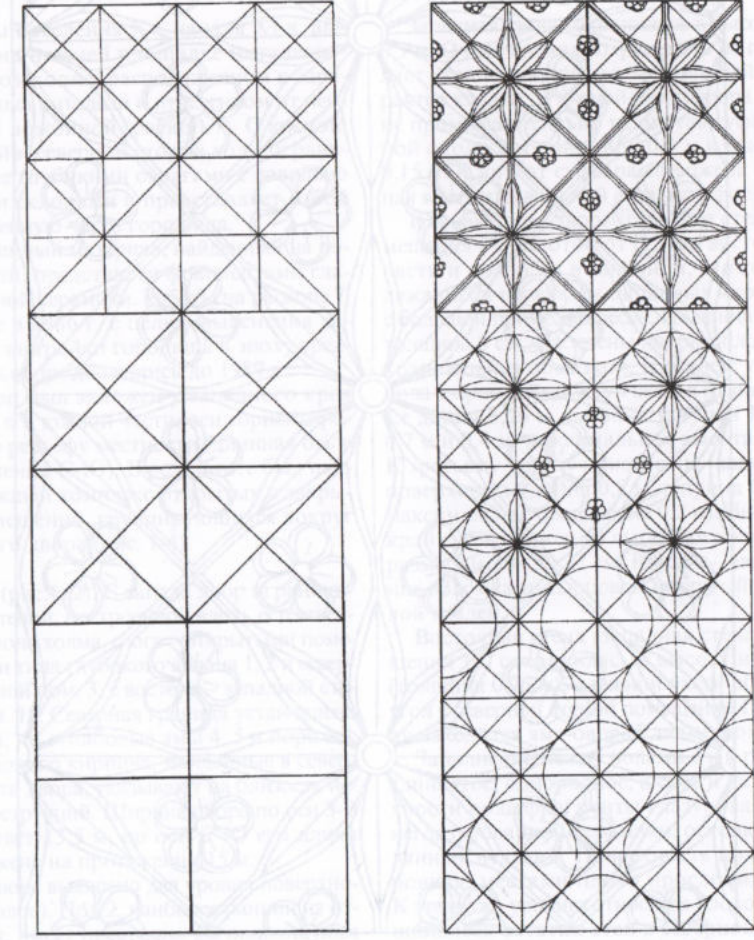

Рис. 6. Варакша, ганч. Цветочный орнамент № 11 со схемой построения

Сельское поселение X – начала XI веков на территории городища Дурмен*

Следы поселения X – начала XI в. выявлены на нижней площадке цитадели – невысоком холме, расположенном к западу от кешка цитадели и отделенном от него пологой ложбиной (раскоп 7). С южной, западной и северной сторон холм ограничен более глубокими оврагами с довольно крутыми склонами и представляет собой обособленную часть городища.

Подъемный материал, найденный на поверхности, представлен фрагментами глазурованной керамики. Работы на раскопе 7, начатые в 1986 г. с целью выяснения характера застройки городища в эпоху средневековья, продолжались до 1989 г.

Раскоп был заложен у западного края холма в его южной части, оси сориентированы по рельефу местности (длинная ось в направлении С-Ю). В результате был найден сложный комплекс открытых и закрытых помещений, группирующихся вокруг большого двора (рис. 1-4).

Двор (рис. 1, 2). С запада двор ограничивается стеной, построенной вдоль естественного склона холма, с юга – открытыми помещениями типа глубокого айвана 1, 2 и северной стеной пом. 3, с востока – западной стеной пом. 18. Северная граница установлена не была, но столбовые ямы 4, 5 и порожек из сырцового кирпича, найденные в северной части двора, указывают на близость неких конструкций. Ширина двора по оси З-В составляет 13,5 м, по оси С-Ю его длина прослежена на протяжении 15 м.

Во дворе выявлено два уровня поверхностей (полов). Пол 2, наиболее ранний из открытых, имеет прекрасно вычищающуюся плотную поверхность с примесью мелких камушков и резко понижается к северу. Он, несомненно, является основным: именно к этому уровню относятся стены, ограничивающие двор с юга, запада и востока.

Западная стена сохранилась в высоту на 0,3 м. Очень плохая сохранность не позволяет установить размеры кирпичей и характер кладки. В южной части двора к стене примыкает сильно размытая суфа длиной около 2 м, шириной 0,4 м и высотой 0,15 м. К югу от суфы расположена очажная яма неправильной округлой формы.

Южная стена двора (северная стена помещения 3), высотой от 0,2 м в восточной части и до 0,65 м в западной, сложена из лежащих в перевязку сырцовых кирпичей с большой примесью песка. Их длина 30 см, толщина 8 см. Фас стены покрыт плохосохранившейся обмазкой. К стене с уровня пола 2 пристроена уступчатая в плане суфа. Ее длина 3,26 м, ширина уступов 1,26 м, 0,7 м и 0,4 м, максимальная высота 0,4 м. К третьему уступу пристроена наклонная поверхность (длина 0,8 м, ширина 0,55 м, максимальное повышение 0,2 м). Внешний край суфы сложен из сырцового кирпича размером 30×20×12 см. Внутри – заполнение обломками сырцовых кирпичей и рыхлой землей.

Восточная стена (западная стена помещения 18) сохранилась в высоту на 0,5 м (толщина 0,76 м), в южной части образует угол с северной стеной помещения 17. В углу находится яма-бадраб диаметром 1 м.

Заполнение между полами 2 и 1 рыхлое, глинистое, однородное, в слое и на поверхности пола фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики, осколки стеклянных изделий. Поверхность пола 1 неровная, местами плохо прослеживается. К этому же уровню относятся плохо сохранившиеся остатки стен в северной и восточной части двора, площадь которого на этом этапе была, видимо, сокращена.

При раскопках комплекса помещений, окружающих двор, были выявлены два строительных периода. Наиболее ранний

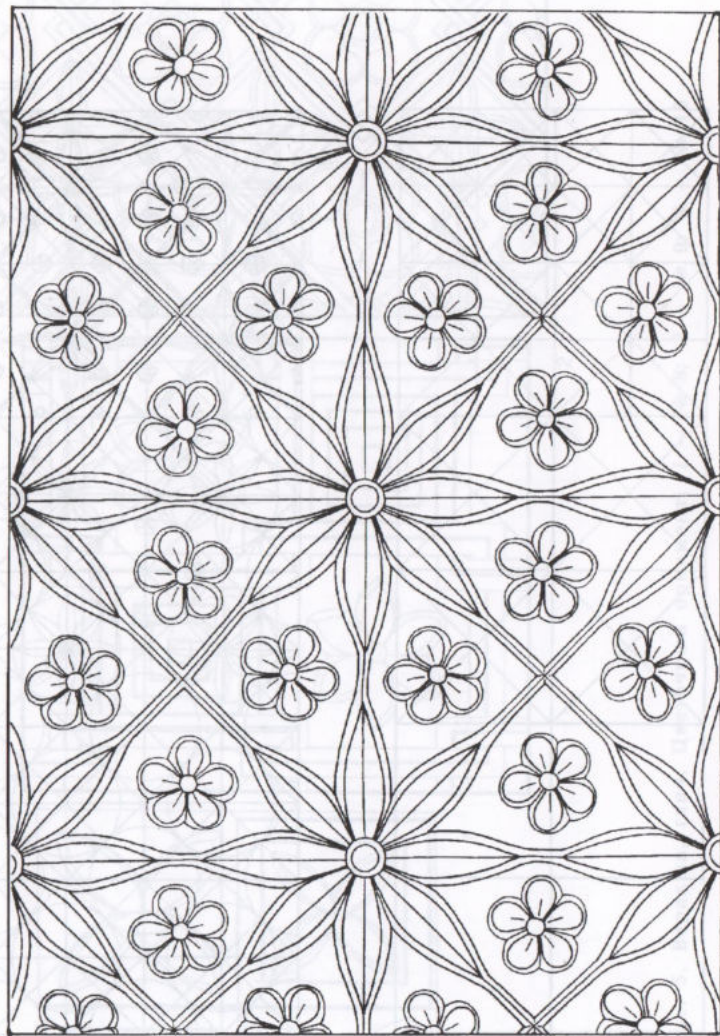

Рис. 7. Варахша, ганч. Цветочный орнамент № 11. Реконструкция

* Данная статья написана в процессе разработки научной темы «Проблемы истории культуры Самаркандского Согда» при поддержке РГНФ, проект № 01-01-00203а.

из них связан с уровнем, соответствующим полу 2 двора. Однако этот уровень не является базовым, так как все основные стены сооружений уходят ниже. Поскольку мы, к сожалению, не знаем сколько всего строительных периодов насчитывает исследуемый объект, то их нумерацию целесообразно пока вести как бы сверху вниз, т.е. II-ой строительный период хронологически предшествует I-ому.

II-й (ранний) строительный период (рис. 1)

К комплексу двора следует, по-видимому, отнести расположенное в его восточной части помещение 18, не сообщаемое ни с каким другим помещением.

Помещение 18 раскапывалось по уровню пола 3, соответствующему полу 2 двора. Помещение имеет практически квадратную форму (4,8×4,5 м). Все стены уходят ниже уровня пола 3. Западная и восточная стены приставлены к южной, а северная – к восточной. Сохранившаяся высота стен от уровня пола 3: 0,7-0,9 м. В северо-западном углу обнаружен проход шириной 1,25 м, ведущий во двор; юго-западный угол разрушен ямой, спущенной с верхнего несохранившегося уровня. В северной и восточной стенах, друг напротив друга, расположены две ниши шириной 0,45 м и глубиной 0,3 м. На поверхности пола по линии, условно соединяющей ниши, расчищена удлиненная, округлая в сечении яма длиной 2,1 м, шириной 3,6 м и глубиной 0,2 м. Вероятно, это след от вмазанного в пол и вынуженного впоследствии бревна. Не исключено, что ниши в стенах являлись своего рода пазами, в которых крепились бревенчатая загородка. Вполне возможно, что бревно фиксировало край суфы, подобные конструкции известны на Афрасиабе в постройках XII в. К уровню пола 3 относятся также и яма 1 диаметром 0,44 м (у южной стены), и яма 2 диаметром 0,56 м (у восточной стены). Ямы прослежены в глубину соответственно на 0,65 и 0,53 м. Поверхность пола 3 очень плотная и ровная, слегка заизвесткованная, обмазка выкруживается на стены. Заполнение над полом глинистое, рыхлое, ближе к стенам идет неплотный завал фрагментов сырцового кирпича. Толщина слоя заполнения составляет 0,4-0,5 м.

При кажущейся хаотичности планировки комплекса строений, расположенных вокруг большого двора, в ней прослеживается опрделенная система: выделяются три блока помещений, изолированных друг от друга. При этом два из них непосредственно связаны с двором, а третий, по-видимому, имел выход в другую сторону.

Наиболее четко фиксируется блок I, расположенный у западного склона холма. К нему мы можем отнести девять помещений: 1, 2, 5а, 5б, 7, 8, 9, 10, 11. Они образуют 2 анфилады, вытянутые по оси С-Ю и сообщающиеся между собой.

Западную анфиладу открывает с севера *помещение 2*. Оно открытое, имеет неправильную прямоугольную форму и является как бы отгороженным продолжением двора. Помещение расчищалось по уровню пола, соответствующего полу 2 двора, все стены уходят ниже. Его западная стена (она же западная стена двора) имеет в высоту 0,3 м, очень плохой сохранности. К ней примыкает сильно размытая приставка, очевидно, суфа длиной 3,46 м, шириной 0,85 м и высотой 0,15 м. Длина южной стены составляет 1,56 м, толщина по торцу 0,36 м, сохранившаяся высота 0,36 м. Между ее торцом и восточной стеной идет проход шириной 1,9 м, ведущий в *помещение 7*. Восточная стена более монументальна, ее толщина 1,15 м, к ней пристроен подковообразный очаг длиной 0,75 м, шириной 1,1 м и высотой 0,2 м. Внутренняя поверхность очага сильно прокалена, он раз ремонтировался. Его правый бортик укреплен двумя косо лежащими кирпичами, к торцу левого приставлен кирпич и покрыт обмазкой, на дне очага также лежит кирпич. На всех ремонтных кирпичах видны следы горения. Поверхность пола ровная, плотная, у очага прокаленная, обмазка переходит на стены. Заполнение помещения рыхлое, глинистое, ближе к проходу уплотняется, встречаются завальные кирпичи.

Помещение 7, расположенное через проход к югу от пом. 2, размерами 4,3×3,4 м, вытянуто по оси 3-В. К северной стене пристроена суфа длиной 2,5 м, шириной 0,63 м и высотой 0,27 м. Через нее проходит путь из пом. 2 в пом. 7. Ее наружный край образован вертикально стоящими кирпичами. Заполнение суфы рыхлое, встречаются крупные куски сырцового кирпича.

В северо-западном углу часть суфы и пол прорезаны подпрямоугольной ямой размером 0,2×0,35 м, спущенной с верхнего уровня. Заполнение ямы очень рыхлое, песчаное.

Ко II-му строительному периоду в помещении 7 относится пол 2. Его поверхность очень плотная и ровная, обмазка переходит на стены. С этого уровня спущена небольшая ямка у суфы и конусовидная яма диаметром 0,44 м, глубиной 0,15 м, расположенная у западной стены. К этому же периоду относится яма-ташна у восточной части помещения диаметром 0,7 м и глубиной 2,25 м. В восточной части стенка ямы совпадает со стеной помещения предшествующего нижнего уровня. В заполнении ташна найдены фрагменты керамики, стеклянный сосудик и фрагмент стенки оссуария. На поверхности пола плотный кирпичный завал, встречаются фрагменты керамики.

Сохранившаяся высота стен помещения 0,3-0,4 м, размер кирпича (27×27×7 см) выявляется лишь в кладке южной стены. Помещение имеет два прохода: на восток – в пом. 5а (ширина 0,8 м, с порожек шириной 0,2 м и высотой 0,14 м) и на юг – в пом. 11 (ширина 1,1 м).

Помещение 11 размером 4,3×2,6 м, расположенное к югу от пом. 7, вытянуто по оси 3-В. К северной стене на всю ее длину пристроена суфа высотой 0,35 м и шириной 0,55 м; через нее проход ведет из пом. 7 в пом. 11. Обмазка пола 1 переходила и на поверхность суфы. Поверхность пола неровная, местами рыхлая, с включениями угольков. С поверхности пола 1 спущены две ямы. Яма 1 – у западной стены, ее диаметр 0,75 м, глубина 0,8 м. Заполнение в верхней части горелое, зола, пещина, на стенках ямы следы прокала. Ниже заполнение комковатое, рыхлое, с отдельными гумусными прослойками. На дне найден фрагмент зеленой глазурованной чаши с подглазурной гравировкой. Яма 2 расположена напротив прохода, ее диаметр 0,73 м, глубина 0,8 м, заполнение глинистое, комковатое. При расчистке выяснилось, что она прорезает яму 3, спущенную с нижнего пола (пол 2), которая, в свою очередь, соединяется с ямой 4, которая уходит под суфу. Под нее же уходит и пол 2, его поверхность очень плотная, голубоватого цвета, с мелкими камушками.

Стены помещения 11 сохранились в высоту на 0,45-0,55 м, сохранность по фасу довольно плохая. Южная стена из желтоватого кирпича приставлена к западной стене; к ней же пристроена восточная стена. Вполне вероятно, что по уровню нижних полов восточная стена могла отсутствовать. Проход из пом. 11 на восток в пом. 5б шириной 0,8 м ведет через суфу. Проход на юг в пом. 10 имеет в ширину 1,25 м.

Помещение 10 представляет собой прямоугольник размером 6,4×2,6 м, вытянутый по оси С-Ю. К рассматриваемому периоду относится пол 2, по которому и производилась расчистка. Поверхность пола ровная, плотная, с белыми высоломи, обмазка переходит на стены. Сохранность стен в высоту от 0,65 м до 0,9 м, все они сложены из кирпича голубоватого оттенка. Исключением является приставная северная стена из желтоватого кирпича.

Заполнение помещения рыхлое с кусками завальных кирпичей, уплотняющееся к северной стене. В слое помимо осколков глазурованной посуды найдены фрагменты многочисленных котлов. С уровня пола 2 спущен бадраб диаметром 0,75 м, глубиной 1,5 м. В гумусном заполнении найдены лепной котелок и стеклянный сосуд баночной формы. Ближе к южной стене раскопана неглубокая ямка подпрямоугольной формы размером 0,68×0,36×0,18 м.

Помещение 10 завершает западную анфиладу блока I и образует юго-западный угол всего комплекса раскопанных помещений.

Помещение 1 – самое северное в восточной линии помещений блока I, его размеры 3×3,5 м. Уровни полов двора соответствуют полам помещения. Ко второму строительному периоду относится, таким образом, пол 2 пом. 1. Все стены уходят ниже этого уровня. Западная стена сохранилась в высоту на 1 м, сложена из серого кирпича с небольшой примесью мелких камушков. Размеры кирпичей 30×17×5 см и 20×20×5 см. Южная стена высотой 0,4 м приставлена к западной, сложена из серого кирпича без примесей. Восточная стена (высота 0,55 м) сложена из кирпича с обильной примесью крупного песка на плотном глинистом растворе. В юго-восточном углу существовал проход к югу в помещение 5а, ширина прохода 0,75 м.

Помещение 5а почти квадратное в плане, размером 3,2×3 м. Северная и западная стены – это соответственно южная стена пом. 1 и восточная стена пом. 7. С уровня пола 2, относящегося к рассматриваемому строительному периоду, к ним была пристроена угловая суфа. У западной стены ее высота составляет 0,3 м, ширина 0,35 м, а у северной стены 0,6 м и 0,76 м соответственно. Восточная стена имеет сложную конструкцию. Ранняя стена проследится ниже уровня пола 2. Она сложена из серого кирпича без ярко выраженных примесей, ее толщина 0,9 м, сохранилась в высоту от уровня пола 2 на 0,69 м. С уровня пола 2 к ней была пристроена стена толщиной 0,65 м из голубоватого кирпича, сложенная в перевязку с южной стеной, разделяющей помещения 5а и 5б. Можно предположить, что первоначально эти помещения образовывали единое целое или, во всяком случае, имели другую планировку. Поверхность пола плотная, с белыми высоломи, обмазка переходит на суфы и стены. У края западной суфы расположена подпрямоугольная ямка глубиной 0,13 м со следами древесного тлена. Заполнение между полами толщиной около 0,5 м рыхлое, у южной стены отдельные завальные кирпичи. Как уже отмечалось, помещение 5а соединяется с помещением 7 проходом, ведущим через суфу и порожек.

Помещение 5б представляет собой неправильный прямоугольник 3,1×3,9 м, слегка вытянутый в длину по оси 3-В. Рассматриваемому строительному периоду соответствует пол 2. Поверхность пола плотная, но очень неровная, с сильным повышением к западной стене. Кроме того, в 1,5 м к югу от северной стены поверхность пола образует уступ высотой около 20 см. Южная стена, как и северная, сложена из голубоватого кирпича, ее высота 0,65 м. В ней имеется проход шириной 1,2 м, ведущий к югу в помещение 8. При описании помещения 11 уже говорилось о том, что с помещением 5б его разделяет тонкая перегородка, пристроенная к южной стене. Торец перегородки образует южную щеку прохода из одного помещения в другое. Заполнение помещения рыхлое, глинистое, встречаются обломки сырцовых кирпичей и фрагменты керамики.

Помещения 8 и 9 во второй строительный период составляли единое целое. Это

было большое прямоугольное помещение размером 4,45×5,1 м, вытянутое по оси С-Ю. От уровня пола 1, по которому велась расчистка, стены сохранились в высоту на 0,2-0,4 м. Поверхность пола в обоих помещениях плотная, неровная, хорошо выщипывается, обмазка выкруживается на стены. Заполнение однородное, очень рыхлое.

Мощная восточная стена толщиной около 2 м по всей вероятности является сложносоставной, но на данном этапе исследования невозможно уточнить порядок ее возведения. В 1 м к северу от юго-восточного угла имеется небольшой выступ размером 0,7×0,5 м, возможно, подрубленная суфа. Южная стена является частью монументальной стены, ограничивающей весь исследованный комплекс с юга.

Говоря о помещениях блока I в целом, хочется отметить некоторые особенности. Очень трудно сказать что-либо о назначении помещений. Обращает на себя внимание отсутствие очагов за исключением открытого помещения 2, являвшегося, по-видимому, кухней. Наиболее жилой облик имеет помещение 5а с угловой суфой. Характерной чертой этого строения можно считать то, что проходы из помещения в помещение часто ведут через суфы.

Блок II расположен к востоку от блока I. К сожалению, юго-восточный угол остался недокопанным в результате прекращения работ на городище, тем не менее, контуры сооружения прослеживаются вполне ясно. К блоку II с уверенностью можно отнести помещения 3, 12 и 17 (как одно), 13 и 14 (как одно), 15, 16 (а, б), 20, 21.

Помещения 12 и 17 являются единым пространством и образуют *малый двор*, оторванный от основного, общего двора. Малый двор относится именно к блоку II, только через него можно попасть во внутренние помещения. Двор размером 9×5 м вытянут по оси 3-В. Расчистка велась по уровню пола 1. Пол неровный, на расстоянии 5,2 м от западной стены его уровень резко падает на 0,3 м, при этом портится характер поверхности. Пол в восточной части двора представляет собой утоптанную поверхность завала желтоватого кирпича, следы обмазки не прослеживаются. Заполнение на поверхности двора, рыхлое в западной части, сменяется завалом в восточной, особенно плотным у северной

стены. Сохранившаяся высота западной, южной и восточной стен 0,4-0,6 м, все они уходят ниже уровня пола 1. Восточную часть малого двора ограничивает с севера южная стена помещения 18, уходящая ниже уровня пола 1. Она прослежена в длину на 4,37 м, ее высота 1,1 м, толщина 1,26 м, далее к западу ее торец был подрублен. На расстоянии 2,24 м от С-В угла расчищена щель шириной 0,4 м. От северной стены в западной части двора, относящейся ко второму строительному периоду, сохранился участок длиной 0,45 м, далее к востоку она была разрушена. В С-3 углу двора с уровня пола 1 спущена яма диаметром 0,55 м и глубиной 0,3 м. Рядом с ней у западной стены вскрыт подрубленный подковообразный очаг, его ширина 0,6 м, длина стенок 0,2 м, высота 0,25 м, стенки сильно прокалены. В юго-западном углу двора находится проход шириной 1,55 м, ведущий в *тамбур*, а уже через него во внутренние помещения. Из тамбура существует два прохода. Северный, шириной 0,66 м, ведет в помещение 3.

Помещение 3. Вход в него выделен порожек высотой 0,1 м. Отметим, что пол I малого двора переходит в пол тамбура, обмазка которого переходит на порожек и прослеживается по уровню пола 2 помещения 3. Поверхность пола плотная, ровная, обмазка переходит на стены. Все стены относятся к рассматриваемому периоду, их высота от 0,5 м до 0,86 м. Западная и северная стены сложены из голубоватого кирпича с обильным содержанием крупного песка, восточная и южная стены – из плотного серого кирпича. Восточная часть южной стены длиной 0,57 м является приставной. Размеры помещения очень невелики – 2,5×2,8 м. У восточной стены расположен подковообразный очаг, сложенный из сырцового кирпича и покрытый обмазкой. Его ширина 0,57 м, длина стенок 0,29 м, высота 0,28 м. Внутренняя поверхность очага прокалена и закопчена. В 0,3 м к югу от очага в восточной стене помещается ниша-суфа. Ее высота над полом 0,2 м, ширина 0,58 м. Глубина ниши 0,3 м. Суфа и ниша покрыты обмазкой.

Стена у ниши облицована двумя вертикально стоящими сырцовыми кирпичами размером 28×21×5 см. Край ниши укреплен фрагментом жженого кирпича размером 18×18×5 см. В рыхлом глинистом заполне-

нии над полом 2 найден развал сероглиняного круглодонного котла.

Помещения 13 и 14. В эти помещения ведет южный проход из тамбура. Западная щека прохода образована приставной стенкой, пристроенной перпендикулярно к южному фасу стены, разделяющей помещения 3 и 13. Восточной щекой первоначально служил торец южной стены малого двора, затем к нему была пристроена тамбурная стенка из двух рядов кирпичей (размер кирпичей 25×17×5 см). Таким образом, ширина южного прохода уменьшилась с 2,56 м до 1,6 м. Поверхность пола тамбура при переходе в пол 2 помещения 13 понижается примерно на 0,15 м, образуя порожек.

В помещениях 13 и 14 выявляются два уровня полов. По уровню пола 2, относящегося ко второму строительному периоду, помещения не были перегороджены и образовывали единое пространство. Затем были построены разделительные стенки и настелен пол 1, выровнявший перепад высот пола тамбура и помещения. Во время перепланировки у порожка был зарыт круглодонный котел.

В рассматриваемый период помещение представляло собой прямоугольник размером 8,3×4,5 м, вытянутый по оси С-Ю. Все стены уходят ниже уровня пола 2, исключение составляет восточная стена в южной части помещения. Как выяснилось при расчистке ямы, восточная стена относится только к полу 2 и стоит на более ранней стене, располагавшейся на 35 см западнее. Высота стен колеблется от 0,5 м до 0,9 м, все они сложены из серого кирпича, размеры которого выявляются в кладке восточной стены (30×17×7 см). Южная стена приставлена к западной, ее торец и восточная стена образуют проход в помещении 16. Проход на восток образован торцом восточной стены, приставленной к южной стене малого двора и приставной стенкой, продолжающей линию фасада южной части восточной стены.

Поверхность пола 2 плотная, ровная, слегка понижается в западной части помещения, голубоватая обмазка местами переходит на стены. У восточной стены в северной части помещения на полу лежит обожженный кирпич размером 20×20×3 см. В северо-западном углу уровень пола 2 понижается, обмазка переходит на стенки

ямы-ташнау. Диаметр ямы 0,55 м, глубина 0,6 м. В южной части помещения при расчистке пола обнаружена длинная неглубокая канава, расширяющаяся к северу. По оси канавы идут 5 лунок с рыхлым заполнением с примесью золы и угольков. В двух лунках замечены слабые следы горения. Длина канавки 2 м, ширина 0,3-0,75 м. С восточной стороны с канавкой смыкается заполненная золой яма диаметром 0,34 и глубиной 0,33 м. В юго-восточном углу находилась яма прямоугольной формы размером 0,45×0,6 м, глубиной 0,57 м, заполненная комковатой глиной. Заполнение помещения рыхлое, глинистое, у западной стены кирпичный завал. В слое найден железный серповидный нож, зеленый глазурированный горшок и развал глазурированной чаши.

Помещение 16 расположено к югу через проход шириной 0,88 м от пом. 14. Стены и пол в проходе прорезаны ямой, спущенной с верхнего несохранившегося уровня (грушевидной формы, диаметр 1,4 м, выбрана на глубину 1,5 м, заполнена обломками битого сырцового и жженого кирпича). Испорченная поверхность не дает возможности проследить характер перехода из одного помещения в другое. Ясно лишь, что уровень пола 2 в пом. 16 примерно на 0,35 м выше, чем в пом. 14. Возможно, переход был выделен порогом.

Помещение 16 имеет размеры 4,6×3,7 м, вытянуто по оси С-Ю, в нем прослеживаются два уровня полов. Северная и южная стены уходят ниже уровня пола 2, западная и восточная не идут ниже, но обмазка пола 2 переходит и на стены. Сохранившаяся высота стен от уровня пола 2 колеблется от 0,6 до 0,75 м. Западная стена представляет собой приставку толщиной 0,6 м, пристроенную к восточному фасу капитальной стены, разделяющей жилые блоки I и II. В восточной стене имеются два прохода. Северный проход шириной 0,75 м ведет в пом. 21. В передней части прохода расположена прямоугольная яма размером 0,6×0,35 м и глубиной 3,5 м. Обмазка пола 2 переходит на стены и дно ямы и продолжается в пом. 21. В яме найден развал керамического котла и дно светлоглиняного кувшина. Южный проход шириной 0,85 м ведет в пом. 20 и отделен от северного перегородочной стенкой, относящейся к уровню

пола 2, ее толщина 0,3 м. Пол 2 продолжается в проходе и в помещении 20.

Поверхность пола 2 плотная, ровная, обмазка переходит на стены. В центре помещения на втором полу расположен подковообразный очаг с круглой ямкой перед ним. Стенки очага и поверхность перед ним сильно, до звона прокалены. Размер очага 0,55×0,42 м, высота стенок 0,18 м, диаметр ямки 0,16 м, глубина 0,1 м. В восточной части стенки очага были подрублены. На полу у очага были найдены развалы четырех глазурированных чаш.

Поверхность пола 1, в южной части помещения почти совпадающая с полом 2, резко повышается к северу. Заполнение между полами рыхлое, насыпное. Планировка помещения не менялась, но поверхность центрального очага были поставлены тандыры (высота 0,55 м, диаметр 0,63 м). Стенки тандыра обмазаны глиной с обильной примесью мелких камешков.

Помещение 16 завершает западную линию помещений, образующих анфиладу. Все помещения западной линии сообщаются между собой и имеют проходы в помещения, расположенные восточнее.

Помещение 15 расположено к востоку от пом. 13, они соединяются проходом шириной 1,7 м. Помещение вытянуто по оси С-Ю, его размеры 4,9×2,5 м.

Уровни полов помещений 13 и 15 совпадают. Все стены уходят ниже уровня пола 2, их сохранившаяся высота 0,45 – 0,6 м. Поверхность пола 2 неровная, довольно плохой сохранности. В западной части толщина слоя заполнения между полами составляет 0,1-0,12 м, ближе к восточной стене поверхность полов 1 и 2 практически сливаются. Заполнение помещения глинистое, плотное, в слое найдено много фрагментов керамики и целая глазурированная чаша.

Помещение 21 расположено к востоку от пом. 16 через проход шириной 0,85 м. Поверхность пола 2 пом. 16 продолжается в проходе и соответствует полу 1 пом. 21. Помещение практически квадратное, размером 2,3×2,5 м. Северная и западная стены монументальные, их толщина составляет 0,9 м, они уходят ниже уровня пола 1. Южная и восточная стены представляют собой перегородки толщиной в один кирпич (30 см), поставленные непосредственно с уровня пола 1, при этом обмазка пола

переходит на стены перегородок. Сохранившаяся высота стен 0,4-0,6 м.

К северной стене пристроен подковообразный очаг, его ширина 0,7 м, длина стенок 0,25 м, высота 0,2 м. Внутренняя поверхность очага сильно прокалена. Справа от очага в стене расположена ниша шириной 0,47 м и глубиной 0,4 м. Юго-восточный угол помещения занимает пристенная суфа длиной 1,3 м, шириной 0,7 м и высотой 0,45 м. Обмазка пола переходит на стенки ниши и на суфу. Поверхность пола ровная, плотная, заполнение помещения – завал сырцового кирпича.

В северо-восточном углу пом. 21 имеется проход шириной 0,75 м, ведущий, по видимому, в коридор, соединяющийся с помещением 20. Уровень пола в коридоре на 0,1 м ниже, чем в помещении, но обмазка пола пом. 21 переходит и на пол коридора, и на пол пом. 20.

К сожалению, коридор и *помещение 20* не раскопаны до конца, не вскрытой осталась и юго-восточная часть. Тем не менее, по ряду признаков их план может быть достаточно убедительно реконструирован.

Западную часть помещения составляют отрезок монументальной стены толщиной 1 м и восточный фас заклада прохода из помещения 16; заклад этот уходит ниже уровня пола 1. Высота западной стены 0,4 м, поворот к южной стене и сама стена сохранились очень плохо. По уровню пола 1 южная стена едва прослеживается в длину на 0,75 м, затем сходит на нет.

В северо-западном углу помещения выгорожен небольшой отсек, образованный стенкой длиной 0,75 м, приставленной перпендикулярно к западной стене и имеющей выступ у торца. Напротив выступа расчищена вымостка размером 0,4×0,4 м, сложенная из фрагментов сырцового кирпича. Поверхность пола внутри отсека прокалена, заполнение на полу зольное. В его юго-западном углу находится яма диаметром 0,45 м и глубиной 0,3 м. Заполнение ямы рыхлое, с примесью золы, найдены многочисленные фрагменты кухонной и глазурированной керамики.

В 2,7 м от западной стены раскопан, вероятно, угол суфы высотой 0,35 м. Восточная стена не найдена, но присутствие суфы несомненно указывает на ее близость.

С большой долей вероятности можно предположить, что пом. 20 замыкало вос-

точную линию помещений блока II. Следует отметить, что помещения 20 и 21 надо рассматривать вместе. Возможно, что на более раннем этапе они вместе с соединяющим их коридором образовывали одно помещение, занимавшее юго-восточный угол блока II. Затем они были разделены перегородкой, при этом каждое помещение получило свой отдельный проход в пом. 16. На рассматриваемом этапе южный проход уже не функционировал. К этому же периоду относятся очаг, суфы и выгородка со следами горения в пом. 20. К сожалению, мы не можем выяснить, существовал ли проход из помещений 20-21 к востоку, но это представляется мало вероятным.

Частично раскопанные помещения 22, 22а, 23 и 24 относятся уже к другому жилому блоку (блок III). Выявлены проходы между помещениями 22 и 22а и помещениями 23 и 24. По всей вероятности, помещения этого комплекса не сообщались с большим двором, а имели выход в другую сторону, скорее всего на восток.

II-й (поздний) строительный период (рис.2)

Сохранились далеко не все конструкции, относящиеся к этому периоду, поэтому реконструировать планировку зданий полностью не представляется возможным. На этом этапе было построено открытое помещение в северной части двора, ограничившее его с востока. К помещению относится расположенный рядом комплекс хозяйственных ям и тандыр. Тогда же была достроена стена, отделяющая большой двор от малого двора, относящегося к блоку II. Стена, разделяющая блок I и блок II, была надстроена. Не исключено, что позднее в ней прорубили проход, соединивший помещение 5а блока I с помещением 13 блока II, но очень плохая сохранность стены не позволяет утверждать это наверняка. Во внутренней планировке домов заметна тенденция к дроблению больших помещений на более мелкие отсеки. В блоке I пом. 8 было отделено от пом. 9, в блоке II пом. 16 разделили на две части, а в помещениях 13 и 14 построили систему тонких перегородок.

Керамический материал, найденный в слоях, относящихся к обоим строительным периодам, и в первую очередь высокока-

чественная глазурованная посуда, позволяет датировать весь раскопанный жилой комплекс в пределах X – первой половины XI веков.

Характеризуя строительную технику и общие принципы планировки поселения, хотелось бы отметить несколько моментов. Прежде всего, это плохая сохранность стен, вызванная низким качеством используемого материала. Примесь песка в глиняной массе очень велика, кирпичи плохо просушены. В ряде случаев это не позволяет ни достоверно установить их размер, ни выявить характер кладки. В тех же случаях, когда размеры определены, выясняется, что даже при строительстве одной стены использовался кирпич разного стандарта. На сельский характер застройки указывает также и геометрическая неправильность всех сооружений.

Тем не менее, прослеживаются общие принципы планировки. Поселение состояло не из отдельно стоящих домов, а представляло собой сплошную застройку, в которой самостоятельные жилые блоки объединялись общими магистральными стенами и группировались вокруг большого двора (или же небольшой площади). Нельзя исключить, что строительство велось не хаотично, а по продуманному плану.

При сравнении двух раскопанных полностью блоков выявляются сходные черты, в первую очередь это явно выраженная дуговой планировки. При этом устройство блока II сложнее и добротнее. К этому домовладению относится собственный отдельный двор, есть несколько помещений с пристенными очагами-каминами, нишами и суфами, лучше качество внутренней отделки. Видимо, это свидетельствует о некоторой зажиточности его обитателей.

Вопрос о назначении отдельных помещений достаточно сложен и на имеющемся материале не всегда разрешим. Как общую тенденцию можно отметить, что западная линия в обоих блоках включает помещения скорее хозяйственного назначения, в то время как к восточной линии относятся жилые комнаты. В обоих домах приготовление пищи, по-видимому, происходило снаружи – в открытом помещении 2 (блок I) и у западной стены малого двора (блок II). Не совсем понятно назначение единственного в комплексе центрального очага в помещении 16.

Жилая часть дома более явно выражена в блоке II – помещения 20 и 21 удалены от остальной части дома и явно предназначены для проживания сначала одной, а затем двух семей.

Помещение 3, расположенное несколько особняком при входе в блок II и отличающееся более тщательной отделкой, вполне могло служить комнатой для гостей (мехмонхона).

Привлекает внимание помещение 18, сообщающееся лишь с общим двором и никак не связанное с остальными помещениями. Это наводит на мысль о его возможном общественном назначении. Если верно предположение о том, что там была большая суфа, то можно условно определить его как большую комнату для коллективных собраний.

К сожалению, средневековые сельские поселения в Согде мало изучены, что затрудняет поиск аналогий. Единственная специальная работа, посвященная сельскому жилищу, написана Е.Е.Неразик (Неразик, 1976). В книге детально рассматриваются памятники древнего и средневекового Хорезма, но и в этом регионе поселения интересующего нас времени (X–XI вв.) практически неизвестны.

Тем не менее, некоторые сравнения с известными памятниками вполне возможны. Если отвлечься от геометрической неправильности застройки поселения на городище Дурмен, то, как уже говорилось, прослеживается вполне логичная внутренняя планировочная схема. Вход в дом осуществляется через анфиладу проходных помещений, по-видимому хозяйственного назначения, и уже оттуда можно попасть в более изолированные помещения второй линии, имеющие жилой, частный характер. В этой связи допустимо вспомнить жилую застройку VI–VII вв. шахристана I городища Пайкенд, где некоторые дома городского квартала состоят из длинного коридора с проходами в комнаты (Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж.К., 2000. С. 31; Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж.К., 2001. С. 4). В сущности, это та же система двух линий, но с коридором вместо анфилады.

Выявляются также любопытные параллели с планировкой и устройством сельских домов Хорезма XII–XIII вв. Дом № 41 в Кават-калинском оазисе и юго-восточ-

ный блок помещений дома № 2 на поселении в урочище Дарьялык-куль имеют ярко выраженную симметричную трехлинейную структуру (Неразик, 1976. С. 77. Рис. 40 и С. 98. Рис. 54). Вход в дом осуществлялся через центральную линию, начинавшуюся, как и в нашем случае, открытым помещением айванного типа, за которым следовала анфилада сообщающихся комнат. Из каждой такой комнаты вели проходы в помещения двух боковых линий. Создается впечатление, что при постройке поселения на городище Дурмен использовалась та же схема, но как бы в урезанном виде – отсутствует одна из боковых линий помещений. Некоторое сходство обнаруживается и в деталях. При входе в дом № 41 располагалось изолированное помещение, которое Е.Е.Неразик определяет как мехмонхону (Неразик, 1976. С. 78). Такое же место в структуре дома занимает помещение 3 блока II на городище Дурмен. Кроме того, в помещении № 6 дома № 41 были обнаружены небольшие углубления со слегка прокаленными стенками и следами золы. Е.Е.Неразик предполагает, что это были ямки, куда засыпались горячие угли для обогрева (Неразик, 1976. С. 77). Возможно, это проясняет назначение серии небольших ямок со следами прокала в помещении 14 блока II.

При раскопках двора и жилых блоков сельского поселения был найден представительный и разнообразный керамический комплекс. Практически полное отсутствие монет в слое (в яме двора обнаружена одна медная монета плохой сохранности) делает керамику основной датирующей категорией находок. Особенно это касается глазурованной керамики, относительная и абсолютная хронология типов которой для Согда была разработана Г.В.Шишкиной (Шишкина, 1979, 1986).

Глазурованная керамика

Основная масса керамики была найдена во дворе (пом. 4). Как правило, это отдельные фрагменты, не дающие возможности реконструировать форму сосудов. Как уже отмечалось выше, во дворе выявлены два уровня поверхностей, условно называемых полами. Основным является пол 2, относящийся к более ран-

нему из раскопанных строительному периоду II.

Двор, пол 2. В этом слое были найдены многочисленные фрагменты глазурованных сосудов, относящиеся к следующим типам (рис. 5).

Роспись зелеными пятнами по мутной, непрозрачной глазури по черепку без ангоба (2 фрагмента стенок чаш – рис. 5, 7). Этот ранний тип глазури датируется IX в. (Шишкина, 1979. С. 42–43. Табл. XXVIII, 6).

Роспись сине-зеленым по сероатой непрозрачной глазури по черепку без ангоба. Расплывающиеся линии рисунка с точечным заполнением фона (рис. 5, 8). Два найденных фрагмента стенок чаш также можно датировать IX в. (Шишкина, 1979. Табл. XVIII, 4–5. Табл. XIX, 3–5).

Роспись потеками зеленого, желтого и коричневого по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. Этот тип представлен фрагментами придонной части крупного толстостенного кувшина и частью широкогорлого сосуда с отогнутым венчиком и трубчатым сливом (рис. 5, 3, 4). Массовое распространение в Согде подобная керамика получила в X столетии. Близка по форме нашему фрагменту корчага из Самарканда (Шишкина, 1979. С. 52–53. Табл. XXXIII, 14).

Роспись расплывчатыми коричневыми и зелеными линиями по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. Найлены пять фрагментов чаш (рис. 5, 6). Фрагменты очень небольшие, характер рисунка не прослеживается, в одном случае можно предположить попытку имитации надписи. Г.В.Шишкина рассматривает подобную роспись как вариант росписи пятнами и потеками и потому датирует такие сосуды тоже X в. (Шишкина, 1979. С. 53).

Роспись потеками желтого, зеленого и коричневого по белому ангобу с гравировкой под прозрачной бесцветной глазурью. К этому типу относятся многочисленные фрагменты чаш и блюд (рис. 5, 5). В этом случае процарапанный орнамент дополняет роспись потеками, но не соотносится с цветовыми пятнами. Сосуды, орнаментированные таким образом, широко распространены в Согде X в. (Шишкина, 1979. С. 52).

Прозрачная зеленая глазурь по белому ангобу с подглазурной гравировкой. В слое найдено около 15 фрагментов сосудов это-

го типа, в том числе часть полусферической чаши с сетчатым орнаментом и стенка чаши с гравированными растительными завитками (рис. 5, 1). Такая керамика часто встречается в Согде в X в. и пока не выявлена в слоях XI в. (Шишкина, 1979. С. 51).

Подглазурная роспись по белому ангобу черным и терракотовым цветом в технике «резерва» на точечном фоне. Найдено около десяти таких фрагментов, к сожалению, мелких и не позволяющих реконструировать характер рисунка; можно отметить лишь то, что роспись выполнена достаточно грубо (рис. 5, 12). В подобной манере в Согде часто расписывались сосуды с эпиграфическим или растительным орнаментом, этот стиль характерен для X в. (Шишкина, 1979. С. 54. Табл. LVI, 1-3; С. 56. Табл. LXII, 1). Возможно, некоторая небрежность росписи в нашем случае указывает на принадлежность найденных фрагментов к концу этого периода.

Роспись по красному ангобу белым, темно-коричневым с добавлением оливково-зеленого под прозрачной бесцветной глазурью. В слое пола 2 это самая многочисленная, наряду с фрагментами, расписанными потеками с гравировкой, группа глазурей. Среди мотивов росписи отметим сгруппированные по три крупные белые точки с оливковой маленькой точкой в центре (рис. 5, 15) – элемент, характерный для X в. (*Terres secretes...*, 1993. P. 97, № 169). Найдены фрагменты сосудов со стилизованными фигурками птичек и кольцами из крапин с точкой в центре (рис. 5, 9, 13). Эти элементы в росписи по красно-коричневому ангобу типичны для конца X – первой половины XI в. (Шишкина, 1979. С. 61. Табл. LXVI, 3). Фрагмент стенки чаши с полосой псевдоэпиграфического орнамента (рис. 5, 16) также указывает на начало XI в. – для этого времени характерно чередование z-образной фигуры с двумя вертикальными чертами, а не с тремя-четырьмя косыми штрихами, как в X в. (Шишкина, 1979. С. 55).

Двор, пол 1. В этом слое найдено значительно меньше керамики. В основном это мелкие и невыразительные фрагменты, но выделяются и характерные типы. К ним относятся: фрагмент чаши с росписью резервом на точечном фоне (рис. 6, 4), два фрагмента чаши с росписью редкими тем-

но-коричневыми и зелеными потеками и пятнами на белом фоне (рис. 6, 3), фрагмент стенки кувшина с росписью сплошными потеками зеленого и желтого цвета (рис. 6, 2a), фрагменты чаш с росписью потеками зеленого и желтого с гравировкой (рис. 6, 2б), светильник, покрытый прозрачной зеленой глазурью по белому ангобу (рис. 6, 5). Как уже отмечено, эти типы глазурованных изделий датируются X в.

Кроме того, на полу 1 был найден развал целой чаши конической формы на дисковидном поддоне (рис. 6, 1). Чаша расписана коричневым и терракотовым по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. Характерно, что ангоб и глазурь покрывают чашу снаружи до самого дна. На внутренней поверхности сосуда изображены четыре крестообразно расположенных букета. Подобный декоративный элемент широко применялся в Согде и других областях Средней Азии в конце X–XI в. (Шишкина, 1979. С. 57, 59. Табл. LIX, 3-4). Подробно мотив букета в росписи глазурованной керамики рассмотрен С.Ильясовой (Ильясова, 2000. С. 62-67). Исходя из стилистики росписи и технологических особенностей глазурования, представляется возможным отнести дурменскую чашу к началу XI в.

Помимо керамики с полов двора рассмотрим комплекс, происходящий из *верхнего поддверного слоя* (рис. 6, 6-14).

Надглазурная роспись темно-зеленым цветом по белой непрозрачной глазури. Чаша была расписана, по-видимому, растительными элементами с точечным заполнением (рис. 6, 13).

Фрагменты чаш с росписью «резервом» на точечном фоне. К этому типу керамики относятся донце чаши с надписью, превосходно выполненной керамическим курсивом (рис. 6, 10), и несколько мелких деталей сосудов, расписанных более грубо.

Подглазурная роспись потеками зеленого, желтого и коричневого. К этой группе относятся донце крупного кувшина и фрагмент небольшого горшка с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 6, 8).

Роспись коричневым по белому ангобу. Найден фрагмент небольшого кувшинчика (рис. 6, 9). Нанесенный коричневым растительный завиток дополнен зелеными точками. Этот стиль росписи характерен для X в. (*Terres secretes...*, 1993. P. 98. № 182).

Подглазурная роспись редкими потеками и расплывчатыми линиями зеленого и темно-коричневого цвета по белому ангобу (рис. 6, 14). Найдены два фрагмента венчиков чаш.

Подглазурная роспись потеками зелено-желтого и коричневого с гравировкой – самый распространенный тип, к нему относится множество найденных фрагментов чаш и блюд. Разрозненные обломки одного из сосудов (рис. 6, 7) украшены «чешуйчатым» гравированным орнаментом, очень сходным с манерой изображения перьев птицы на сосудах X в. из Самарканда (Шишкина, 1979. Табл. L).

Прозрачной зеленой глазурью по белому ангобу и гравировкой украшены найденные в слое фрагменты чаш (рис. 6, 12).

Подглазурная роспись коричневым и белым по темно-красному ангобу в виде точечных колец с точкой в центре (рис. 6, 11).

Рассмотрев комплексы трех раскопанных уровней двора, мы видим, что по своему типологическому составу они практически идентичны, и это не дает возможности выделить характерные особенности глазурованной керамики, относящейся к тому или иному строительному периоду. Весь комплекс двора четко укладывается в рамки X – начала XI в. Нет ни одного керамического фрагмента, который датировался бы позднее середины XI в. Немногочисленные осколки сосудов IX в. смело можно считать переотложенными. Следует отметить, что культурный слой двора был, по-видимому, местами нарушен и перекопан. Может быть, это объясняет тот факт, что керамика поддверного слоя состоит практически целиком из фрагментов сосудов X в., а комплекс нижнего пола 2, помимо этого, включает в себя типы, характерные скорее для начала XI в.

Комплекс керамики из помещений дает подобную картину – в нем представлены те же типы, что и в комплексе двора.

Ранний строительный период (рис. 7, 8-10; рис. 8). Помимо мелких фрагментов сосудов уже рассмотренных типов, были найдены целые формы и крупные детали, позволяющие судить об орнаментации сосудов. В пом. 14 обнаружен целый горшок, покрытый поверх белого ангоба прозрачной зеленой глазурью (рис. 7, 10). Судя по форме и характеру ангобного покрытия, он

вполне может быть отнесен к X в. (Шишкина, 1979. Табл. IX, 8). Из помещения 13 происходит небольшая чашка полусферической формы на дисковидном поддоне, расписанная коричневым по белому ангобу (рис. 7, 8). Ангоб покрывает сосуд снаружи целиком, включая дно, бесцветная прозрачная глазурь достигает поддона – признак, характерный для X в. Чашка орнаментирована полосой псевдоэпиграфического орнамента на дне и двумя кольцами из точек на стенках. В том же слое найдена небольшая полусферическая чашка с росписью потеками и подглазурной гравировкой (рис. 7, 9).

В одной технике и стилистической манере выполнены три большие полусферические чаши на дисковидном поддоне, две из которых найдены в помещении 15 (рис. 8, 1, 2), а одна – в пом. 2 (рис. 8, 3). Чаши выполнены в технике подглазурной росписи по красному ангобу коричневым и белым с добавлением оливково-зеленого. Чаши этого типа относятся к концу X – первой половине XI в. (Шишкина, 1979. Табл. LX, 3-5). При этом одна из чаш с Дурмена, украшенная многолепестковой вихревой розеткой на дне и полосой псевдоэпиграфического орнамента по краю, очень схожа с чашей из Самарканда (Шишкина, 1979. Т. LX, 5), но отличается более тонкой проработкой деталей и меньшей степенью схематизации эпиграфического образца.

Поздний строительный период (рис. 7, 1-7). В слоях этого периода не было найдено сколько-нибудь целых форм. Среди более или менее выразительных фрагментов отметим следующие.

Донце сосуда баночной формы под прозрачной зеленой глазурью по белому ангобу из помещения 5, датируется X в.

Фрагменты чаш с подглазурной росписью потеками желтого, зеленого и коричневого с гравировкой (рис. 7, 2).

Фрагмент полусферической чаши с подглазурной росписью по белому ангобу коричневым и светло-коричневым (рис. 7, 3). Отметим, что граница глазуровки с наружной стороны расположена очень высоко, в 2-3 см от края; возможно, это указывает на относительно позднюю дату – ближе к середине XI в. Чаша найдена в верхнем слое блока II.

Фрагмент донца чаши с росписью белым, красным и оливково-зеленым по черному ангобу. Орнамент в виде смыкающихся кругов с кольцами из белых перлов внутри и с цветной точкой в центре (рис. 7, 4). Глазурь снаружи доходит до поддона. На Дурмене это единственный найденный фрагмент с росписью по черному ангобу. Чаша из Самарканда того же типа, но более изысканно орнаментированная, датирована началом XI в. (*Tegres secrètes...*, 1993. P. 104, № 209).

Фрагменты трех чаш, расписанных белым и темно-коричневым по красному ангобу (рис. 7, 5-7). Две из них (одна с узлом переплетенных лент на дне, другая с пальметтой, побеги которой переплетены жгутом) по стилю росписи и качеству глазури очень близки трем уже рассмотренным ранее красноангобированным чашам начала XI в. из нижнего горизонта.

Отметим также фрагмент чаши, глазурованной по черепку с надглазурной росписью зелеными потеками, найденный в стенке ташнау в пом. 7 (рис. 7, 1). Возможно, этот ранний сосуд относится к нижнему, не раскопанному периоду существования здания.

Вполне очевидно, что в комплексе глазурованной керамики, найденной на дурменском поселении, выделяются две группы: типы, характерные только для X в. и типы, появившиеся в конце X – начале XI в. Большая часть их относится к первой группе, вторая группа представлена в основном сосудами с росписью по красному ангобу, но количество фрагментов чаш этого типа достаточно велико.

При этом, как в жилых блоках, так и в слоях двора керамика раннего и позднего строительного периодов практически не различается по составу; фрагменты, относящиеся к обеим группам, представлены в одинаковом соотношении. В целом комплекс глазурованной керамики вполне убедительно датируется X – первой половиной XI в. Совершенно очевидно, что не позднее середины XI в. исследованная часть сельского поселения на территории городища Дурмен прекратила свое существование. Присутствие в слое фрагментов глазурованной керамики IX в., возможно, указывает на то, что основание жилых блоков I и II относится именно к этому периоду.

Хотелось бы также отметить очень высокое ремесленное и художественное качество глазурованной керамики поселения. Видимо, это свидетельствует об интенсивных связях с городом.

Неглазурованная керамика

Рассмотренный комплекс глазурованной керамики определяет хронологические рамки обживания раскопанной части поселения (X – начало XI в.), при этом выяснено, что различия между ранним и поздним строительными периодами не улавливаются. Это позволяет нам рассматривать всю найденную на поселении неглазурованную керамику как единый комплекс, без более дробного стратиграфического деления.

Столовая керамика

Кувшины представлены исключительно во фрагментах. Все столовые кувшины светлоглиняные, как правило, с высветленной наружной поверхностью, изготовлены из тонкодисперсной глины. Преобладающий тип – сосуды с широкими плечиками и высоким, узким, слегка расширяющимся кверху горлом (рис. 9, 7-9), переход от плечиков к горлу выделен валиком. Профилировка горла и венчика может быть как очень простой (рис. 9, 9), так и усложненной многочисленными валиками, желобками и уступами (рис. 9, 7). Венчик обычно Т-образный, с наклоном наружу. Отметим фрагмент одного из кувшинов (рис. 9, 1): внутри на горле видны остатки керамической петли, на которую надевалась откидная крышка. Эта характерная деталь, подражающая изделиям из металла, широко распространялась в X в. Найденные фрагменты более крупных кувшинов, с более широким горлом (рис. 9, 2, 3) не дают представления о форме сосудов в целом. Приемы украшения столовых кувшинов довольно разнообразны, это и фигурная моделировка горла и венчика, и налп на горле в виде «оборочки» (рис. 9, 3), и прорезанный гребенчатый волнистый орнамент (рис. 9, 2). Встречаются фрагменты сосудов, украшенных по плечикам поясом богатого штампованного орнамента (рис. 9, 5, 6). Фрагмент стенок кувшина с резным орнаментом в виде ветви (рис. 9, 4) относится к более раннему периоду, к IX в. (Со-

оловская, 1995а. Рис. 78, 12, 13) и, по всей видимости, является переотложенным.

Горшки. Насколько можно судить по фрагментам, найденным на поселении, столовые горшки подразделяются на три типа.

Первый тип – небольшие сосуды с округлыми плечиками и резко отогнутым наружу клювовидным венчиком (рис. 10, 5, 6). Один из этих горшочков красноглиняный (рис. 10, 5), другой – светлоглиняный, покрытый снаружи белым ангобом.

Второй тип – это сосуды с покатыми (рис. 10, 3) или же крутыми (рис. 10, 4) плечиками конического абриса, без горла, с венчиком в виде слегка утолщенного края устья с горизонтальной площадкой (рис. 10, 3, 4). В обоих случаях плечики и край подчеркнуты поясами горизонтальных бороздок. Оба горшка светлоглиняные, с высветленной наружной поверхностью.

Третий тип – сосуды с округлым туловом, отогнутым венчиком и налепным трубчатым сливом-носиком (рис. 10, 9, 10). Меньший из горшков сероглиняный, в тонкодисперсной глине нет примесей, характерных для кухонной керамики, снаружи покрыт темно-серым ангобом. Второй сосуд светлоглиняный, покрыт снаружи светлым ангобом. Отчетливо видно, что носик свернут трубочкой из тонкой глиняной лепешки, внутри носика заметны отпечатки ткани. Насколько мне известно, подобные сосуды с носиком не типичны для согдийской керамики рассматриваемого периода.

Кубковидные сосуды. К этой форме с известной долей условности (из-за их фрагментированности) могут быть отнесены два сосуда с округлым туловом, слабо выраженным плечиком и скругленным краем (рис. 10, 1, 2), в одном случае венчик выделен бороздкой. Оба сосуда светлоглиняные, покрыты снаружи светлым ангобом.

Миски представлены фрагментами одного сосуда. Миска светлоглиняная, изготовлена из тонкодисперсной глины. Она имеет цилиндрическую форму и приоткрытый край. Ребро перегиба от придонной части к тулову и край выделены глубокими желобками (рис. 10, 8).

Назначение еще одного сосуда открытой формы не ясно из-за его фрагментированности (рис. 10, 7). Это полусферический резервуар с горизонтально отогнутым венчиком, сероглиняный, в тесте примеси

мелкодробленой дресвы и песка. Набор примесей характерен для кухонной керамики, но форма, малый размер и отсутствие следов копоти не позволяют определить этот сосуд как котелок. Формой и составом теста наш фрагмент напоминает резервуар раннесредневековых курильниц (Соловьев, 1996. Рис. 24, 7; 48, 18), в таком случае это переотложенная верхняя часть сосуда, относящегося к более раннему периоду обживания памятника.

Хозяйственная керамика

Хумы. Целые формы на памятнике найдены не были. Судя же по фрагментам и по аналогии с известными в Согде рассматриваемого периода сосудами, все они имели яйцевидную форму тулова. У подавляющего большинства хумов очень невысокое, слабо выделенное горло и округлый отогнутый венчик (рис. 11, 6-9), иногда оформленный с внешней стороны бороздками. Наиболее часто встречающийся элемент декора – наклепная полоса по венчику или под венчиком с пальцевыми вдавлениями и защипами (рис. 11, 6, 7). В одном случае хум был украшен под венчиком полосой отпечатков подковообразного штампа с насечками (рис. 11, 9). Все хумы этого типа красноглиняные, без ангобного покрытия, черепок плотный, в тесте примеси песка, дресвы, растительные выгорающие, а в отдельных случаях известковые выгорающие, образующие характерные каверны.

К другому типу относится фрагмент хума с невыделенным горлом и манжетовидным венчиком, лежащим непосредственно на плечиках. Венчик наклонен внутрь сосуда (рис. 11, 10). Отличается и цвет черепка – серо-коричневый, внутренняя поверхность серая, наружная – красновато-коричневая с потеками темно-коричневого ангоба. Неровный окрас черепка свидетельствует о недостаточном обжиге. В тесте примеси дресвы, мелкие выгорающие и песок со слюдой.

Не вполне понятно, к хумам или к хумчам может быть отнесен фрагмент крупного сосуда с низким горлом, отогнутым округлым венчиком и очень широкими, почти горизонтальными плечиками (рис. 11, 11). По размерам и по диаметру венчика сосуд вполне может быть отнесен к хумам, однако, более тонкий розовый черепок, мелко

дробленые примеси в тесте и наружное покрытие белым ангобом скорее характерны для хумчей. По мнению Л.Ф.Соколовской, в конце X в. появилась тенденция к расширению тулова хумов и хумчей при сохранении диаметра венчика (Соколовская, 1995. С. 17).

Чаны, тагоры. Наиболее распространенный тип чанов – крупные (диаметр венчика 45-55 см) сосуды, у которых максимальный диаметр тулова равен или превышает диаметр венчика, а стенки плавно скруглены, образуя подобие плечиков (рис. 11, 4, 5). Венчики либо подпрямоугольные (рис. 11, 5), либо клювовидные (рис. 11, 4), отогнутые наружу и образующие слегка наклонную внутрь сосуда площадочку. В одном случае найден фрагмент чана с двумя пластинчатыми ручками. Все сосуды этого типа имеют плотный черепок розового или кремового цвета, в тесте – мелкие выгорающие примеси и песок.

Встречаются также тагоры конической формы, с прямыми, сужающимися ко дну стенками. Все они имеют ярко выраженный клювовидный венчик с горизонтальной площадочкой (рис. 11, 3). Для этих крупных сосудов (диаметр венчика около 50 см) характерны очень тонкие стенки (0,5-0,7 см). Оба типа чанов и тагор хорошо известны в Согде в X – начале XI в. (Соколовская, 1995. С. 17; Соколовская, 1995а. Рис. 82, 18, 19; 83; 92, 1-3). В слое дурменского поселения найден фрагмент тагоры другого типа. Судя по его верхней части, это был сосуд полусферической или же, скорее, конической формы, но со скругленным абрисом стенок (рис. 11, 2). Венчик вертикально направленный, образован утолщением стенок и отделен от тулова желобком, край слегка приострен. Переход к венчику оформлен наlepным жгутом с пальцевыми защипами. Диаметр венчика 38 см, то есть меньше, чем у сосудов двух рассмотренных типов; черепок коричневый, слоистый, в тесте мелкие выгорающие растительные примеси. Тагоры этого типа характерны для более раннего периода. Л.Ф.Соколовская ограничивает время их существования рубежом X – XI в. (Соколовская, 1995. С. 17; Соколовская, 1995а. Рис. 82). Подобные сосуды хорошо известны в Хорезме как в IX, так и в X в. (Вишневская, 2001. Рис. 10, 3; 19, 8).

Миски. Один фрагмент может быть отнесен к крупным хозяйственным мискам (диаметр венчика 26 см). Сосуд, видимо, полусферической формы с горизонтально отогнутым подпрямоугольным венчиком (рис. 11, 1). К венчику крепятся ручки в виде грубых налепов, верхняя площадочка украшена насечками «елочкой». Сосуд сероглиняный, в тесте выгорающие примеси и мелко дробленая дресва.

Кувшины. Целые сосуды не были найдены, водоносные кувшины представлены фрагментами верхней части и донцами (рис. 12). Форма крупных хозяйственных кувшинов в Согде в IX – начале XIII в. оставалась практически неизменной – это были сосуды с туловом яйцевидной формы, одноручные, с цилиндрическим горлом. Все найденные на дурменском поселении фрагменты соответствуют этому типу, почти все кувшины светлоглиняные, изготовлены из тонкодисперсной глины, как правило, наружная поверхность высветлена при обжиге. Горло цилиндрическое, переход к плечикам иногда выделен небольшим валиком, преобладающий вариант венчиков – подтреугольный, с горизонтальной площадочкой, скошенный внутрь. К венчику крепится пластинчатая ручка с желобками с наружной стороны (рис. 12, 2, 3). Некоторые сосуды выделяются очень тонким черепком (0,2 см) и тщательностью отделки (рис. 12, 1). Донца крупных кувшинов либо простые, либо на дисковидном поддоне (рис. 12, 5-7). Как правило, производилась обточка придонной части ножом. При сохранении основных признаков этого типа размеры кувшинов могут варьироваться.

Несколько отличается от основной массы фрагмент верхней части крупного красноглиняного кувшина (рис. 12, 4). Покатые плечики очень плавно, без выделенного перегиба переходят в сужающееся кверху горло, венчик такой же, как и у остальных хозяйственных кувшинов. На плечиках прочерченный волнистый и линейный орнамент. Вероятно, у кувшина была ручка.

Горшки представлены двумя целыми сосудами (рис. 13, 3, 4) и многочисленными фрагментами венчиков и донцев. Выделить какие-либо типы на имеющемся материале не представляется возможным. Найденные целые горшки, отличаясь пропорциями тулова и формой венчиков, конструк-

тивно близки – это сосуды с выделенной горловиной и отогнутым наружу венчиком. Все имеющиеся фрагменты венчиков, различные по моделировке, также отогнуты наружу (рис. 13, 1, 2). Хозяйственные горшки изготовлены из тонкодисперсной глины, цвет черепка варьируется от розового до оранжевого.

Крышки. Найденные экземпляры позволяют выделить три типа: выпуклые, вогнутые и дисковидные.

Выпуклые крышки представлены двумя вариантами – коническая крышка с вертикально направленным краем (рис. 14, 8) и массивная полусферическая, край которой образует плоскую горизонтальную площадочку (рис. 14, 7). Первый экземпляр светлоглиняный, второй – красноглиняный, красноангобированный, в тесте примеси дресвы и шамота.

Вогнутые крышки также подразделяются на два варианта. Первый вариант – массивные, сильно изогнутые крышки малого диаметра (рис. 14, 2, 3), в одном случае ручка грибовидная сплошная, в другом полая. Обе крышки сероглиняные, в тесте выгорающие примеси и песок, на одной из них (рис. 14, 3) следы копоти. Второй вариант – тонкостенные, профилированные изделия разного диаметра с одним внутренним уступом и полой грибовидной ручкой (рис. 14, 1, 4-6). Эти крышки светлоглиняные, с высветленной поверхностью.

Дисковидные крышки идентичны по форме, со сплошной грибовидной ручкой в центре (рис. 14, 9-11), как правило, наблюдаются следы формовки на песке. Наиболее распространенный вариант декора светлоглиняных крышек – прочерченные концентрические окружности и оттиски гребенчатого штампа (рис. 14, 10). Кроме того, найдены фрагменты дисковидной красноглиняной крышки со слабо сохранившимися следами росписи красным ангобом (рис. 14, 11). Необычен декор сероглиняной крышки котла (следы копоти) с чередующимися оттисками штампов в виде «сердечка» и цветка, вырастающего из сосуда (рис. 14, 9).

Кухонная керамика

Котлы. Самая массовая, чаще всего встречающаяся форма в керамическом комплексе поселения. Все котлы круглодон-

ные, изготовлены на гончарном круге. Черепок серый, основные примеси в тесте – растительные выгорающие, песок и дресва, в редких случаях присутствует также шамот. В комплексе представлены два типа сосудов.

Первый тип – котлы с выделенной горловиной и отогнутым наружу венчиком (рис. 15). Внутри этого типа имеется множество вариантов: горло может быть явно выражено (рис. 15, 5) или едва намечено (рис. 15, 6), плечики могут быть крутыми (рис. 15, 6) или покатыми (рис. 15, 1, 2). Еще большее разнообразие можно видеть в моделировке венчиков, демонстрирующих массу модификаций, начиная от простых, подпрямоугольных и округлых (рис. 15, 5, 6), до весьма сложнопрофилированных, со всевозможными валиками и бороздками (рис. 15, 3, 4). Как правило, сложная форма венчиков имеет чисто декоративное значение, за исключением венчиков с желобком для крышки на верхней площадочке (рис. 15, 7). Характерным практическим и декоративным элементом становятся парные фестончатые налепы на плечиках сосудов (рис. 15, 6), используемые как ручки.

У котлов второго типа полностью отсутствует горловина, венчик является непосредственным продолжением плечиков и наклонен внутрь сосуда (рис. 16). Венчик образован утолщением стенок тулова у устья и имеет характерную закраину (выступ) в нижней части. Встречаются как очень простые варианты моделировки – с округлым утолщением у устья (рис. 16, 2), так и довольно сложные – с желобками и уступами (рис. 16, 1). Венчики украшались налепными жгутами с пальцевыми вдавлениями и защипами (рис. 16, 3), орнаментом, прочерченным палочкой (рис. 16, 2) и гребенчатым инструментом (рис. 16, 4). В ряде случаев к венчику крепились налепные ручки-упоры (рис. 16, 5). К этому же типу можно отнести единственный найденный на поселении лепной котелок. Это небольшой сосуд с двумя дуговидными ручками, вплотную прилегающими к тулову (рис. 16, 6). Котелок украшен вертикально расположенными налепными жгутами с пальцевыми вдавлениями и прочерченным орнаментом на венчике, плечиках и ручках.

Несколько особняком стоит единичный фрагмент котла (венчик и небольшая часть стенки). Судя по абрису стенки (рис. 16, 7)

можно предположить, что он принадлежит котлу третьего типа – цилиндрическому. Котлы этого типа известны в Согде в X в. (Соколовская, 1995. С. 18; Соколовская, 1995а. Рис. 85, 30). Следует отметить, что котлы двух первых типов представлены в комплексе поселения примерно в равных пропорциях и встречаются вместе в одних и тех же слоях.

Письменные приборы (чернильницы) представлены двумя светлоглиняными сосудами в виде миниатюрных горшочков с отогнутым венчиком (рис. 17, 3, 4).

Предметы специального назначения. Был найден фрагмент лепного очага с оттиснутым растительным орнаментом (рис. 17, 5). Черепок изделия светло-серый, в тесте примесь шамота.

Кроме того, в заполнении ямы ташнау из помещения 7 был найден фрагмент ящичного оссуария (рис. 17, 6) с прорезанным отверстием и налепным орнаментом, дополненным оттисками штампа. Из декора сохранились колесные соляные розетки и жгуты – перегородки с насечками, более крупные налепы были сбиты. Типология согдийских оссуариев хорошо разработана Л.В.Павчинской (Pavchinskaja, 1996. P. 209-227). Фрагментированность оссуария не позволяет классифицировать его с

полной определенностью. Судя по всему, его можно отнести к типу V, варианту 4 (прямоугольные ящики, формованные отдельно от крышки со смешанным налепным и штампованным орнаментом), причем элементы декора характерны для VII–VIII вв. (Pavchinskaja, 1996. P. 214. Fig. 4-a; P. 273. Fig. 6-b, 2).

Подводя некий итог рассмотрению глазурованных и неглазурованных керамических изделий X – начала XI в. из сельского поселения на территории городища Дурмен, хотелось бы отметить большое разнообразие форм и типов, а также совершенно «городской» облик комплекса в целом.

Из других категорий находок отметим два стеклянных сосуда. Один из них, бокал баночной формы с выпуклыми стенками (рис. 17, 1), вполне обычен для средневекового набора стеклянных изделий в широком хронологическом диапазоне IX–X в. (Шишкина, 1986. С. 21). Небольшой уплощенный флакон-фляжка с двумя ручками характерен для X в. (Шишкина, 1986. Рис. 6, 18).

Изделия из металла представлены в основном железными ножами вполне обычного облика и плохой сохранности. Кроме того, был найден массивный серповидный нож с втулкой для крепления рукоятки.

Библиография

- Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.
 Ильцова С.Р. Мотив букета на глазурованной керамике IX–XII вв. // Археология. История. Культура. Матер. междунар. конф. М., 2000.
 Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // ТХАЭЭ. 1976. Т. IX.
 Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж.К. Раскопки в Пайкенде в 1999 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. I. СПб., 2000.
 Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Дж.К. Раскопки в Пайкенде в 2000 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. II. СПб., 2001.
 Соколовская Л.Ф. Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII – начала XIII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995.
 Соколовская Л.Ф. Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII – начала XIII вв.). Рукопись и альбом иллюстраций диссертации. Ташкент, 1995а.
 Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.
 Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
 Pavchinskaja L.V. Sogdian ossuaries // BAI. The archaeology and art of Central Asia: Studies from the former Soviet Union. New Series. 1994. Vol. 8.
 Terres secrètes de Samarcande. Céramique du VIII au XIII siècle. Paris, 1993.

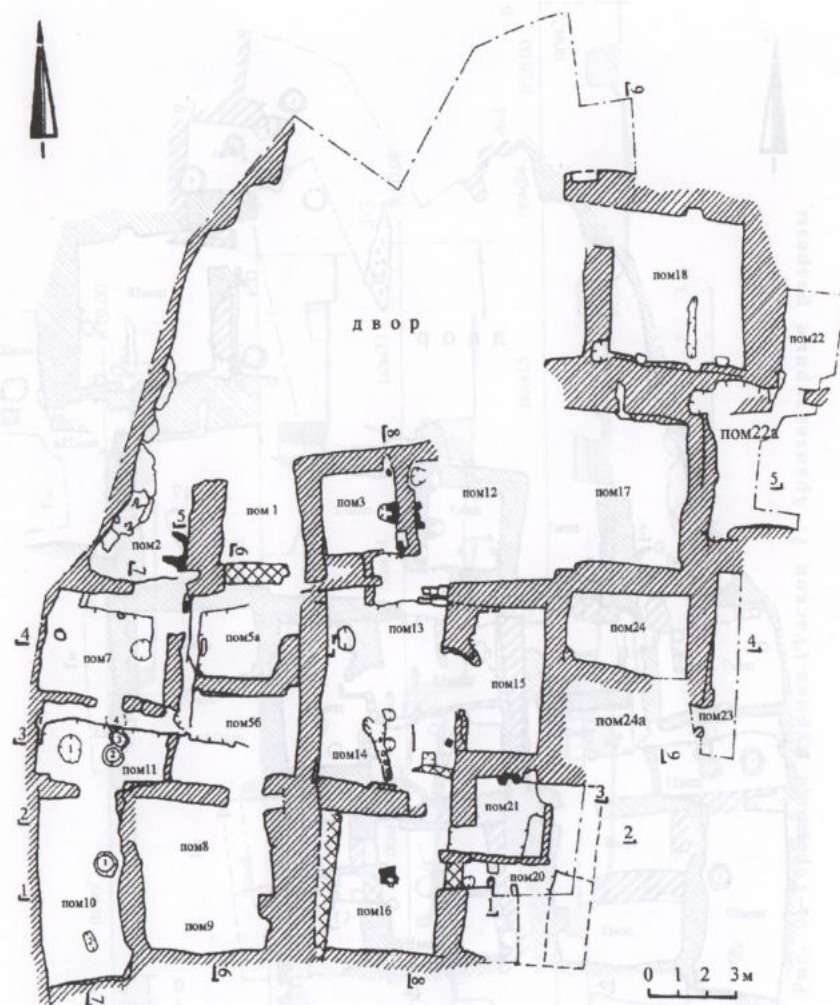

Рис. 1. Городище Дурмен. Раскоп 7. План раннего строительного периода

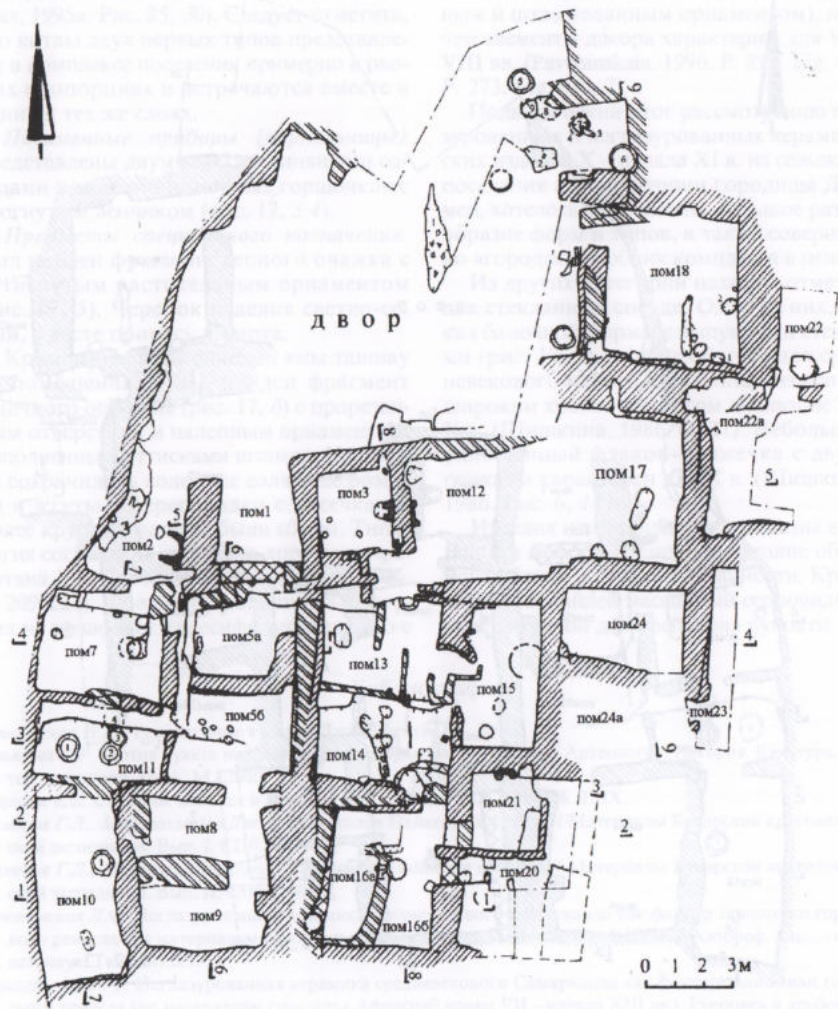

Рис. 2. Городище Дурмен. Раскоп 7.
План позднего строительного периода

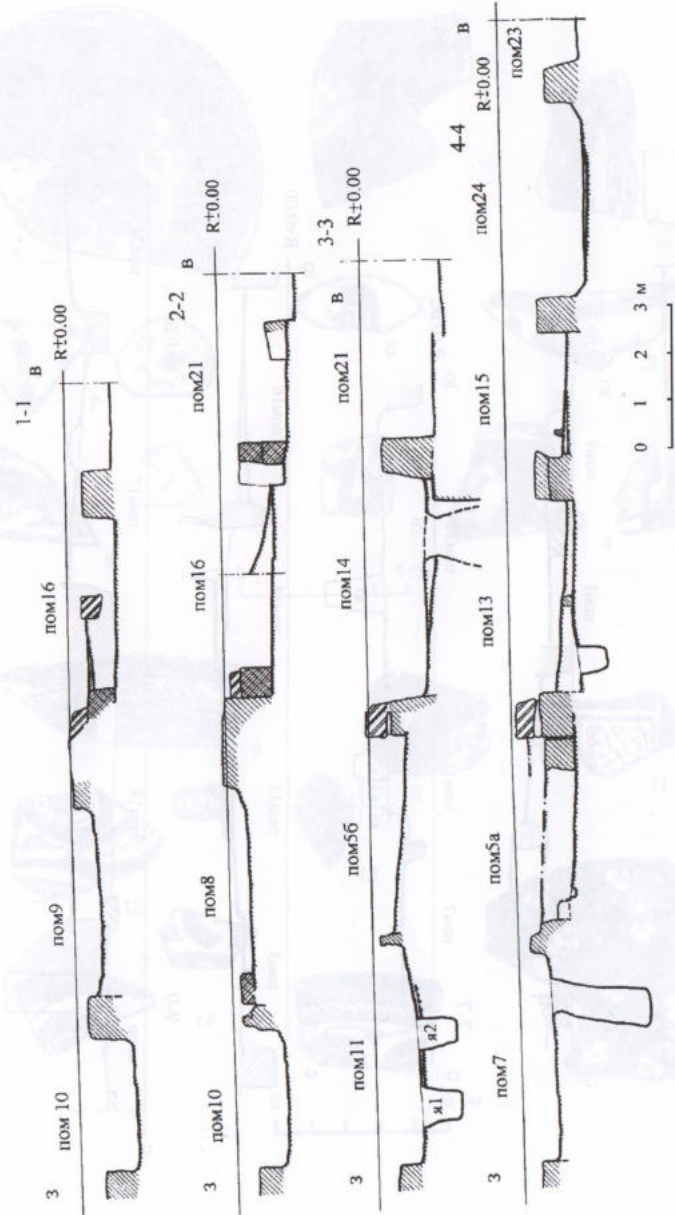

Рис. 3. Городище Дурмен. Раскоп 7. Архитектурные разрезы

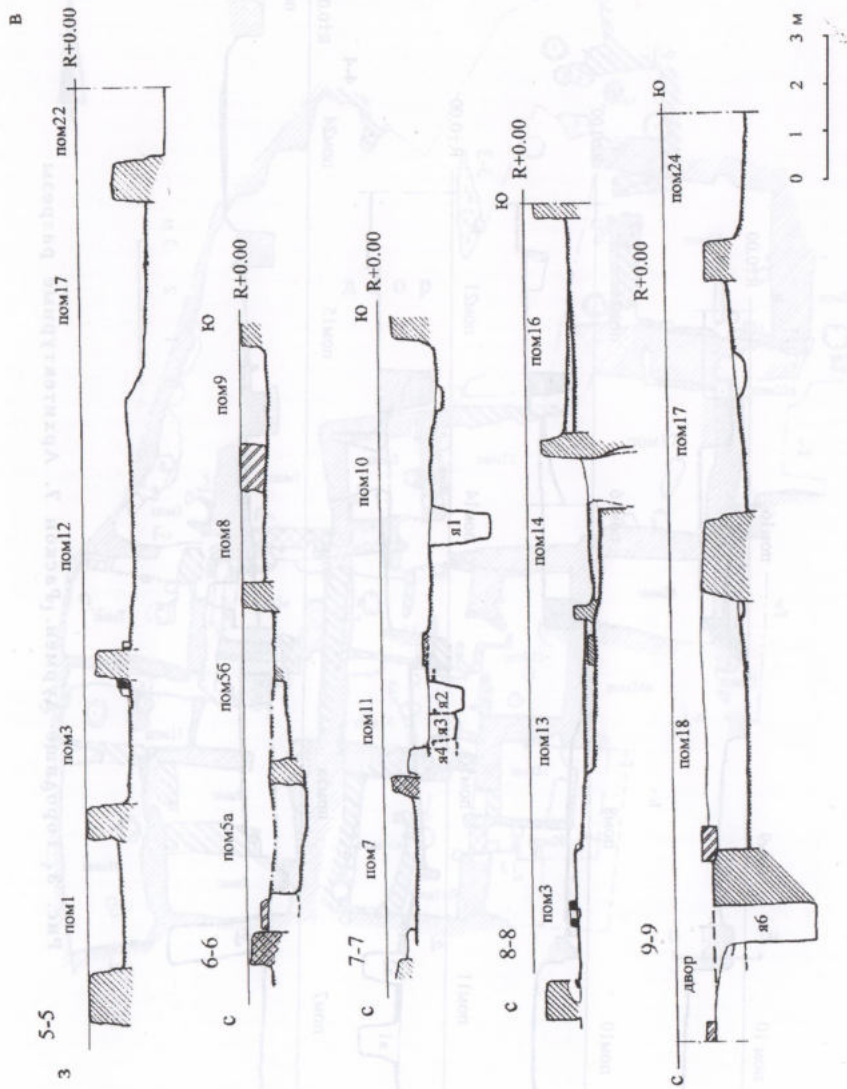

Рис. 4. Городище Дурмен. Раскоп 7. Архитектурные разрезы

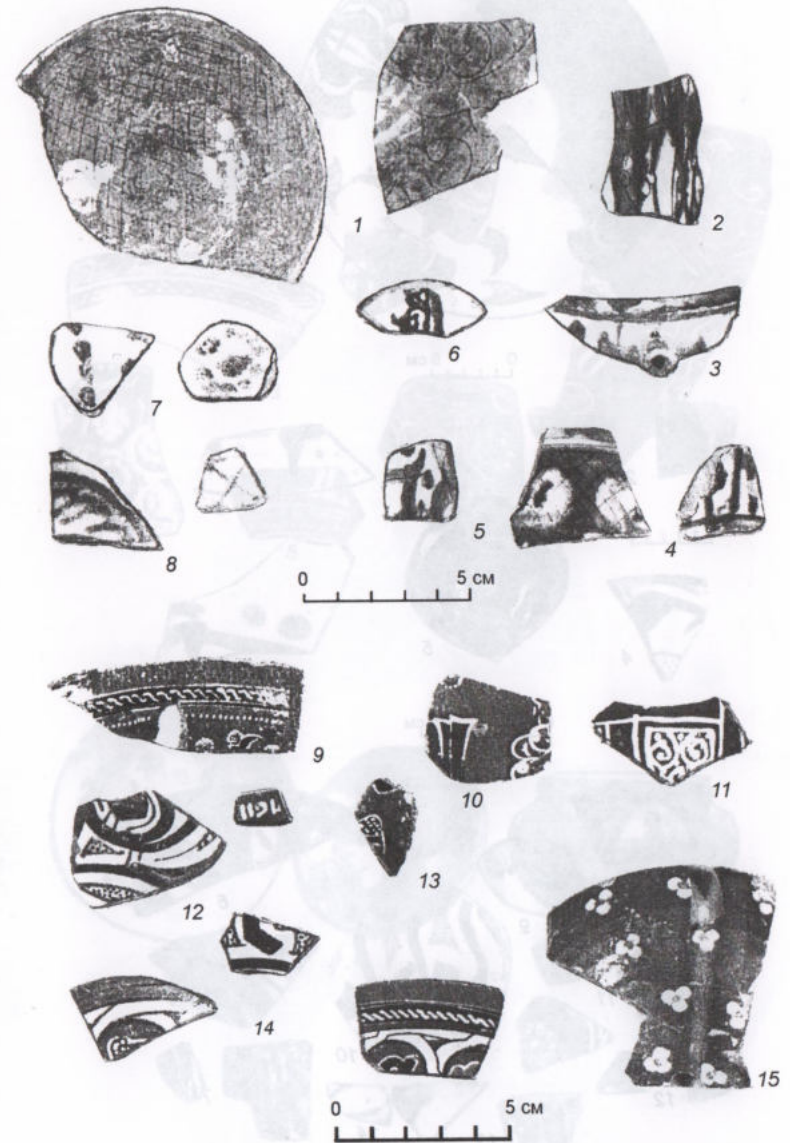

Рис. 5. Глазурированная керамика. Двор, пол 2

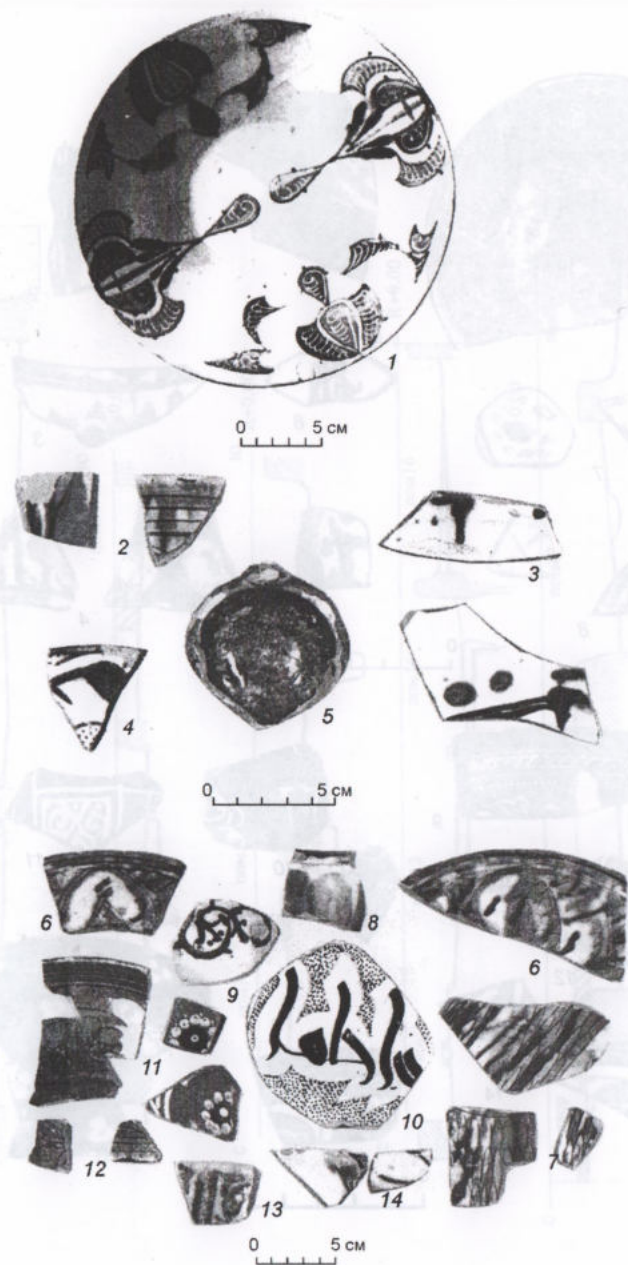

Рис. 6. Глазурованная керамика.
Двор: 1-5 - пол 2; 6-14 - верхний слой

Рис. 7. Глазурованная керамика:
1-7 - поздний строительный период;
8-10 - ранний строительный период

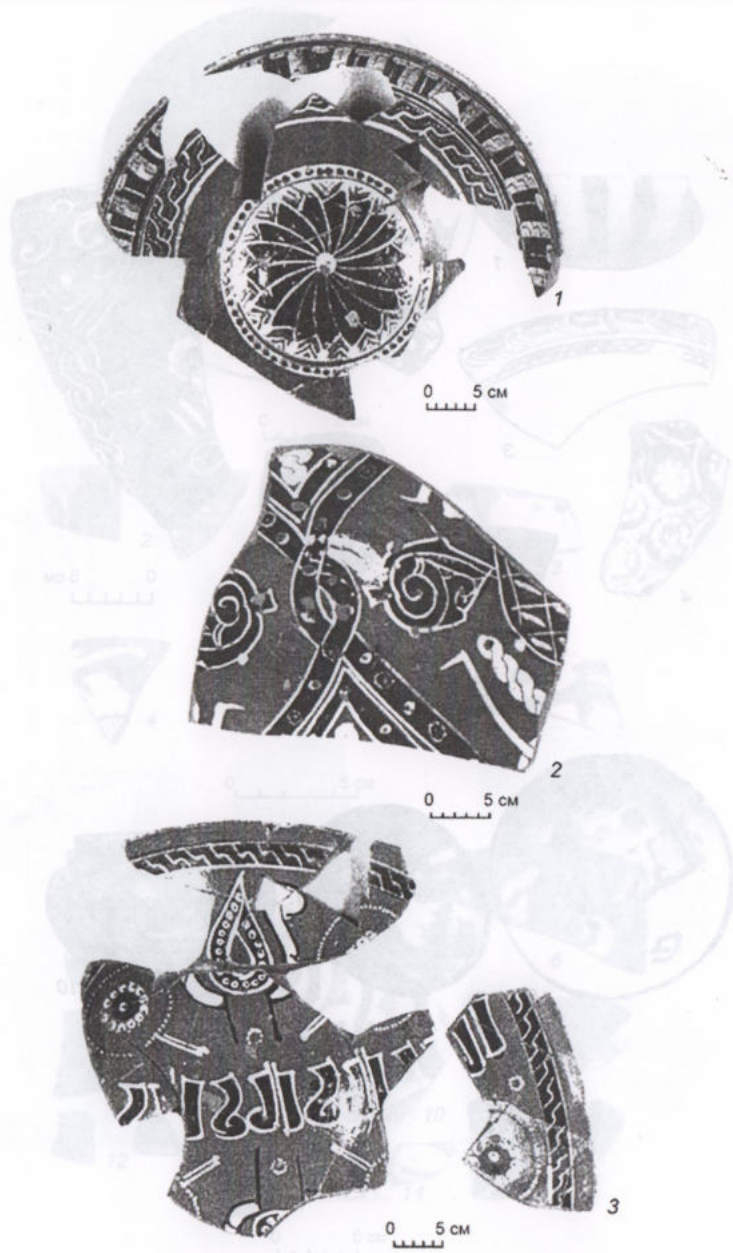

Рис. 8. Глазурованная керамика. Ранний строительный период

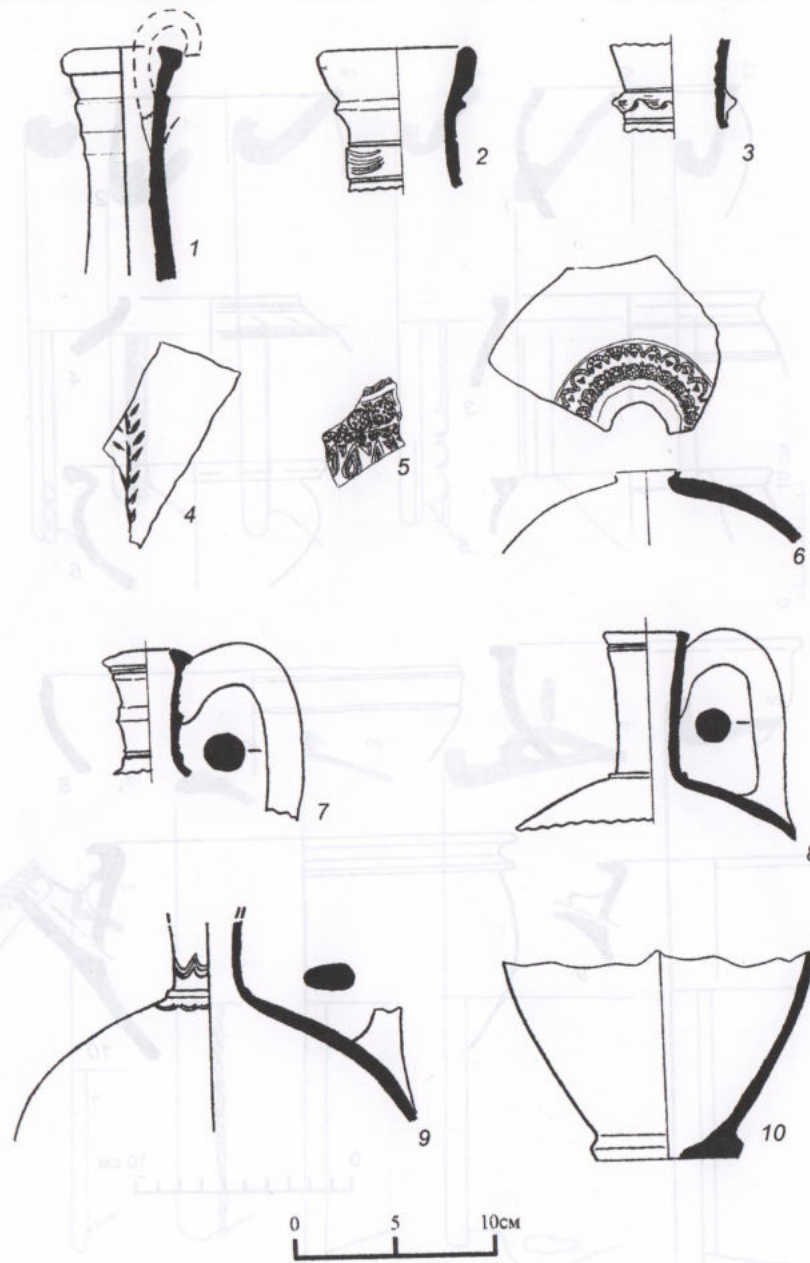

Рис. 9. Столовая керамика. Кувшины

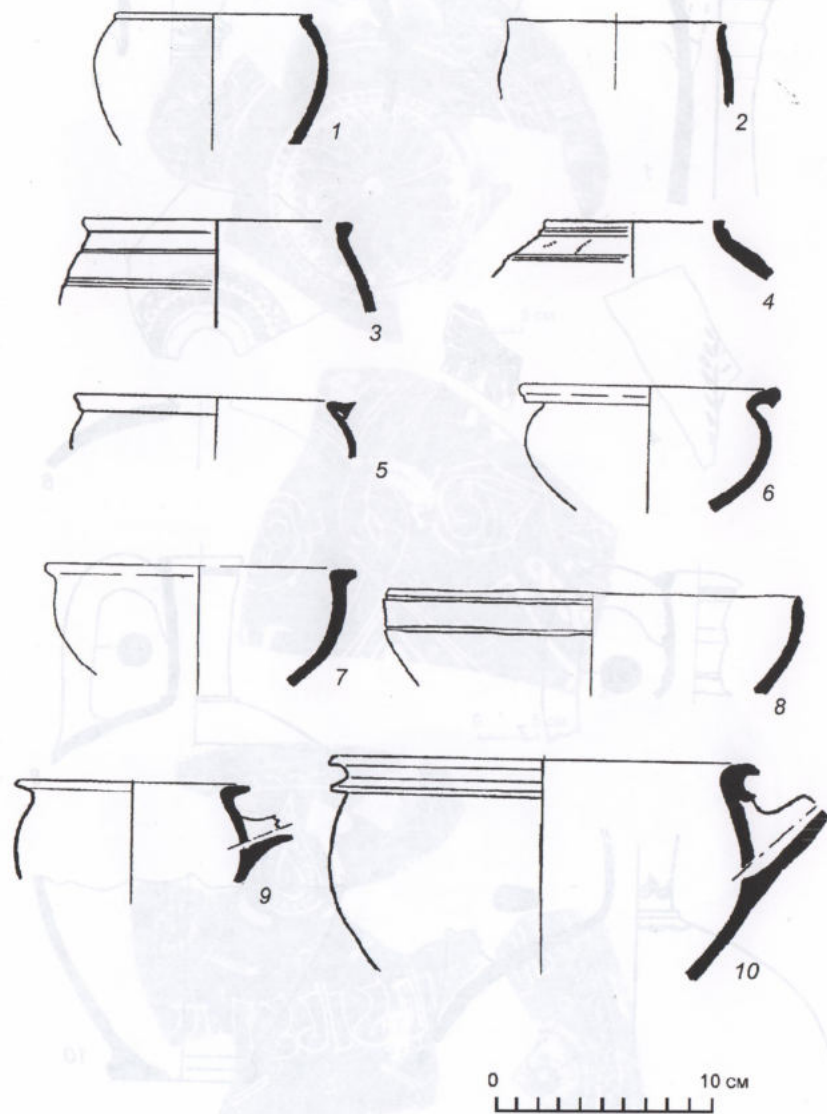

Рис. 10. Столовая керамика. Горшки, чаши, миски

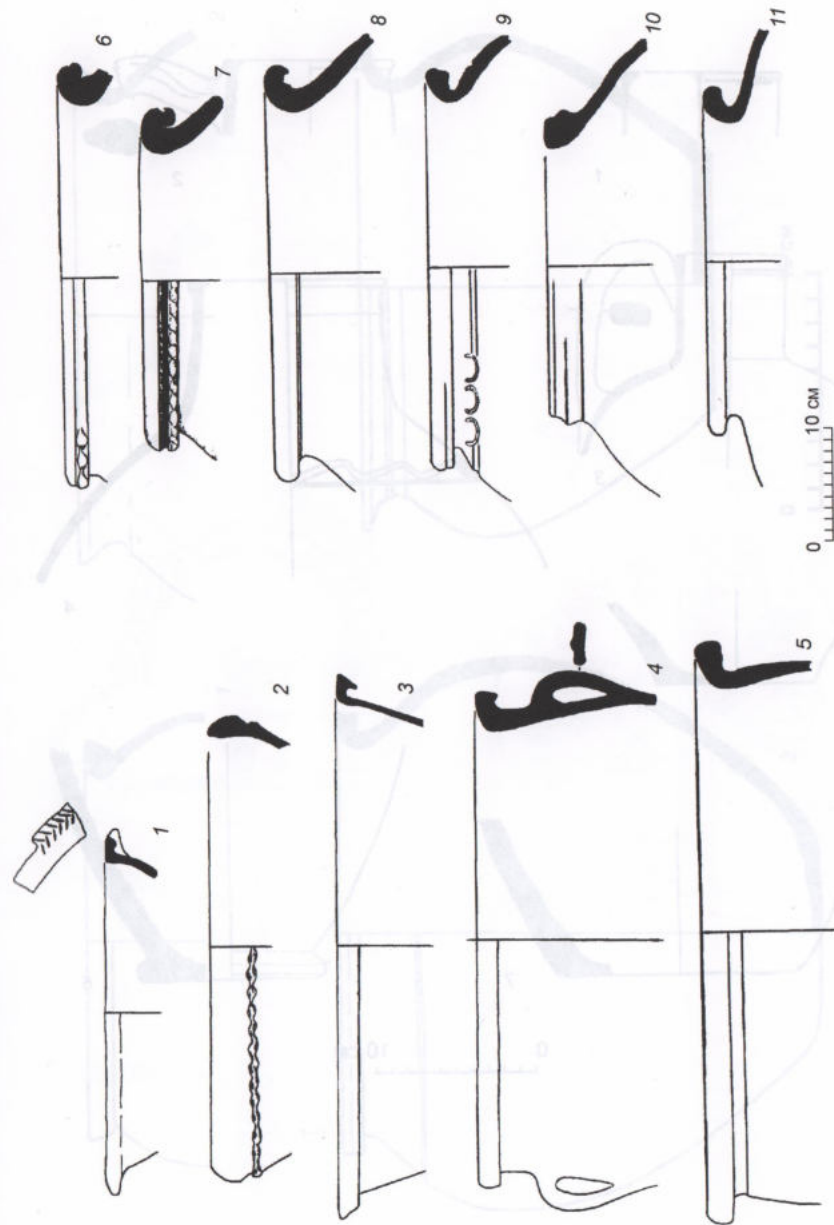

Рис. 11. Хозяйственная керамика. Хумы, тагоры

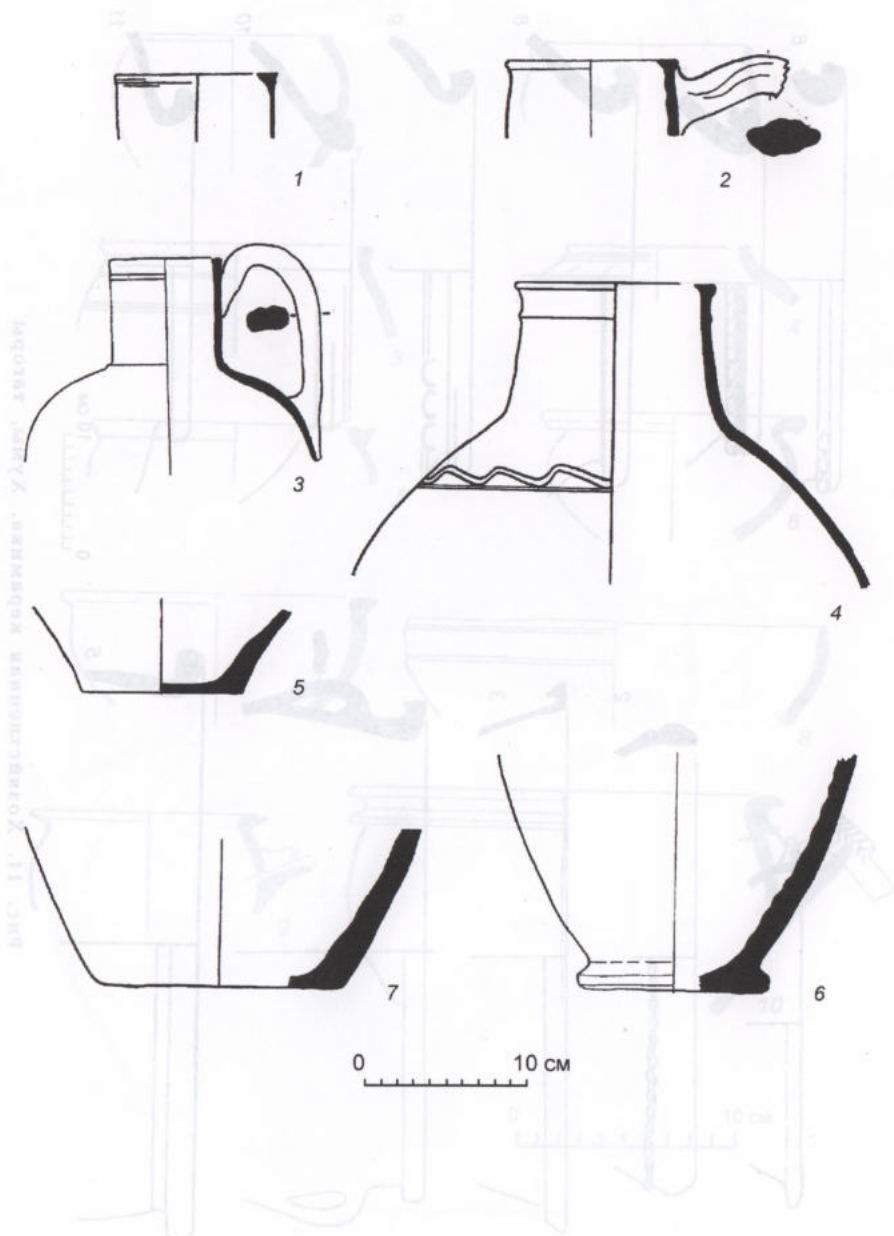

Рис. 12. Хозяйственная керамика. Кувшины

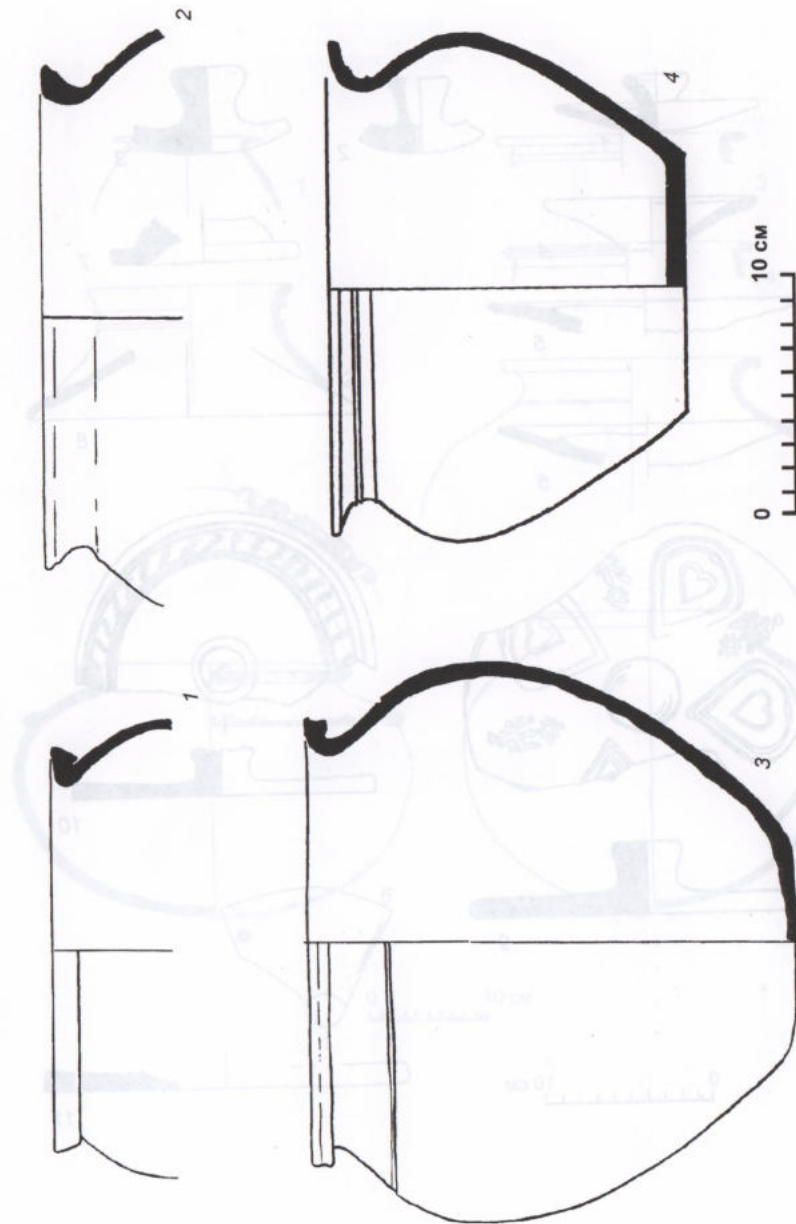

Рис. 13. Хозяйственная керамика. Горшки

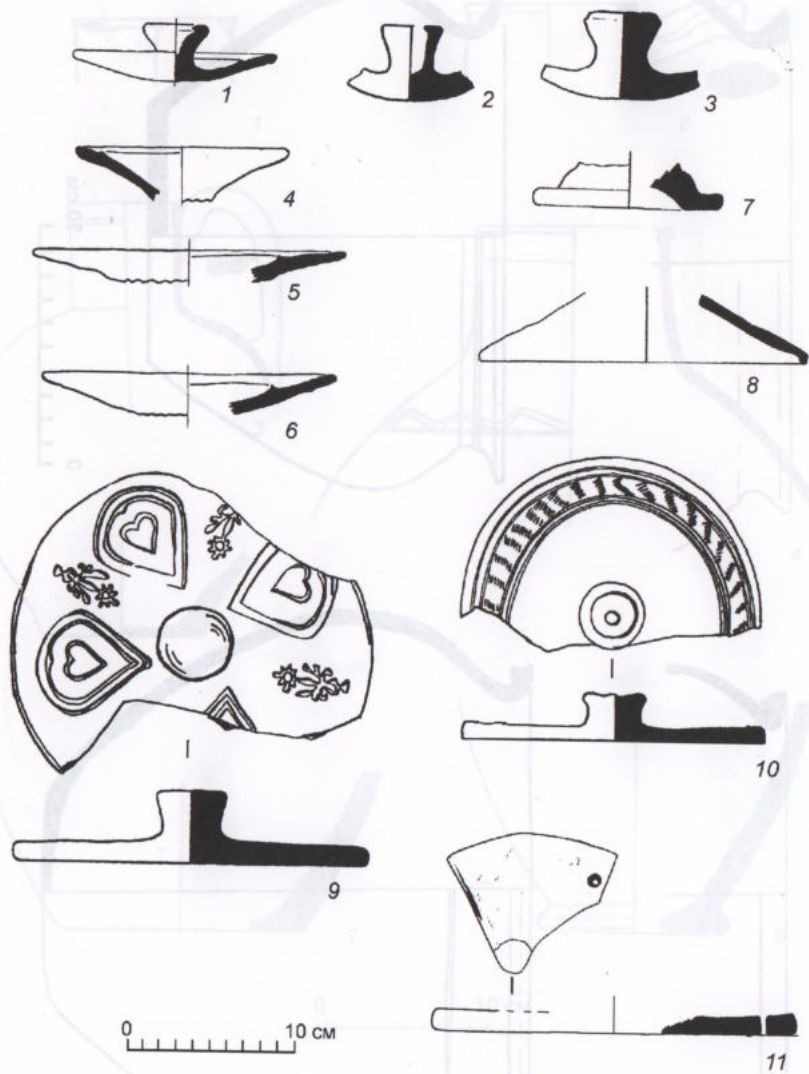

Рис. 14. Крышки

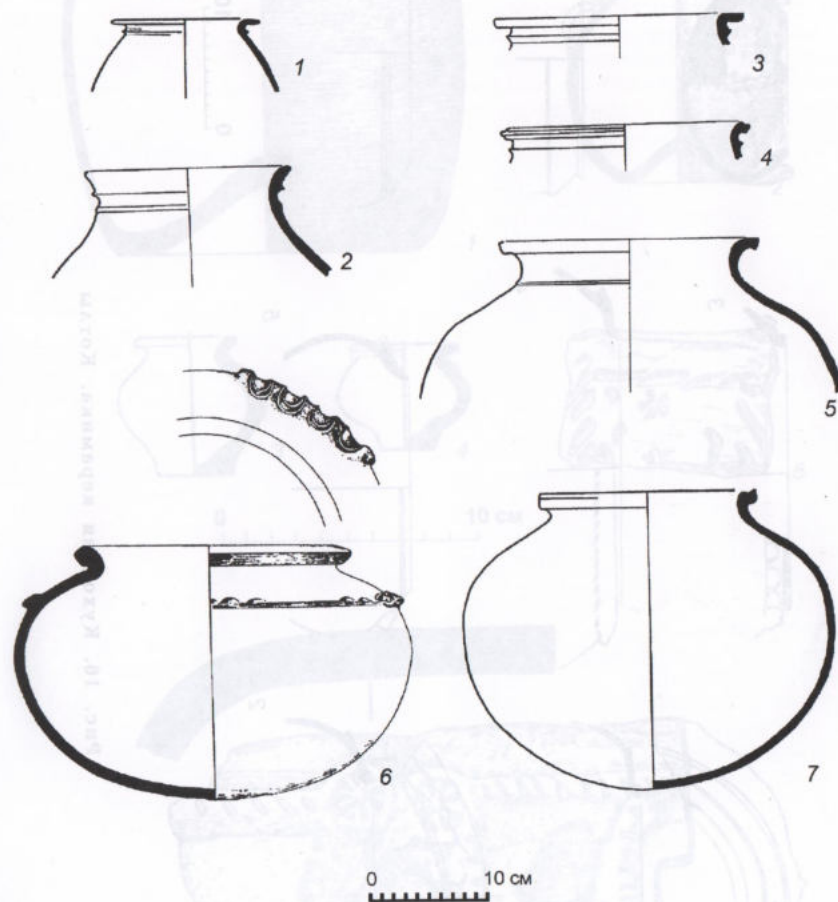

Рис. 15. Кухонная керамика. Котлы

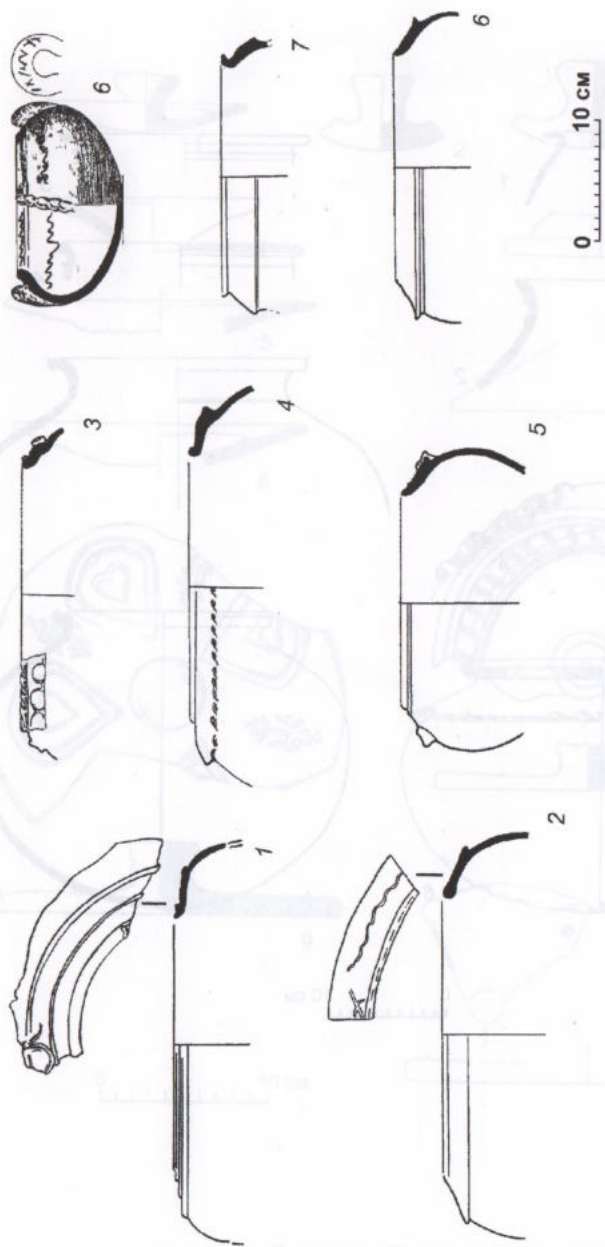

Рис. 16. Кухонная керамика. Котлы

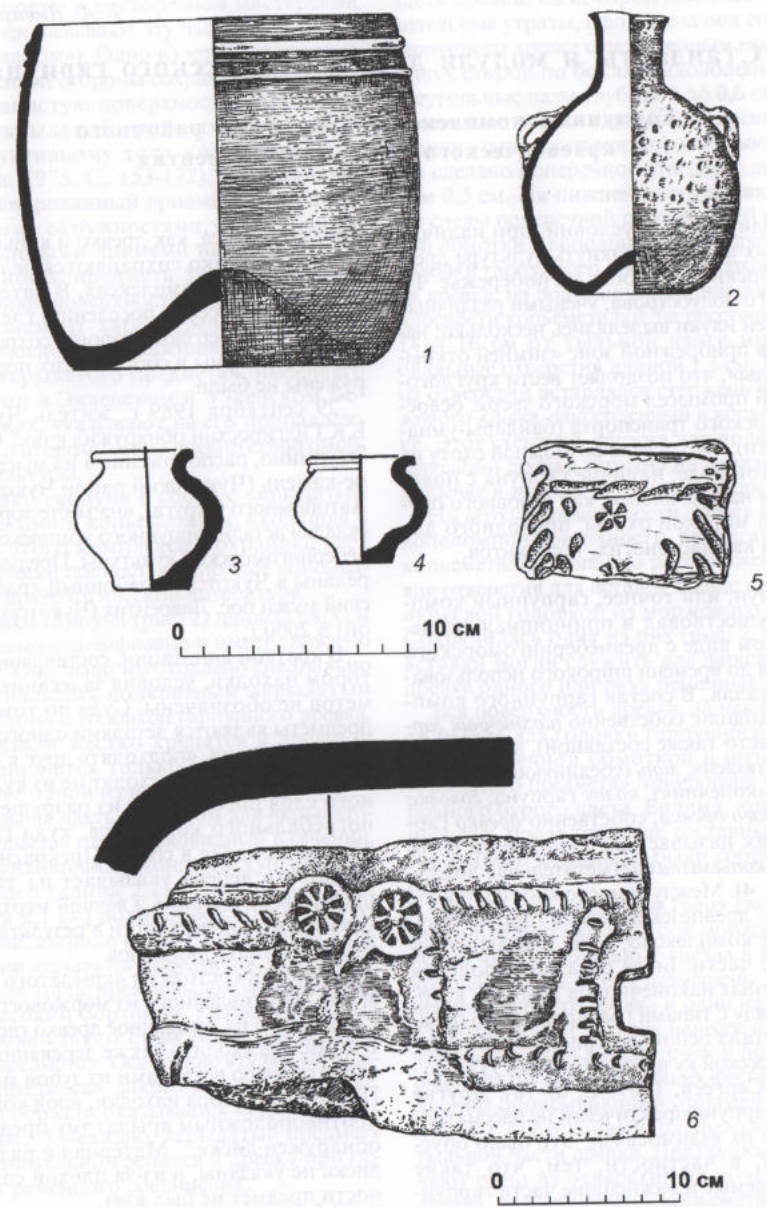

Рис. 17. 1, 2 – стекло; 3–6 – керамика специальных форм

Стандарты и модули древнеэскимосского гарпуна

Гарпунный комплекс из Чукотского районного краеведческого музея пос. Лаврентия

Среди главных условий, при наличии которых могла возникнуть культура древних морских зверобоев на побережье Чукотского полуострова, учеными различных отраслей науки выделялись несколько: наличие в прибрежной зоне «зимней открытой воды», что позволяет вести круглогодичный промысел морского зверя; освоение морского транспорта (байдары-умиаки, каяки), что сделало возможной охоту на открытой воде; наличие гарпуна с поворотным наконечником, как основного орудия для морской охоты, пригодного для добычи как ластоногих, так и китов.

Гарпун, или точнее, гарпунный комплекс, существовал в принципиально неизменном виде с древнеберингоморского времени до времени широкого использования металла. В состав гарпунного комплекса входили: собственно *наконечник гарпуна* (часто также составной), *поплавок* из шкуры тюленя, *линь* (соединяющий поплавок и наконечник), *колок* гарпуна, *головка гарпуна*, так называемый «*крылатый предмет*» и *копьеметалка* (метательная дощечка) (рис. 4). Между тем, сложное составное орудие – древнеэскимосский гарпун – изучался не комплексно, а как отдельные составные части. Была создана типология поворотных наконечников гарпуна, которая, наряду с типами гравированного орнамента, стала основой периодизации древнеэскимосской культуры (Collins, 1937; Арутюнов, Сергеев, 1969. С. 69-78). Другие детали гарпуна практически не рассматривались в их взаимосвязи. Это было обусловлено, в частности, тем, что такие неотъемлемые и важнейшие части гарпун-

ного комплекса, как древко и копьеметалка крайне редко сохраняются целиком в погребальных комплексах. В материалах древнеэскимосских поселений, где благодаря вечной мерзлоте хорошо сохраняется дерево, гарпуны в сборе до сих пор обнаружены не были.

29 сентября 1989 г. житель Чукотки Б.К. Гидгироскин обнаружил в пос. Старое Энурмино, расположенном на мысе Сердце-камень (Чукотский район Чукотского Автономного Округа), «на месте торгового склада» детали гарпунного комплекса древнеберингоморской культуры. Предметы переданы в Чукотский районный краеведческий музей пос. Лаврентия (Чукотский район) в 2000 г.*

В краткой аннотации, составленной автором находки, условия залегания предметов не обозначены. Судя по тому, что предметы являются деталями одного охотничьего орудия, «подходят» друг к другу, они, очевидно, происходят не из разрушенного слоя поселения, а из разрушенного погребального комплекса, куда гарпун обычно попадал в сборе. Прекрасная сохранность дерева указывает на то, что предметы находились в вечной мерзлоте и оказались на поверхности в результате нарушения культурного слоя.

Комплекс состоял из «крылатого предмета», изготовленного из моржового клыка, надетого на деревянное древко гарпуна. В комплекс входила также деревянная копьеметалка со вставками из зубов моржа. По данным автора находки, «под концом, противоположным крылатому предмету, обнаружен диск».** Материал и размеры диска не указаны, и из-за плохой сохранности предмет не был взят.

«Крылатый предмет» (рис. 1) выполнен из прикорневой части клыка моржа (мастера-косторезы в косторезной мастерской пос. Уэлен называют эту часть клыка моржа «стаканом»). Одно из крыльев изделия с внутренней стороны сохранило характерную волнистую поверхность. Типологически «крылатый предмет» относится к конструктивному типу «А» (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 153-172). Криволинейный гравированный орнамент с концентрическими окружностями, сплошными и прерывистыми линиями нанесен на всю поверхность предмета за исключением внутренней поверхности крыльев. Подобный орнамент характерен для ДБК-II. Морфологические особенности и орнаментация «крылатого предмета», имеющего аналогии в Эквенском и Уэленском могильниках, указывают на его принадлежность ко второму этапу древнеберингоморской культуры.

Древко гарпуна в сборе с «крылатым предметом» и копьеметалка, входящая в состав этого комплекса, сохранившиеся практически полностью, впервые описываются в археологической литературе.

Древко гарпуна (рис. 2) длиной 68,5 см тщательно отшлифовано и имеет сложную форму. Оно было изготовлено специально для оснащения конкретным «крылатым предметом» и головкой гарпунного древка. Эти детали жестко крепятся к древку и разъединяются только для ремонта при поломке одной из них.

Тыльная часть с насадом для «крылатого предмета» имеет арковидный в сечении, чуть сужающийся к концу выступ, размеры которого (длина 2 см, ширина 1,6 см и высота 2,1 см) полностью соответствуют глубине, ширине и высоте отверстия в основании «крылатого предмета». Вокруг выступа на торце древка выдолблена канавка с невысоким бортиком. Размеры и форма ее соответствуют стенкам втулки «крылатого предмета». Основание втулки «крылатого предмета», закрепленного на древке, таким образом оказывается «утопленным» в древко. Очевидно, «крылатый предмет» дополнительно крепился к древку при помощи ремennого соединения.

Древко чуть изогнуто и заужено в верхней трети, в середине имеет полукруглое сечение высотой 3,2 см и шириной 4,4 см. Ближе к насаду для головки гарпунного

древка сечение рукоятки гарпуна приближается к кругу, диаметром 4,4 см. Передняя часть древка, на которой имеются незначительные утраты, оформлена под головку гарпунного древка с раздвоенным насадом: с двух сторон по бокам выдолблены полтреугольные пазы глубиной до 0,6 см. Для крепления головки гарпунного древка при помощи шпонки из моржового клыка в пазах сделано поперечное отверстие диаметром 0,5 см. На нижней части древка видны следы поперечной стягивающей ремennой обмотки – дополнительного крепления головки гарпунного древка. В верхней трети древка, на поверхности, прилегающей к плоскости копьеметалки, на расстоянии 12, 14 и 16 см от тыльной части имеются овальные отверстия длиной 1,3 см. В одно из отверстий вставлялся стержень из моржового клыка, закрепленный в копьеметалке. Этот стержень служил для подвижной фиксации древка гарпуна на метательной дощечке в момент готовности к броску.

На верхней поверхности древка (противоположной поверхности, прилегающей к копьеметалке) попарно расположены глухие отверстия для вставок в виде крючка с округлой головкой из моржового клыка. Сохранилась одна из них (рис. 2, б). Эти вставки могли служить для фиксации на древке одного или двух ремennых линий.

Вся поверхность древка, за исключением насада для головки гарпунного древка под поперечной обмоткой и штыря для «крылатого предмета», тонирована краской ровного бурого цвета. Видимо, краска наносилась после того, как составные части гарпунного комплекса были собраны воедино.

Древко декорировано тремя гвоздевидными предметами из зубов моржа, вставленными в специальные гнезда в виде инкрустаций. Два из них размещены на верхней поверхности древка и один на нижней в центре. Вокруг вставок нанесен орнамент черной краской в виде точек и полос шириной до 0,4 см, образующих фестоны. Расписной опоясывающий орнамент в виде полосы с фестонами расположен и на тыльной части древка. Две полосы обрамляют одно из отверстий на поверхности древка, прилегающей к копьеметалке. Помеченное черной краской отверстие совпадает с упором из моржового клыка, расположенным около рукоятки копьеметалки.

* Комплекс имеет общий музейный шифр: ст. Энурмино, п/м.

** В аннотации, приведенной автором находки, гарпунное древко с «крылатым предметом» и диск ошибочно интерпретируются как «музыкальный струнный предмет».

Деревянная копьеметалка (рис. 3) длиной 41 см, входящая в данный гарпунный комплекс, вырезана из единого массива дерева хвойной (?) породы, тщательно зашлифована и тонирована той же бурой краской, которой покрыто древко гарпуна. На внешней плоской поверхности в верхней части имеются небольшие утраты. Зубец-упор для подвижного соединения копьеметалки с «крылатым предметом» крепился в наклонное прямоугольное отверстие в центре основания выступа. Ближе к рукояти имеется еще одно сквозное отверстие, в которое также вставлен упор из моржового клыка, совпадающий с отверстием на древке гарпуна, помеченным черной краской. На рукояти копьеметалки вырезаны углубления под пальцы правой руки со специальным наклонным углублением для указательного пальца. Нижняя поверхность копьеметалки была инкрустирована десятью попарно расположенными гвоздевидными вставками из зубов моржа (шесть из них утрачены), под которые вырезаны специальные пазы со сквозными отверстиями в центре. Еще две вставки расположены на верхнем конце предмета и ниже углубления для указательного пальца. «Ножки» гвоздевидных вставок проходят корпус изделия насквозь и образуют декор в виде попарно расположенных точек на поверхности, к которой прилегает древко гарпуна и «крылатый предмет».

Энурминская находка уникальна. Впервые мы имеем возможность изучить деревянные детали гарпунного комплекса древнеберингоморского времени. Гарпунные древки в погребениях обычно или не сохраняются вовсе, или сохраняются весьма фрагментарно. В нескольких случаях по материалам погребений Эквенского, Уэленского и других могильников удавалось реконструировать лишь длину древка. Она соответствовала расстоянию между «крылатым предметом» и насадом головки гарпунного древка (разумеется, в тех случаях, когда оба этих предмета не были смещены). Сечение древка, его конструкция в местах сочленения с «крылатым предметом» и головкой были неизвестны. Древо современного гарпуна имеет простую цилиндрическую форму, и не было никаких оснований для реконструкции более сложной конфигурации его в древности.

В нескольких случаях остатки бурой краски на фрагментах деревянных изделий из Эквенского могильника уже были зафиксированы. Но элементы орнамента, нанесенные черной краской на древнеберингоморском деревянном предмете, обнаружены впервые. Техника расписного орнамента на деревянном изделии – изобразительный прием, очевидно, популярный в древнеэскимосском искусстве, до сих пор не был отмечен в литературе.

Метательные дощечки бирнирского времени известны по находкам на поселении Эквен (Днепровский, 1998). Полностью сохранившаяся древнеберингоморская копьеметалка описывается впервые. Детали подобных копьеметалок – зубцы-упоры из моржового клыка и гвоздевидные вставки – неоднократно встречались в составе инвентаря погребений. Энурминский гарпунный комплекс дает возможность правильно интерпретировать несколько ранее неопределимых категорий инвентаря могильников.

По расположению изделий из моржового клыка – деталей древка гарпуна и копьеметалки (гвоздевидных вставок, штырьков и зубцов-упоров) – во многих случаях стало возможным воссоздать, реконструировать не только наличие тех или иных отдельных деталей гарпунного комплекса, но и правильно истолковать их расположение в погребениях. Это особенно важно в тех случаях, когда дерево в захоронениях не сохраняется.

Изучение конструкции древка гарпуна с «крылатым предметом» и метательной дощечки древнеберингоморского времени позволяет сделать несколько наблюдений, которые, впрочем, будут уточняться по мере поступления новых данных.

Расстояние между отверстием на древке гарпуна, в которое входил штырь из моржового клыка на копьеметалке, и насадом для «крылатого предмета», очевидно, было стандартным. Чтобы зубец-упор копьеметалки точно вошел в прорезь на «крылатом предмете», высота центральной части «крылатого предмета» также должна быть стандартной. Этот своеобразный модуль высоты центральной части «крылатого предмета» приблизительно равен 7 см, что подтверждается замерами большинства «крылатых предметов» из Эквенского могильника. Таким образом достигалось стан-

дартное расстояние между зубцом-упором копьеметалки и штырьком на древке.

Эти «стандарты» и «модули» были необходимы, чтобы использовать одну копьеметалку с разными древками гарпуна. Охотник должен был иметь несколько древков гарпунов. Они могли различаться по длине, весу и диаметру в зависимости от объекта охоты, а также условий морского промысла (ледовой обстановки и расстояния, с которого следовало совершить бросок). В условиях коллективной охоты на моржа или кита с нескольких каяков или умиаков охотник нередко использовал чужое древко гарпуна. Он мог подобрать в воде ближайшее к нему древко, отделившееся от наконечника гарпуна после броска, насадить свой наконечник и метнуть его еще раз при помощи своей метательной дощечки.

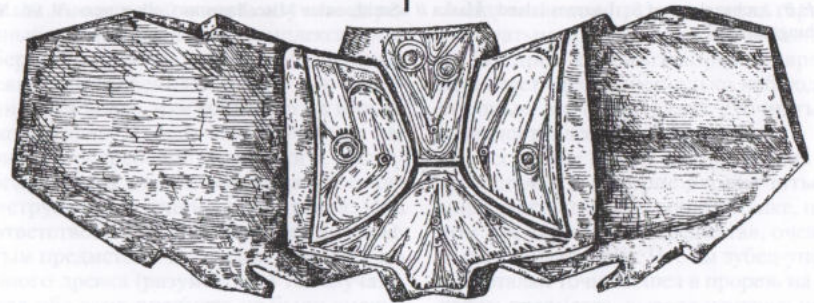
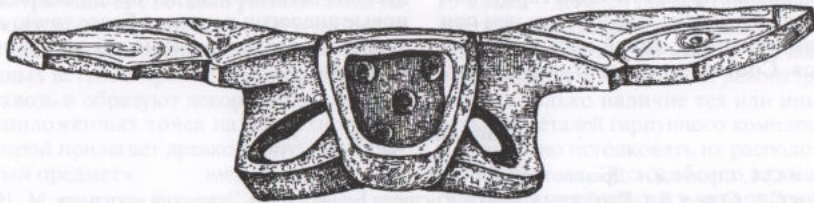
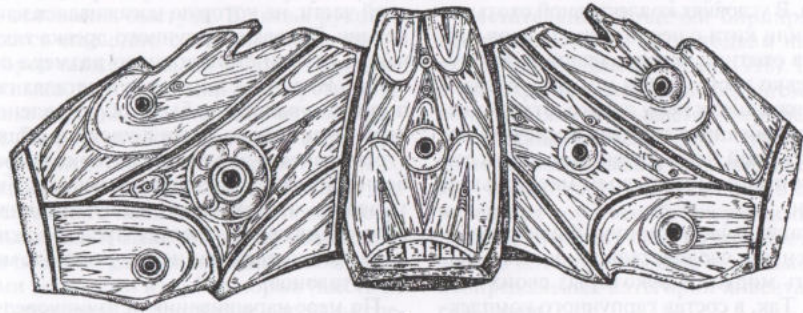
Составные части гарпуна были взаимозаменяемы и, следовательно, должны были иметь модули в некоторых своих элементах. Так, в состав гарпунного комплекса всегда входило несколько поворотных наконечников. Крупного зверя гарпунили несколько раз, чтобы закрепить на нем при помощи ременных линий несколько поплавков. Соответственно, втулка или от-

крытое гнездо поворотного наконечника должны были быть стандартного диаметра и глубины для совпадения с коническим концом колка гарпуна. Колков в составе гарпунного комплекса тоже могло быть несколько – они различались по длине и степени изогнутости. При необходимости колки также могли быть быстро заменены. Они должны были иметь стандартный насад, входящий во втулку головки гарпунного древка, и стандартные размеры передней части, на которую насаживался наконечник. Головки гарпунного древка также имели втулки стандартного размера под колки. Наличие стандартов в деталях гарпунного комплекса было обусловлено и ограниченностью места в каяке, и общим стремлением к экономии материала (особенно дерева) у древних эскимосов. Учитывая то, что охотник сам изготавливал свое снаряжение, следует предположить наличие в коллективе неких условных мерных эталонов.

По мере наращивания источниковедческой базы, изучение гарпунного комплекса древних эскимосов будет продолжаться, и новые аналогии позволят более точно интерпретировать энурминский гарпунный комплекс.

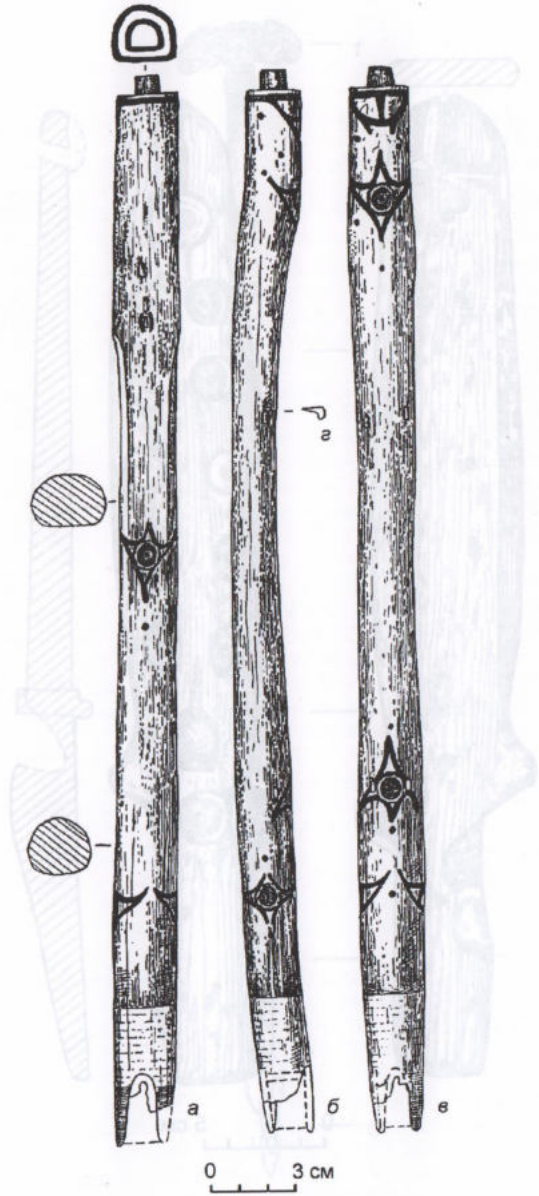
Библиография

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969.
 Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975.
 Днепровский К.А. К вопросу о гарпунном комплексе древних морских зверобоев Чукотки // ЭО. 1998. № 5.
 Collins H.B. Archaeology of St. Laurens Island, Alaska // «Smithsonian Miscellaneous Collections». V. 96. № 1. Washington, 1937.

0 3 см

Рис. 1. «Крылатый предмет»

0 3 см

Рис. 2. Древко гарпуна:
 а - нижняя поверхность; б - вид с боку;
 в - верхняя поверхность; г - вставка из клыка моржа

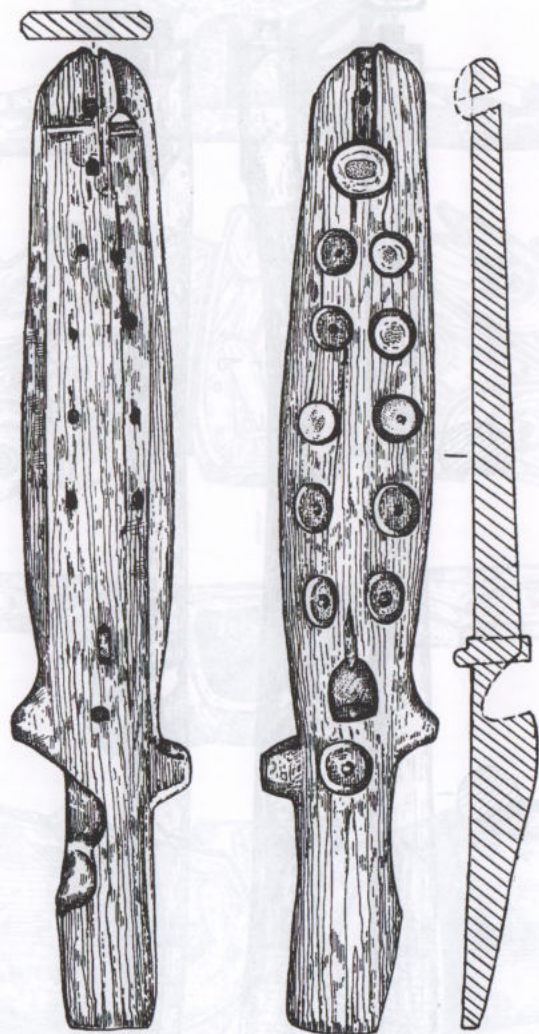

Рис. 3. Копьёметалка

Рис. 4. Реконструкция древнеэскимосского гарпуна:

1 - «крылатый предмет»; 2 - Древяко гарпуна;

3 - головка гарпунного древяко;

4 - колок; 5 - наконечник гарпуна

К вопросу о бирнирско-пунукской художественной традиции в древнеэскимосском искусстве на Чукотке

Период, когда на восточном побережье древней Чукотки жили носители бирнирской и раннепунукской культурных традиций, предположительно датируют IV–X вв. н.э. (Днепровский, 2001. С. 3).

Принято считать, что в это время в прибрежных районах Чукотского полуострова существовало несколько археологических культур – древнебирингоморская, оквикская, бирнирская и пунукская. В последнее время К.А.Днепровским выдвинут тезис о единстве древнеэскимосской культуры Чукотки в целом. Вопреки принятым ранее представлениям о древнебирингоморье, бирнирке и пунуке как о самостоятельных археологических культурах, К.А.Днепровский предложил рассматривать их как различные культурные традиции, существовавшие в рамках единой древнеэскимосской культуры, поскольку «общие черты в древнебирингоморье, бирнирке и пунуке явно преобладают над различиями» (Днепровский, 2001. С. 23).

Находки последних лет, в частности, полученные в результате работ Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 1987-2002 гг., позволяют существенно расширить наши представления о данной исторической эпохе. Особенно значимыми представляются материалы из эквенского жилища Н-18, функционировавшего, судя по всему, на протяжении всего нескольких десятилетий (Бронштейн, Днепровский, 2001. С. 589-590). М.М.Бронштейн и К.А.Днепровский, детально исследовавшие жилище Н-18, основываясь на конструктивных особенностях найденных в нем наконечников гарпунов, характере графического орнамента и пластических формах изделий, пришли к выводу о его бирнирско-пунукской принадлежности (Бронштейн, Днепровский, 2001. С. 591). Сравнительный анализ материалов жилища и погребений Эквенско-

го и Уэленского могильников позволил им выделить ряд близкородственных комплексов, отражающих различные стадии эволюции бирнирско-пунукской культурной традиции (Бронштейн, Днепровский, 2001. С. 590-591; Днепровский, 2001. С. 16-18). Принимая эти выводы как отправную точку, можно дополнить их рядом наблюдений. Детальный стилистический и иконографический анализ дает возможность выявить определенные стилистические группы, а также уточнить специфику декора изделий в данный исторический период.

Исследователями древнеэскимосского искусства отмечалось, что изделия пунукского круга отличаются от древнебирингоморских лаконичностью в проработке поверхности и «стремлением достичь максимальной выразительности объемных изображений чисто пластическими средствами» (Бронштейн, 2001. С. 367), а также «более скупыми и схематичными формами орнаментации» (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 185).

Типичными раннепунукскими образцами являются два массивных наконечника гарпуна из жилища Н-18 (рис. 1, 1,2), отличающиеся, как отмечают М.М.Бронштейн и К.А.Днепровский, «редко встречающейся разновидностью орнамента» (Бронштейн, Днепровский, 2001. С. 590). Два аналогичных наконечника были найдены в погребении № 1 (57) Уэленского могильника (Арутюнов, Сергеев, 1969. С. 81. Рис. 24, 9,10). При сравнении всех четырех экземпляров становится очевидным, что они декорированы в соответствии с определенной схемой, действительно производящей впечатление некоего орнамента. Подобные же, на первый взгляд абстрактные, композиции украшают поверхность «крылатого предмета» и головки гарпунного древка из эквенского погребения № 319 (рис. 2, 1; 1, 4), а также головки

гарпунного древка из уэленского погребения № 2 (Диков, 1967. С. 56. Рис. 10, 1). Причем декор обеих головок, так же как и наконечников гарпунов, явно выполнен в соответствии с определенной схемой. Абсолютное стилистическое сходство различных изделий, происходящих из разных памятников, ясно указывает на наличие особой, устоявшейся художественной традиции. Тип гарпунных наконечников, «крылатого предмета», общее стилистическое решение изделий с характерным обобщением пластических форм, когда внимание в первую очередь уделяется контурам предметов, а не проработке мелких деталей, позволяют с уверенностью отнести их к периоду раннего пулука. В отличие от древнебирингоморских, эти изделия имеют гладкую, обтекаемую поверхность, не членившуюся на отдельные изобразительные зоны. Помещенные на них композиции схематичны, обозначены одинарными гравированными линиями и точечными просверленными углублениями (в некоторых случаях инкрустированными), подчеркнутыми легким рельефом. Как уже отмечалось, они действительно производят впечатление абстрактного орнамента. Но при детальном анализе становится ясно, что это сюжетные композиции, вполне аналогичные древнебирингоморским, но крайне упрощенные. Так, сопоставление «крылатого предмета» из погребения № 319 (рис. 2, 1) с образцами из древнебирингоморских погребений (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 121. Рис. 49, 4; С. 137. Рис. 62, 14), (рис. 2, 2,3) позволяет понять смысл помещенной на нем композиции. На крыльях лицевой стороны прочтываются головы морских животных, а в центральной части тыльной стороны – фантастическое крылатое существо (Сухорукова, 1998. С. 71-72). Среди древнебирингоморских головок гарпунного древка, украшенных сложными зооморфными композициями, также можно выделить экземпляры, сюжетно близкие рассматриваемым образцам. Особо хорошо это видно при сравнении с головками, в декоре которых присутствует характерный элемент, условно называемый «оскалом» (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 121. Рис. 49, 5), (рис. 1, 5,6). Явное сходство с широко распространенными древнебирингоморскими композициями (рис. 1, 3) обнаруживается и декор массивных наконечников гар-

пуна из эквенского жилища Н-18 и уэленского погребения № 1 (57).

Таким образом, получается, что отличительной чертой художественного оформления рассматриваемых изделий является не «редкая разновидность орнамента», а именно его отсутствие. Очевидно, по каким-то причинам, нам неизвестным, на данном этапе сложный графический орнамент теряет свое прежнее значение. Вряд ли это можно объяснить утратой технических навыков носителями бирнирско-пунукской традиции, ведь рассматриваемые изделия в пластическом решении отличаются высоким уровнем мастерства. Примечательно, что на одном из экземпляров наконечника гарпуна из жилища Н-18 (рис. 1, 2) композиция графического декора еще более упрощена и ее сюжетный смысл практически не прочтывается. Кроме того, на этих наконечниках мы встречаем такой уже типично пунукский элемент, как отходящие от гравированных линий мелкие остроугольные вырезы. То же самое можно наблюдать и при сопоставлении «крылатого предмета» из погребения № 319 и классического пунукского трезубца (Руденко, 1947. Табл. 29, 24). Создается впечатление, что обязательные когда-то сюжетные каноны становятся основой для новых, теперь уже чисто орнаментальных композиций. Возможно, изделия из погребения № 319 и жилища Н-18 характеризуют различные этапы развития бирнирско-пунукской художественной традиции.

В комплексе эквенского погребения 319 была обнаружена также рукоять мотыги с рельефным изображением человеческой фигуры (рис. 3, 1). К.А.Днепровский отмечает, что типологически она встает в один ряд с деревянными рукоятками из жилища Н-18, совпадая с ними по форме и размерам, но сюжетом декора и техникой исполнения уникальна (Днепровский, 2001. С. 17, 22). Однако детальный стилистический анализ и поиски аналогий позволяют с этим не согласиться. Мы не знаем в настоящее время точных изобразительных аналогий в декоре данной категории предметов, но можем говорить о существовании определенной сюжетной традиции. Рукоять мотыги с изображениями человеческих лиц, к сожалению, плохо сохранившаяся, была найдена в уэленском погребении № 10 (59), содержащем изделия с

раннедревнеберингоморской орнаментацией (Арутюнов, Сергеев, 1969. С. 180-181. Рис. 98, 7). Рукоять с изображением двух человеческих лиц и фигуркой человека, относящаяся к эскимосской культуре туле, была найдена в жилище № 4 на мысе Крузенштерн на Аляске (Giddings, Anderson, 1986. Pl. 20, o). Стилистически общим пластическим решением рукоять из погребения № 319 согласуется с рассмотренными выше изделиями. Собственно, главное ее отличие заключается в решении декора исключительно пластическими средствами. Но, учитывая вывод, что в приведенных элементах гарпунного набора гравированные композиции являются не орнаментом, а сюжетными изображениями, это не удивительно. Гравированные линии и точечные углубления должны были обозначить или дополнить конкретные изображения. В данном же случае в этом не было необходимости.

Примечательно собственно изображение обнаженной человеческой фигуры. Среди древнеберингоморских изделий хорошо известны антропоморфные образы: небольшие фигурки или помещенные на различные предметы рельефные «личины» — на их фоне подобное рельефное изображение целой человеческой фигуры действительно выглядит довольно оригинально. И все же немногочисленные, но достаточно характерные изобразительные аналогии позволяют говорить о типичности и в данном случае. Более того, вполне возможно, они свидетельствуют о существовании особой художественной традиции в передаче антропоморфных образов в бирнирско-пунукское время. Характерно изображение человеческой фигуры, помещенной на штампе из керамики из эквенского погребения № 45 (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 140. Рис. 65, 6), (рис. 3, 3), декор которого стилистически встает в один ряд с образцами бирнирско-пунукской традиции — практически отсутствует орнаментация, рельефные изображения дополнены гравировкой и точечными углублениями. Типична и рельефная антропоморфная композиция на фрагменте изделия из коллекции Государственного музея Востока, найденном при сборе подъемного материала в районе Эквенской косы (рис. 3, 2). Контуры личин, приемы обозначения глаз, носа, рта, рук и кистей совпадают с

изображениями на рукояти мотыги и на штампе и позволяют с уверенностью отнести этот образец к бирнирско-пунукскому времени.

Выводы об отсутствии орнамента в декоре рассмотренных выше элементов гарпунного набора и о первостепенной значимости пластических средств в художественной традиции бирнирско-пунукского времени позволяют объединить в одну стилистическую группу довольно обширный круг изделий. Так, характерны различные по назначению изделия в виде фигурок белого медведя, а также зооморфных и зооантропоморфных композиций (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 156. Рис. 79, 7, 9; С. 155. Рис. 78, 5), (рис. 3, 4, 5, 7). Список уже выделенных погребальных комплексов эквенского и уэленского могильников, сходных с комплексом эквенского жилища Н-18 (Днепровский, 2001. С. 16-18), можно расширить. Это упоминавшееся выше эквенское погребение № 45. Стилистически характерные изделия входили в комплексы погребений № 15 (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 157. Рис. 80, 10) (рис. 3, 6), № 17 Эквенского могильника (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 157. Рис. 80, 1) и № 7 (58), 13 (58) Уэленского могильника (Арутюнов, Сергеев, 1969. С. 99. Рис. 42, 9; С. 178. Рис. 97, 1, 2, 5). Генетическая связь данной стилистической группы с древнеберингоморской традицией неоспорима. Конкретные параллели в древнеберингоморском искусстве имеют не только элементы гарпунного набора, но и другие категории изделий. Например, крик из раннепунукского погребения № 99-100 Эквенского могильника (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 155. Рис. 78, 5), (рис. 3, 7), выполненный в виде сложной зооантропоморфной композиции, почти идентичен крику с орнаментацией ДБК-III из погребения № 154 (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 130. Рис. 56, 1), (рис. 3, 8).

Дополнительным подтверждением несомненного родства бирнирско-пунукской и древнеберингоморской художественных традиций является деревянная фигурка, изображающая двух китов, видимо, в момент брачных игр, найденная в эквенском жилище Н-18 (рис. 4, 1). Такие же изделия были обнаружены на мысе Барроу (Ford, 1959. Fig. 104, L) и являются одним из надежных индикаторов бирнирской культуры.

Поиски аналогий помогли выявить абсолютно идентичное изображение китов в древнеберингоморском искусстве — это рельеф на поверхности модели каяка из эквенского погребения № 10-11 (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 119. Рис. 48, 5) (рис. 4, 2) типичного древнеберингоморского комплекса, причем достаточно раннего.

Среди находок, происходящих из эквенских погребений бирнирско-пунукского круга и близких к ним комплексов, привлекает внимание группа изделий, отличающаяся характерным элементом декора. Это различного рода предметы, типологически однородные с древнеберингоморскими, на поверхности которых помещен переданный посредством гравировки элемент в виде сходящихся дугообразных линий с поперечными отрезками между ними. В некоторых случаях сочетание нескольких подобных элементов выглядит как орнаментальная композиция (рис. 4, 6, 8), в других — как самостоятельное изображение (рис. 4, 3, 5, 7). Все они довольно схематичны, что характерно для бирнирско-пунукского круга изделий. Рассматривая находку из раннепунукского погребения № 144, имеющую вид оскаленной пасти (рта?) с выделенными зубами (рис. 4, 4), можно с высокой вероятностью предположить, что это изображение должно восприниматься именно так. Почему изображение «оскала» становится столь популярным? Безусловно, о семантике данного элемента мы можем лишь догадываться. Но некоторые предположения вполне допустимы. В частности, исследование канонических особенностей декора «крылатых предметов» Эквенского могильника показало, что на определенном этапе, а именно в изделиях с орнаментацией в стиле ДБК-III, одним из ключевых элементов становится изображение фантастической личины с подчеркнuto большой оскаленной пастью (Сухорукова, 1998. С. 71). Нередко изображение «оскала» присутствует и в декоре сопутствующих им головок гарпунного древка. Возможно, «оскал» должен был символизировать именно это конкретное существо, являющееся одной из важных фигур в древнеэскимосской мифологии, и в бирнирско-пунукский период приобретающее особое значение.

Данная работа не претендует на полный охват всего известного нам изобразитель-

ного материала бирнирско-пунукского периода и носит характер отдельных наблюдений. Но позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, как мы видим, вычленяется довольно обширная группа изделий, выполненных в единой стилистике, отличной от древнеберингоморской. Одной из главных ее особенностей является отказ от орнаментации и передача образов преимущественно пластическими средствами. Но при этом художественное оформление многих изделий демонстрирует явную генетическую связь с древнеберингоморским искусством. Тип декора, который принято считать раннепунукским орнаментом, на самом деле является схематичным изображением древнеберингоморских сюжетных композиций. В свою очередь, вероятно, именно эти схемы послужили основой для уже типично пунукского орнамента.

Во-вторых, антропоморфные изображения отнюдь не теряют своего значения, вопреки имеющейся точке зрения (Днепровский, 2001. С. 22). Напротив, именно в бирнирско-пунукский период, очевидно, формируется новая художественная традиция передачи человеческой фигуры рельефом.

В третьих, в бирнирско-пунукский период в декоре предметов различных категорий получает распространение изобразительный мотив, который условно можно назвать «оскалом», символизирующий, возможно, некое определенное мифологическое существо, что позволяет предположить особую значимость в это время данного персонажа.

Результаты настоящего исследования подтверждают тезис К.А.Днепровского о единстве древнеэскимосской культуры Чукотки в целом и позволяют рассматривать искусство бирнирско-пунукского и древнеберингоморского времени именно как отдельные традиции единой художественной культуры.

Очевидно, что при дальнейшем детальном изучении художественных особенностей изделий бирнирско-пунукского круга отличительные черты этой художественной традиции еще более конкретизируются. До сих пор основными критериями определения культурной принадлежности комплексов являлись типы гарпунных наконечни-

ков и особенности орнамента. Результаты данного исследования доказывают, что для более четкого определения общего и различного в древнеэскимосских культу-

ных традициях необходимо также дальнейшее изучение стилистических, сюжетных и канонических особенностей декора изделий.

Библиография

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.
 Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
 Бронштейн М.М. Произведения древнеэскимосского искусства в собрании Государственного музея Востока // Памятники культуры. Новые открытия 2000. М., 2001.
 Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники культуры. Новые открытия 2000. М., 2001.
 Диков Н.Н. Уэленский могильник по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 годах // История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967.
 Днепровский К.А. Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пуука (по материалам археологического комплекса Эквен). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
 Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.-Л., 1947.
 Сухорукова Е.С. «Крылатые предметы» Эквенского могильника. Закономерности художественного оформления и конструктивного устройства // ЭО. 1998. № 5.
 Ford J.A. Eskimo Prehistory in the Vicinity of point Barrow, Alaska. New York, 1959.
 Giddings J.L. and Anderson D.D. Beach ridge archeology of cape Krusenstern. Eskimo and pre-eskimo settlements around Kotzebue Sound, Alaska. Washington, 1986.

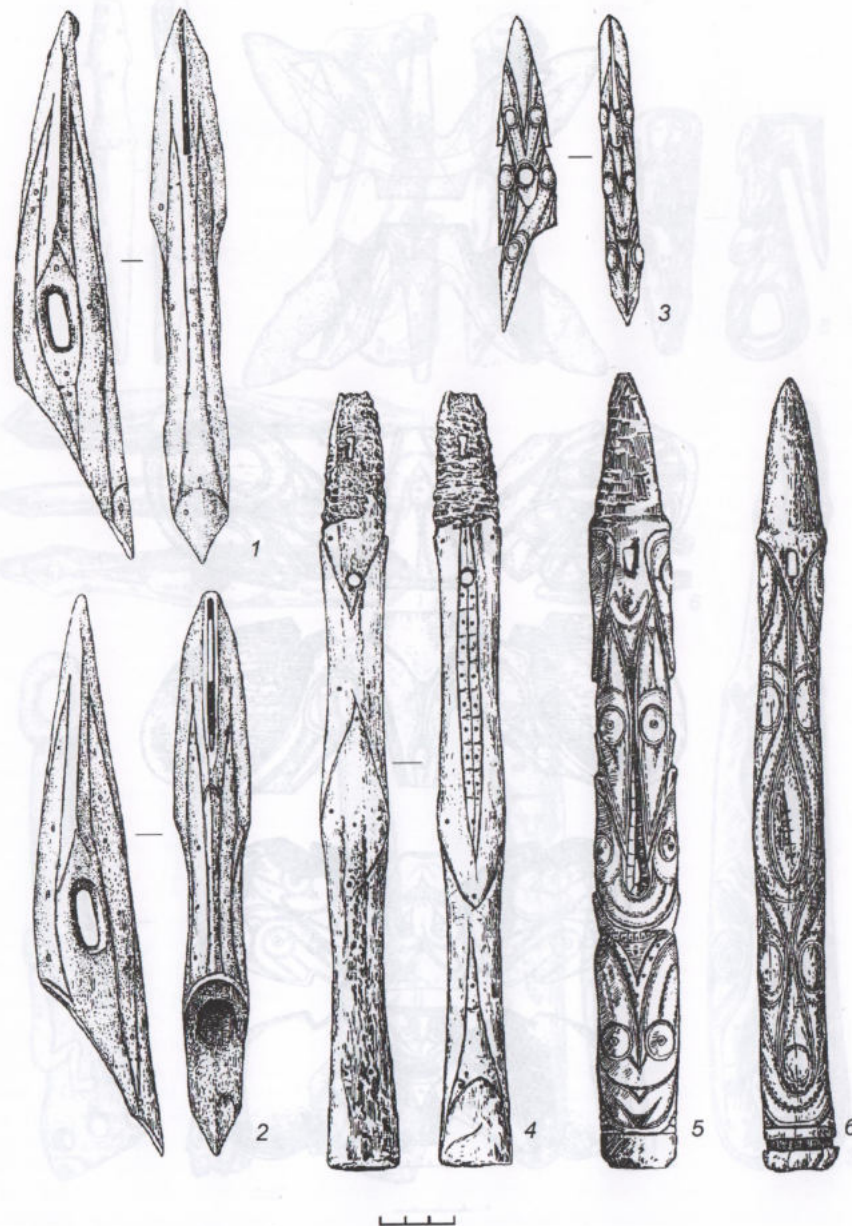

Рис. 1. Наконечники гарпунов и головки гарпунного древка: 1, 2 – жилище Н-18; 3-6 – Эквенский могильник (3 – подъемный материал; 4 – погр. № 319; 5 – погр. № 9; 6 – погр. № 285А)

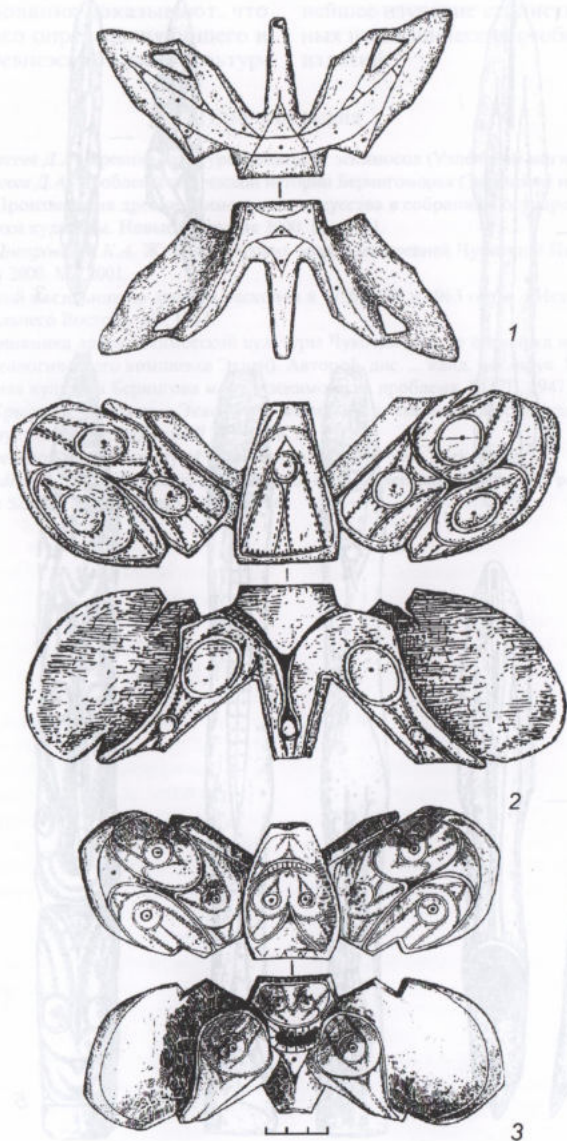

Рис. 2. «Крылатые предметы». Эквенский могильник:
1 - погр. № 319; 2 - погр. № 183-184; 3 - погр. № 9

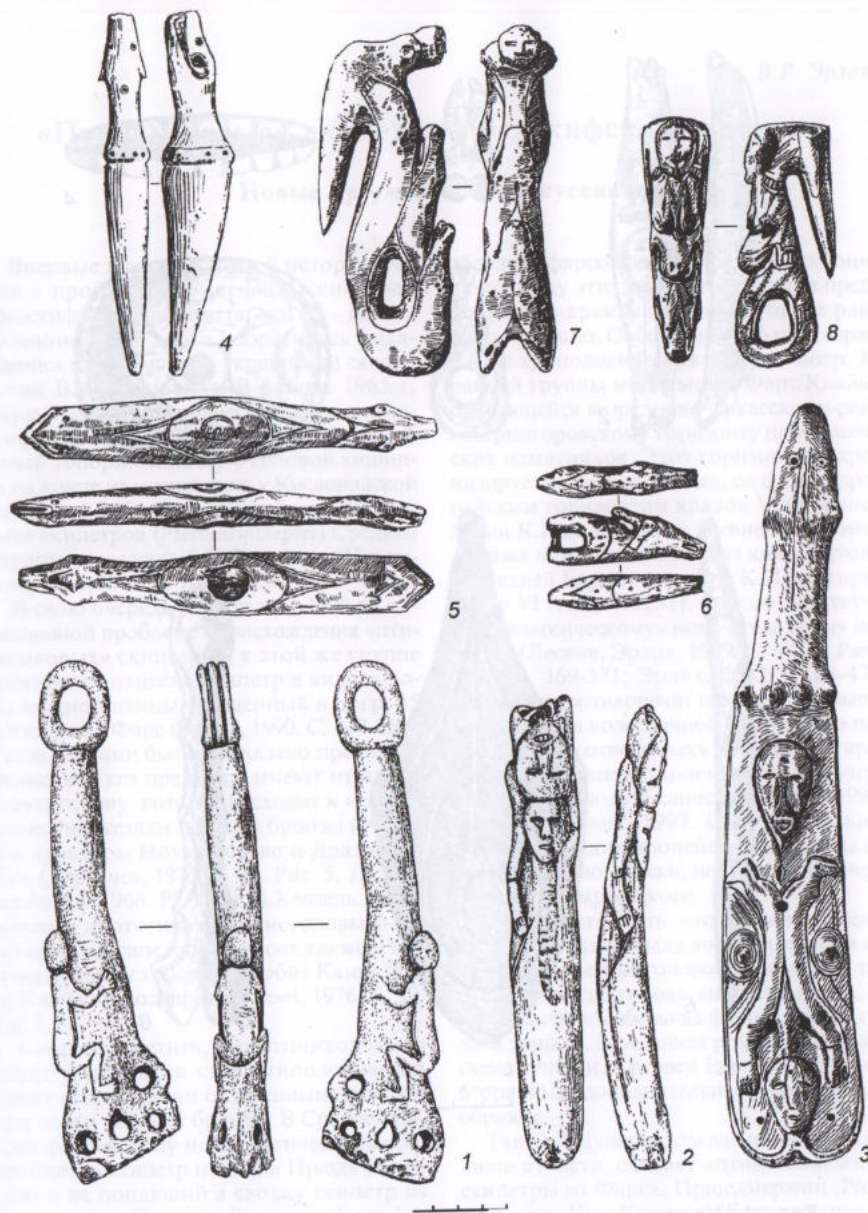

Рис. 3. Изделия с антропоморфными и зооморфными
изображениями: 1, 3-8 - Эквенский могильник (1 - погр. № 319;
3 - погр. № 45; 4 - погр. № 102; 5 - погр. № 52;
6 - погр. № 15; 7 - погр. № 99-100; 8 - погр. № 154);
2 - Эквенская коса, подъемный материал

«Птицеголовые» скипетры предскифского времени

Новые аргументы к дискуссии

Впервые в отечественной историографии к проблеме зооморфных скипетров предскифского времени (конец IX – первая половина VII в. до н.э.) обратилась выдающийся представитель украинской скифологии В.А.Ильинская. В работе 1965 г. «Культовые жезлы раннескифского и предскифского времени» она сопоставила бронзовый топорик-скипетр с головой хищника на конце из могильника у Кисловодской мебельной фабрики с группой «конноголовых» скипетров (Pferdekopfzepter) Средней Европы, выделенной И.Вернером (Ильинская, 1965; Werner, 1961).

В свою очередь мы в статье 1990 г., посвященной проблеме происхождения «птицеголовых» скипетров, к этой же группе древностей отнесли скипетр в виде головы хищной птицы, найденный в погр. 35 могильника Фарс (Эрлих, 1990. С. 247-250). Тогда же нами было высказано предположение: все эти предметы имеют птицеголовую основу, которая восходит к «птицеголовым» жезлам поздней бронзы из кладов культуры Ноау: Лозово и Дражна де Жос (Дергачев, 1975. С. 15. Рис. 5, 11; Alexandrescu, 1966. Pl. 15 a). Б.Хензель к возможным прототипам «конноголовых» европейских скипетров относит также и литейную форму топора из Побит Камяк (Pobit Kamak) в Болгарии (Hänsel, 1976. S. 39. Taf. 1, 1).*

Следует отметить, что «птицеголовый» скипетр из Фарса стоит типологически ближе всего к своим отдаленным прототипам эпохи поздней бронзы. В Средней Европе фарсовскому морфологически наиболее близки скипетр из клада Прюдь (Венгрия) и не попавший в сводку скипетр из Синмихай де Падуре в Румынии (Jасов-Friesen, 1968. Abb.1-2) (рис. 1, 1, 2). Однако они уже имели дополнительный зооморфный образ в виде конской головы. Таким

образом, фарсовский скипетр в эволюционном ряду этих культовых жезлов предскифского времени занимает более раннюю позицию. Собственно это подтверждает и хронологическая позиция погр. 35 ранней группы могильника Фарс/Клады, относящейся к предновочеркасскому-раннечерногорзовскому горизонту протомеотских памятников. Этот горизонт синхронизируется, на наш взгляд, со средневропейским горизонтом кладов V по хронологии К.Пеа, тогда как древнейшая комплексная находка скипетра из клада Прюдь в Средней Европе отнесена К.Пеа к горизонту VI (т.е. к HaC-1), что соответствует уже «классическому» новочеркасскому периоду (Лесков, Эрлих, 1999. С. 68-70; Pare, 1998. S. 369-371; Эрлих, 2002. С. 43-47). Этому не противоречат и обнаруженные в кладе детали колесничной упряжки, что позволило нам отнести весь комплекс ко времени не позднее «классического» новочеркасского периода (Белинский, Эрлих, 1994. С. 68-69; Эрлих, 1997. С. 19-24). Таким образом, средневропейские скипетры не только типологически, но и хронологически моложе фарсовского.

Следует отметить, что далеко не всеми исследователями была воспринята идея об изначально «птицеголовой» форме всех тех скипетров, где голова хищника (погр. 14 могильника «Мебельная фабрика») или голова лошади, переданная реалистично либо схематично (из Средней Европы), являлись вторичным, дополнительным зооморфным образом.

Так С.Л.Дударев, согласившись с нами лишь отчасти, считает «птицеголовыми» скипетры из Фарса, Придмержиц (Priedmerice) и Кис-Косцега (Батина) (рис. 1, 3, 7, 8); остальные же, встреченные в Средней Европе, относит к «конноголовым». Скипетр с головой хищника на конце из

* Это исследование Б.Хензеля, пришедшего к близким выводам, нам в те годы было не известно.

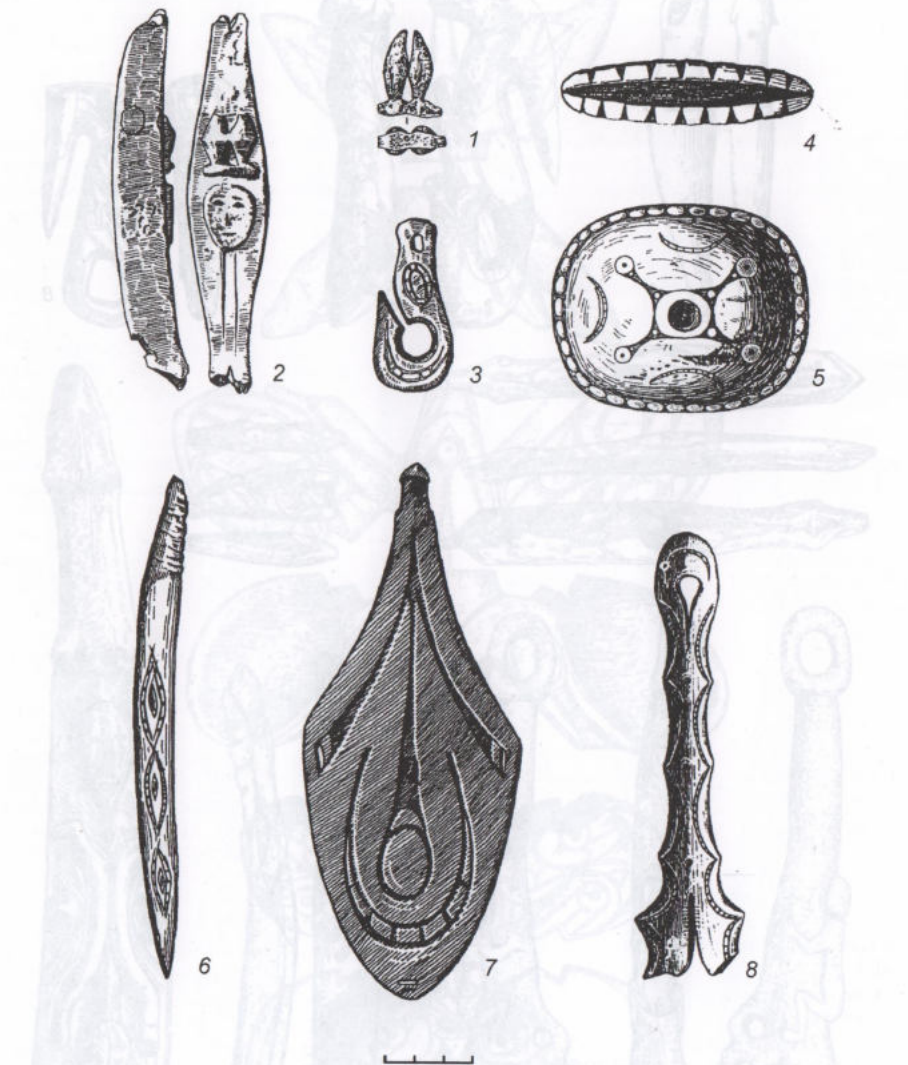

Рис. 4. Изделия с изображением китов: 1 – жилище Н-18; 2 – Эквенский могильник, погр. № 10-11. Изделия с изображением «оскала», Эквенский могильник: 3 – погр. №187; 4 – погр. № 144; 5 – погр. № 155; 6 – погр. № 92; 7 – погр. № 99-100; 8 – погр. № 168

погр. 14 «Мебельной фабрики» (рис. 1, б), по его мнению, является позднейшим среди «птицеголовых-конноголовых» жезлов и рассматривается исследователем как возвратное средневропейское влияние, которое «не стыкуется» на Северном Кавказе с мотивом конской головки (Дударев, 1999. С. 117; Дударев, 2000. С. 14).

Безоговорочно в один ряд со средне-европейскими «конноголовыми» жезлами ставит скипетры из Фарса и «Мебельной фабрики» К.Метцнер-Небельсик. Но собрав эти предметы на одной таблице, она сочла «птицеголовым» скипетром («Vogelkopfzepter») лишь костяную конскую подвеску раннескифского времени из Комарова (Абрамова, 1974. С. 202. Рис. 5) (рис. 3, 7), в которой также использована птицеголовая схема, проявившаяся на Кавказе в прото-меотских памятниках (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 463. Abb. 206). По ее мнению, жезл из Фарса следует рассматривать в ряду «стилизированных» изображений лошади, подобно скипетрам из Батина и Пршедмержиц (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 467), несмотря на то, что на фарсовском экземпляре (как и из «Мебельной фабрики») полностью отсутствуют элементы образа лошади.

Как мы уже сказали выше, скипетр из Фарса, по нашему мнению, стоит в начале эволюционного ряда «птицеголовых» жезлов, в то время как «стилизированные» скипетры из Батина и Пршедмержиц представляют редуцированную в Средней Европе форму типа Прюдь и Синмихай де Падуре.

Наше предположение, что эти скипетры являются обособленным изображением головы хищной птицы, которое лежит в основе ряда изображений звериного стиля скифской архаики, нашло поддержку у исследователя скифского звериного стиля А.Р.Канторовича (Канторович, 2002. С. 31, прим. 31; Канторович, 2002а. С. 121, прим. 78). Следуя его взглядам, мы можем рассматривать «птицеголовые» скипетры с дополнительным образом как случаи зооморфного превращения клюва хищной птицы в шею и голову лошади (Средняя Европа) или шею и голову хищника («Мебельная фабрика»). О том, что данные изделия объединяет единый зооморфный образ обособленной головы хищной птицы,

свидетельствует признак, имеющийся на всех без исключения жезлах рассматриваемой серии: «глаз» животного, находящийся на проухе топора-скипетра, переданный различными способами. Это могут быть симметричные солярные розетки в виде вписанного в круг ромба («Мебельная фабрика») (рис. 1, б) или вихревой розетки (Комитат Туроч) (рис. 1, 4); округлая выпуклость (из Фарса, Прюдь и Синмихай де Падуре) (рис. 1, 1-3); сквозное отверстие (из Батина) (рис. 1, 7) или симметричные налпы (Пршедмержиц) (рис. 1, 8). Объяснить наличие этого изобразительного элемента, характерного для всех культовых жезлов этого типа, можно только тем, что их древние обладатели видели в самом по себе скипетре отдельный зооморфный образ головы хищной птицы, понять который помогает скипетр из Фарса, а также топоры-скипетры из прото-меотских памятников, как бронзовые, так и каменные.

Из ареала предгорного варианта прото-меотских памятников происходят два бронзовых топорика. Один из них был найден вне комплекса на территории могильника Кочипэ на окраине Майкопа и опубликован Н.Г.Ловпаче; другой, из района станции Абадзехской, хранится в Национальном музее Адыгеи* (Ловпаче, 1991. С. 100. Рис. 2) (рис. 3, 1, 2). Оба топора имеют прямую спинку, грибовидный обухок и отнесенительно широкое лезвие, закругляющееся в нижней части и напоминающее клюв хищной птицы. Это сходство увеличивают овальные рельефные выступы-«глаза» на проухе. У абадзехского экземпляра они орнаментированы рельефными концентрическими дугами (рис. 3, 1), а у топорика из Кочипэ – тремя концентрическими овалами (рис. 3, 2). По форме эти топоры близки к «птицеголовому» жезлу из могильника Фарс и могли также являться скипетрами, сохраняя рубящую функцию.

Из ареала центрального варианта прото-меотских памятников происходят каменные топоры-молоты типа II, у которых в отличие от клиновидных топоров-молотов типа I лезвие оттянуто книзу, придавая изделию сходство с клювом хищной птицы. Подобные топоры-молоты, а также их фрагменты найдены в погр. 72 и 102 могильника Пишиш-I (Сазонов, 1994), а также

в погр. 5 Кубанского могильника (Анфимов, 1975. С. 41. Рис. 2, б) (рис. 2, 3); фрагмент лезвийной части топора происходит из могильника Казово 3 (Анфимов, 1989. С. 34. Рис.16). Еще один топор и фрагмент лезвийной части, обнаруженные в районе аула Тауйхабль, хранятся в Национальном музее Адыгеи (рис. 2, 4, 5). При ознакомлении с коллекцией народного музея в станции Гиагинской удалось зарисовать топор с левого берега Краснодарского водохранилища, переданный в музей рыбаками (рис. 2, 1). Каменный скипетр птицеголовой формы (рис. 2, 2) был найден в 2004 г. в результате работ совместной экспедиции ГМИНВ и ИА РАН (руководители В.Р.Эрлих и С.Б.Вальчак) в комплексе «Объект 26» на могильнике Пишиш. Подобные каменные топоры-скипетры встречаются также в памятниках западного варианта кобанской культуры – в погребениях 1 и 7 могильника Султан-Гора I (Козенкова, 1995. С. 157. Табл. XXII, 12, 13) (рис. 2, 6, 7).

У большинства целых топориков этого типа на проухах с двух сторон имеются округлые выступы-«глаза», усиливающие их сходство с головой хищной птицы (три топорика из могильника Пишиш, топоры из Гиагинского и Майкопского музеев, топорик из погр. 7 Султан-Горы I). Благодаря этим выступам, не имеющим никакого функционального назначения, мы можем предположить, что таким образом древние мастера пытались воспроизвести в камне форму «птицеголового» скипетра, подобного бронзовому из могильника Фарс. Тем же самым можно объяснить происхождение подобных округлых симметричных выступов на предскифских культовых жезлах других типов: на топорах-молотах типа I; например, на топоре из погр. 51 Зандакского могильника (Марковин, 2002. С. 92. Рис. 66, 5) (рис. 4, 5), а также на бронзовых молотках из погр. 17 и 26 могильника «Мебельная фабрика» (Козенкова, 1995. С. 157. Табл. XXII, 6, 7) (рис. 4, 2, 3). Совсем недавно в Краснодарский музей был принесен случайно найденный на территории могильника Казово каменный молоток с двумя боковыми выступами на проухе (рис. 4, 4).

Очевидно, этот выступ-«глаз» придавал культовому жезлу *pars pro toto* признак зверя, «оживлял» его, увеличивал его магическую «силу».

В качестве дополнительного примера можно привести бронзовый молоток-скипетр из могильника Казово (Пьянков, Тарабанов, 1997. С. 68. Рис. 4, 4) (рис. 4, 1) и бронзовый топор-молоток (скипетр) из погр. 50 Кубанского могильника (Анфимов, 1975. С. 41, 4) (рис. 3, 3), которые также имеют на проушине два круглых солярных знака, в одном случае переданные в виде вихревых розеток, в другом – в виде вписанных в круг ромбов. Последний вариант мы встречаем на месте «глаза» и у кисловодского скипетра. Парность и симметричность этих солярных изображений, а также тот факт, что все они находятся на одном и том же месте – то есть на проушной части наверхи этих жезлов, говорит о том, что они еще сохраняют первоначальный смысл этих знаков как «глаз» животного. Дополнительным свидетельством тому, что солярный знак сохраняет значение «глаза», может служить и раннескифская птицеголовая костяная подвеска из Комарова с солярным символом на месте глаза птицы (Абрамова, 1974. С. 202. Рис. 5) (рис. 3, 7).

Н.В.Анфимов вполне справедливо сопоставлял топорик из Кубанского могильника с изображением топора-секиры на стеле № 1 Новомордовского могильника, который также имел на проухе солярные знаки и в верхней части петлю для подвешивания (Анфимов, 1975. С. 42; Халиков, 1963. С. 181, 185). Эту аналогию поддержал А.И.Тереножкин (Тереножкин, 1976. С. 141-142). Прорисовки стелы, сделанные Н.Л.Членовой в Государственном музее Татарской ССР (Савинов, Членова, 1978. С. 86. Рис. 3), позволили уточнить изображение этого топорика. Его лезвие имеет загиб книзу и по своему контуру напоминает форму «птицеголовых» прото-меотских топориков (рис. 3, 5). В то же время на проухе дано изображение круга с крестом в центре, напоминающее солярный знак на проухе топорика из Кубанского могильника (рис. 3, 3). То, что круг на проухе топора-скипетра сохраняет значение «глаза» животного, наглядно демонстрирует изображение на скипетре с новомордовской стелы № 2. Здесь лезвийная часть изделия передана в виде приоткрытой пасти хищника, с отчетливо просматривающимися зубами (Савинов, Членова, 1978. С. 86. Рис. 3, 2) (рис. 3, б).

* Инвентарный номер НМРА № 12378.

Отметим, что такой элемент, как петля для подвешивания топорика-скипетра к поясу, более характерен для «птицеголовых» («конноголовых») скипетров, обнаруженных на территории Средней Европы (Сарвиц-Канал, Комитат Туроч, Батина) (рис. 1, 4-7). Очевидно его появление на Северном Кавказе у топориков из погр. 3 Султаногорского I-го и из Кубанского могильников, молотка из Казазова (Виноградов, Дударев, Рунич, 1980. С. 192. Рис. 5, 15) (рис. 3, 4) можно объяснить тесным культурным взаимодействием Предкавказья с карпато-дунайским регионом в предскифское время. Следует, по-видимому, поддержать мнение С.Л.Дударева, что на известном изваянии из Кызбуруна изображен способ подвески топорика-скипетра за петлю в верхней части (Дударев, 2000. С. 13) (рис. 6, 1).

В то же время, именно эта верхняя петля помогает правильно позиционировать в пространстве все серию «птицеголовых» жезлов, в том числе и те экземпляры, у которых ее нет, как, например, из погр. 14 «Мебельной фабрики». Среднеевропейские аналоги с головкой лошади, имеющие петлю, ориентированы изогнутым зооморфным окончанием вниз. При такой ориентации скипетра его изначально птицеголовая форма вполне очевидна (Ср. Крупнов, 1960. Табл. XXXVII; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980. С. 187. Рис. 2, 3; Козенкова, 1995. С. 155. Табл. XX, 10).

Необходимо сказать несколько слов о возможном происхождении дополнительного образа лошади, имеющегося у большинства средневропейских «птицеголовых» жезлов. На стилистически ближайшем к фарсовскому скипетре из клада Приудь голова лошади уже дана весьма реалистично, что было отмечено К.Метцнер-Небельсик. К сожалению, фотография и рисунок, приведенные Т.Кеменцеи, этого впечатления не передают (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 464, прим. 790; ср. Kemenczei, 1981. S. 30. Abb. 4; S. 31. Abb. 5, 1). Подобные изображения конской протомы, известные в позднебронзовой культуре полей погребальных урн Средней Европы, большинством исследователей связываются с Кавказом. Хотя, как замечает К.Метцнер-Небельсик, безусловный вывод об их кавказском происхождении делать пока преждевременно, так как собственно на

Кавказе они, по ее мнению, появляются не раньше IX в. до н.э. (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 464).

Тем не менее, как полнофигурное изображение лошади, так и в виде протомы имеется на псалнях из могильников Псекупского и Клин-Яр III, то есть из тех регионов Северного Кавказа, где встречаются «птицеголовые» скипетры и прослеживаются активные контакты с носителями «фрако-киммерийских» древностей Средней Европы (Berezin, Dudarev, 1999. S. 199. Abb. 12, 1,2; Ловпаче, 1985. С. 40. Табл. XI, 4) (рис. 5, 1,2).

Важно отметить, что лошади-псални из погр. 90 Псекупского могильника, найденные с треугольно-конечными удилами, имеющими ложно-витое рифление, как и скипетр из Фарса, по нашим представлениям, также относятся к ранней предновочеркасской-раннечерногородской хронологической группе протомеотских памятников. По времени они предшествуют кладу Приудь, синхронному с комплексом типа Новочеркасского клада (Эрлих, 1997. С. 19 и сл.; Лесков, Эрлих, 1999. С. 71). Следовательно, пластическое изображение лошади, как и «птицеголовые» скипетры, в мекотской среде древнее самой ранней комплексной находки «птицеголового» скипетра с конской головой на конце в Средней Европе (клад Приудь) и вполне могло быть заимствовано на Кавказе.

Можно согласиться с К.Метцнер-Небельсик, что образ лошади (как и образ хищной птицы – В.Э.) составлял определенное изобразительное «койне», понятное жителям обоих регионов (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 464). В то же время, явно «конноголовое» окончание скипетров, одно из значений которого, как считает исследовательница, своеобразный символ власти над стадами коней, атрибут «господина коней» (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 467), пока прослеживается только в Средней Европе. Можно также поддержать и мысль С.Л.Дударева, что этот образ лошади на скипетре не вполне «стыковался» с представлением кавказцев, которые заместили его «кобанским» хищником на топорике из могильника «Мебельная фабрика» (Дударев, 1999. С. 117; Дударев, 2000. С. 14). В качестве дополнительного аргумента можно привести фото скипетра из частной коллекции, найденного в Апшеронском районе

Краснодарского края (предгорный вариант протомеотских памятников). У этого экземпляра, близкого по общему контуру к скипетру из клада Приудь, на конце имеется некое синкретичное изображение лошади с зубами хищника. Таким образом, можно предположить, что мастер-кавказец, конечно знакомый со средневропейскими культовыми жезлами с протомой лошади на клюве, счел нужным наделить этот зооморфный образ и признаками «кобанского хищника» – острыми зубами (рис. 5, 4).

В заключение хотелось бы сопоставить протомеотские каменные и бронзовые топоры птицеголовой формы с изображениями топоров на Усть-Лабинской и Зубовской стелах. На прорисовках, сделанных В.С.Ольховским (Ольховский, 1990. С. 118. Рис. 3), очевиден явный загиб лезвийной части книзу, придающий лезвию форму птичьего клюва (рис. 6, 3,4). Это же можно сказать и о висящем на поясе топорике

со стелы из Кызбуруна (Батчаев, 1985. Табл. 5, 1). Н.Л.Членова считает, что на этих изваяниях изображены кобанские топоры (Членова, 1984. С. 24). Но А.А.Ковалев справедливо заметил, что контур кобанских топоров несколько иной, а их ареал не включает район находки Усть-Лабинской и Зубовской стел (устье р. Лябы) (Ковалев, 2002. С. 143-144). В то же время, сопоставление этим исследователем изображений на стелах с позднебронзовыми топорами «верхнекубанского типа», бытовавшими среди предметов прикубанского очага металлообработки, в основном, в сабатиновское время и лишь отчасти в белозерское (Пелих, 2003. С. 62-69), безусловно, нонсенс, как по хронологическим, так и по морфологическим соображениям. На наш взгляд, вполне можно допустить, что на этих стелах изображены каменные либо бронзовые топоры-скипетры птицеголовой формы.

Библиография

- Анфимов И.Н. Могильник протомеотской культуры хутора Казазово // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
- Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры. Могильник у хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1975.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. П. Нальчик, 1985.
- Белинский А.Б., Эрлих В.Р. О хронологии нижнего горизонта могильника Клин-Яр III // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. Кисловодск, 1994.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Дергачев В.А. Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1975.
- Дударев С.Л. Взаимодействие племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы. Армавир, 1999.
- Дударев С.Л. О секирах редких форм «предскифского» времени из Предкавказья // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 2000.
- Ильинская В.А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени // Новое в советской археологии. МИА. 1965. № 130.
- Канторович А.Р. К вопросу о стилистических истоках и причинах популярности приема «зооморфных» превращений в искусстве скифского звериного стиля // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 2002.
- Канторович А.Р. Классификация и типология элементов зооморфных превращений в зверином стиле Степной Скифии // Структурно-семiotические исследования в археологии. Т.1. Донецк, 2002а.
- Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. 1995. В2-5.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.
- Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипз (Восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991.
- Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // ВАА. Майкоп, 1985. Ольховский В.С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. 1990. № 3.

- Пелих А.Л. Топоры верхнекубанского типа позднебронзового времени // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир, 2003.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могилиник протомеотского времени Казаво 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // МИАР. 1. М., 1997.
- Сазонов А.А. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции АРИГИ в 1994 г. // Архив ИА РАН. № 18979, 18980.
- Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.
- Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. № 3.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
- Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. 1990. № 1.
- Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // МИАР. 1. М., 1997.
- Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе. (К постановке проблемы). Часть II // РА. 2002. № 4.
- Alexandrescu A. Dépôts de l'âge Bronze tardif // Inventaria Archaeologica, Fasc. 2. Bucurest, 1966.
- Berezin J.B., Dudarev S.L. Neue präskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. 5. Berlin, 1999.
- Jacob-Frisen G. Eine Pferdekopfkeule der frühen Eisenzeit aus Siebenbürgen // Studien zur europäischen Vorfrühgeschichte. Neumünster, 1968.
- Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1976.
- Kemenzsei T. A prüge koravaskori kincselet // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 1. Budapest, 1981.
- Metzner-Nebelsick C. Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnefelder und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf., 2002.
- Pare C. Beiträge zum Übergang von der Bronze zur Eisenzeit in Mitteleuropa. Teil I: Grundzüge der Chronologie im Östlichen Mitteleuropa (11-8. Jahrhundert v. Chr.) // RGZM. Jahrb. 45. Mainz, 1998.
- Werner J. Pferdekopfzepter der Hallstattzeit aus Predmerice bei Hradec Králové // Pámatky archeologicne. LII. 2. 1961.

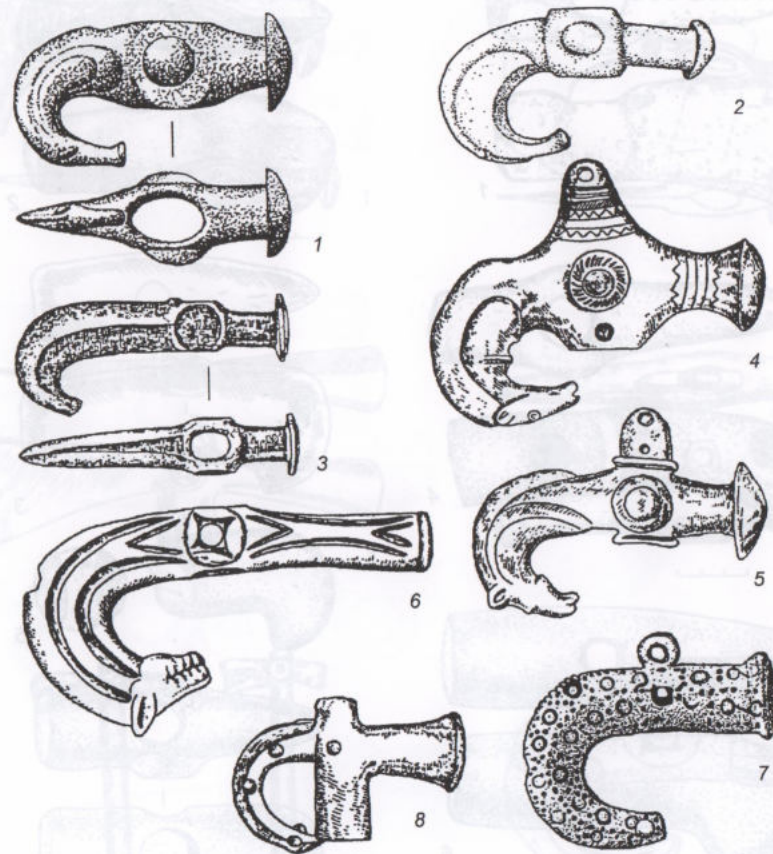

Рис. 1. Бронзовые «птицеголовые» скипетры Северного Кавказа и Средней Европы: 1 – Синмихай де Падур; 2 – Прюдь; 3 – Фарс, погр. № 35; 4 – Комитат Туроч; 5 – Сарвиц-Канал; 6 – Кисловодская мебельная фабрика, погр. № 14; 7 – Батина (Киц-Косцер); 8 – Пршедмержиц (1, 4, 5 – по Jacob-Fraisen, 1968; 2 – по Kemenzsei, 1981; 3 – по Лескову, Эрлиху, 1999, 6 – по Козенковой, 1995; 7, 8 – по Metzner-Nebelsick, 2002)

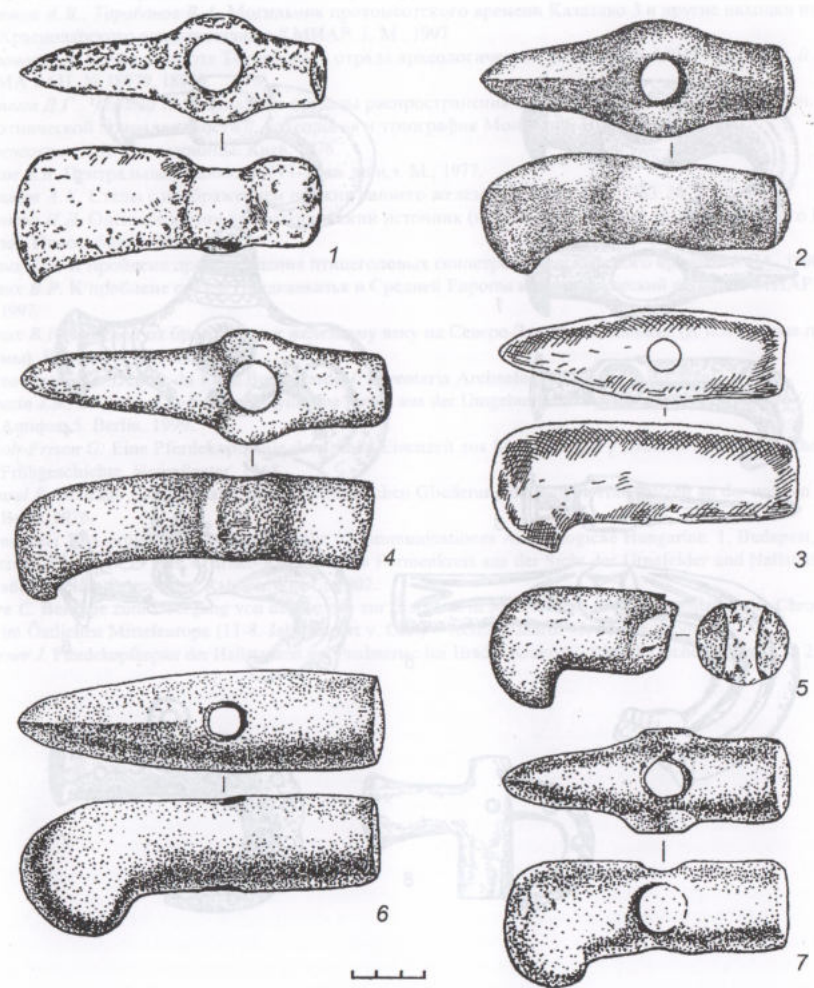

Рис. 2. Каменные «птицеголовые» скипетры из протоэнеолитических памятников центрального варианта и Кисловодской котловины: 1 - Гиагинский музей; 2 - могильник Пшиш, объект 26 (раскопки С.Б.Вальчака и В.Р.Эрлиха, 2004 г.); 3 - Кубанский могильник, погр. № 5 (по Анфимову, 1975); 4, 5 - левый берег Краснодарского водохранилища, фонды НМРА; 6, 7 - могильник Султан-Гора I, погр. № 1 и 7 (по Козенковой, 1995)

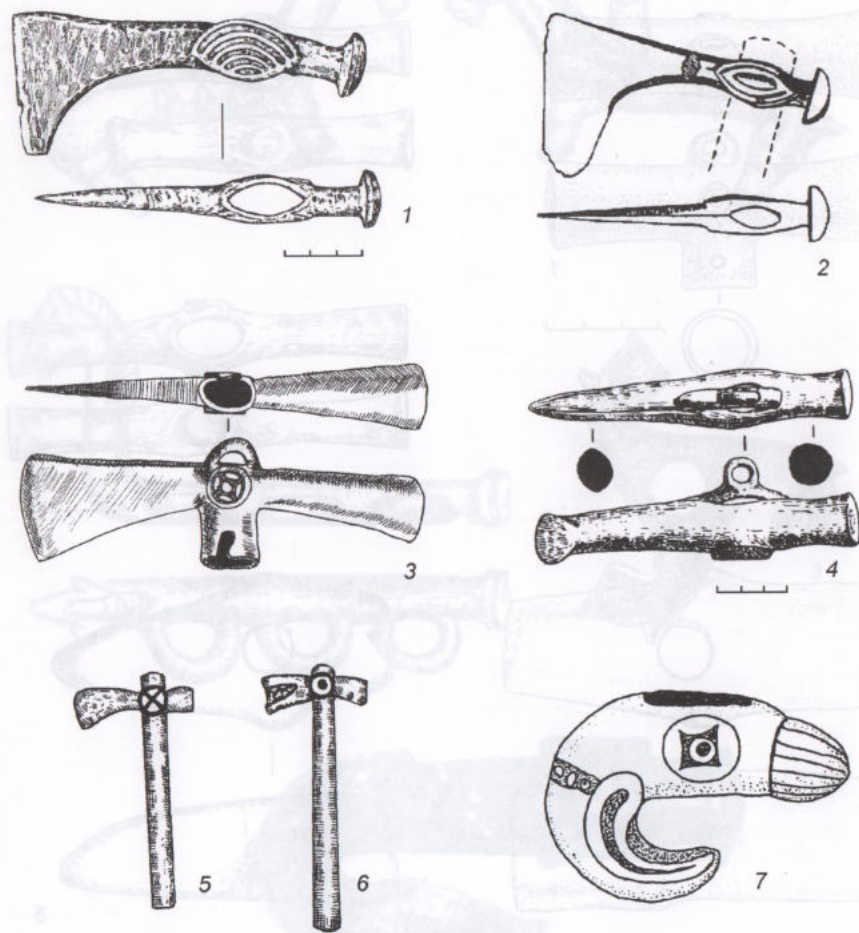

Рис. 3. Бронзовые топоры-скипетры:

- 1 - ст. Абадзехская (фонды НМРА);
 - 2 - Кочипэ, вне комплекса (по Ловпаче, 1975);
 - 3 - Кубанский могильник, погр. № 50 (по Анфимову, 1975);
 - 4 - Султан-Гора I, погр. № 3 (по Козенковой, 1975).
- Изображения топоров-скипетров на стеллах из Новомордово:
 5 - стелла № 1; 6 - стелла № 2 (по Савинову, Членовой, 1978).
 7 - костяная конская подвеска из Комарово (по Абрамовой, 1974)

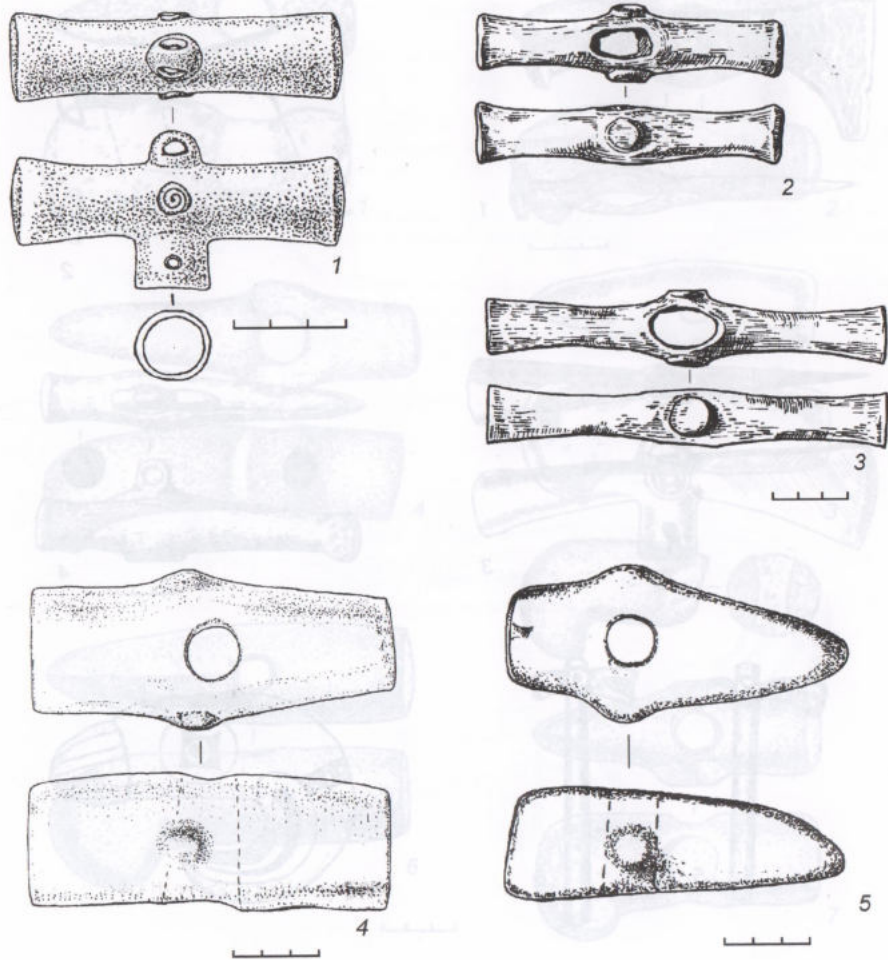

Рис. 4. Бронзовые и каменный молотки и топор-молоток клиновидной формы (5) с изображением «глаза» животного на проухе: 1, 4 – Казазово, случайные находки (1 – по Пьянкову, Тарабанову, 1997); 2, 3 – Мебельная фабрика, погр. № 17 и 28 (по Козенковой, 1995); 5 – Зандак, погр. № 51 (по Марковину, 2002)

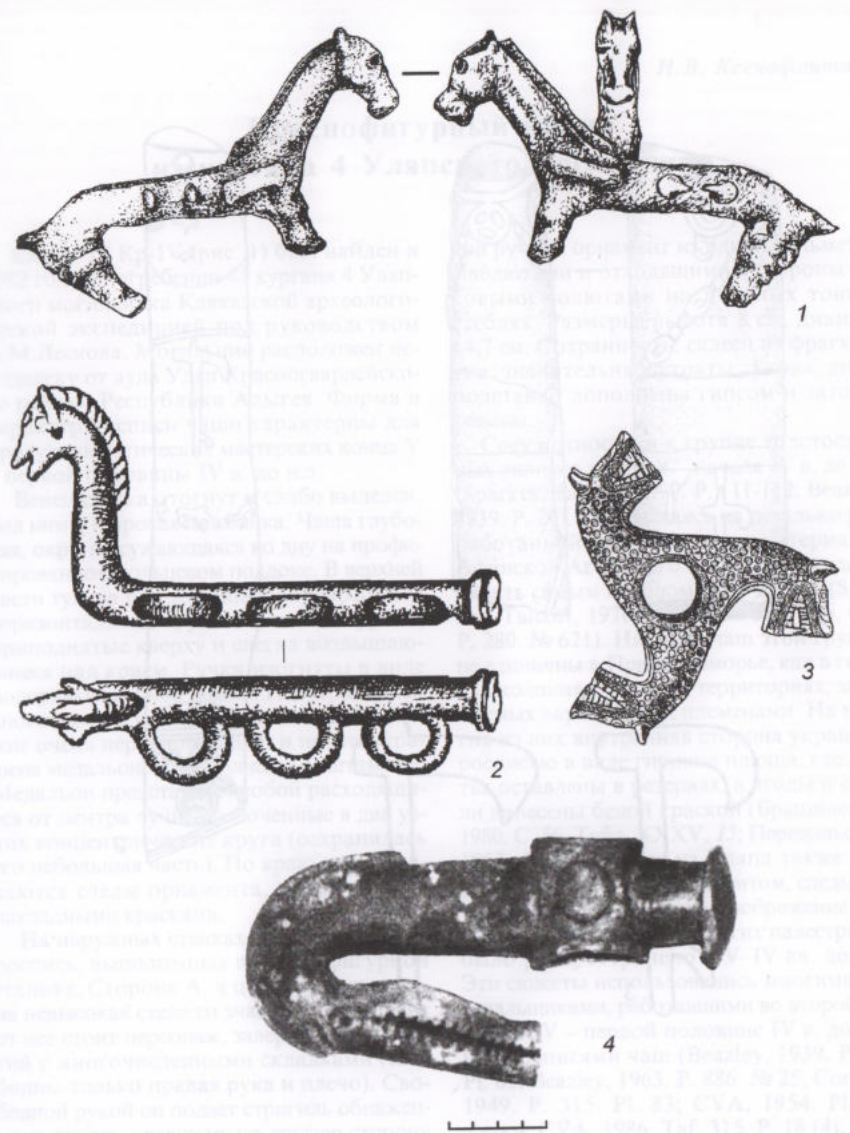

Рис. 5. 1 – Псалии в виде полнофигурного изображения лошади из погр. № 90 Псекупского могильника (по Ловпаче, 1985); 2 – псалий с конской протомой из погр. № 14 могильника Клин-Яр III (по Berezin, Dudarev, 1999); 3 – скипетр с головами «кобанского хищника» из погр. № 254 Тлийского могильника (по Техову, 1977); 4 – «птицеголовый» скипетр из Апшеронского района, частная коллекция

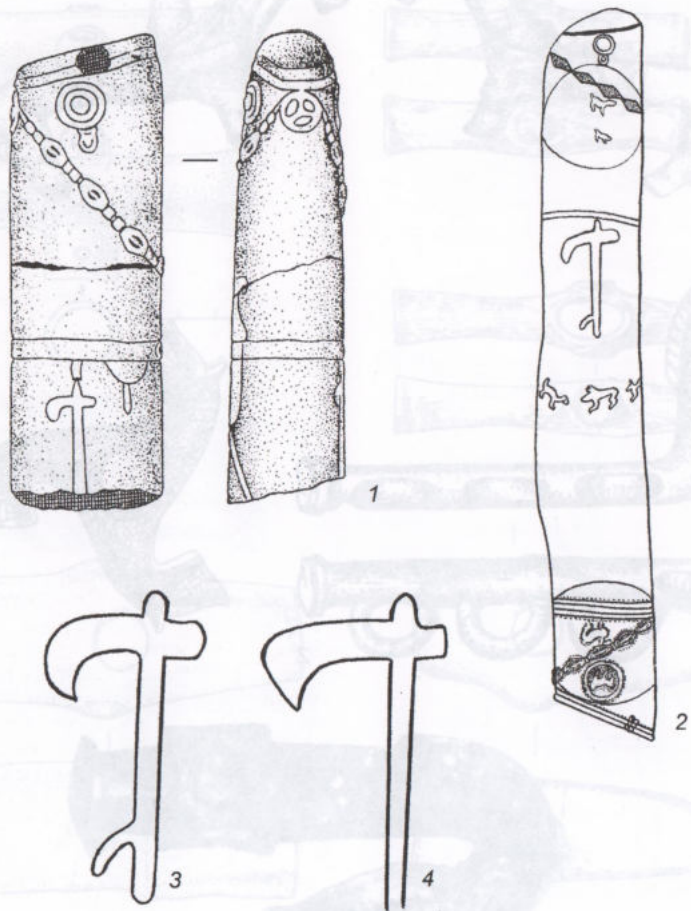

Рис. 6. 1 - Кызбурунское изваяние (по Батчаеву, 1958);
2 - стела из хутора Зубовского; 3, 4 - изображения
«птицеголовых» скипетров на Зубовской и Усть-Лабинской
2-ой стелах (по Ольховскому, 1990)

Краснофигурный килик из кургана 4 Уляпского могильника

Килик 10 Кр-IV (рис. 1) был найден в 1982 году в погребении 44 кургана 4 Уляпского могильника Кавказской археологической экспедицией под руководством А. М. Лескова. Могильник расположен неподалеку от аула Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея. Форма и характер росписи чаши характерны для продукции аттических мастерских конца V – первой половины IV в. до н.э.

Венец слегка отогнут и слабо выделен, под ним – широкая ложбинка. Чаша глубокая, округло сужающаяся ко дну на профилированном кольцевом поддоне. В верхней части тулова под ложбинкой прикреплены горизонтальные круглые в сечении ручки, приподнятые кверху и слегка возвышающиеся над краем. Ручки изогнуты в виде подпрямоугольной рамки. Изнутри поверхность сосуда целиком покрыта лаком (обжиг очень неравномерный) и на дне украшена медальоном, выполненным штампом. Медальон представляет собой расходящиеся от центра лучи, заключенные в два узких concentрических круга (сохранилась его небольшая часть). По краю прослеживаются следы орнамента, исполненного накладными красками.

На наружных стенках сосуда помещена роспись, выполненная в краснофигурной технике. Сторона А: в центре расположена невысокая стела со знаком змеи, справа от нее стоит персонаж, завернутый в гиматий с многочисленными складками (свободны только правая рука и плечо). Свободной рукой он подает стригиль обнаженному атлету, стоящему по другую сторону стелы и протягивающему к нему руки. На головах обоих сохранились следы повязок. Сторона Б: судья или тренер в гиматии и обнаженный юноша-атлет, стоящие лицом друг к другу. Юноша в правой руке держит два копья (?), протягивая их судье, рука которого поднята по направлению к атлету. На головах обоих следы повязок, нанесенные белой накладной краской. Под каж-

дой ручкой орнамент из одной пальметты с волотами и отходящими в стороны боковыми волотами на длинных тонких стеблях. Размеры: высота 8 см, диаметр 14,7 см. Сохранность: склеен из фрагментов, значительные утраты тулова, дни и подставки дополнены гипсом и затонированы.

Сосуд относится к группе толстостенных киликов конца V – начала IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 111-112; Beazley, 1939. P. 26). Основываясь на детально разработанной технологии по материалам Афинской Агоры, его форму можно датировать самым началом IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 279. № 617, 616, 618; P. 280. № 621). Находки чаш этой группы не единичны в Причерноморье, как в городах-колониях, так и на территориях, занимаемых варварскими племенами. На многих из них внутренняя сторона украшена росписью в виде гирлянд плюща, где листья оставлены в резервах, а ягоды и стебли нанесены белой краской (Брашинский, 1980. С. 56. Табл. XXXV, 15; Передольская, 1963. С. 47). Килик из Уляпа также был украшен подобным орнаментом, следы которого прослеживаются. Изображение различных сцен с участием нагих палестритов было распространено в V–IV вв. до н.э. Эти сюжеты использовались многими рисовальщиками, работавшими во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. над росписями чаш (Beazley, 1939. P. 26. Pl. 63; Beazley, 1963. P. 886. № 25; Corbett, 1949. P. 315. Pl. 83; CVA, 1954. Pl. 27, 1, abcd; CVA, 1986. Taf. 315. P. 18 (4); Ure, 1944. P. 68. Fig. 1. Pl. 6; 27, 1, 2. P. 75; Young, 1951. P. 248. Pl. 79, 3). Встает вопрос о качестве рисунка и возможности отождествить его с работами мастеров этого времени. Обращает на себя внимание несоответствие сочетания тонко проработанных черт красивых строгих лиц персонажей и небрежной трактовки мускулатуры приземистых фигур, конечностей, скла-

док одежды. Характер исполнения рисунка и двухфигурная статичная композиция близки манере работы мастера Q. До нас дошло некоторое количество работ этого рисовальщика, специализировавшегося на росписи чаш на низкой подставке и работавшего в IV в. до н.э. (о мастере см.: Beazley, 1963. P. 1518-1521). Не противоречит этому и штампованный орнамент на дне чаши. Несмотря на большую утрату, сохранившаяся часть медальона дает достаточно полное представление о нем. Орнамент прост, даже беден, отсутствуют такие распространенные элементы, как пальметты и овы. Композиция состоит из лучей, заключенных в двойной концентрический круг. Использование в качестве элемента орнамента простых циркульных кругов в центре или вокруг медальона – излюбленный прием мастера Q. А.Д.Юр в своем исследовании о штампованных орнаментах на краснофигурных чашах отмечает при-

верженность мастера Q к простым, не пышным вариантам сочетаний элементов штампов (Ure, 1944. P. 72). По утверждению А.Д.Юр, мастерская Q функционировала довольно длительное время, всю первую половину IV в. до н.э. А.А.Передольская не согласна со столь широкими хронологическими рамками работы мастерской Q, ограничивая время ее деятельности первой четвертью IV в. до н.э. (Передольская, 1963. С. 47). Вероятно, уляпский килик – одна из ранних работ мастера, рисунок выполнен более тщательно, чем на поздних его работах. На первый взгляд, сюжет и стиль исполнения рисунка напоминают работы мастера «керченских фрагментов с горы Митридат», время деятельности которого ограничивается концом V – началом IV в. до н.э. (Передольская, 1963. С. 47). Килик из Уляпа можно датировать самым началом IV в. до н.э. Не противоречит этому и форма чаши, и характер штампа.

Библиография

- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.
 Передольская А.А. Мастер керамических фрагментов, найденных на горе Митридат // Archeologia. XIV. 1963.
 Beazley J.D. Excavations at Al Mina // Suidaia III. The Red-Figured Vases. JHS. Vol. LIX. 1939.
 Beazley J.D. Attic Red-Figure Vase-painters. Oxford, 1963.
 Corbett P.E. Attic Pottery of the Later Fifth Century from the Athenian Agora // Hesperia. Vol. XVIII. 1949.
 CVA. Gr.Britain. Fasc. 12. University of Reading. Fasc. 1. London, 1954.
 CVA. Deutschland. Band 54. Tubingen. Band. 5. Munchen, 1986.
 Sparkes A., Talcott L. Black and Plane Pottery of the 6th, 5th and 4th Centures B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, New Jersey, 1970.
 Young R.S. An Industrial District of Ancient Athens // Hesperia. Vol. XX/1951.
 Ure A.D. Red-figure cups with incised and stamped Decoration. II // JHS. Vol. LXIV. 1944.

Рис. 1. Килик краснофигурный из кургана 4 Уляпского могильника

Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника*

В 1999 году на Тенгинском грунтовом могильнике в Усть-Лабинском районе Краснодарского края, было открыто женское захоронение, богатством и разнообразием инвентаря существенно отличающееся от ранее исследованных погребений этого памятника. Оно может быть рассмотрено в ряду богатых погребальных женских комплексов Юга России, условно названных «погребениями жриц».

Погребение 177 (рис. 1) было расположено на глубине 1,59-2,12 м от R0. Конструкция представляла яму со ступеньками с восточной и южной стороны. Из-за особенностей грунта яма в плане не читалась, поэтому мы можем лишь предполагать, что она имела по верхнему уровню прямоугольную форму и была размером 2,4 м (север-юг) × 1,35 м (запад-восток). Ширина восточной ступени 0,42-0,48 м, высота 0,18 м, ширина и высота южной ступени 0,3 м. Размер ямы по дну 1,65 × 0,6 м.

На ступеньке вдоль восточной стены был обнаружен скелет лошади на правом боку с южной ориентировкой. Шея вытянута, голова откинута и лежит на ступеньке вдоль южной стены могилы. Ноги согнуты в суставах. Во рту лошади находились железные удила и псалии (4**). От рта к хребту лежали бисерины и бусы (5), ими был расшит повод. За спиной лошади был воткнут железный нож (6), рядом, чуть откатившись, лежал костяной цилиндр (7).

Скелет женщины (около 28 лет, *adultus****) лежал на дне ямы на спине, головой на юг с незначительным отклонением к востоку, руки вдоль туловища, правая чуть откинута, ноги вытянуты и сближены в

стопах. Скелет погребенной был перекрыт деревянными плашками, которые одним концом опирались на восточную ступеньку, другим – в противоположную стенку ямы. Следы от плах сохранились над ногами женщины и под костями лошади у северной стены могилы. При погребенной обнаружен следующий инвентарь:

На правом предплечье лежала стеклянная чаша дном вверх (1). На правое запястье был надет золотой браслет (2), там же находились разнообразы бусины от второго браслета (3). Такой же браслет из бусин был на левом запястье (17).

У правого виска – золотая застежка (9) и несколько бусин (10), вероятно, украшавших головной убор. В области груди находилось большое скопление разнообразных бусин и пронизок из различного материала (янтарь, халцедон, агат, гагат, сердолик, коралл, стекло) (11). Тут же лежали два медальона с каменными вставками-инталиями с изображением Эрота (12) и Аполлона (13). У левого виска находилась золотая подвеска с цепочкой (14), над правой лопаткой лежала золотая серьга в виде бутон лотоса (15). Под правой ключицей при разборке костяка была найдена пронизь в виде лягушки (16).

На плашках в ногах женщины лежали кости животного (овцы?), тут же найдено глиняное пряслице (8). В области плеч обнаружены два округлых пятнышка темного тлена, в центре каждого – серебряные нити.

У ног на дне ямы стояли три сосуда: справа – коричневоглиняный одноручный сосуд (18), слева от голени – трехручный

канфар вверх дном (19) и сероглиняный сосуд (20). На голени женщины лежало бронзовое зеркало (21), на нем – скелет миниатюрной собачки. На краю зеркала найдена крупная бусина (23), под зеркалом расчищены: чернотаковая чашечка (24), рядом с ней четыре свинцовых разновеса (26) и железное шильце (27), вероятно, они лежали в мешочке, от которого сохранилось пятно органического тлена размером 10 × 15 см со следами дерева, кожи и серебряными нитями. Чуть восточнее зеркала лежал на боку лепной сосудик (25), в нем три гальки и угольки. К востоку от морды собачки находился фрагмент железного ножа (22). В области голени найдены золотистые нити (возможно, расшивка подола платья).

При разборке погребения под плашками обнаружен лепной горшок (28). Над задними ногами лошади найден бронзовый гвоздик (29).

Описание инвентаря:

1. Чаша-фиала стеклянная. Тулово полусферическое, дно круглое. Сделана в технике навивки на основу стеклянных жгутов (техника «Reticella») из бесцветного прозрачного и желтого непрозрачного стекла. Венчик сделан из жгута синего и белого непрозрачного стекла. Высота 7 см, диаметр устья 13 × 13,5 см (слегка деформирована) (рис. 2, 5).

Область распространения подобных чаш на Ближнем Востоке и в Малой Азии весьма широка: от Ирака и Сирии до Турции. Однако наибольшее количество их находок (Reticella-Schalen) происходит из г. Каносы в Южной Италии.

Исследователи делают эти чаши на две группы: 1 – чаши со спиральным орнаментом (сюда входит и наша чаша); 2 – чаши с параллельными рядами жгутов. Вторая группа более поздняя. Первая группа, в свою очередь, делится на два варианта, отличающиеся размерами: к первому варианту относятся более крупные чаши с диаметром от 16 до 19,5 см, которые датируются концом III – началом II в. до н.э.; ко второму варианту – чаши с диаметром от 10 до 12,5 см, они датируются началом I в. до н.э. Чаши с диаметром в 13-13,5 см рас-

сматриваются как промежуточный вариант между первым и вторым и датируются второй половиной II в. до н.э. (Stern, Schlick-Nolte, 1994. S. 106, 272)

2. Браслет золотой трехвитковый сделан из полой круглой в сечении трубки с запаянными концами. Диаметр браслета 6,6 см, диаметр трубки 0,3 см (рис. 3, 5).

Подобные браслеты и гривны достаточно часто встречаются в кубанских комплексах III-I вв. до н.э.: в кургане I погр. 3 близ хутора Северного (Анфимов, 1987. С. 226), в кургане у хутора Верхний Кореновский (Анфимов, 1987. С. 227).

3. Бусины разнотипные* с правого запястья:

– бусины дольчатые янтарные (3 шт.). Высота 0,8-1 см, диаметр 1,3-1,5 см (рис. 6, 1). *Tun 18, конец VI – начало V в. до н.э. Та-наис – 1 экз. (1978. С. 24).* В погребении 140 Тенгинского грунтового могильника подобные бусы датированы первой половиной II в. до н.э.

– бусины боченковидные, предположительно коралловые (более 30 шт.). Высота 0,5 см, диаметр 0,5 см (рис. 6, 2). *Tun 1, I в. до н.э. – II в. н.э. (1982. С. 30).*

– бусины сферические (4 шт.) из халцедона. Высота 1 см, диаметр 1,2 см (рис. 6, 3). *Tun 11, I-III вв. н.э. (1982. С. 13).*

– бусина кольцевидная из синего прозрачного стекла с желтыми глазками. Высота 1,1 см, диаметр 1,2 см (рис. 6, 6). *Tun 33y, III-I вв. до н.э. (1975. С. 62).*

– бусина кольцевидная из белой пасты. Высота 0,2 см, диаметр 0,5 см (рис. 6, 4). *Tun 56, II в. до н.э. (1975. С. 67).*

– бисер синий рубленый. Высота 0,2 см, диаметр 0,2 см (рис. 6, 5). *Tun 68, I в. до н.э. – IV в. н.э. (1975. С. 67).* Исследования Уляпских грунтовых могильников показали, что синий рубленый бисер встречается в кубанских памятниках с V в. до н.э. (Беглова, 1989. С. 5, 26).

4. Удила и псалии железные. Удила двусоставные сделаны из круглого в сечении стержня, внешние кольца разомкнуты. Псалии двудырчатые с 8-образным расширением в середине. Концы псалиев раскованы в лопасти. Стержни псалиев слегка согнуты, приближаясь по форме к С-образ-

* Атрибутируя бусы, мы в первую очередь опирались на фундаментальную работу Е.М.Алексеевой «Античные бусы Северного Причерноморья» (М., 1975, 1978, 1982). В тексте после нашего описания даются тип и датировка по классификации Е.М.Алексеевой, выделенные курсивом.

ным. Длина одного звена удил 9,8 см, высота псаля 12 см (рис. 3, 6, 7).

Стержневидные двудырчатые псалии с 8-образным расширением в центре и лопастеобразными окончаниями распространены достаточно широко. На Северном Кавказе S-образные псалии с раскованными лопастями известны с V в. до н.э. Стержневидные псалии с концами в виде лопастей характерны для более позднего времени. М.П.Абрамова датировала два экземпляра подобных псалий из могильников Центрального Кавказа Джулат (погр. 100) и Шалушка в рамках III-I вв. до н.э. (Абрамова, 1993. С. 78-79. Рис. 25, 7, 10). Этим же временем С.П.Кожухов датирует двудырчатые псалии с лопастеобразными окончаниями (отдел V) из закубанских могильников, считая, что их происхождение связано с сарматскими памятниками Подонья, Северного Причерноморья и более восточных районов (Кожухов, 1994. С. 13-14). Однако в сводке В.Е.Максименко по сарматским комплексам Дона нет ни одного подобного псаля (Максименко, 1983). Стержневидные двудырчатые псалии с лопастями происходят из комплекса сарматского времени у с. Антиповка под Воронежем (Raev, Simonenko, Treister, 1991. Fig. 9). Поэтому мы присоединяем к точке зрения М.П.Абрамовой о кавказском происхождении этого редкого типа (Абрамова, 1993. С. 78-79).

5. Бисер и бусины разных типов из разных материалов с конского повода:

– халцедоновая сферическая бусина. Длина 0,8 см, диаметр 1,3 см (рис. 6, 61). *Тип 11, I-III вв. н.э. (1982. С. 13).*

– сердоликовая боченковидная бусина. Длина 0,7 см, диаметр 0,5 см (рис. 6, 60). *Тип 36, III-I вв. до н.э. (1982. С. 16).*

– кольцевидные гешировые бусины (10 шт.). Длина 10,2 см, диаметр 0,3-0,5 см (рис. 6, 64). *Тип 27а, с III в. до н.э. (1978. С. 14).*

– бусины коралловые цилиндрические (8 шт.). Длина 0,5 см, диаметр 0,4-0,5 см (рис. 6, 57). *Тип 3, римское время. (1982. С. 30).*

– бусины коралловые цилиндрические (2 шт.). Длина 0,7-0,8 см, диаметр 0,5 см (рис. 6, 62). *Тип 3, римское время. (1982. С. 30).*

– бусина костяная шаровидная. Длина и диаметр 0,6 см (рис. 6, 56). *Данный тип в*

классификации Е.М.Алексеевой отсутствует.

– бусина из белого прозрачного стекла кольцевидная. Длина 0,4 см, диаметр 0,5 см (рис. 6, 59). *Тип 70 (?), I-II вв. н.э. (1978. С. 68).*

– бисер рубленый синий. Длина 0,2-0,3 см, диаметр 0,3 см (рис. 6, 58).

– бусина прозрачного стекла рифленая. Длина 0,4 см, диаметр 0,6 см (рис. 6, 55).

6. Нож железный, сохранился фрагментарно, размеры и форма не определяются.

7. Цилиндр костяной с одним круглым боковым отверстием. Высота 2,2 см, диаметр 2,6 см (рис. 5, 7).

Подобные цилиндры найдены в Артюховском кургане. М.И.Максимова определяет их как костяные шарниры для крышек шкатулок (Максимова, 1979. С. 101-103. Рис. 37, арт. 35).

8. Пряслице глиняное с валикообразным утолщением в верхней части, нижняя – колоколовидной формы. Высота 2,1 см, диаметр основания 2,9 см (рис. 5, 1).

Пряслица очень часто встречаются в женских погребениях грунтовых могильников: в комплексах III-I вв. до н.э. Усть-Лабинского могильника № 2 (Анфимов, 1951. С. 188. Рис. 14, 31).

9. Брошь золотая, украшенная сканым орнаментом. Круглый диск разделен на два пояса: во внутреннем – орнамент в виде расходящихся лучей, во внешнем – спиральный; в центре диска – приподнятое гнездо с овальной вставкой из белого непрозрачного сильно корродированного стекла. К диску прикреплены 6 ушек, от которых спускаются цепочки с круглыми гладкими дисками. С оборотной стороны припаяна игла. Диаметр большого диска 3 см, размер вставки 1,2×0,9 см, диаметр дисков-подвесок 1,3 см (рис. 3, 4).

Наиболее близкой аналогией является брошь с четырьмя дисковидными подвесками на цепочках из кургана 1 объекта 10, расположенного в г. Курганинске и изученного В.Н.Каминским в 1986 г. Исследователи датировали комплекс второй половиной II в. до н.э. на основании находки в нем бронзового шлема местного типа (Raev, Simonenko, Treister, 1991. Fig. 17-7).

Брошь с диском меньшего диаметра с четырьмя цепочками-подвесками была найдена на территории Ново-Вочепшицкого могильника. Поскольку эта находка вне

комплекса, ее датировка укладывается в рамки функционирования ранней, меотской группы погребений III-I вв. до н.э. (Шедверы..., 1987. С. 128. Табл. XXXII, кат. № 140).

10. Бусины, найденные в области чепепа:

– бусины из халцедона сферической формы (2 шт.). Высота 0,8-0,9 см, диаметр 1,1-1,3 см (рис. 6, 17, 18). *Тип 11, I-III вв. н.э. (1982. С. 13).*

– бусины боченковидной формы: из кости и из коралла (?). Высота 0,75 см, диаметр 0,6-0,7 см (рис. 6, 15, 16). *Тип 1, I в. до н.э. – II в. н.э. (1982. С. 30).*

– бусины сердоликовые боченковидной формы (2 шт.). Высота 0,5-0,7 см, диаметр 0,4-0,5 см (рис. 6, 12, 13). *Тип 36, III-I вв. до н.э. (1982. С. 16).*

– бусина стеклянная катушкообразная из белого прозрачного стекла. Высота 0,5 см, диаметр 0,5 см (рис. 6, 14). *Тип 82(?), со II в. до н.э. (1978. С. 68).*

– бусины гешировые кольцевидные (8 шт.). Высота 0,2 см, диаметр 0,4-0,5 см (рис. 6, 11).

11. Бусины и пронизки, найденные в области груди:

– бусины костяные боченковидной формы (7 шт.). Высота 0,6-0,8 см, диаметр 0,5-0,7 см (рис. 6, 23, 24). *Тип 11, II-I вв. до н.э. (1982. С. 31).*

– бусина костяная цилиндрической формы. Высота 0,5 см, диаметр 0,9 см (рис. 6, 38). *Этот тип в классификации Е.М.Алексеевой отсутствует.*

– пронизка боченковидной формы из полосатого сердолика (?). Длина 2,4 см, диаметр 1 см (рис. 6, 34). *Данный тип в классификации Е.М.Алексеевой отсутствует.*

– пронизки из сердолика цилиндрические. Длина 1,8-2,2 см, диаметр 0,8 см (рис. 6, 33). *Тип 66. VI-V вв. до н.э.; I-III вв. н.э. (1982. С. 17).*

– подвеска каплевидной формы из голубого халцедона. Высота 2 см, диаметр 1 см (рис. 6, 35). *Данный тип в классификации Е.М.Алексеевой отсутствует.*

– халцедоновые бусины сферической формы (3 шт.). Высота 0,8-1 см, диаметр 1,4 см (рис. 6, 36). *Тип 11, I-III вв. н.э. (1982. С. 13).*

– бусины сердоликовые боченковидной формы (10 шт.). Высота 0,7-0,8 см, диаметр

0,5-0,7 см (рис. 6, 30-32). *Тип 36, III-I вв. до н.э. (1982. С. 16).*

– кольцеобразная бусина из непрозрачного стекла белого цвета с четырьмя выпуклыми синими глазками, по середине опоясана белой полосой. Высота 0,65 см, диаметр 1 см (рис. 6, 22). *Данный тип в классификации Е.М.Алексеевой отсутствует.*

– янтарные треугольные пронизки (8 шт.) разного размера. Высота 1-2,2 см, ширина основания 0,5-1,4 см (рис. 6, 41-43). *Данный тип в классификации Е.М.Алексеевой отсутствует.*

– янтарная бусина сферической формы дольчатая. Высота 0,9 см, диаметр 1,5 см (рис. 6, 50). *Тип 18, конец VI – начало V в. до н.э. Танаис – 1 экз. (1978. С. 24).*

– янтарные бусины полусферической формы (2 шт.). Высота 0,7-1 см, диаметр 1,2-1,4 см (рис. 6, 47, 48). *Тип 2, IV в. до н.э. – IV в. н.э., два экземпляра из Танаиса датируются II в. до н.э. (1978. С. 23).*

– кольцеобразные янтарные бусины (2 шт.). Высота 1,1-1,2 см, диаметр 1,6 см (рис. 6, 49). *Тип V, в основном I-III вв. н.э., несколько бусин датируются IV-II вв. до н.э. (1978. С. 24).*

– пронизь каплевидной формы из янтаря. Высота 2,2 см, диаметр 1×1,2 см (рис. 6, 52). *Тип 23, I – начало II в. н.э. (1978. С. 25).*

– янтарная пронизка овальной формы. Размер 2,6×1,9 см (рис. 6, 51). *Близка по форме к 44 типу, I в. до н.э. – II в. н.э. Танаис, Ольвия, Херсонес. Е.М.Алексеева отмечает, что нет ни одного комплекса с полностью надежной датой I в. до н.э. (1978. С. 25-26).*

– бусины боченковидной формы из мягкого известняка или коралла (5 шт.). Высота 0,5-0,9 см, диаметр 0,4-0,65 см (рис. 6, 25). *Тип 1, I в. до н.э. – II в. н.э. (1982. С. 30).*

– бусина овальная из мягкого известняка или коралла. Высота 1,1 см, диаметр 1 см (рис. 6, 37). *Тип 1, I в. до н.э. – II в. н.э. (1982. С. 30).*

– бусины из мягкого известняка или коралла, сферические с рифлением (4 шт.). Высота 0,8-1,2 см, диаметр 1,2-1,5 см (рис. 6, 39, 40). *Тип 12, III-II вв. до н.э. (1982. С. 30).*

– бусины кольцевидной формы из гагата (более 100 шт.). Высота 0,2-0,3 см, диаметр 0,4-0,6 см (рис. 6, 19-21).

12. Медальон с инталией* из темнокрасного камня (граната или сердолика) с изображением обнаженного Эрота. Фигурка бога дана в фас. Он опирается на левую ногу, правая слегка отставлена. Корпус слегка наклонен влево. В левой руке Эрот держит пучок молний, на кисть правой намотана згида. Крылья раскрыты, голова слегка наклонена влево, лицо повернуто вправо. Золотая оправка с одной петлей украшена гравированными насечками, имитирующими веревочку, и зернью. Размер: 2,1×1,75×0,6 см (рис. 2, 1, 2).

По мнению С.Я.Берзиной, инталия, вероятно, была выполнена во II в. до н.э. в мастерских Малой Азии.

13. Медальон с инталией из оранжевого сердолика с изображением Аполлона. Обнаженная фигура божества дана в профиль вправо. Он стоит, опираясь на правую ногу, левая слегка согнута. В поднятых руках кифара. На левое плечо накинута гиматий, ниспадающий за спиной. Оправка из золота с зубчатым краем с лицевой стороны и с широкой гладкой закраиной с оборотной. Несоответствие оправы изображению на инталии указывает на то, что данная оправка не предназначалась для этой геммы. Размер: 2,8×2×0,6 см (рис. 2, 3, 4).

По мнению С.Я.Берзиной, инталия с Аполлоном является работой мастеров Восточного Средиземноморья II в. до н.э.

Не исключено, что гемма с изображением этого божества в этот комплекс попала не случайно: в греческой мифологической традиции Аполлон обладал даром предвидения и наделял этим свойством людей. Аполлон считался покровителем стад и посевов, отвратителем бед и богом исцеления (Словарь античности, 1989. С. 41).

14. Подвеска золотая в виде гладкого диска с ушком и частью цепочки. Диаметр диска 1,2 см, сохранившаяся длина цепочки 2 см (рис. 3, 2). Подобные подвески украшали различные ювелирные изделия со II в. до н.э. по рубеж эр: фибулы (курган у г. Курганинска (Raev, Simonenko, Treister, 1991. Fig. 16, 6, 7), серьги (курган у станицы Раздольной, курган №1 у хутора Северного, погребение 9 в кургане у ст. Динской, (Анфимов, 1987. С. 194, 203, 211), булавки (аул Хатажукаевский) (Гущина, Засецкая, 1989. Табл. 3, 54).

15. Серьга золотая в форме желудя, половина которого гладкая, а другая половина украшена сканым орнаментом, изображающим цветок лотоса. Снизу к серьге припаяны две перекрученные проволоки. Дужка сделана из более толстой витой проволоки. Высота с дужкой 4,1 см, длина «желудя» 1,8 см (рис. 3, 3).

Подобные серьги уже встречались в комплексах Тенгинского грунтового могильника: в погр. № 39, которое датировано по стеклянному канфару второй половиной II в. до н.э., и в погр. № 251, датированном тем же временем по мечу с антенновидным навершием.

16. Пронизь в виде лягушки сделана из прозрачного стекла. Высота 0,6 см, длина 0,8 см (рис. 3, 1). Аналогии неизвестны.

17. Бусины разнотипные с левого запястья:

– боченковидная бусина из сердолика. Длина 0,6 см, диаметр 0,5 см (рис. 6, 7). *Тип 36, III–I вв. до н.э. (1982. С. 16).*

– халцедоновые бусины сферической формы (2 шт.). Длина 0,9–1 см, диаметр 1,2–1,4 см (рис. 6, 8). *Тип 11, I–III вв. н.э. (1982. С. 13).*

– бусина янтарная сферической формы, дольчатая. Длина 0,7 см, диаметр 1,7 см (рис. 6, 10). *Тип 18, конец VI – начало V в. до н.э. Танаис – 1 экз. (1978. С. 24).*

– бусины коралловые (?) боченковидной формы (более 30 шт.). Длина 0,4–0,7 см, диаметр 0,4–0,5 см (рис. 6, 9). *Тип 1, I в. до н.э. – II в. н.э. (1982. С. 30).*

– бусины костяные, аналогичные вышеописанным (2 шт.). Длина 0,5 см, диаметр 0,4–0,5 см.

18. Сосуд одноручный. Форма и размеры не восстанавливаются.

19. Канфар трехручный сероглиняный круговой. Бортик вертикальный. Тулово сложнопрофилированное, в верхней части коническое, нижняя часть тулова полусферическая. Поддон кольцевой. Переход от бортика к тулову оформлен насечками, имитирующими веревочку, такие же насечки идут по середине и по низу тулова. Вертикальные ручки с коническими выступами в верхней части крепятся к устью тулова и к его нижней части. Сосуд деформирован, внутри – выгоревший устак (производственный брак). Высота 8 см, диа-

метр устья 13,5×14,8 см, диаметр дна 3,3 см (рис. 5, 9).

Подобные канфары встречаются и в других погребениях Тенгинского грунтового могильника, датированных концом III–II в. до н.э. (погр. № 41, 51, 39).

20. Сосуд сероглиняный круговой. Венчик короткий, вертикальный. Горло высокое, коническое, слабо сужающееся к низу, опоясано тремя рельефными желобками. Плечики высокие покатые, опоясаны тремя валиками, имитирующими веревочку. Придонная часть полусферическая. Поддон кольцевой. Сосуд снаружи покрыт коричневым ангобом. Высота 27,5 см, диаметр устья 10,3 см, диаметр поддона 8,7 см (рис. 3, 8).

Подобные кувшинообразные сосуды с высоким коническим горлом и округлым туловом часто встречаются в меотских грунтовых могильниках с конца V в. до н.э. Характерной особенностью сосудов Тенгинского грунтового могильника, независимо от их категории, является орнамент в виде веревочки.

21. Зеркало бронзовое дисковидное с боковой ручкой и невысоким бортиком-закраиной. В нижней части диска – восемь полукруглых выступов-фестонов (по четыре с каждой стороны от ручки). Ручка трапезовидная с двумя отверстиями в нижней части. Зеркало украшено гравированным орнаментом с двух сторон. На лицевой стороне: в нижней части диска – изображение птиц (уток?), идущих одна за другой, на ручке – изображение ствола дерева (?) с волутообразными ветвями. На оборотной стороне: в центре – изображение двух птиц, повернутых друг к другу клювами, в которых они держат плат. Изображение птиц заключено в «рамку» из концентрических кругов, с внутренней стороны ограниченных треугольниками, с внешней стороны – «протуберанцами», далее – второй такой же пояс. У самого края – еще один, третий пояс концентрических кругов, расчлененный треугольниками, заполненными точками. Диаметр диска 22 см, длина ручки 10 см (рис. 4).

Подобные зеркала выделены И.И.Марченко в IV тип, вариант 1. Максимальный диаметр диска у подобных зеркал не превышает 18 см. Их орнаментация, как правило, сводится к поясам из концентрических кругов, треугольников и волны. Дати-

руются они последней четвертью III–II в. до н.э. и распространены весьма широко в меотских памятниках Кубани (Марченко, 1996. С. 17–19).

Наше зеркало отличается большим размером и своеобразным орнаментом, включающим изображение птиц и дерева жизни. Аналогии этому изображению не найдены.

22. Нож железный, фрагментирован. Черенок длинный подпрямоугольный. Лезвие с прямой спинкой, треугольное в сечении. Длина лезвия более 8 см, высота 1,8 см, длина черенка 2,6 см (рис. 5, 6).

23. Бусина шаровидная белого глухого стекла с зелеными глазками и с бело-синими мелкими глазками. Высота и диаметр 1,5 см (рис. 6, 65). *Тип 372 (?), II–I вв. до н.э. (1978. С. 55).*

24. Мисочка чернолаковая. Форма чашечки полусферическая, поддон кольцевой. На внутренней стороне на дне штамп в виде семилепестковой пальметки. Лак имеет металлический блеск. Высота 5,1 см, диаметр устья 13,4 см, диаметр поддона 5,5 см (рис. 5, 10).

По афинской Агоре мисочки такой формы датируются серединой – второй половиной II в. до н.э. (Rotroff, 1997. Pl. 163–164. Fig. 64, 1039, 1041).

25. Сосудик лепной. Венчик в виде отогнутого валика, тулово грушевидное. Дно плоское. Высота 11,4 см, диаметр устья 6,8 см, диаметр дна 6,2 см (рис. 5, 8).

Аналогичные курильницы встречаются в погр. № 140, 160, 185 Тенгинского грунтового могильника, в комплексах III–I вв. до н.э. Ново-Вочепшийского могильника (Носкова, Кожухов, 1989. Рис. 3, 1–4).

У исследователей давно не вызывает сомнений ритуальное назначение подобных сосудов, в которые помещали тлеющую траву, злаки и несколько камешков-галеков (от 3 до 7). Подобная традиция зафиксирована с VI в. до н.э. (Уляпские грунтовые могильники) (Беглова, 1989. Рис. 1, 1, 2). В Тенгинском могильнике для этих целей использовали не только лепные, но и круговые курильницы, по форме подобные лепным.

26. Разновесы свинцовые (4 шт.) прямоугольные разного размера: 1×0,75 см, 1,5×1 см, 2×1,3 см, 2×1,5 см (рис. 5, 5).

Свинцовые разновесы известны на довольно многих античных памятниках Причерноморья: Ольвии, Фанагории, Пантис-

* Описание геммы дается по оригиналу, а не по оттиску.

капая, Нимфея и др. (Античные государства..., 1984. С. 175-176. Табл. LXVI; Культура и население Ольвии..., 1987. С. 131-132. Рис. 46, 1-3).

27. Шильце (?) железное в виде иглы, заостренной с одного конца. Сохранившаяся длина 2,3 см (рис. 5, 4).

28. Горшок лепной. Форма и размеры не восстанавливаются.

29. Гвоздики бронзовые с круглыми чуть выпуклыми шляпками (2 шт.). Высота 0,8 см, диаметр шляпки 0,55 см (рис. 5, 2).

Остановимся на фрагментах ткани с серебряными и золотыми нитями. Золототканое шитье украшало плечи и, вероятно, подол платья погребенной женщины, а также футляр зеркала.

Наиболее ранним из комплексов Тенгинского могильника, где были встречены крученые золотые нити, является первый ритуальный комплекс (погр. № 140), датированный второй четвертью II в. до н.э., в котором золотые нити украшали расстеленную ткань (Beglova, 2002. С. 297-304).

По мнению С.А.Яценко, расшитые золотом ткани производились в эллинистическое время в государствах Передней и Малой Азии, откуда они могли поступать на Боспор (Яценко, 2002. С. 243).

В очерке, посвященном сарматам на Кубани, Н.В.Анфимов упоминает о богатом женском погребении в кургане II в. до н.э. у станицы Динской, где одежда была расшита золотыми и серебряными нитями, а подол стеклянным бисером и гешировыми бусинами (Анфимов, 1987. С. 178-179).

Время создания комплекса определяет ряд вещей (импортных и местного производства), имеющих достаточно узкую дату: стеклянная фиала, золотая брошь, золотая серьга в виде «желудя» и чернолаковая мисочка. Все они датируются второй половиной II в. до н.э. На основании этого мы считаем, что данное погребение возникло в рамках указанного периода, вероятно, в последнюю четверть – рубеж II–I вв. до н.э.

Одним из самых ярких памятников этого периода является Артюховский курган Таманского полуострова. М.И.Максимова в заключительной части монографии, посвященной этому памятнику, отметила, что обилие драгоценностей и отсутствие оружия в его комплексах не согласуется с мнением некоторых исследователей об общем упадке экономики Боспорского царства.

Исследовательница поддерживает мнение тех коллег, кто считает, что Азиатская часть Боспора в это время переживает определенный экономический подъем (Максимова, 1979. С. 23). Характеризуя особенности культуры боспорского общества середины II в. до н.э., она отмечает здесь слияние местных и эллинских культурных элементов (Максимова, 1979. С. 24).

В отношении Тенгинского комплекса мы не можем говорить о слиянии меотской и эллинской культур, но проникновение предметов эллинской культуры в варварский мир в данный период происходит весьма интенсивно. Механизмы этого проникновения очень интересны и до конца не ясны из-за немногочисленности комплексов, подобных Тенгинскому.

Рассмотренный нами комплекс является наиболее богатым погребением Тенгинского грунтового могильника из 260 исследованных захоронений. Удивляет то, что он принадлежал женщине. Большинство женских погребений этого памятника совершены в простых грунтовых ямах без ступеней, их инвентарь состоял из керамических сосудов, зеркал, бус, пряслиц. В шести женских погребениях (учитывались определения антрополога) зафиксировано оружие (все эти погребения датируются концом III–II вв. до н.э.). Лошади, положенные на ступеньку, встречались лишь в погребениях воинов-мужчин. Ни у одной лошади не зафиксирован повод, расшитый бусинами. В рассматриваемом комплексе отсутствует оружие, но весьма полно представлены предметы, характерные для женского набора вещей. Каждая из групп инвентаря содержит высокохудожественные изделия, подчеркивающие высокий социальный статус погребенной: погребальную посуду дополняет редкая стеклянная чаша, украшения из золота и редких типов бусин (янтарь, халцедон); рядом с высокохудожественными инталиями находятся разнообразные ожерелья, орнамент зеркала традиционной формы с солярной символикой дополнен тонким рисунком с изображением птиц и мирового древа. Свинцовые разновесы встречены лишь раз в Тенгинском могильнике – в первом ритуальном комплексе. Совершенно необычна такая обрядовая деталь, как положение на зеркало миниатюрной собачки. Крупные собаки, близкие по виду к лайкам, встречались в погре-

бениях воинов в Тенгинском могильнике, но в женских – ни разу.

При сопоставлении этого комплекса с ранее исследованными богатыми женскими погребениями (так называемыми «погребениями жриц») из хутора Песчаного и селения Комарово, выявился ряд общих черт, на которые мы считаем необходимо обратить внимание.

Первый из названных комплексов был открыт в 1979 году в кургане у хутора Песчаный, расположенного в междуречье Лабь и Кубани (около 50-60 км на северо-восток от станицы Тенгинской). Погребение № 10 было совершено в прямоугольном яме и содержало захоронение женщины 45-55 лет, лежавшей вытянуто на спине, с ориентировкой на ВЮВ. Среди многочисленных богатых украшений обращает на себя внимание фибула-брошь с инталией, лежавшая на теменной части черепа (на основании ее датировки комплекс отнесен к середине I в. до н.э.). Под кистью правой руки стояла серебряная чашечка-фиала. Недалеко от голени лежали бронзовое зеркало в футляре, нож с прямой спинкой, лепной горшочек с обрывками железной цепи. В комплексе также находилась еще одна серебряная фиала, бронзовые котлы, железный жезл с изображением мирового древа. Одежда погребенной расшита золотыми и серебряными нитями (Ждановский, 1990. С. 102-116. Рис. 33-35). Комплекс относится к зубовско-воздвиженской группе сарматской культуры.

Второй из названных комплексов открыт в 1983 году в кургане I погр. 24 у се-

ления Комарово Республики Северная Осетия – Алания. Погребение женщины 55-60 лет было совершено в деревянном коробе, вытянуто на спине, с западной ориентировкой. Помимо богатых украшений из бус, серег, золотых браслетов, сосудов, в комплексе найдены: у правого локтя – стеклянный сосуд из бесцветного стекла конической формы с округлым дном, на левом локте лежало массивное бронзовое зеркало. Погребенная была завернута в ткань с золотым шитьем, которая позволила датировать погребение рубежом эр – I в. н.э. (Гиджраты, Наглер, 1985. С. 130-136).

Все три комплекса, помимо богатого набора украшений, объединяют такие предметы, как зеркала и чаши-фиалы, лежавшие у правой руки. Отметим, что в них отсутствует оружие.

Подводя итог всему вышесказанному отметим, что погр. 177 из Тенгинского грунтового могильника является своеобразным индикатором, отражающим перемены, произошедшие в меотской среде во II в. до н.э. Оно иллюстрирует высокий социальный статус погребенной и позволяет предполагать, что у меотов, как и у сармат, жреческие функции могла выполнять женщина.

В публикации А.М.Ждановского была предложена реконструкция костюма женщины, погребенной в кургане у хутора Песчаный (Ждановский, 1990. С. 216. Рис. 35). В заключение мы предлагаем реконструкцию убора коня и костюма погребенной женщины, сделанную автором статьи и художником Н.С.Сурвилло (рис. 7).

Библиография

- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23.
Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
Беглова Е.А. Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
Гиджраты Н.И., Наглер А.О. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
Гуццана И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.
Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.

Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. 1995. №32.

Кожухов С.П. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.

Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Носкова Л.М., Кожухов С.П. Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника (по материалам раскопок 1985-1986 гг.) // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.

Словарь античности. М., 1989.

Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987.

Яценко С.А. Костюм ирано-язычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Дис. ... док. ист. наук. М., 2002.

Beglova E. Ein Ritualkomplex mit menschlichen Opfergaben aus der Grabstätte von Tenginskaja // Antike Welt. № 3. Mainz, 2002.

Stern Marianne E., Schlick-Nolte Birgit. Frühes Glas der alten Welt. Verlag Gerd Hatje. 1994.

Raev B., Simonenko A., Treister M. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. № 38. Mainz, 1991.

Rotroff S.I. Hellenistic pottery // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, 1997.

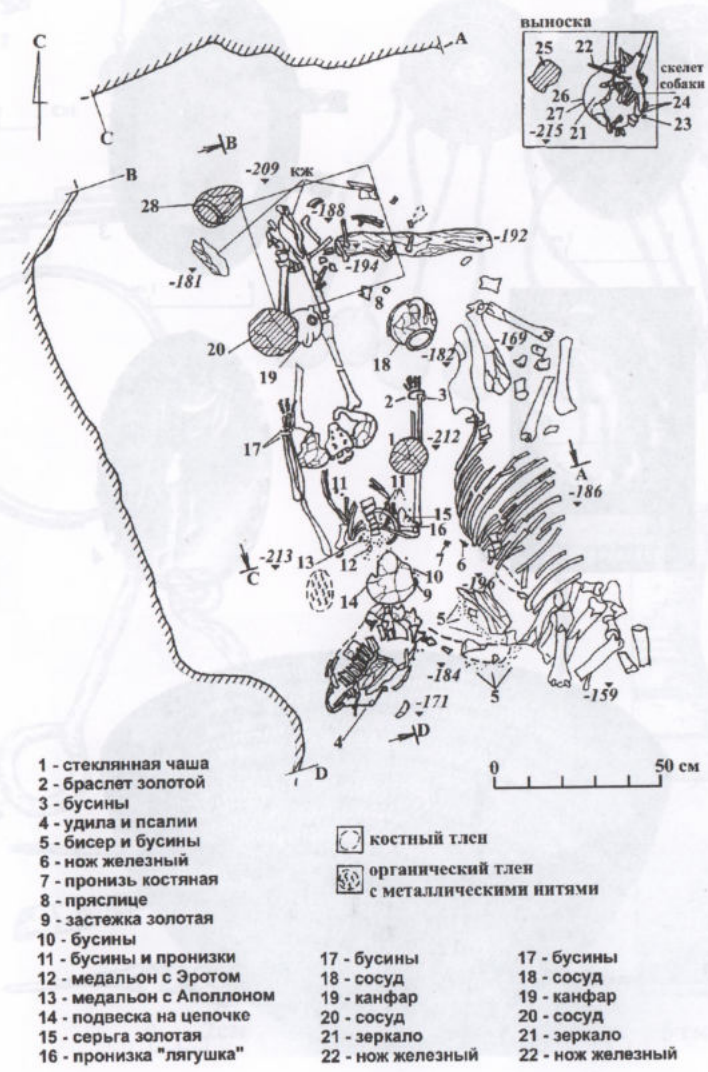

Рис. 1. План погребения 177

А. В. Мухоморова, М. В. Киселевичева. Исследования в области археологии древности. Т. 1. 1991. М.: Наука.

Томский С. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

Климентович А. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

Мельников В. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

Морозов И. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

Павлов В. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

Савинский А. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

Шенников В. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

Яковлев В. П. Древняя культура восточных славян. М.: Наука, 1984.

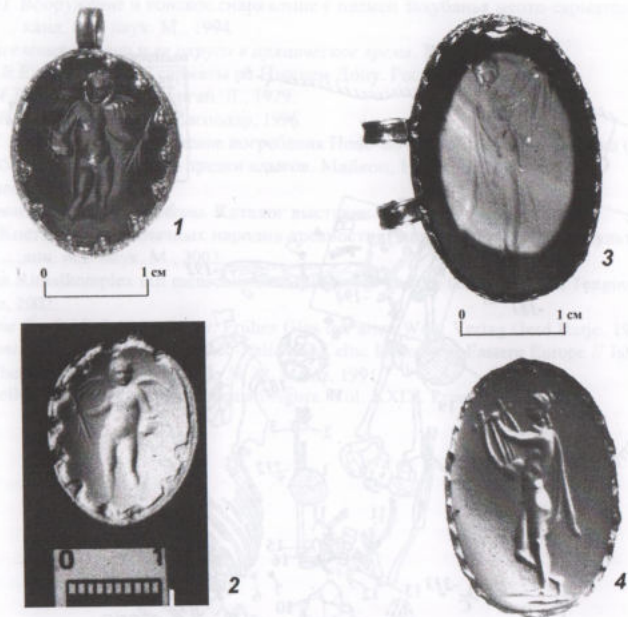

Рис. 2. Геммы и чаша: 1, 2 – гемма с изображением Эроса и оттиск; 3, 4 – гемма с изображением Аполлона и оттиск; 5 – чаша стеклянная

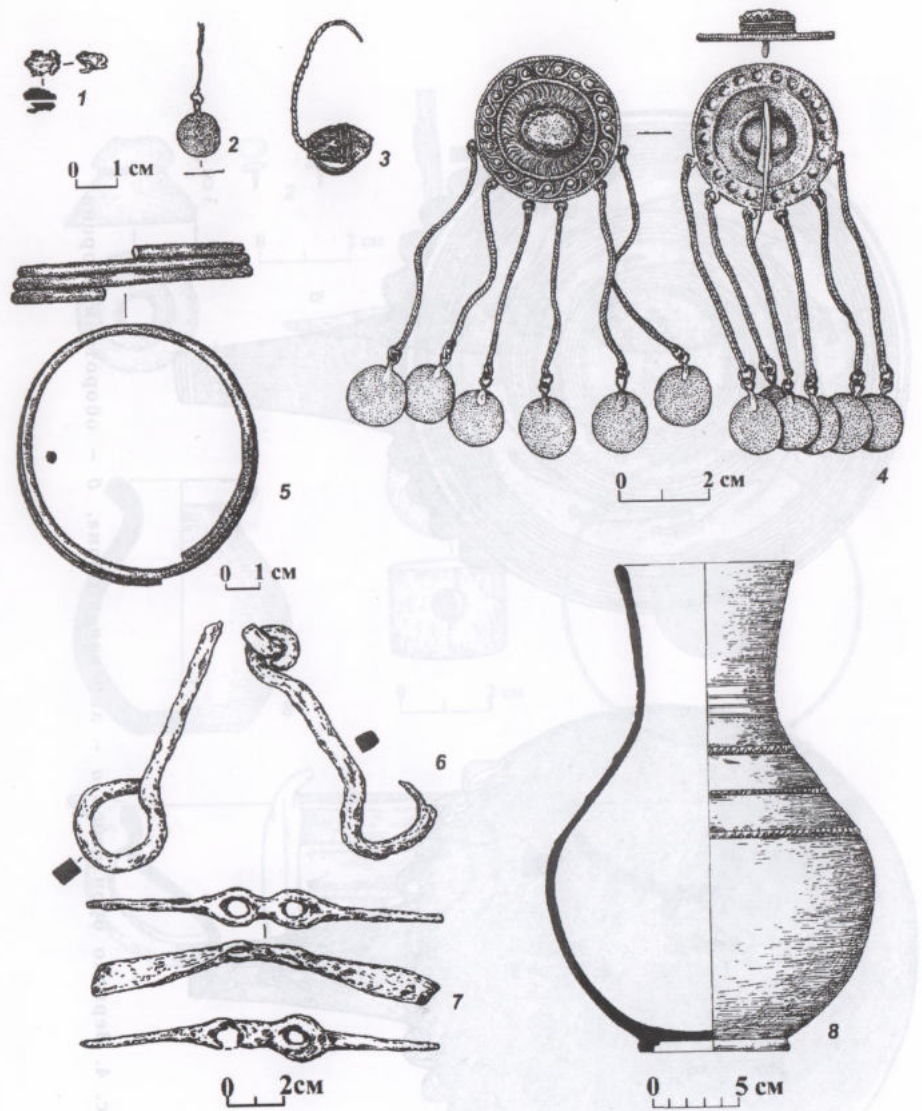

Рис. 3. Украшения, конская узда и керамический сосуд: 1 – пронизь стеклянная в виде лягушки; 2 – подвеска золотая; 3 – серьга золотая; 4 – брошь золотая; 5 – браслет золотой; 6, 7 – удила и псалии железные; 8 – сосуд керамический

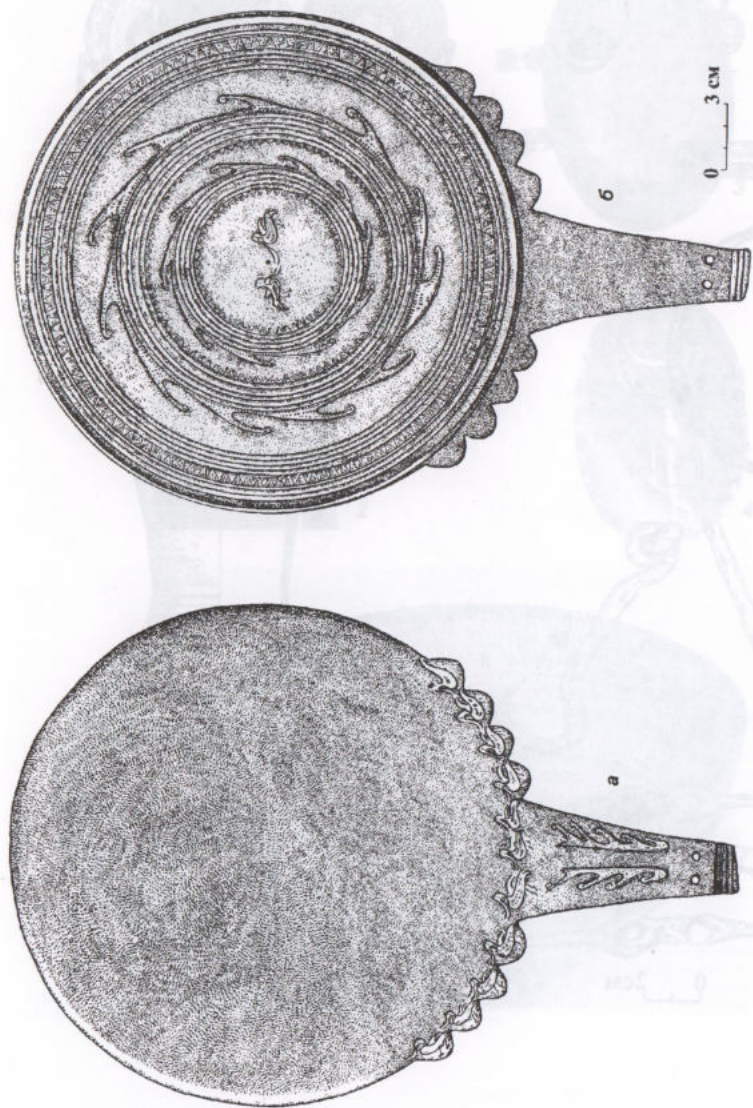

Рис. 4. Зеркало бронзовое: а - лицевая сторона, б - оборотная сторона

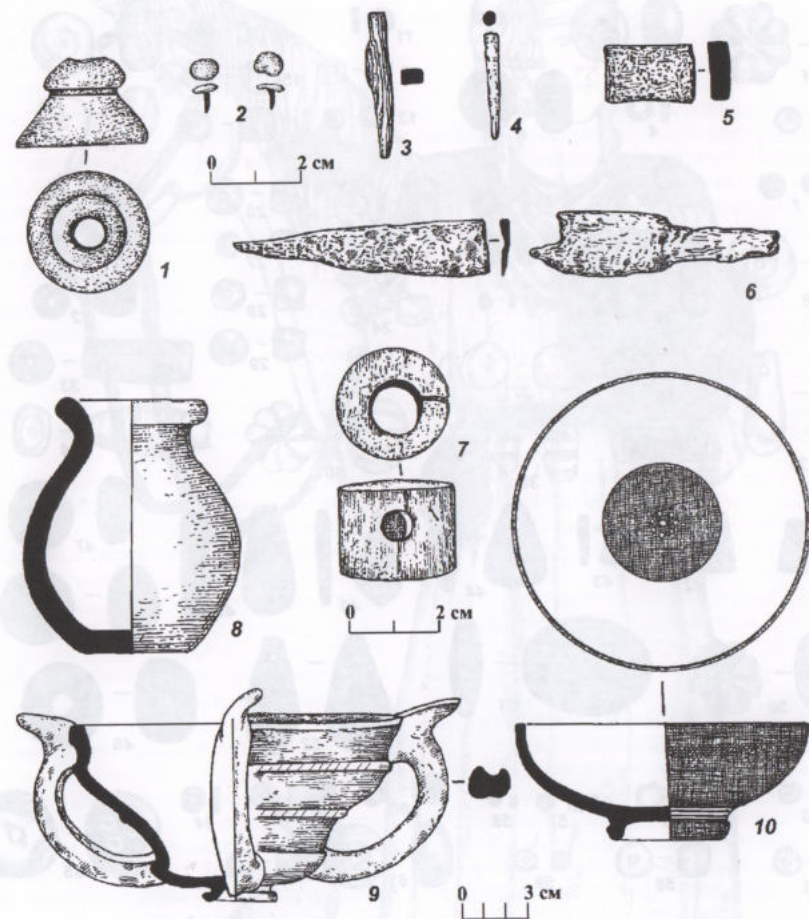

Рис. 5. Бытовые предметы и посуда:

- 1 - пряслице керамическое; 2 - гвоздики бронзовые;
 3 - фрагмент шила (?); 4 - фрагмент иглы (?) железной;
 5 - разновес свинцовый; 6 - нож железный; 7 - деталь
 шкатулки (?) костяная; 8 - кубышка керамическая;
 9 - канфар керамический; 10 - чашечка чернолаковая

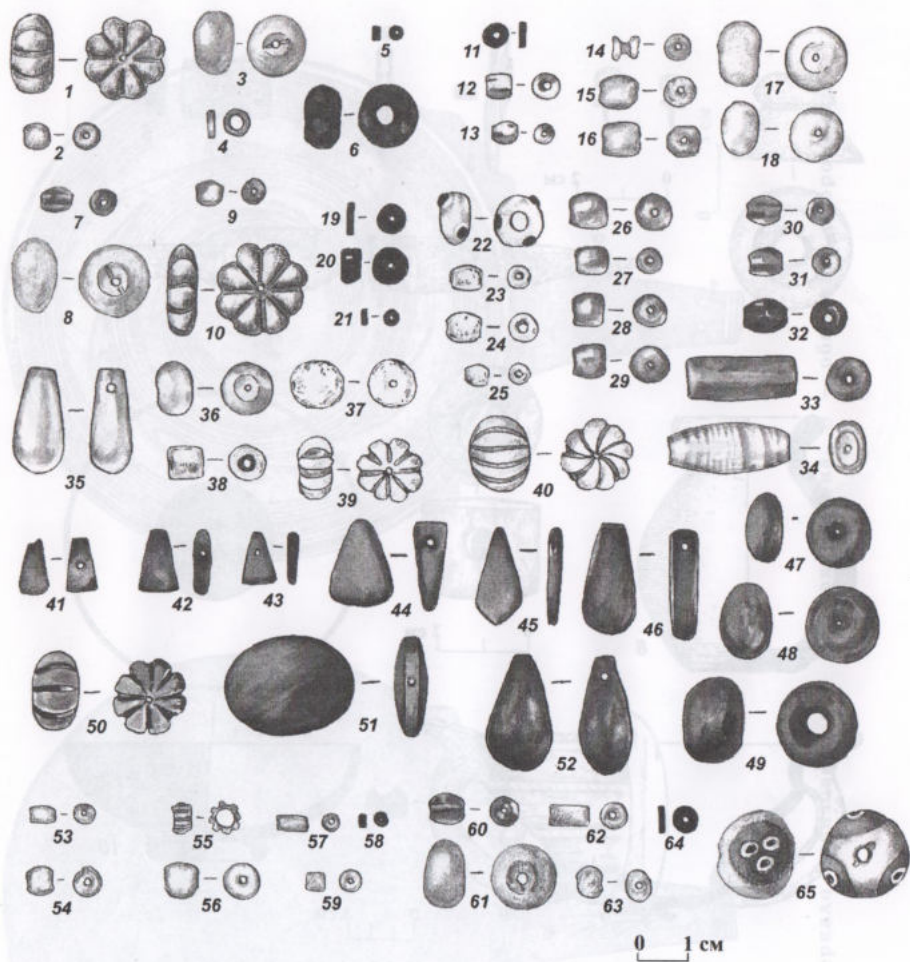

Рис. 6. Бусы и бисер: 1, 10, 41-52 - янтарь;
 2, 9, 16, 25, 37, 39, 40, 53, 54, 57, 62, 63 - коралл;
 3, 8, 17, 18, 35, 36, 61 - халцедон;
 4-6, 14, 22, 26-29, 55, 58, 59, 65 - стекло;
 7, 12, 13, 30-34, 60 - сердолик; 11, 19-21, 64 - гатат;
 15, 23, 24, 38, 56 - кость

Рис. 7. «Жрица» из Тенгинского грунтового могильника.
 (Реконструкция Н.С.Сурвилло)

Древнерусский энколпион из Среднего Закубанья

К настоящему времени на территории Северного Кавказа собрана довольно представительная группа средневековых предметов, связанных с христианским культом. Это позволило исследователям северокавказского средневековья, основываясь на археологических источниках, вновь обратиться к проблеме распространения христианства на Северном Кавказе. В значительной мере этому способствовали раскопки монументального храмового комплекса на Нижне-Архызском городище в верховьях Кубани (Карачаево-Черкессия), где в X–XII вв. располагалась резиденция аланских митрополитов и центр Аланской Епархии, а также обследование христианских церквей на Ильичевском и двух Урупских городищах Отрадненского района Краснодарского края (Кузнецов, 1963. С. 86–92; Кузнецов, 1992. С. 317–318; Ложкин, 1984. С. 53–59). Именно эти исследования дали материал, который позволил В.А.Кузнецову определить хронологические рамки найденных на месте раскопок христианских древностей (Кузнецов, 1963. С. 89–90; Кузнецов, 1968. С. 84). Основная же масса подобных предметов, как отмечает Е.И.Нарожный, «неравномерно распределяется на пространстве от Каспия до Черного моря, а суммарная датировка, опирающаяся на подборки аналогий, сильно растянута во времени» (Нарожный, 1996. С. 119). При этом большинство вещей чаще всего имеют случайное происхождение и не привязаны к конкретному археологическому памятнику, что во многом затрудняет их культурно-историческую атрибуцию. И все же основная часть предметов с христианской символикой группируется в районах, входивших в зону активного влияния Аланской Епархии: это территории современных Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Отрадненского района Краснодарского края, что позволяет многим даже случайные находки ограничить рамками XI – первой половины XIII в., т.е. временем активной деятельно-

сти аланской митрополии (Кузнецов, 1968. С. 84–85). Другая представительная коллекция предметов мелкой христианской пластики происходит из селения Майртуп (Шалинский район Чеченской республики). Ее хронология, по мнению исследователей, охватывает более длительный отрезок времени – XII–XV вв. (Виноградов, Куза, Магомадова, 1984. С. 80). Авторы публикации высказывают предположение, что происхождение найденных крестов может быть связано с присутствием в данной местности компактной группы выходцев из русских земель (Виноградов, Куза, Магомадова, 1984. С. 80).

Следует отметить, что вопросы появления предметов с христианской символикой на территории Северного Кавказа, возникают постоянно, как только появляется новая находка. Особенно, когда эти находки единичны и происходят из районов, далеко отстоящих от северокавказских религиозных центров. С теми же самыми проблемами столкнулись и мы при обнаружении креста-энколпиона в Среднем Закубанье на южном берегу Краснодарского водохранилища (Адыгейский район Республики Адыгея).

Предмет сохранился не полностью, только лицевая створка, причем со следами длительного пользования: обломаны ушки крепления створки, вытерты боковые стороны креста, местами исчезло чернение. Энколпион был отлит из золотистого бронзового сплава, имел размеры в длину 6 см и ширину 4 см (рис. 1). В центре дано рельефное изображение распятого Христа, а над его головой крест, выполненный в технике чернения. Из-за сильной потертости поверхности установить были ли какие-либо изображения или надписи на концах сложно. Крест имеет закругленные концы с парными выступами «слезками», что, по мнению Г.Ф.Корзухиной, является «характерной особенностью, “визитной карточкой” именно древнерусских энколпионов». По ее классификации наш экзем-

пляр относится к типу III.2.3/1-101, с Распятием и предстоящими на лицевой створке и Богоматерью с ладонями, раскрытыми перед грудью, и тремя святыми в медальонах – на оборотной (Корзухина, Пескова, 2003. С. 117). К сожалению, утраченная оборотная створка не дает представления обо всем предмете в целом, что в значительной мере снижает возможности его более точной датировки. Наиболее близкую аналогию дает энколпион, обнаруженный Н.И.Веселовским у ст. Махашевской восточнее г. Майкопа. Он полностью повторяет форму нашего креста, отличаясь лишь чуть меньшими размерами, и выполнен в той же рельефно-черневой технике. Не смотря на сильную потертость поверхности, вполне четко прослеживается иконографическая идентичность образа распятого Христа. Г.Ф.Корзухина датирует махашевскую находку XII – первой половиной XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 121, 35. Табл. 70, III.2.3/35). Кроме того среди энколпионов, недавно опубликованных в сводке Г.Ф.Корзухиной и А.А.Песковой, удалось выделить еще не менее шести предметов наиболее близких нашему экземпляру. Четыре из них, выполненные в рельефно-черневой технике происходят с территории Украины (Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 65, III.2.3/24; 66, III.2.3/43; 67, III.2.3/8, 13). Один найден в Великом Новгороде на Неревском раскопе в слое XIII в. (1238–1281 гг.). По классификации Г.Ф.Корзухиной он относится к типу IV.5.3 (Корзухина, Пескова, 2003. С. 160, I. Табл. 94, IV.5.3/1). Еще один подобный крест-энколпион из Великого Новгорода имеет только рельефное изображение без черни (Корзухина, Пескова, 2003. Табл. 68, III.2.3/4). Хронологически данный тип укладывается в рамки XII – первой половины XIII в., по степни распространения в большей степени локализуется в Среднем Поднепровье, где эти изделия изготавливались и оттуда попадали в незначительном количестве в более отдаленные районы. К этому же времени, вероятно, следует отнести изготовление и нашей находки. Более сложным является вопрос, когда и как этот культовый предмет древнерусского происхождения оказался на территории, столь далекой от христианских религиозных центров.

Крест найден на берегу водохранилища, на месте расположения разновременных

некрополей. Наибольший интерес в данном случае представляют два из них – Ленинахабльский кремационный могильник второй половины XI в. (Носкова, 1999) и Ленинахабльский могильник XIV–XV вв. (Тарабанов, 1984). Однако при исследовании обоих могильников каких-либо признаков христианизации погребенных обнаружить не удалось. Погребальный обряд соответствует тем религиозным представлениям и той системе мировоззрения, которая была у населения Среднего Закубанья в домонгольский и золотоордынский период. Надо полагать, что энколпион должен каким-то образом быть связан с поселенческим культурным слоем. Проводившееся обследование близлежащих участков не выявило каких-либо следов синхронных поселений. Но, если учесть значительное разрушение береговой линии и смыв поверхности на глубину почти до 1,5 м., то можно предположить, что где-то рядом должны были находиться населенные пункты, жители которых оставили эти кладбища. Однако зная, что кресты-реликвии с черневыми изображениями не характерны для второй половины XI в., то связывать нашу находку с кремационным могильником нет никаких оснований. Хотя некоторые энколпионы в Новгороде происходят из слоев конца XI в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 102; Седова, 1981. С. 61), но типологически они отличаются от ленинахабльского экземпляра, который, судя о приведенным выше аналогиям, относится к более позднему времени. Не мог он попасть в культурные слои и в конце XIV – XV в., время существования второго могильника. Даже если брать во внимание сильную изношенность предмета, более чем столетний период его использования крайне сомнителен. Известно, что деятельность мастеров, где изготавливались подобные реликвии, прекратилась в первой половине XIII в. в результате чингизидского вторжения. Поэтому следует искать следы поселений XII–XIII вв. Возможно, именно в этот период древнерусский энколпион мог оказаться в Среднем Закубанье.

Существует несколько точек зрения по поводу появления подобных вещей на Северном Кавказе: либо это результат контактов с Киевской Русью (Кузнецов, 1968. С. 85–86), или это связано с пребыванием

русских пленных в северокавказских владениях Джучидов (Полубояринова, 1978. С. 130-131). Вполне возможно, что эта вещь принадлежала христианину-славянину, бежавшему в отдаленные районы Закубанья из разрушенных монголами причерноморских городов. И все-таки нашу находку хотелось бы рассматривать как свидетельство связей закубанских адыгов с их соплеменниками, жившими на Восточном побережье Черного моря, где христианство под влиянием Византии начало распро-

страняться еще с VI столетия. А в интересующий нас период благодаря миссионерской деятельности Зихской Епархии разнотничное приморское население, в том числе и адыгское, в значительной степени уже было христианизировано. Об этом свидетельствуют предметы христианского культа, найденные в археологических памятниках Восточного Причерноморья, в том числе и древнерусские энколпионы (Новичихин, 1999. С. 133, 139; Новичихин, 2001. С. 26-31).

Библиография

- Виноградов В.Б., Куза А.В., Магомадова Т.С. Русские кресты XII-XV вв. из селения Майртуп (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X-XIII вв. СПб., 2003.
- Кузнецов В.А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960-1961 гг.) // КСИИМК. 1963. Вып. 96.
- Кузнецов В.А. Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М., 1968.
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
- Ложкин М.Н. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- Нарожный Е.И. Еще раз о предметах мелкой христианской пластики с Северного Кавказа. (Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа) // XIX «Крупновские чтения». Тез. докл. конф. М., 1996.
- Новичихин А.М. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.
- Новичихин А.М. Коллекция христианских древностей Анапского музея: история формирования и изучения // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника). Краснодар, 2001.
- Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

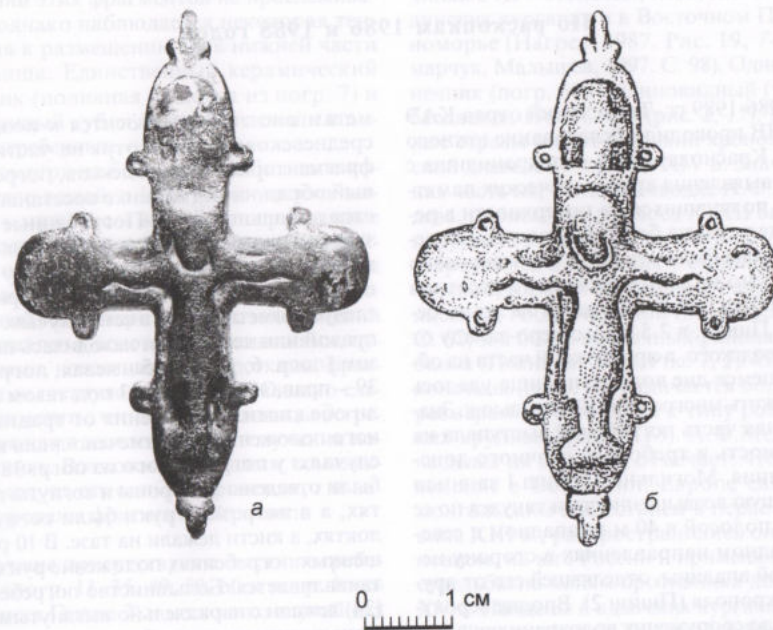

Рис. 1. Древнерусский энколпион:
а - фото; б - прорисовка

Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее

По раскопкам 1986 и 1988 годов

В 1986-1989 гг. Теучежский отряд КАЭ ГМИНВ проводил обследование южного берега Краснодарского водохранилища с целью выявления археологических памятников, появившихся на поверхности в результате размыва береговой полосы. За четыре сезона было открыто, зафиксировано и нанесено на карту несколько десятков новых объектов. В ходе работ на левом берегу р. Пшиш, в 2,5 км к северо-западу от хут. Городского, в прибрежной части на обнажившемся дне водохранилища удалось обнаружить многослойный могильник. Значительная часть погребений выступала на поверхность и требовала срочного доисследования. Могильник Пшиш I занимал небольшую возвышенность и тянулся по ее склону полосой в 40 м в западном и северо-западном направлениях в сторону неглубокой впадины, отделявшей его от другого некрополя (Пшиш 2). Вполне вероятно, что до сооружения водохранилища могильник представлял собой единое целое с преобладанием в западной части захоронений раннего железного века. За два сезона (1986, 1988 гг.) было исследовано 69 погребальных комплексов. Основная масса погребений находилась на участке, прилегающем к берегу р. Пшиш, несколько захоронений было расчищено на правом краю впадины, и два – у грунтовой дороги, в 80 и 140 м к западу от центра возвышенности (рис. 1).

По ориентировке, положению скелета и инвентарю удалось выделить 47 захоронений, которые относились к золотоордынскому периоду*. Из них 17 погребений оказались практически разрушенными (в 16 случаях устанавливается ориентировка и положение тела; погр. 33 полностью разрушено, но по найденным в нем пред-

метам оно также относится к позднему средневековью). Несмотря на частичную фрагментарность комплексов, погребальный обряд на могильнике восстанавливается довольно четко. Погребенные были захоронены в отдельных могильных ямах, в вытянутом на спине положении; у большинства руки лежали вдоль тела. При этом следует отметить, что в семи случаях кисть правой или левой руки находилась под тазом (погр. 6, 12, 41, 45 – левая, погр. 2, 3, 39 – правая), а в погр. 13 под тазом лежали обе кисти. Отклонения от традиционного положения рук отмечено лишь в двух случаях: у погребенного из погр. 38 руки были отведены в стороны и согнуты в локтях, а в погр. 49 – руки были согнуты в локтях, а кисти лежали на тазе. В 10 разрушенных погребениях положение рук не устанавливается. Большинство погребенных (24) лежали с параллельно вытянутыми ногами, у четверых ноги были сдвинуты в коленях (погр. 25, 26, 27, 50), у двоих – в коленях и ступнях (погр. 35, 63), у двоих перекрещены в голенях (погр. 41, 54) и у одного левая нога была согнута в колене (погр. 8). Основная ориентировка – западная и юго-западная (41 погребение), и только пять погребенных были ориентированы на северо-запад. В шести захоронениях (погр. 3, 38, 43, 52, 53, 60) удалось зафиксировать угольную подсыпку, а в двух (погр. 2 и 12) наряду с вещами была положена галька.

Около половины расчищенных погребений (18) оказались безинвентарными, но если учесть, что шесть из них практически размыты, то количество пустых захоронений, вероятно, можно сократить. Вещи были обнаружены в 27 погребениях, однако набор их весьма беден. Лишь два комплек-

са (погр. 9 и 60) дают наиболее полный комплект погребального инвентаря. В девяти захоронениях (погр. 2, 4, 12, 25, 33, 41, 43, 51, 58) удалось зафиксировать единичные фрагменты керамики, которые, видимо, должны были имитировать целый сосуд. Четкой закономерности в расположении этих фрагментов не прослеживается, однако наблюдается некоторая тенденция к размещению их в нижней части туловища. Единственный керамический сосудик (поливная чашечка из погр. 7) и стеклянный кубок (погр. 27) лежали в ногах погребенных.

Несмотря на бедность и небольшое количество вещей, в 15 случаях удалось выделить мужские и женские погребальные комплексы. В мужских захоронениях найдены оружие, пряжки от ремней и бляшки от пояса, кресало с кремнем, ножи. Погребальный инвентарь женских захоронений представлен в основном украшениями, пуговицами, ножницами, наперстками, фрагментами шкатулок и посуды. Однако следует отметить, что ножи и пуговицы встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. Возможно, к женским комплексам следует отнести захоронения, где зафиксированы фрагменты керамики.

Оружие присутствует в шести погребениях (погр. 11, 35, 49, 50, 60 и погр. 1 могильника Пшиш 2) и несколько случайных находок происходят с территории могильника. Представлено оно наконечниками стрел и саблями.

Наконечники стрел: 12 экземпляров найдены в погребениях (погр. 35, 49, 50) и 6 являются случайными находками. Обычное их расположение – у левого бедра или слева от таза, лишь в погр. 35 наконечники лежали на груди и в районе пояса, а в погр. 60 – вдоль правой ноги, так как слева находилась сабля. Основная масса наконечников (12 шт.) относится к одному типу: ромбовидные с упором и расширением в нижней трети пера; по классификации А.Ф.Медведева это тип 40 (Медведев, 1966. С. 64-65) (рис. 2, 7-16, 19-22). Использовались они с X по XIV вк включительно; найдены в курганных могильниках Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Чечни, в Закубанье, на черноморском побережье Кавказа (Минаева, 1954. Рис. 11, а, в; Нагоев, 1987. Рис. 19, 6, 9-10;

Милорадович, 1954. Рис. 2, 12-18; Воронов, 1979. Табл. II, 8-11). Два экземпляра из случайных находок относятся к типу ромбовидных шиповидных ромбического сечения без упора (тип 93; Медведев, 1966. С. 84) (рис. 2, 23, 24).

Такие наконечники употреблялись начиная с XIV столетия; известны в кабардинских курганах и в Восточном Причерноморье (Нагоев, 1987. Рис. 19, 7-8; Армарчук, Мальшев, 1997. С. 98). Один наконечник (погр. 60) – клиновидный (тип 44; Медведев, 1966. С. 67) (рис. 2, 17). Подобные стрелы имеют широкий хронологический диапазон – с IX по XIV в. Значительная часть их, согласно сводке А.Ф.Медведева, происходит из словес X–XII вв. древнерусских городищ, однако в XIV в. они встречаются в курганах у станиц Белореченской, Казанской, Воздвиженской, Тифлисской, Андруковской (Медведев, 1966. С. 67) и в более восточных районах Закубанья (Пьянков, 2004. Рис. 7, 2). Один наконечник (погр. 60) отличается большими размерами и относится к типу ромбических крупных (рис. 2, 18). А.Ф.Медведев, выделяя их в тип 49, отмечает, что их появление в Восточной Европе связано с монгольским нашествием в первой половине XIII в.; распространились они, в основном, на юге России и применялись для стрельбы по коням противника до начала XV в. Найдены в адыгских курганах у станиц Белореченской, Тульской и Андруковской (Медведев, 1966. С. 69). Единичные экземпляры известны на территории Карачаево-Черкессии (Минаева, 1954. Рис. 7, а).

Со стрельбой из лука связана находка *костяного кольца* из погр. 4. Оно имеет расширенную в виде выступа переднюю часть и зауженную дужку. На лицевой поверхности – гравированный циркулярный и точечный орнамент в виде фигурных ромбов. Размер сохранившейся части: 3,2×2 см (рис. 3, 18). Вещь необычная для женского захоронения, так как подобные защитные кольца использовались для предохранения пальца от удара тетивой и являлись исключительно мужской деталью военного набора. По мнению А.Ф.Медведева, «они были распространены у татар, волжских булгар и у некоторых народов Северного Кавказа в XIII–XIV вв. – после монгольского нашествия» (Медведев, 1966. С. 26). Действительно, главным образом подоб-

* Остальные комплексы относятся к раннему железному веку.

ные изделия, украшенные похожим циркулярным орнаментом, происходят из золотоордынских городов: Сарая Берке, Увека, Болгара, Азака (Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 35, 3; Закирова, 1988. Рис. 99, 17, 18; Медведев, 1966. Рис. 4, 2; Волков, 1991. Рис. 1, 1-4). В адыгских комплексах это редкая находка; известно лишь одно сердоликовое кольцо для натягивания лука из белореченского кургана № 9 (Левашова, 1953. Рис. 3, 10).

Сабли представлены двумя экземплярами: из погр. 60 и 1 могильника Пшиш 2. Они лежали слева от погребенного, острием к ногам. Обе сабли, длиной 115 см и шириной у рукояти 3 см, имели длинные искривленные обоюдоострые клинки с высотой изгиба 7,5 см и 5,2 см (рис. 2, 1, 2). Рукояти представляли собой узкие пластинчатые черешки с наклоном в сторону лезвия. Перекрестие сохранилось у сабли из погр. 60. Оно имело крестовидную форму и закачивалось длинными, квадратными в сечении выступами. Во втором случае по фрагментам удалось восстановить, что пластинчатые выступы были раскопаны на концах и опущены в сторону клинка (рис. 2, 3). У сабли из погр. 60 сохранились остатки железного наконечника ножен и навершие рукояти в виде невысокого колпачка, овального в плане (рис. 2, 4). Возможно, к деталям ножен относятся накладки полукруглой формы (длина 4,5 см и 2,5 см). Сделаны они из двух овальных в сечении пластин, соединенных по краям круглыми плоскими заклепками. Одна накладка имеет аналогичное крепление в центре (рис. 2, 5, 6). По ряду признаков (длина сабли, степень кривизны клинка и оформление его окончания, а также форма перекрестия) наши экземпляры типологически встают в один ряд с адыго-кабардинскими образцами XIV–XV вв. Для данного периода М.Л. Стрельченко по материалам Убинского могильника выделяет два типа этого оружия: с крестообразным массивным перекрестием и эфесом в виде полумесяца, причем второй тип отличается от первого большей длиной всей сабли (до 115 см) и большим углом наклона рукояти в сторону лезвия (14°) (Стрельченко, 1960. С. 148, 150). Такие же варианты известны и в белореченских курганах, однако здесь преобладают сабли с изогнутым перекрестием (Левашова, 1953. С. 177). Прямые

параллели для наших типов дают материалы из Кабардино-Балкарии: у сел. Чегем II и Шалушки (Нагоев, 1987. Рис. 16, 1, 8, 9; 17, 6). А.Х.Нагоев отмечает, что отличительной чертой кабардинских сабель являются прямыми перекрестия, изогнутые же эфесы больше характерны для западных адыгов (Нагоев, 1987. С. 209-210).

Поясная гарнитура отличается поразительной простотой и бедностью.

Ремень, по всей видимости, кожаный, имели лишь железные пряжки; четыре из них происходят из погребений и одна является случайной находкой. Найденные они были: около левого колена погребенного (погр. 6), на груди (погр. 35) и в области таза (погр. 35 и 60). В погр. 60 пояс был украшен двумя бляшками. В этом же погребении было найдено железное кольцо, имевшее отношение к сабельному креплению (рис. 3, 7). Четыре пряжки относятся к типу прямоугольно-рамчатых; они изготовлены из прямоугольного в сечении прута; у двух из них передняя часть раскована в прямоугольную пластину. Язычки крепились петлей за заднюю стенку рамки (рис. 3, 2-5). Один экземпляр относится к типу сегментно-рамчатых (рис. 3, 1). Подобные пряжки хорошо известны на территории Северного Кавказа именно в позднесредневековый период; аналогичные изделия найдены на ближайших синхронных могильниках, в адыгских курганах Среднего и Восточного Закубанья, в Кабардино-Балкарии и Чечне, на восточном побережье Черного моря (Тарабанов, 1984; Носкова, 1991б. Рис. 6, 12; 7, 3; Минаева, 1954. Рис. 9, л-м; Нагоев, 1987. Рис. 23, 13; Милорадович, 1954. Рис. 2, 25; Воронов, 1979. Табл. II, 16).

Бляшки, относящиеся к поясной гарнитура, происходят из погр. 60; обе изготовлены из железа. Одна представляла собой трехлепестковую розетку с центральным выпуклым гвоздиком-заклепкой и, видимо, служила для крепления одного из концов ремня (рис. 3, 8). Другая, сохранившаяся фрагментарно, имела вид узкой полоски с резными краями (рис. 3, 9). Возможно, к поясным следует отнести еще одну бляшку, случайно найденную на территории могильника, выкованную из тонкой бронзовой пластины. Она представляла собой шестилепестковую розетку и

имела три круглых отверстия для крепления к прочной основе (рис. 3, 10). К сожалению, в материалах адыгских средневековых древностей аналогий этой бляшке найти не удалось. Вполне вероятно, что она может иметь более позднее происхождение и лишь случайно оказалась в слое могильника. Неизвестно назначение железного кольца овальных очертаний из плоской пластины, найденного в погр. 8 (рис. 3, 6).

Украшения найдены в четырех погребениях: серьги (погр. 9 и 62), браслеты (погр. 49), бусы (погр. 8 и 9), и несколько предметов являются случайными находками.

Серьги представлены четырьмя типами. Одна золотая серьга (случайная находка) относится к редким типам. Она имеет вид несомкнутого кольца (длина 2,8 см, диаметр 2,15 см); один конец ровно обрублен, а другой заканчивается стилизованной головкой хищника с маленькими стоячими ушами и широко раскрытой пастью (рис. 3, 11). Идентичное украшение происходит с территории Украины, из средневекового могильника Мамай-Сурка I (Ельников, 2001. Рис. 21, 10), который датируется золотоордынским временем. Парные серьги происходят из погр. 9. Они изготовлены из серебра, покрыты позолотой и имеют вид «знака вопроса»; вертикально отогнутый конец заканчивается дисковидной «шайбой» и утолщением. Одна пара сделана из тонкой раскованной пластины, свернутой в виде круглого в сечении прута, а другая – из тонкой круглой в сечении проволоки (рис. 3, 12, 13). Вполне вероятно, на конце имелись привески из одной или двух стеклянных либо металлических бусин, которые не сохранились. Серьги этого типа обычно связывают с кочевническим влиянием, датируются в пределах XIII–XV вв. и широко известны в разных уголках Северного Кавказа и в Нижнем Поволжье золотоордынского времени: в Адыгее, Южной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачево-Черкессии (Нагоев, 1980. Рис. 1, 19-20; МАК, 1900. Табл. CVII, 4; LXXII, 18; Алексеева, 1991. Табл. 41а, 10; Минаева, 1954. Рис. 11, 2; Левашова, 1953. Рис. 12, 4; Ловпаче, 1985. Табл. XXXI, 5; Носкова, 1991б. Рис. 4, 4; Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 42, 4). Две серьги из серебра с позолотой (слу-

чайная находка и погр. 62) относятся к типу обычных простых колец с несомкнутыми концами (диаметр 2 и 2,5 см) (рис. 3, 15, 14). Подобные серьги имеют широкий хронологический и географический диапазон и часто встречаются в адыгских памятниках XIII–XIV вв. на Кубани и Восточном Причерноморье (Алексеева, 1991. Рис. 41а, 11; Левашова, 1953. Рис. 12, 1; МАК, 1889. Табл. XV, 16, 21). Также хорошо известны серьги (2 случайные находки) из тонкой бронзовой проволоки, свернутой в 1,5 и 2 оборота (диаметр 2,5 и 2 см) (рис. 3, 16, 17). Наиболее близкие аналогии дают причерноморские памятники: курганные могильники близ Геленджика (Носкова, 1991а. Рис. 15, 7).

Браслеты представлены тремя экземплярами. Два браслета из погр. 49 (рис. 3, 28, 29) были изготовлены из бронзовой круглой в сечении проволоки (диаметр 5 см). Третий (случайная находка), из массивного круглого в сечении серебряного прута имел сомкнутые концы (диаметр 7 см) (рис. 3, 27). Интересно, что браслеты из погр. 49 лежали в стороне от погребенного и, возможно, являлись своеобразным заупокойным «подарком» умершему. Такое же предположение высказывает В.П.Левашова при рассмотрении некоторых вещей, не связанных с погребальным ритуалом (Левашова, 1953. С. 186). Вообще же этот вид украшений нехарактерен для памятников кубанского региона золотоордынского времени. В белореченских курганах они найдены только в исключительно богатых женских захоронениях (Левашова, 1953. С. 205-206). Не встречаются они в синхронных могильниках Северного Кавказа и Восточного Причерноморья.

Бусы в погребениях почти отсутствуют, найдено лишь 3 штуки (погр. 8 и 9). В первом случае это обломок керамической бусины дисковидной формы (диаметр 1,5 см, высота 0,6 см), лежал на черепе. Две другие сделаны из сердолика: шаровидная (диаметр 1,5 см) и усеченно-биконическая (диаметр 1,8 см, высота 0,7 см) (рис. 3, 19, 20); найдены на груди погребенной. Аналогичные шаровидные бусины известны в материалах из Белореченских курганов (Левашова, 1953. Рис. 12, 5), но и там они встречаются в единичных экземплярах. Немногочисленны наборы бус и в соседнем с нашим Ленинахальском могиль-

нике (Тарабанов, 1984. С. 168). На черноморском побережье такие находки встречаются чаще и более разнообразны по материалу и по цветовой гамме (Армарчук, Малышев, 1997. С. 106). И все-таки столь незначительное использование бус в качестве украшений, видимо, следует считать характерной особенностью позднесредневекового погребального обряда, так как подобное явление наблюдается по всей области распространения адыго-кабардинских памятников от Восточного Причерноморья до Центрального Предкавказья.

Привески. На территории могильника найдено два экземпляра. Одна привеска в виде треугольной бляхи (длина 4,4 см, высота 3,5 см) сделана из серебряной пластины с высоким овальным кастом в центре и стеклянной вставкой матового стекла. По краям наложены двойные пояски, орнаментированные «ложной веревочкой», такие же полосы соединяют углы со вставкой. В углах пробиты отверстия, в основании пластины – обломанная петля (рис. 3, 26). Вполне возможно, что это фрагмент более сложного украшения с цепочками и дополненными подвесками, как были распространены в богатых погребениях этого времени (Левашова, 1953. Рис. 5, 1). Другая привеска,* в виде цилиндра (длина 5,2 см, диаметр 1,2 см), изготовлена из тонкого бронзового листа, имеет на корпусе по продольной оси одну верхнюю петлю и две нижних, к которым могли крепиться дополнительные подвески либо предметы туалетного набора: щипчики, копушка и т.п. Цилиндр закрывался с одной стороны колпачком, имевшим петлю для более удобного открывания этого своеобразного флакончика (рис. 3, 25, 25а). Подобные несессеры предназначались для хранения краски и духов; наибольшее число их найдено в белореченских курганах (Левашова, 1953. С. 184-185. Рис. 5, 1-3). Большинство этих предметов крепились к поясу вертикально. Цилиндрические подвески с горизонтальным креплением, сделанные также как наш экземпляр из тонкого бронзового листа, приведены в классификационной схеме Г.А. Федорова-Давыдова и происходят из кочевнических погребений (Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 9, 3). Такое же крепление у золотых, украшенных

сканым орнаментом, цилиндрических футляров из Симферопольского клада, датированного XIII – первой половиной XIV в. (Крамаровский, 2001. С. 329-330. Кат. 483-486).

Пуговицы (17 шт.) использовались для украшения одежды. Все они сделаны из низкопробного серебра с позолотой, штампованные из двух половинок. Мелкие шаровидные пуговицы с петелькой сверху (длина 0,7-0,75 см, диаметр 0,35-0,45 см) найдены в погр. 9 (10 шт.) и, вероятно, были пришиты к вороту нижнего платья (рис. 3, 23). Более крупные экземпляры (длина 2-2,8 см, диаметр 0,6-1,1 см), которыми застегивали верхнюю одежду, происходят из погр. 4 и 7. В погр. 4 шесть пуговиц лежали *in situ*: у нижней челюсти и на тазовых костях скелета. Все они овально-вытянутой формы с шишечками на концах, имеют реберчатую поверхность и различаются лишь способом крепления петельки – вертикальным или горизонтальным (рис. 3, 22, 24). В погр. 7 обломки пуговицы с гладкой поверхностью найдены в стороне от черепа.

Пуговицы первого типа были широко распространены на всей обширной территории Северного Кавказа, второй тип имеет более узкие хронологические рамки и хорошо известен в XIII-XV вв. не только в Кубанском регионе, но и Центральном Предкавказье. В значительной мере это относится к более нарядным пуговицам, имеющим фигурно-рельефную поверхность, украшенную растительным орнаментом, которые использовались для богатой верхней одежды. В большом количестве они найдены в Белореченских курганах, отдельные экземпляры встречаются и в Кабардино-Балкарии (Левашова, 1953. Рис. 8, 37-40; Доде, 2001. Рис. 52; Нагоев, 1980. Рис. 1, 22-23). Пуговицы, аналогичные нашим, найдены в Шенджийском курганном могильнике (Носкова, 1991б. Рис. 7, 7-8).

Из предметов туалета мы имеем лишь одно случайно найденное зеркало (рис. 3, 30). Оно дисковидное, с невысоким бортиком и центральной петлей, отлито из сплава оловянистой бронзы (диаметр 7 см). Вообще зеркала в кубанских могильниках встречаются редко. В Белореченских курганах известны только две такие находки, по

описанию В.П. Левашовой, они вполне соответствуют нашему экземпляру из белого сплава (Левашова, 1953. С. 184). Подобные зеркала обнаружены в поздних захоронениях Казовского могильника в Адигее, близкие аналоги есть в погребениях XIII-XIV вв. на восточно-черноморском побережье (Тарабанов, 1983. С. 149; Армарчук, Малышев, 1997. Рис. 20, 7).

Предметы обихода:

Ножи найдены в семи погребениях. В пяти случаях (погр. 6, 8, 33, 50, 55) они лежали с левой стороны у пояса, а в двух – попереk бедер (погр. 53) и попереk груди (погр. 54). По материалам других могильников считается, что они являются общей категорией для мужских и женских захоронений. В исследованных нами погребениях это определить трудно из-за единичности находок. Только в погр. 6, 8, 33, 50, где есть дополнительные вещи (пряжка, кресала с кремнем, рог), с некоторой долей вероятности можно сказать, что были похоронены мужчины.

Четыре ножа с прямой спинкой и широким у основания рукоятки клинком различаются только длиной (16 и 23 см) при одинаковой ширине клинков (2,5 см) (рис. 4, 3-5). Два экземпляра (погр. 53, 54) имеют существенные отличия: узкое тонкое лезвие, черенки с отверстиями для крепления костяных рукояток, длина 23 и 33,5 см, ширина лезвия 1,7 и 2 см (рис. 4, 1-2). Длинные ножи, найденные в средневековых погребениях соседнего Ленинахабльского могильника, В.А. Тарабанов относит к категории боевого оружия (Тарабанов, 1984. С. 166). Это позволяет погр. 53, 54 считать мужскими. Маленький нож из погр. 55 (длина 10,5 см, ширина лезвия 1,5 см), возможно, принадлежал женщине (рис. 4, 6). Весьма необычен фрагмент рукоятки, найденный в погр. 6. В отличие от традиционных стержневидных, сужающихся на конце черешков, у этого ножа был пластинчатый черешок с Г-образным окончанием. Судя по сохранившимся остаткам дерева, рукоять имела деревянные обкладки, крепившиеся железной обоймой (рис. 4, 7).

Ножницы (рис. 4, 8, 9) лежали справа у таза (погр. 4) и у ступней (погр. 12), и один экземпляр является случайной находкой. Все они относятся к типу пружинных и характерны для женских захоронений.

В.П. Левашова отмечает, что обнаруженные в белореченских курганах ножницы чаще всего лежали в шкатулках, которые обычно ставились в ногах (Левашова, 1953. С. 183). Подобный случай зафиксирован в богатом погребении кургана 3 Шенджийского могильника (Носкова, 1991б. С. 167). Видимо и наш экземпляр из погр. 12 хранился в таком же ящичке, так как рядом была обнаружена подпрямоугольная железная пластина, являвшаяся накладкой для шкатулки. Аналогичные ножницы находят на Кавказе повсеместно, в том числе в адыго-кабардинских курганах, грунтовых могильниках Прикубанья и позднесредневековых каменных ящиках Черноморского побережья (Минаева, 1954. Рис. 10, л; Левашова, 1953. Рис. 5, 5; Тарабанов, 1984. С. 167; Ловпаче, 1985. Табл. XXXI, 14; Воронцов, 1979. Табл. III, 1).

Кресало с кремнем было найдено только в одном захоронении (погр. 8) и отдельный кремень в погр. 33 (рис. 4, 12-14), лежали они у пояса погребенного с левой стороны. По сохранившемуся фрагменту форму предмета восстановить трудно, можно лишь отметить прямое ударное лезвие с выступом либо перегородкой на тыльной стороне. В белореченских и кабардинских курганах, а также в позднесредневековых могильниках Кубани и Восточного Причерноморья, кресала с кремнем являются обычной находкой, и, как правило, встречаются в мужских захоронениях (Левашова, 1953. С. 181; Нагоев, 1987. С. 202; Милорадович, 1954. Рис. 2, 4-9; Тарабанов, 1984. С. 167; Ловпаче, 1985. Табл. XXXI, 16, 17; Армарчук, Малышев, 1997. С. 108).

Серпы (2 экз.) являются случайными находками с территории этого могильника. Оба изделия небольших размеров; различаются формой черешка и его положением по отношению к начальной части клинка. В одном случае черешок пластинчатый и слегка отогнут (рис. 4, 10), в другом стержневидный и, возможно, имел больший угол наклона (рис. 4, 11), но значительная утрата концевой части не позволяют сделать окончательную реконструкцию. Подобные серпы найдены в курганах у пос. Кабардинка (Носкова, 1991а. Рис. 18, 8; 19, 18).

Наперстки найдены в двух погребениях, в одном случае у правой ноги (погр. 12), в другом слева у таза (погр. 33). Изготов-

* Предмет хранится в Северо-Кавказском филиале ГМИИВ, инв. № 80 ФНВ.

лены они из бронзы, имеют одинаковую форму колпачка со слегка выпуклым донышком и сквозным отверстием с одной стороны. Вся поверхность покрыта сплошными пунсонными вдавлениями в виде горизонтальных или косых рядов (рис. 4, 15, 16). Как предметы рукоделия, эти вещи встречаются лишь в женских захоронениях. В.П.Левашова отмечает, что найденные в белореченских курганах наперстки не имели донышка и один из них лежал в шкатулке (Левашова, 1953. С. 183).

Остатки *шкатулки* зафиксированы в погр. 9: металлические детали от запора (рис. 5, 1-4) лежали у ног погребенной, здесь же находился орнаментированный рог и сердоликовая вставка. Железный замок имел форму прямоугольной полой корбочки с горизонтально отогнутыми краями, в вытянутых углах которой сохранились гвоздики с круглыми шляпками (размер: 4,6×5×0,8 см). Изогнутая под углом прямоугольная пластина, верхний конец которой расширялся в виде штырька с крепежными петлями, могла выполнять роль шкелоды (длина 6,6 см, ширина 1,5 см). Аналогичные запоры были обнаружены в погр. 13 Лениныхабльского могильника и в шенджийском кургане № 3 (Носкова, 1987. С. 110; Носкова, 1991б. Рис. 4, 8). Вообще шкатулки хорошо известны по белореченским материалам. Все они были сделаны из дерева, имели форму прямоугольного ящика с крышкой, а поверхность их украшалась глубокой резьбой (Левашова, 1953. С. 183). Видимо, к деталям украшения шкатулки или какого-то подобного предмета обихода следует отнести фрагмент небольшой костяной пластинки, обтянутой двумя тонкими медными полосками (рис. 5, 9), и бронзовую накладку, найденные в погр. 5. Накладка имеет вид круглого в сечении стержня с тремя парами тонких пластинок, прикрепленных при помощи штифта к выступающим петлевидным утолщениям. Один конец стержня раскован и загнут, образуя петлю, в которую вставлено небольшое колечко; другой также раскован и имеет завершение (рис. 5, 8). Аналогии этой вещи неизвестны, поэтому об ее назначении пока можно лишь догадываться. В погр. 12 была обнаружена подпрямоугольная железная пластина с вытянутыми углами и отверстиями (сохранилось одно) для крепления к какой-то прочной, может

быть, деревянной основе (рис. 5, 7). Шкатулки обычно служили для хранения украшений и предметов, связанных с рукоделием и туалетом.

В погребении 9 в шкатулке лежали *орнаментированный рог* (рис. 5, 6) и небольшая прямоугольная сердоликовая вставка (рис. 3, 21) со скошенными гранями на лицевой стороне и округловыпуклая на обороте (длина 1,4 см, высота 1,1 см, ширина 0,5 см). Рог украшен резным зигзагообразным орнаментом, расположенным тремя линиями вдоль спинки и двумя поясками по окружности основания (длина 25 см, ширина у основания 4 см). Назначение этого предмета пока неясно. В курганах XIV–XV вв. Восточного Причерноморья известны находки отполированных кабаньих клыков, применявшихся для проглаживания швов при изготовлении одежды (Армарчук, Малышев, 1997. С. 108); встречаются они и в материалах синхронных поселений (Ловпаче, 1995а. С. 240, 247). Однако наш экземпляр не имел гладкой рабочей поверхности и вряд ли был пригоден для такой работы. Вполне вероятно его культовое назначение, и как предмет, наделенный определенными магическими свойствами, он сопровождал умершую в потусторонний мир. Орнаментированные олени рога, по мнению П.А.Дитлера использовавшиеся в качестве оберегов, найдены в нескольких погребениях раннесредневекового могильника Мешоко (Дитлер, 1995. С. 190. Табл. XXXIX, 3). Безусловно, хронологический разрыв между этими древностями велик, но, учитывая, что древние поверья сохраняются веками, нашу находку можно вполне оправданно отнести к разряду культовых.

Другой рог найден в погребении 50, он лишен какой-либо орнаментации и имеет лишь два сквозных отверстия у основания (рис. 5, 5). Не исключая возможности использования его в качестве ритуального предмета, можно предположить, что подобные роговые наконечники имели также утилитарное назначение, они вполне могли использоваться, например, как рукоятки. В кургане хазарского времени у ст. Старожижестеблиевская найдена похожая костяная рукоять нагайки (Атавин, Паромов, 1991. Рис. 4, 4). Более поздняя находка такого же рога происходит из средневекового слоя Таманского городища (Крым, Севе-

ро-Восточное Причерноморье и Закавказье..., 2003. Табл. 69, 17). Аналогичный нашему экземпляр найден в одном из курганов позднесредневекового могильника в пос. Кабардинка близ г. Геленджика (Носкова, 1991а. Рис. 19, 4).

Фрагмент *железной цепи* (рис. 5, 10) из погр. 1 могильника Пишиш 2* также можно отнести к категории ритуальных предметов. Наиболее часто подобные вещи встречаются в комплексах IX в.: в Среднем Закубанье на р. Псекупс (Ловпаче, 1985б. Табл. XXVI, 21); на восточно-черноморском побережье в могильниках Дюрсо и Борисовском (Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье..., 2003. Табл. 92, 10, 11; Саханев, 1914. Рис. 33). Однако, судя по находке подобной цепи в одном из курганов у с. Шалушки в Кабардино-Балкарии (Нагоев, 1987. С. 193), этот обычай, видимо, сохраняется и в позднем средневековье.

Посуда на могильнике представлена всего несколькими экземплярами. Как уже говорилось выше, только в двух погребениях найдены целые формы (поливная чашечка и стеклянный сосуд), а в шести – единичные фрагменты керамики. Четыре предмета – два глиняных кувшина и две чашечки (серебряная и глазурованная) – являются случайными находками с территории могильника.

Чаша (погр. 7) изготовлена из серебра, плоскодонная с невысоким бортиком и слегка утолщенным краем, гладкая без орнамента. Диаметр 10 см, высота 3,3 см (рис. 6, 2). Одна сторона бортика разорвана и частично утрачена. В этом месте могло находиться кольцо для крепления чаши к поясу. Подобные сосуды М.Г.Крамаровский относит к категории поясных и связывает их распространение в евразийских степях с появлением здесь монголов (Крамаровский, 2001. С. 267). В XIV в. такая посуда изготавливалась, по всей видимости, в мастерских золотоордынских городов и оттуда попадала в соседние регионы, в том числе и на Кубань. Значительное число аналогичных чаш происходит из богатых захоронений в белореченских курганах

(Крамаровский, 2001. С. 267. № 138-140; Левашова, 1953. С. 171).

Сосуд из голубого прозрачного стекла в виде кубка (рис. 6, 1). Тулово подцилиндрической формы имеет слегка выпуклые стенки и невысокий венчик. Дно вогнуто вовнутрь, а его резной край выступает за стенки сосуда. Кубок украшен частыми полусферическими налпами (высота 11 см, диаметр по краю 7,5 см). Сосуд имеет западноевропейское происхождение, изготовлен, по всей видимости, в стекольных мастерских Германии, а на территории Среднего Закубанья мог оказаться в результате товарообмена местного населения с генуэзскими колониями Крыма. Датируется подобные изделия с начала до конца XV в. (Vor dem großen Brand, 1992. S. 87-88. Abb. 97, 99, 100; Das großen Bilderlexikon, 1973. №142)**.

Чашечки (погр. 7 и случайная находка) сделаны из светлой глины и покрыты белым ангобом, имеют коническое тулово и невысокий кольцевой поддон (высота 6 и 4,8 см, диаметр 10,8 и 9,5 см). У чашечки из погребения короткий слегка вогнутый венчик с округлым краем, внутренняя поверхность покрыта желтой поливой и расцвечена светло-зелеными пятнами, глазурь такого же цвета снаружи (рис. 6, 4). Такая керамика довольно часто встречается на городищах Северного Кавказа: Маджарском и Азакском (Булатов, 1976. С. 93). На другом сосуде с желтой поливой по краю с внутренней и внешней стороны ангоб очищен до черепка (техника «резерва»), в результате чего получилась желто-коричневая орнаментальная полоса, а внутри – подглазурная гравировка из двух горизонтальных полос того же цвета (рис. 6, 3). Подобная керамика, но с более сложным узором, известна в городах Поволжья и средневекового Крыма, в золотоордынских слоях Азака и в Приднестровье (Булатов, 1976. С. 94; Белинский, Масловский, 1998. С. 218; Абызова и др., 1981. С. 67).

Кувшин красноглиняный, лепной, с доработкой на гончарном круге (рис. 6, 6). Тулово сосуда округлой формы с четко выраженными плечиками, горло цилиндрическое с венчиком, оформленным в виде

* При подготовке отчета этот предмет был неверно обозначен как удила.

** Автор искренне благодарна С.Валиулиной за консультацию и помощь в поиске аналогий для этой категории стеклянной посуды.

слива. Дно плоское. Ручка, овальная в сечении, одним концом крепится к верхней части горла, а другим – в верхней части тулова. На венчике два высоких горизонтальных валика, а на горле, тулове и ручке по сырой глине небрежно прочерчены кресты, создающие как бы три орнаментальных пояса. Высота 21,5 см, диаметр тулова 16 см, диаметр горла 9 см.

Кувшин из красной глины, гончарный (рис. 6, 5). Тулово сосуда округлой формы, плечики плавно переходят в невысокое горло, венчик которого оформлен в виде слива. Дно плоское. Ручка овальная в сечении с продольным желобком; одним концом крепится к середине горла, а другим – в верхней части тулова. На венчике по краю проходит глубокий желобок, а на горле и в средней части тулова два пояса из трех и пяти горизонтальных врезных линий. Высота 15 см, диаметр тулова 11,5 см, диаметр горла 7,5 см.

В отличие от предыдущих, оба эти сосуда, безусловно, изготовлены на месте. Фрагменты керамики розовато-оранжевого цвета с неравномерным обжигом встречаются повсеместно на позднесредневековых памятниках, отмеченных на этой территории. По мнению Н.Г.Ловпаче, гончарные мастерские, обнаруженные у аулов Тауйхабль и Нечерзий, вероятно, снабжали своей продукцией весь центральный район адыгского этнического массива (Ловпаче, 1995б. С. 107). Конечно, и наши сосуды могли происходить из этих гончарных центров, тем более что по времени могильник синхронен тауйхабльскому и нечерзийскому поселениям, верхняя дата которых XIV–XV вв. (Ловпаче, 1995а. С. 248; Ловпаче, 1995б. С. 107). Вполне возможно, что изделия попадали и в более отдаленные соседние районы. Так, наш лепной кувшин по манере оформления венчика двумя высокими горизонтальными валиками идентичен кружке из Шенджийского курганно-могильника (Носкова, 1991б. Рис. 2, 2). Интересен орнамент в виде прочерченных крестов. Возможно, ритуальное назначение сосуда определило особый способ орнаментации, весьма необычный для применявшейся в позднем средневековье системы украшения керамических изделий. Трактовать подобные изображения креста как символа христианской религии вряд ли в данном случае оправдано. Скорее всего,

такой орнаментальный мотив связан с более древними языческими культами, где крест являлся символом очищающего огня.

Анализ погребального обряда и инвентаря дает основание отнести средневековые захоронения исследованного могильника к кругу памятников белореченской культуры и датировать их второй половиной XIV – первой половиной XV в. Верхнюю дату дает стеклянный сосуд западноевропейского происхождения. Однако следует отметить некоторые отличия данного могильника от основной массы позднесредневековых адыгских курганных некрополей, известных в Закубанье. В первую очередь это наблюдается в устройстве погребальных сооружений. Расчистка погребений проводилась по мере того, как площадь могильника освобождалась от воды и полуразмытые захоронения выступали на поверхности. Естественно, никаких насыпей зафиксировать не удалось, некоторые могилы располагались рядами в непосредственной близости друг от друга. На основании этих факторов некрополь был выделен в категорию грунтовых, тем более что подобные случаи отмечались на Пескупском и позднесредневековом Ленинахабльском могильниках. Однако для адыгских, черкесских и кабардинских погребальных памятников характерно захоронение умерших под курганными насыпями. При более тщательном анализе плана могильника удалось выделить отдельные компактные группы и обособленные могилы, что позволило точнее определить первоначальный вид погребальных сооружений. Все погребения находились под курганными насыпями, видимо, небольших размеров, на что указывает незначительная удаленность комплексов друг от друга. В основном под курганом было одно захоронение, но более крупные насыпи содержали по несколько могил, расположенных в два-три ряда и ориентированных чаще всего в западном направлении. Такая особенность более характерна для восточно-причерноморских адыгских памятников золотоордынского времени.

Насыпи с несколькими каменными ящиками отмечены в могильниках: Борисовском, в Лобановой щели, у пос. Кабардинка и др. (Саханев, 1914. С. 179 и сл.; Марченко, Пьянков, 2002. С. 168-173; Носкова,

1992а. С. 59). В Среднем Закубанье, с подобным обрядом мы столкнулись при исследовании поздних подкурганных захоронений вблизи аула Пшекуйшабль (Носкова, 1990. С. 22, 23). Но в более восточных районах расселения адыго-кабардинских племен он практически не зафиксирован. В белореченских курганах В.П.Левашова отмечает лишь один случай захоронения под одной курганной насыпью двух умерших (Левашова, 1953. С. 166); не прослеживается он и на территории Кабардино-Балкарии, Чечни и Карачаево-Черкессии.

Другая особенность могильника Пшиш – это наличие в погребениях лишь отдельных фрагментов керамики, а не целых форм. В позднесредневековых комплексах соседнего Ленинахабля посуда также отсутствовала (Тарабанов, 1984. С. 165), что

в общем-то нехарактерно для памятников этого региона. Подобная картина наблюдается лишь в кабардинских курганах и в адыгских могильниках Восточного Закубанья. Возможно, этот признак связан с хронологическими параметрами данных памятников, относительно поздней датировкой отдельных комплексов и может быть объяснен изменениями, происходившими в религиозном мировоззрении позднесредневекового адыгского общества. Обычай класть в могилу фрагмент керамики зафиксирован как пережиток при исследовании курганов XVI–XVII вв. в урочище Церковная щель близ Дивноморска (Носкова, 1992б. С. 16-17). В остальном же могильник Пшиш I аналогичен адыгским погребальным памятникам золотоордынского времени.

Библиография

- Абызова Е.Н., Бырия П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхя. Золотоордынский период. Кишинев, 1981.
- Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1991.
- Армарчук Е.А., Мальцев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. 3. Армавир, Москва, 1997.
- Атавин А.Г., Паромов Я.М. Болгарское погребение с золотым поясным набором из Нижнего Прикубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг. Вып. 15. Азов, 1998.
- Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Волков И.В. Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Диттер П.А. Раннесредневековый могильник Мешоко // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.
- Ельшиков М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка I. Запорожье, 2001.
- Закирова И.А. Костерезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.
- Левашова В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. XXII. М., 1953.
- Ловпаче Н.Г. Могильники в устье реки Псекупс // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Ловпаче Н.Г. Средневековые памятники Закубанской Адыгеи // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995а.
- Ловпаче Н.Г. Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп, 1995б.
- Марченко И.И., Пьянков А.В. Курган 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- МАК. Вып. II. М., 1889.
- МАК. Вып. VIII. М. 1900.
- Медведев А.Ф. Ручное металлическое оружие (дуг и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
- Милорадович О.В. Кабардинские курганы XVI–XVII вв. // СА. 1954. № XX.
- Минаева Т.М. Археологические памятники Черкессии // Труды Черкесского НИИ. Вып. II. Черкесск, 1954.
- Нагоев А.Х. Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

- Нагоев А.Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.3. Нальчик, 1987.
- Носкова Л.М. Отчет о работе Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1986 год. М., 1987 // Архив ИА РАН. Р-1. № 13766.
- Носкова Л.М. Отчет о работе Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1989 год. М., 1990 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14085-86.
- Носкова Л.М. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1990 год. М., 1991а // Архив ИА РАН. Р-1. № 15175.
- Носкова Л.М. Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991б.
- Носкова Л.М. Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск, 1992а.
- Носкова Л.М. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1991 году. М., 1992б // Архив ИА РАН. Р-1. № 16039.
- Пьянков А.В. Два воинских погребения белореченского времени из Мостовского района Краснодарского края (по материалам раскопок 1987 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004.
- Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. Вып. 56. Пг., 1914.
- Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племен X-XV веков // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 1960.
- Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983.
- Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохальбского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Vor dem großen Brand. Baden-Württemberg, 1992.
- Das großen Bilderlexikon der Antiquitäten. Pragma, 1973.

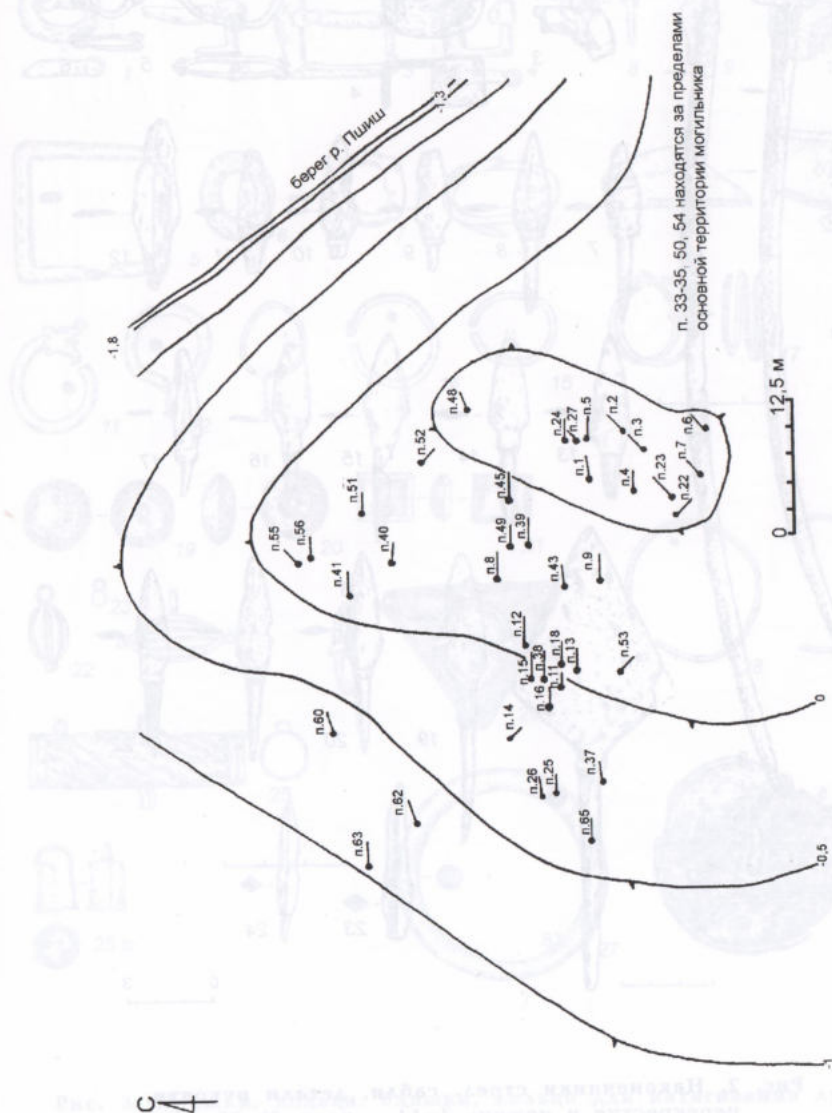

Рис. 1. План могильника Пшиш (средневековые погребения)

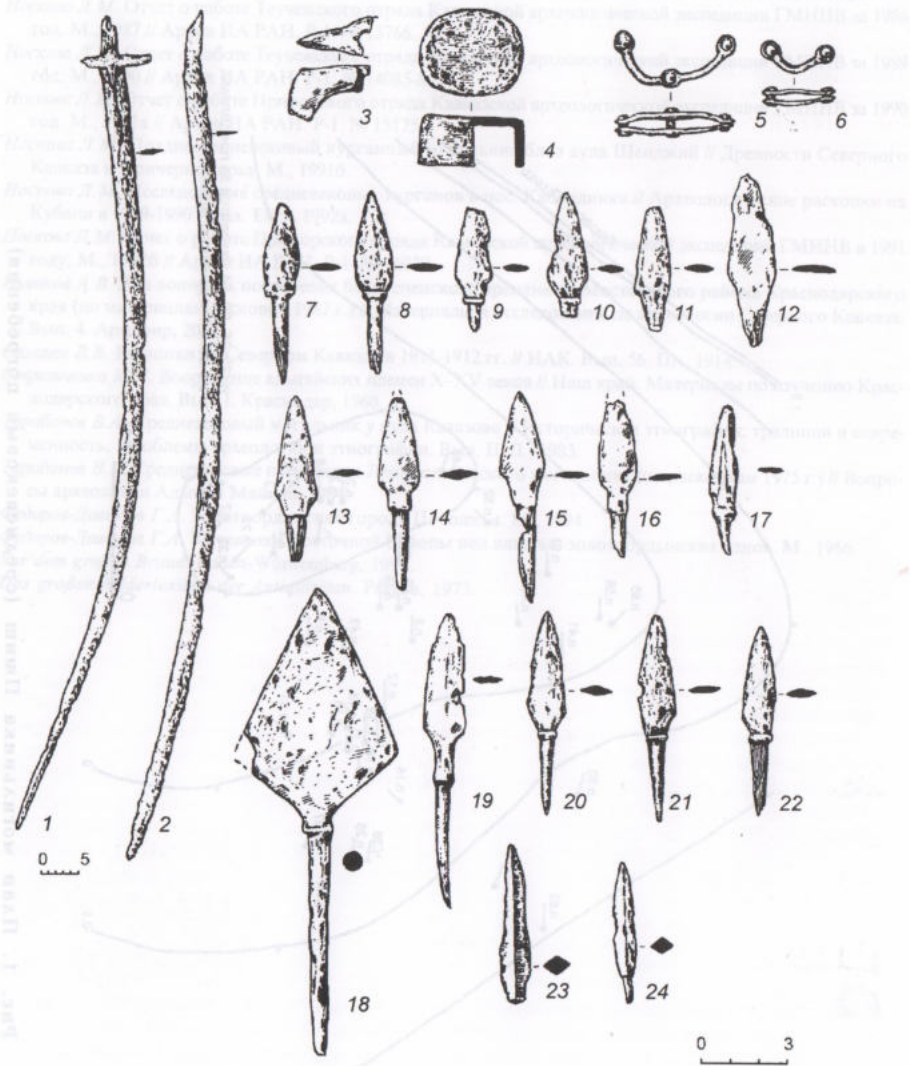

Рис. 2. Наконечники стрел, сабли, детали рукояти, перекрестия и ножен: 7-11 - погр. № 35; 12 - погр. № 49; 1, 4-6, 13-18 - погр. № 60; 2, 3 - погр. № 1 могильника Пшиш; 19-24 - случайные находки

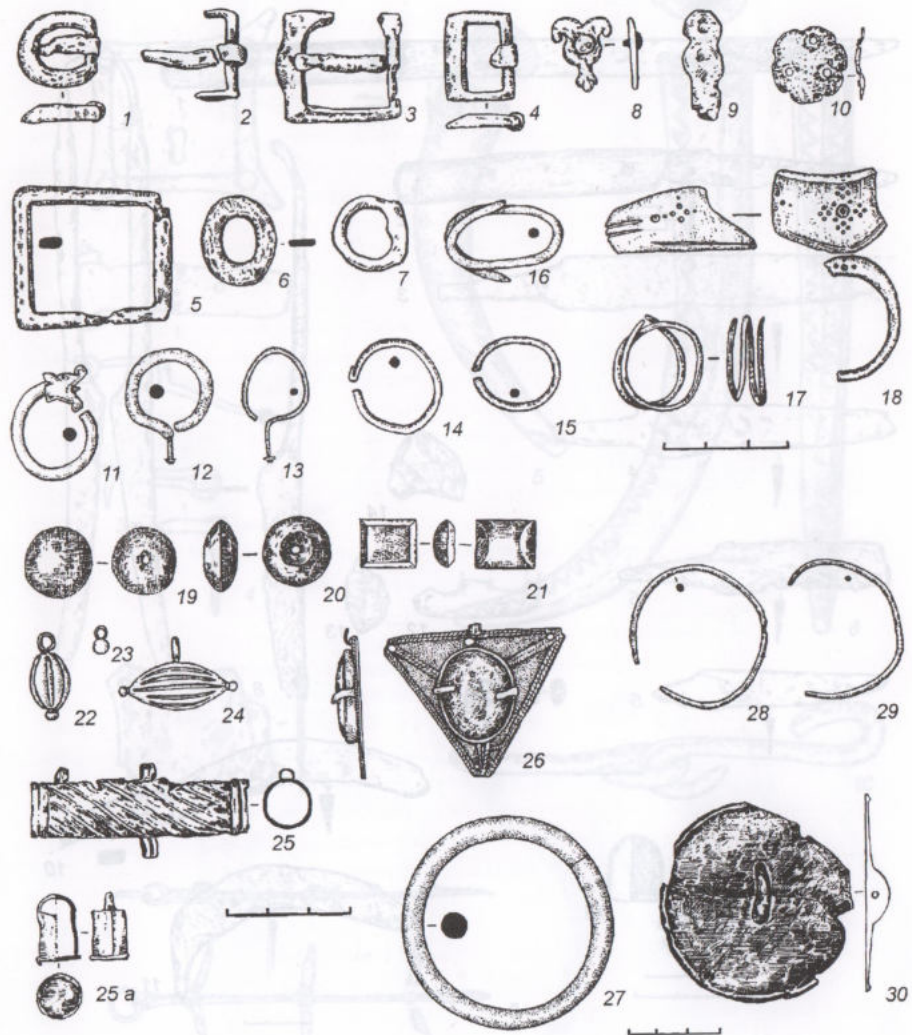

Рис. 3. Пряжки, кольца, бляшки, кольцо для натягивания лука, украшения и предметы туалета: 18, 22 - погр. № 4; 3 - погр. № 6; 6 - погр. № 8; 12, 13, 19-21, 23 - погр. № 9; 1, 4 - погр. № 35; 28, 29 - погр. № 49; 7-9 - погр. № 60; 14 - погр. № 62; 5, 10, 11, 15-17, 25-27, 30 - случайные находки

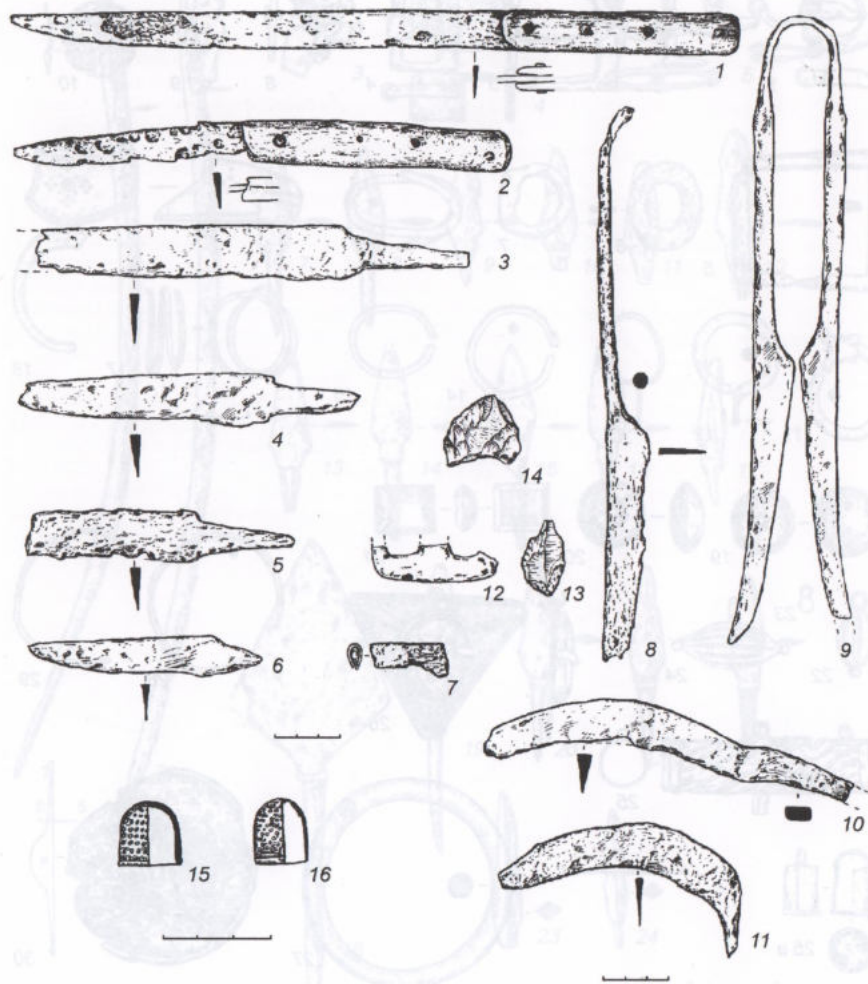

Рис. 4. Ножи, ножницы, серпы, кресало с кремнями, наперстки:
 3 - погр. № 6; 5, 12, 13 - погр. № 8; 9, 16 - погр. № 12;
 4, 14 - погр. № 33; 15 - погр. № 37; 1 - погр. № 53;
 2 - погр. № 54; 7 - погр. № 60; 8, 10, 11 - случайные находки

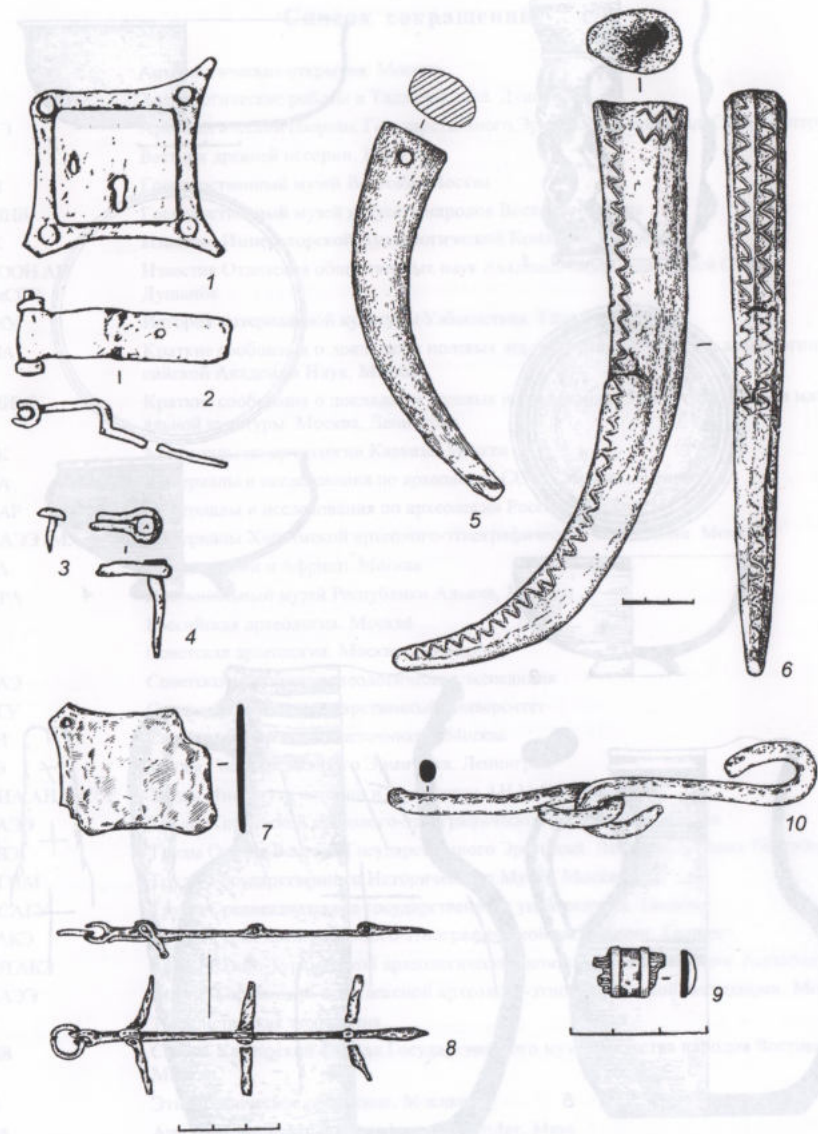

Рис. 5. Детали шкатулок, предметы из рога, фрагменты цепи:
 8, 9 - погр. № 5; 1-4, 6 - погр. № 9; 7 - погр. № 12;
 5 - погр. № 50; 10 - погр. № 1 могильника Пшиш 2

Рис. 6. Посуда: 1 - кубок стеклянный; 2 - чаша серебряная; 3, 4 - чаши глазурованные; 5, 6 - кувшины красноглиняные (1 - погр. № 27; 4 - погр. № 7; 2, 3, 5, 6 - случайные находки)

Список сокращений

АО	Археологические открытия. Москва
АРТ	Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
ВДИ	Вестник древней истории. Москва
ГМВ	Государственный музей Востока. Москва
ГМИНВ	Государственный музей искусств народов Востока. Москва
ИАК	Известия Императорской Археологической Комиссии. Петроград
Изв.ООН АН ТаджССР	Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Душанбе
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Российской Академии Наук. Москва
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва, Ленинград
МАК	Материалы и исследования по археологии Кавказа. Москва
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИАР	Материалы и исследования по археологии России. Москва
МХАЭЭ (МХЭ)	Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
НАА	Народы Азии и Африки. Москва
НМРА	Национальный музей Республики Адыгея. Майкоп
РА	Российская археология. Москва
СА	Советская археология. Москва, Ленинград
СААЭ	Советско-афганская археологическая экспедиция
САГУ	Среднеазиатский государственный университет
САИ	Свод археологических источников. Москва
ТЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТИИА АН УзССР	Труды Института истории и археологии АН УзССР. Ташкент
ТКАЭЭ	Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТОВЭ	Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
Тр.ГИМ	Труды Государственного Исторического Музея. Москва
Тр.САГУ	Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент
ТТАКЭ	Труды Термезской археолого-этнографической экспедиции. Ташкент
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТЭ	Тохаристанская экспедиция
ФНВ	Северо-Кавказский филиал Государственного музея искусства народов Востока. Майкоп
ЭО	Этнографическое обозрение. Москва
AJA	American Journal of Archaeology. Cambridge, Mass
BAI	Bulletin of Asia Institute. Detroit, Michigan
CVA	Corpus Vasorum Antiquorum
JHS	The Journal of Hellenic Studies
Hesperia	The Journal of the American School of Classical Studies at Athens
LIMC	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zurich-Munchen
MDAFA	Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. Paris
RGZM	Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Болелов С.Б.</i>	Городище Кампыртепе в эпоху Кушан. Предварительные итоги археологических исследований сектора Средней Азии Государственного музея Востока на юге Узбекистана	5
<i>Трейнер У.И.</i>	Ритоны из Старой Нисы. Еще раз о некоторых особенностях оформления	21
<i>Галиева З.С.</i>	Раннесредневековый квартал городища Дурмен в Самаркандском Согде	31
<i>Иваницкий И.Д.</i>	Согдийские поселения Пулад и Ляйлякуй	48
<i>Куркина Е.А.</i>	Реконструкция дахмы Дурмена-Исбискета	59
<i>Наймарк А.И.</i> <i>Яковлев А.А.</i>	Сельская усадьба третьей четверти VII века в окрестностях городища Дурмен	66
<i>Алпаткина Т.Г.</i>	Цветочный орнамент в ганчевом декоре дворца Варахши	87
<i>Вишневецкая Н.Ю.</i>	Сельское поселение X – начала XI веков на территории городища Дурмен	101
<i>Днепровский К.А.</i>	Стандарты и модули древнеэскимосского гарпуна. Гарпунный комплекс из Чукотского районного краеведческого музея пос. Лаврентия	134
<i>Сухорукова Е.С.</i>	К вопросу о бирнирско-пунукской художественной традиции в древнеэскимосском искусстве на Чукотке	142
<i>Эрлих В.Р.</i>	«Птицеголовые» скипетры предскифского времени. Новые аргументы к дискуссии	151
<i>Ксенофонтова И.В.</i>	Краснофигурный килик из кургана 4 Уляпского могильника	163
<i>Беглова Е.А.</i>	Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника	166
<i>Иванов Д.А.</i> <i>Носкова Л.М.</i>	Древнерусский энколпион из Среднего Закубанья	182
<i>Носкова Л.М.</i>	Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов	186
Список сокращений		201

CONTENTS

<i>S. Bolelov</i>	Town-site Kampyr-tepein Kushan time. Preliminary results of archaeological excavations of sector of Central Asia of the State Museum of Oriental Art in the south of Uzbekistana	5
<i>U. Treiner</i>	The rhytons from Old Nisa. About some of decoration's peculiarities	21
<i>Z. Galieva</i>	Early medieval area of town-site Durmen in Samarkand Sogd	31
<i>I. Ivanitsky</i>	Sogdian settlements Pulad and Lyilyakui	48
<i>E. Kurkina</i>	Reconstruction of dahma of Durmen-Isbisket	59
<i>A. Naymark</i> <i>A. Yakovlev</i>	Countre state of third quarter of VII cent. in the surroundings of town-site Durmen	66
<i>T. Alpatkina</i>	Flower's ornament of ganch diċor of Varahsha palace	87
<i>N. Vishnevskaja</i>	The country settlement of X – beginning of XI cent. of the area of town-site Durmen	101
<i>K. Dneprovsky</i>	Standards and Modules of Old Eskimo Harpoon. Harpoon set from the Museum of Lavrentia's village on Chukotka	134
<i>E. Sukhorukova</i>	The Question of Birnirk-Punuk Artistic Tradition in the Old Eskimo Art of Chukotka	142
<i>V. Erlikh</i>	The bird-headed scepters of Pre-Scythian period. The new arguments for the discussion	151
<i>I. Ksenofontova</i>	The red-figure cup from the Ulyap burial-mound № 4	163
<i>E. Beglova</i>	The rich burial of a wuman from the Tenginski cemetery	166
<i>D. Ivanov</i> <i>L. Noskova</i>	The Medieval Russian encolpia from Middle Kuban region	182
<i>L. Noskova</i>	The medieval burials from the cemetery on the Pshish River in Adygea. Excavations in 1986 and 1988	186

Министерство культуры и массовых коммуникаций

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

Созданный 30 октября 1918 года, музей является одним из крупнейших культурно-просветительских и научно-исследовательских центров Российской Федерации и «особо ценным объектом культурного наследия».

Музей располагается в выдающемся памятнике русского классицизма «Дом Луниных» в самом центре Москвы, возведенном по проекту видного итальянского зодчего Д.Жилярди.

Здесь наиболее полно в нашей стране представлено древнее и современное искусство большинства народов Азии и Северного Кавказа, а также отчасти Африки и Америки. Музейное собрание состоит из произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства азиатских регионов России и более чем ста стран ближнего и дальнего зарубежья. Эти фонды созданы и продолжают пополняться из частных коллекций, государственных фондов, а также в результате проведения музеем собственных научных экспедиций.

Открыты постоянные экспозиции Кореи, Китая, Японии, Ирана, Индии, Вьетнама, Бирмы, Лаоса, Таиланда, Камбоджи, Индонезии, Кавказа и Закавказья, Казахстана и Средней Азии, включающие более тысячи произведений декоративно-прикладного искусства, скульптуры, живописи и графики от первых веков до XX столетия нашей эры. Также действует постоянная экспозиция и мемориальный кабинет, посвященные жизни и творчеству выдающегося русского художника и исследователя Центральной Азии Н.К.Рериха и его семьи.

В музее проводятся выставки, а также работают лекторий, кружки для школьников, научная библиотека и реставрационные мастерские.

Проезд до ст. м. «Арбатская», далее пешком по бульвару, или до ст. м. «Пушкинская», «Тверская», «Чеховская», далее на трол. № 15, 31 до ост. «Музей Востока»

Адрес: 119019, Москва, Никитский бульвар, дом 12-а

Справки по телефонам: (095) 291-96-14, 291-02-12

Интернет-ресурсы: www.museum.ru/M297; www.orientalart.ru

Эл. почта: M297@mail.museum.ru, gmwinter@orc.ru, info@orientalart.ru

ЛЕКТОРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА

В музее разработаны различные лекционные циклы, предназначенные для любого уровня подготовки и возраста слушателей.

Особое внимание уделяется детской аудитории. Ряд лекций читается согласованно с учебными программами начальной и средней школы.

Слушатели знакомятся с основами востоковедения, искусствоведения, археологии, изучают этнографию народов Востока, обучаются общению с произведениями искусства и основам художественного анализа.

Для дошкольников и учащихся начальной школы читаются два цикла:

- «Сказки, мифы и легенды Востока»,
- «Маленький путешественник».

Для школьников 5-6 классов предлагаются следующие циклы:

- «Страницы истории, культуры и искусства древнего Востока»,
- «Археологи рассказывают...»,
- «Страницы культуры и искусства Древнего Востока».

Учащимся 7-8 классов предназначены лекционные циклы:

- «Шедевры мировой художественной культуры»,
- «Духовное наследие Востока»,
- «Многоликий Восток».

Для старшеклассников, студентов и взрослых предлагаются такие циклы лекций и лекций-концертов как:

- «Уроки тибетского врачевания и лекарствоведения»,
- «Энциклопедия буддизма. (Теория и практика)»,
- «Древние знания гималайских мудрецов о совершенной жизни»,
- «По тропам еврейской культуры»,
- «Дыхание цветов. (Уроки астроботаники)»,
- «Основы астрологии. (Способы познать себя и окружающий мир)».

Танцевальное искусство представлено лекционно-концертными циклами, посвященными индийской и арабской традициям:

- «Танец — это путь». (Театр индийского танца «Таранг»),
- «Тысяча и одна правда восточной сказки». (Студия «Арабески»).

Проводятся курсы практического обучения для школьников:

- Детская изостудия «Черепаша»,
- Кружок «Юный археолог». (Возможно участие в экспедициях),
- «Школа юного экскурсовода».

Консультации по выбору лекций можно получить по телефонам:

291-49-66, 291-82-19

Абонементы на лекционные циклы можно приобрести в кассе музея

Материальная культура Востока

Выпуск 4

Редакторы:

Д.Н.Попов

У.И.Трейнер

Корректоры:

Р.Р.Штерн

Н.В.Рубецкая

Технический редактор

А.Б.Иванов

Подписано в печать 20.10.2005

Формат 60×84¹/₈, Гарнитура «Times New Roman».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Зак. 743 Тир. 250

Издание осуществлено при участии
Издательства «Восход» (ПБОЮЛ С.Д.Фролов)

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Поли маг»
127247, г. Москва, Дмитровское ш., д. 107.

11